

Н. Пинегин

ГЕОРГИЙ СЕДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВСЕВМОРПУТИ
1953

Георгий Яковлевич Седов

Н. Пинегин

ГЕОРГИЙ СЕДОВ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

*Издательство Главсевморпути
Москва 1953 Ленинград*

*Издательство просит читателей дать отзыв
о книге по адресу: Москва, ул. Осипенко, д. 41
Издательство Главсевморпути.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор настоящей книги, Николай Васильевич Пинегин (1883—1940), был выдающимся полярным исследователем и вместе с тем талантливым художником и писателем. Свое знакомство с Крайним Севером он начал в 1908 году на Мурмане. Затем побывал на Новой Земле (1910), участвовал в героической экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу (1912—1914). В советское время снова побывал на Новой Земле (1924). По поручению Академии наук СССР построил на Новосибирских островах геофизическую станцию, которую возглавлял в 1928—1930 годах. В 1931 году плавал на «Малыгине» на Землю Франца-Иосифа, а в следующем году руководил экспедицией на Землю Франца-Иосифа, осуществленной на том же корабле.

Во время своего первого посещения Новой Земли, в 1910 году, Н. В. Пинегин познакомился с Георгием Яковлевичем Седовым, производившим тогда гидрографические работы в Крестовой губе. Это знакомство вскоре переросло в крепкую дружбу, и Пинегин был первым, кого Седов пригласил участвовать в задуманной им экспедиции к Северному полюсу.

Экспедиция вышла из Архангельска в 1912 году на судне «Святой Фока» и вернулась в Архангельск в 1914 году, уже без Седова, скончавшегося на крайнем севере Земли Франца-Иосифа. На «Святом Фоке» Пинегин был самым близким Седову человеком.

Вернувшись из экспедиции, Н. В. Пинегин поставил себе задачей ближе познакомить народ с героическим образом

Георгия Яковлевича Седова, одного из замечательнейших русских полярных исследователей, положившего жизнь за честь родины.

В 1924 году появилась книга Пинегина «В ледяных просторах», в которой описывается экспедиция на «Святом Фоке» (второе издание вышло в 1933 году). Это одна из лучших в мировой литературе художественных книг об Арктике. Но в этой книге рассказано только о двух последних годах жизни Седова. Этого было недостаточно. У Пинегина возникла мысль написать новую, большую книгу о жизни Седова. Эту мысль он вынашивал долго. Значительную часть материала, который должен был лечь в основу нового труда, Н. В. Пинегин использовал для своей книги «Полярный исследователь Г. Я. Седов», изданной в Ростове-на-Дону в 1940 году. К работе над книгой «Георгий Седов», которая должна была состоять из двух частей, Пинегин приступил в 1938 году. В 1941 году, уже после смерти Н. В. Пинегина, в издательстве «Советский писатель» вышла первая часть этой книги. Вторая часть осталась незаконченной.

В оставленном Н. В. Пинегиным литературном наследстве было обнаружено много набросков ко второй части «Георгия Седова» и даже несколько вполне законченных глав. Мне казалось, что на основании этого материала, используя там, где он недостаточен, уже опубликованные книги Пинегина, можно было бы оформить не законченную Пинегиным вторую часть. Эта мысль встретила сочувствие в издательстве Главсевморпути, которое и предложило мне взяться за работу. Вместе с тем было решено переиздать опубликованную в 1941 году первую часть «Георгия Седова», ибо во время блокады Ленинграда почти весь тираж этой книги, вышедшей в свет перед самым началом Великой Отечественной войны, погиб.

Работу над воссозданием второй части «Георгия Седова» мне в значительной мере облегчили два обстоятельства. Я имел счастье участвовать в экспедиции Г. Я. Седова на «Святом Фоке», которой посвящена вторая часть книги Пинегина, а потому все описанное в этой части мне хорошо знакомо. Кроме того, будучи близким другом покойного Пинегина, я часто беседовал с ним о его книге, и Николай Васильевич

постоянно делился со мной своими замыслами, нередко прочитывал мне законченные главы и наброски.

В своей работе я придерживался правила пользоваться только тем, что имелось в рукописях Пинегина, и совершенно воздерживался от каких-либо собственных вставок, допуская, конечно, редакторскую правку. В тех случаях (немалочисленных), когда в рукописном наследстве Пинегина имелись пробелы, я восполнял их при помощи книг Пинегина «В ледяных просторах» и «Полярный исследователь Г. Я. Седов».

В подборе рукописного материала большую помощь оказала мне вдова покойного Е. М. Пинегина.

В. Ю. Визе

Часть
ПЕРВАЯ

ГЛАВА
КРИВАЯ КОСА

Между Мариуполем и Таганрогом вдается в Азовское море длинный и узкий мыс — Кривая Коса. И мыс, и прилегающий берег низменны, здесь много впадин, заполненных водой, — называют их лиманами. В этой части Азовского побережья почва очень плодородна, и море изобилует рыбой. Окрестности Кривой Косы и устья речек Еланчиков издавна посещались донскими казаками: они приходили сюда из станицы Елизаветинской в зимнее время рыбачить, а летом садить бахчи. Этой части берега казаки не уступали ни татарам, ни туркам даже во времена оттоманского владычества. На рыбную ловлю и на поле выезжали в те времена вооруженными с ног до головы, в любую минуту готовы были превратиться из рыбаков в смелых воинов. Но селиться здесь долгое время никто не решался: досаждали набегами татары. Только перед самой турецкой войной 1769 года отдельные смельчаки стали заводить у Кривой Косы настоящее, оседлое хозяйство. Первым оседлым поселенцем, по преданию, был донской казак Семен Седов. Он основался на жительство около устья реки Грузский Еланчик, в том самом месте, где теперь стоит хутор Седовка, получивший название от первого поселенца.

За Седовым последовали и другие — Дмитрий Козлов, Баландины, сотник Щербаков. Селились в том месте, где ныне находится большая и богатая станица Будённовка (раньше она называлась Новониколаевская). Появились хутора Обрывной, Безымянный, Самсонов, Кирпичев. Строились эти первые поселки по-военному: за высоким валом, за крепкими глинобитными оградами, для защиты от татарских набегов. Кругом в степи торчали сторожевые вышки. На них несли дозор по очереди казаки-хуторяне.

После турецкой войны край стал заселяться быстрее. Но долго еще — до полного падения оттоманского владычества на юге России — эти поселки-хутора сохраняли вид бивуаков и маленьких крепостей. Еще дольше держался у рыбаков-казаков, промышленявших в зимнее время на льду, обычай ограждать свой табор высоким снежным валом — «крепостью» — и выставять на ночь дозор.

Новые поселенцы мало-помалу перенимали вместе с казацкими обычаями казацкую предприимчивость, смелость и мужество. Частые военные походы и опасные промыслы на море поддерживали у этих хуторян доблестные черты характера, выработанные веками походной и боевой жизни.

Находчивость и смелость азовских рыбаков ярко проявились во время Крымской войны (1854—1856), когда английский пароход «Джаспер» пытался высадить десант у Кривой Косы.

Военный пароход «Джаспер» входил в состав английской эскадры, блокировавшей крымские берега и Азовское море. Во время бомбардировки Таганрога он был выделен для высадки у Кривой Косы десанта с целью захвата провианта и фуража для франко-английской армии, действовавшей в Крыму против русских войск. Накануне предполагавшейся высадки с «Джаспера» были спущены шлюпки для промера глубины моря, — вблизи станицы Новониколаевской оно довольно мелководно. Англичане сделали промер, нашли фарватер для подхода к Кривой Косе и обставили его вешками, чтобы на следующий день подойти к берегу. Край в те времена был заселен слабо, море пустынно, тем более под угрозой неприятеля. Но оно было совсем не так безжизненно, как казалось англичанам.

Рыбаки с берега внимательно следили за действиями английских моряков. Когда стемнело, несколько смельчаков вышли в море и переставили вешки.

С рассветом «Джаспер» смело направился по линии вешек... и с полного хода врезался в дно. На помощь пришел другой пароход, но не мог выручить: «Джаспер» крепко засел в мягком грунте.

Ночью казаки-рыбаки напали на «Джаспер» со всех сторон. Англичане отстреливались, но принуждены были отступить на другой пароход. Казаки ворвались на судно, провизию и добро поделили, пушки отвезли в Новочеркасск, всю медь пожертвовали на колокол для таганрогского собора.

Так на глазах у сильной эскадры рыбаки с Кривой Косы захватили военное судно.

Предания о временах турецкого владычества и рассказы о захвате английского военного судна «Джаспер» Георгий Яковлевич Седов слышал еще в детские годы. Но его предки не участвовали в давних подвигах кривокоских рыбаков по той простой причине, что отец его, Яков Евтеевич, был человеком пришлым. Между богатыми казаками Седовыми, потомками первого засельщика этих мест, и однофамильцем их, безземельным украинцем из Золотоноши, с Полтавщины, не было никаких родственных связей.

Яков Седов пришел в Приазовье на заработки. Прослышал он, что в зимнее время, когда казаки уходят на подледный промысел рыбы, легко зашибить деньгу плотницким ремеслом. Работы большой тут не оказалось. Зато в первую же зиму попал Яков на рыбную ловлю и хорошо заработал.

В те времена рыбачили зимой большими артелями — «ватагами». Во главе каждой ватаги стоял, по казацкому обычаю, атаман. Каждый, кто хотел, мог работать в ватаге, с одним условием — беспрекословно подчиняться ее неписаным законам и обычаям. Ватажники не признавали ничьей власти, кроме собственного атамана. Рыбу ловили далеко в море, станичные власти и полиция и не пробовали вмешиваться в ватажные дела.

В зимнее время на море, где работали ватаги, было людно, шумно и весело. Далеко от берега, в ледяной пустыне возникал целый поселок — табор ватаги. Клубами поднимался дым от костров, торчали задранные вверх концы оглобель от саней, всюду груды дров, сетей и мороженой рыбы, шалаши с заиндевевшим верхом, лотки, балаганчики и палатки торговцев. Шла бойкая торговля теплой одеждой, рукавицами, обувью, рыболовными снастями, провизией и табаком. Водки — хоть залейся. На все товары было две цены: одна за наличные, другая в долг под промысел. Рыбные торговцы съезжались сюда издалека. Даже из Харькова и из самой Москвы крупные рыботорговцы посылали на путину своих приказчиков. Купцы скупали рыбу от местных торговцев, подряжавших ватаги. Платили по уговору от количества пойманной рыбы, а ватажники дуванили¹ промысел, по казацкому обычаю, на круге.

¹ Дуванить (казач.) — делить добычу.

Случались при дележе жестокие драки, но большей частью дело обходилось мирно.

Работа была тяжелая: долбить пешнями большие полонки — проруби во льду для огромных сетей, проталкивать от одной полонки к другой длинными шестами — прогонами — веревку (тягло) и вытягивать за тягло сети голыми руками на холоде и на ветру. Жили на льду по целым неделям, иногда без горячей пищи, спали в шалашах, в кошевах и просто на снегу под тулупом или бараньим одеялом.

Якову Седову такая жизнь пришлось по нутру. Никаких хозяев ватажники не знали, работали артелью. Никто не спрашивал никаких документов. Приведут новичка к атаману, — тот спросит:

— Откуда такой?

— С Полтавщины.

— А! Ну, добре. Воровать и колобродить не будешь? Казацкие законы знаешь?.. Смотри же! А ну, окрестите его по-нашему!

Парня волокли к ближайшей полонке, черпали оттуда полный сачок смеси из крошек льда со снегом и солоноватой водой и под общий хохот выливали за ворот. С этой минуты новичок становился ватажником, полноправным членом артели.

Ватажные законы были жестоки. С ворами артельной рыбы, с продавцами на сторону и с лазутчиками, которые проведывали, где лучший ход рыбы, расправлялись беспощадно. Обычно их судили на круге. Виноватого приговаривали к продергиванию подо льдом через три, пять, десять полонки, судя по вине. Вся ватага собиралась смотреть на это зрелище. Вора привязывали к тяглу, вталкивали через полонку под лед прогоном и протаскивали тяглом же, словно сеть, в соседнюю прорубь. Давали вздохнуть раз-другой и снова отправляли под лед, вытаскивали в третью, в четвертую полонку, как было, приговорено. Когда вынимали из последней полонки, наказанному лили в горло стакан водки и заставляли бежать к берегу до первого кабака. Вся ватага с буйным хохотом, с гиканьем и свистом долго бежала следом, — смотрели, как с одежды несчастного сыплется лед, словно осколки стекла. Случалось во время самосудов — вытаскивали вора из полонки мертвым. В таких случаях говорили: «Воровать рука умела, а в полонке кишка не стерпела», пихали шестом обледенелый труп под воду, и делу конец.

Рыба шла валом. Попадались огромные белуги, осетры, севрюга и частиковая — все дорогие и нежные сорта. Рыбец, сазан, лещ, тарань, судак и пузанок — жирные, прекрасно откормившиеся на мелководье Азовского моря, давно заслужили

азовской рыбе славу лучшей во всей России. Икра же — паюсная, мешочная и салфеточная — с давних пор шла в столицы и за границу. Больше всего подо льдом ловилось судака и леща.

Лов на морском льду — небезопасное дело. Происходил он далеко от берега, на путях рыбных косяков к устьям Дона или же на богатых планктоном¹ кормовищах. Часто ватаги работали километрах в тридцати или сорока от ближнего берега. Поэтому ватажные атаманы начинали тревожиться всякий раз, когда ветер менялся, особенно, если заходил он к западу или юго-западу. Крепкий ветер с этой стороны всегда нагонял много воды, уровень ее в мелководном бассейне, где глубины не превышают семи метров, поднимался очень быстро. Лед начинал шевелиться, появлялись трещины. Если после сильных западных ветров начинал дуть восточный, весь лед приходил в движение и плыл по ветру. Ватагу, не успевшую вовремя выбраться на берег, уносило вместе со льдом в открытое море. Перемена ветра и отрыв льда от берегов происходили иногда так внезапно, что все ватаги, жившие на льду от Таганрога до Кривой Косы и дальше, не замечали даже, что случилось, или спохватывались слишком поздно: лед всюду отошел от берегов.

Начиналось великое бедствие. Сначала плыли на огромных ледяных полях, но по мере движения поля разламывались на куски, куски дробились. При первой же перемене ветра обломки льда, сталкиваясь между собой, превращались в мелкобитый лед, лошади и люди тонули, терялись провизия и топливо. Рыбаки жгли тогда сани и рукоятки от пшен, ели лошадиное мясо, сырую рыбу.

По всем прибрежным селениям при вести о вскрывшемся море проносилась волна тревоги и ужаса. В Таганроге, на Петрушиной Косе, в Новозолотой и Беглицкой, в Рожке и Платове, в Новониколаевской и на всех кривокосских хуторах стоял стон и плач. Рыдали молодые жены, старухи-матери, дети. Народ стоял на берегу. Высматривали с высоких бугров и с колоколен, не видно ли в море дымных столбов. Но разве далеко увидишь? Море велико! Снаряжали помощь на больших баркасах. Но легко ли пробиваться через плавающий лед! Скоро истиралась об лед обшивка на лодках, доски грозили отойти от шпангоутов, — приходилось поворачивать к берегу, чтобы не погибнуть самим.

Если рыбакам не удавалось пробиться к берегу где-нибудь у Ейска, если не снимал их катер, посланный спасательной

¹ Планктон — совокупность мелких животных и растительных организмов, живущих в воде во взвешенном состоянии и пассивно переносимых течением.

станцией, рыбаки гибли. Лед выносило на широкий простор в средней части Азовского моря. И только много времени спустя находили на берегах за Мариуполем, на Арабатской Стрелке и на Кубанской стороне, даже у Керчи, трупы истощенных, одетых по-зимнему рыбаков¹.

Но проходил год, наступал новый сезон подледной ловли, — и снова шли на лед уцелевшие рыбаки и новички. Раскидывался табор. С песнями и прибаутками начинали они долбить полонки, чтобы поставить сети на новое счастье, на удачу. Смелый и крепкий народ — азовские рыбаки-ватажники!

И Яков Седов не боялся опасного промысла. Он был неграмотен, прост, но характер имел твердый, решительный и смелый. С ватажниками он хорошо сошелся и быстро научился несложным приемам промысла. Стал понемногу обзаводиться снастями.

Проработав два года подручным у казака Николаева, Яков решил обосноваться на Кривой Косе. В это время слюбился он с веселой дивчиной Наташей, такой же, как он, пришлой сиротой, поступившей после службы у помещика в Макеевке в работницы к тому же казаку Николаеву. Свадьбу справили у хозяина, а весной Яков начал строить хатку на Кривой Косе: здесь удобно было рыбачить. Купил лодку и сельдяные сети;

Молодые жили небогато, все заводили собственными руками. Хатку Яков слепил по-украински — из камыша и глины, с камышовой же крышей. Внутри все, кроме железной кровати, было самодельное. Впрочем, немногочисленна была обстановка у Якова Седова: два стола, четыре стула, койка и маленький сундучок — вот и все. Наталья оказалась хорошей хозяйкой, очень работающей и расторопной. Соседи в один голос хвалили ее за хороший нрав, за порядок.

В первые годы после женитьбы Яков работал дома, отлучался только в зимнее время, с половины ноября по март, рыбачить на льду. Но лет через шесть, когда в хатке было четверо ребятишек, стал уходить на летнее время в большие города — в Керчь или Ростов — работать пильщиком. Иначе не хватало на жизнь.

Георгий Седов, родившийся в 1877 году, был в семье четвертым. Егорушка, как звали его в детстве, рос крепышом, никогда не хворал, был неприхотлив и спокоен. Наталья Степановна любила его больше других детей, но не баловала. Попадали иногда и Егорушке хорошие шлепки за излишнюю предприимчивость и озорство.

¹Теперь в таких бедствиях помощь рыбакам оказывают ледоколы и самолеты.

Однажды оставшись в хате один, он устроил из обрезков, досок небольшую печку, приткнул к ней самоварную трубу, наложил внутрь чурочек и затопил свое сооружение. Хата наполнилась дымом, доски загорелись, но мальчик не уходил, хотя глаза выедало дымом и нечем стало дышать. Неизвестно, чем закончилось бы это предприятие, если бы мать не заметила издали, что из открытого окна валит густой дым.

Семи лет отроду Егорушка в одежде бросился в прорубь, чтобы достать утопленный коврик, и выбрался на лед самостоятельно.

Несколько позже, когда Егорушке было лет десять, случилось еще происшествие. Катаясь в весеннее время по вскрывшемуся морю на отдельной льдине, «крыге», с приятелем Мишкой, Егорушка увлекся и оказался внезапно в опасном положении. Шест-прогон, которым подталкивали льдину, сломался. Оставшийся в руках конец не доставал до дна. Льдину с двумя хлопцами понесло в море. На берегу — ни души. Сначала мальчики пытались грести обломком шеста и руками, но льдина плыла дальше и дальше от берега. Видя, что грести бесполезно, Егорушка догадался снять с себя рубашку, привязал ее на шест и стал ждать помощи, утешая плакавшего Мишку: «Не может быть, чтобы кто не вышел. Сейчас время вечернее, станут самовары ставить — пойдет же кто-нибудь за водой».

В самом деле, кто-то увидел сигнал на льдине. Хлопцев сняли в километре от берега. Ясное дело, досталось Егорушке и за сломанный прогон, и за катанье на крыгах.

Из самых сильных впечатлений раннего детства в памяти Егорушки осталось: как в отцовскую хату привезли зимой пятерых спасшихся с плавучего льда обмерзших рыбаков. Они были страшны: заледенелые, с худыми черными лицами, с белыми бородами. Седов смутно помнил рассказы этих людей, как удалось им, прыгая с льдины на льдину, добраться до мелководья у оконечности Кривой Косы и вброд выйти к берегу.

Тогда же ходил Егорушка к месту, где вышли рыбаки. Там лежал старичок-атаман. Он умер скоропостижно, когда с последней льдины пришлось прыгнуть в глуже холодную воду. Рыбаки вытащили его, не желая оставлять товарища морю. Старичок успел уже примерзнуть к ропакам около самой кромки на ледяном припае. Твердая, заледеневшая борода рыбака торчала, свернувшись вбок, словно обрывок водоросли, застывшей на камышинке, а в углах раскрытых глаз, у рта и в ноздрях белел набившийся снег.

Помнил Егорушка, что мать все всхлипывала, протирая за рыбаками мокрый пол, и поминутно твердила:

— Господи, где-то Яша, где-то Яшенька мой!..

Но отец в ту зиму не ходил на лед. Он был уже два года в безвестной отлучке — кажется, работал на рыбалках в Керчи.

Егорушка стал хорошо себя помнить лет с девяти. Был он подвижным и бойким мальчишкой, коноводом стайки кривокосских ребят, с титулом атамана. Под его предводительством ребята барахтались в лимане и в море, совершали набеги на бахчи, рыбачили артелью. Зимой катались по лиману на самодельных коньках, играли в ватажников, зажигали на льду костры из мусора, за провинности наказывали хорошей порцией снега за ворот. Любили играть в войну, брали снежные крепости, лепили из снега страшных зверей.

В весеннее время, когда лед на море ломался, не было лучше игры, как в «рыбаков-скитальцев», прыгать с льдины на льдину. Молодечеством считалось перебежать разводье по мелким льдинкам, из которых каждая в отдельности не выдерживала тяжести человека,— перебежать так быстро, чтобы льдинки не успевали погрузиться в воду. В этой игре у Егорушки соперников не было.

Его атаманство признавалось всеми беспрекословно. Егорушка был смел, не отступал ни в драке, ни в игре в войну; на коньках за ним никто не мог угнаться.

Но наступила пора, когда сам атаман стал сомневаться в своем праве на власть. Ребят около него становилось меньше и меньше. Многие, начав учиться в школе, которая недавно открылась на Кривой Косе, реже приходили играть, а сидели в школе и по домам за книжкой. Атаман соседней ребячьей ватажки с Бокая завел моду отдавать атаманские приказы на бумаге, а Егорушка этого сделать не мог: он не умел писать, а в школу его не пускали. Из неловкого положения вышел, назначив Мишку Хандюкова атаманским писарем и кое-как научившись скреплять свои приказы какой-то закорючкой, но чувствовал, что ребята-школьники скоро отойдут от него. В часы школьных занятий Егорушка одиноко сидел у морского берега. Он с завистью оборачивался в сторону школы, когда там начинался веселый ребячий галдеж во время перемен.

ГЛАВА II

О КАПИТАНАХ И МОРЯХ

С одиннадцати лет Егорушка стал помогать отцу в домашних работах и на море. Он умел справляться с метлой, лопатой, топором, хорошо работал на веслах, мог и сеть починить, и снасть срастить. Морские узлы он вязал даже

лучше отца и соседей-рыбаков; знал, как вяжут гаковый узел, плоский штык и задвижной. Этому искусству научил матрос, гостивший неделю на хуторе. Он высадился с парохода и пробирался куда-то за Царицын, на родину. Морские узлы понравились мальчику: было в них что-то необыкновенно умное и вместе с тем простое. С тех пор Егорушка не расставался с куском веревки в кармане и удивлял ребят своим искусством.

Матрос рассказал, что за здешним мелким морем есть другое, Черное, глубокое. За Черным — Мраморное и еще одно море, все в островах, а за ним, посередь всея земли — Средиземное. И на краю того Средиземного моря есть не наша, чужая сторона — Африка. Живут в ней африканцы, люди черные, одни только ладошки светлые. Говорят те люди не по-нашему. И есть в той стороне город Александрия, в котором матрос сам бывал и видел множество разных чудес и диковинок. Солнце там стоит почти посредине неба; печет немилосердно. Зимы не бывает, и африканцы не знают, что такое снег. От жары нестерпимой ходят они в широких и длинных балахонах или просто нагишом, а женщины лица не кажут. Плыть от наших берегов до того африканского города надо никак не меньше двух недель на пароходе.

Когда Егорушка спросил, можно ли доплыть до Африки на отцовском баркасе, матрос рассмеялся:

— Ты лучше не пробуй! Доплыть, конечно, можно, если волной не зальет, но только не нам с тобой. Мы, брат, в полсотни верст от берега заплутаемся. Далече по морю плавать — надо шибко грамотным быть и всю капитанскую науку превзойти. А наш брат, темный человек, случись с капитаном какое несчастье, станет посередь моря и будет думать, в какую сторону податься. На ученых капитанов, милый мой, диву даешься, как это они все знают, по-всячески говорить могут и всюду дорогу находят. Вот наш Владимир Петрович — выйдет на мостик, трубка в зубах, усы закручены, скомандует: «Зюйд-вест, один румб к весту, так держать!» Ну, конечно, ответишь: «Есть, так держать!» Около полудня бывало, вынесет красивый ящик, достанет из него такую косую штуку — секстан, посмотрит через нее на солнце, запишет что-то, а потом выйдет из рубки и скажет: «Возьми-ка брат, на полрумба левее. Так держать». — «Есть, так держать!» И что ж ты, братец мой, выйдем дня через три к берегу, куда надо, словно он видел издалека, куда надо плыть, как от вас до Таганрога! А берегов-то на самом деле с неделю или больше не видишь! Наука, малый, — великое дело! За ученого теперь сто неучей дают.

Ах, эти рассказы! Словно глаза раскрылись с тех пор, как

послушал их. Раньше казалось, дальше маленькой хатки на морском берегу нет ничего. И море, и степь, и светлые лиманы, и речка — все создано для хутора, чтоб хуторяне пользовались, чтоб было где рыбачить отцу, а матери полоскать белье, Егорушке же купаться и пускать кораблики; такие же, как те, что стоят у дальнего туманного берега, на котором в ясные дни можно различить церкви и домики города Таганрога. Егорушка и раньше следил, как корабли тихо-тихо ползут к ровной черте между небом и землей, вправо от хаты, и расплываются на ней, словно кусочек соли в воде, но никогда не задумывался, куда они плывут, как не думал, куда пролетела стайка уток с лимана.

Теперь все переменилось.

Есть, оказывается, великий город Александрия и много других городов. Есть Африка. Есть множество чужих, нездешних людей. Есть ученые люди — капитаны, которые все знают. Они превзошли все науки и могут смотреть на солнце. Когда Егорушка пробовал смотреть, — нет, невозможно, слепит и гонит слезы! Капитаны ведут большие корабли в самые далекие моря, где живут чернокожие люди. Уже два раза приходили к Кривой Косе чужие пароходы, похожие на большие железные коробки. Быть может, они из Африки? На них тоже были, наверное, капитаны. Жаль, не посмотрел!

Когда на рейде у Кривой Косы появился большой корабль, Егорушка решил разглядеть его как следует.

Это был океанский парусник, его привел от Таганрога буксирный пароходик. Егорушка подплыл в отцовской лодке к гиганту и, медленно гребя, стал оглядать его корму. Три высокие мачты, укрепленные вантами и штагами, доставали, казалось, до самого неба. Множество снастей, талей, фалов и гафелей превращало небо между мачтами в запутанную сеть. Из трубы на полуюте вилась тонкая струйка дыма. Что-то домашнее было в этой сизой полоске, стлавшейся по палубе. Огромный корпус, составленный из множества бревен, досок и планок, сбитых, скрепленных, связанных и проконопаченных, залитых смолой, отливавшей морскою синью, кончался спереди наклонной мачтой. А под ней, словно голубь в полете, вытянулся какой-то истукан с девичьим лицом, с прижатými крыльями.

Вот это корабль! Небось, на таком корабле волна не зальет! Можно доплыть свободно до самой Африки и даже до пахучих далеких островов, про которые рассказывал матрос. А вот, должно быть, и сам капитан.

На высоких шканцах, облокотившись на поручни, стоял очень чисто одетый, темнолицый, черноволосый человек с золотыми обручами на руках и в золотой же с белым верхом

фуражке. Он скусающе разглядывал однообразные низкие берега, прорезанные глубокими балками. В руках он держал что-то зеленое, похожее на крупный боб с задранной кожурой, и лениво откусывал кусочки.

Услышав всплеск воды, человек обернулся, выпрямился, показал ряд больших белых зубов и что-то крикнул Егорушке. Весла в егорушкиных руках остановились сами. Мальчик замер. Ничего не поняв, он сидел неподвижно. Человек в золотых обручах повторил свое восклицание. Егорушка слышал ясно каждый звук, но опять ничего не понял. Тогда капитан засмеялся, швырнул в воду зеленую кожуру, пошарил в кармане и бросил Егорушке в лодку какую-то денежку. Ударившись о банку, она легла у самых ног, но Егор не поднял ее, заторопился грести и отъехал от корабля. Капитан еще что-то крикнул вслед, но, наверное, он говорил по-африкански, — Егорушка и в этот раз не понял ни слова.

Причалив к берегу, мальчик поднял монетку, которая темнела в лодке под водой, скопившейся на дне. Это была маленькая денежка с головой человека в венке, с непонятными знаками. Что-то обидное показалось Егорушке в этой монетке. Широко размахнувшись, он далеко забросил ее в море. Еще после рассказов матроса Егорушка решил опять проситься у отца в школу и не отставать, пока не добьется согласия. Отец в последний раз сказал, что грамота рыбака не прокормит, а от дела отучит. «Посмотри-ка, есть ли хоть один грамотный среди рыбаков? Ни одного. А какие рыбаки! Ватажные атаманы, по всему морю известные! Они в почете и славе. За Мокей Тимофеичем сам Родлов, рыбопромышленник, коляску посылает, встречает на крыльчке, садит под образа и разговор заводит: «Рюмочку водки не хотите ли выкушать, Мокей Тимофеич? От кого нонче работать собираетесь?» А ведь неграмотный!».

Все это Егорушка слышал и раньше. Но слышал он от отца и от прочих рыбаков также и иное. Все рыбаки стали жаловаться на плохую жизнь. И тот же Мокей Тимофеевич в последний год не промыслял, а занялся извозным промыслом. Как будто все по-прежнему: и рыбы идет не меньше, и рыбаки те же, а жить тяжелее с каждым годом. Сказывали, что цена на рыбу в Москве поднялась, что лучшая в России азовская красная рыба и икра пошли на скорых поездах в чужие страны, а здесь на месте рыбаки получали все меньше и меньше.

Толковали между собой старые ватажники: как же это так получается? Но понять не могли. Должно быть, купцы сговорились. В самом деле, рыбопромышленники с каждым годом сбавляли цену. Рассчитываться стали не деньгами,

а товаром с лотков; платили поштучно, как раньше, но цена не прежняя. И завелась еще новая мода: стали подряжать артель за жалованье на всем готовом. Сколько ни поймаешь — получай свои целковые и иди на все четыре стороны. На такую работу шла всякая голытьба, совсем сбивая цену, а настоящие рыбаки сидели без дела.

Да и отец жаловался — не прокормить семью одним рыбацким делом, как раньше. Семья стала большая. Кроме старших — Михаила, Дуни, Кати и Егорушки, бегали в хате еще двое маленьких — Маруся и Вася, а в зыбке качалась самая младшая — Анюта. Быстро съедали все, что отец ни заработает. А мать разрывалась на части: и с семьей, и с коровой, и на поденщину — стирать белье купцу Козлову, и больных лечила простыми средствами. Платили ей за это натурой — яйцами, сметаной, мукой. Отец все чаще уходил из дому работать пильщиком в Ростов или в Керчь.

Теперь Егорушка хотел сказать отцу, что он, если выучится в школе, поступит на работу, где жалованье деньгами платят, и станет помогать кормить мать и сестренку — тогда не нужно будет ездить в Керчь, будут деньги купить новый парус и сети.

Как-то осенью отец вернулся пешком, оборванный и грязный. Наталья даже в избу его не пустила, а сразу затопила баню, заставила мыться и собрала отдельно белье.

— Где ты валяешься? Грязь какая — рубаха сама поползет, — ворчала она.

Яков, чистый и подобревший, ужинал, когда Егорушка твердо сказал:

— Батя, что хочешь делай со мной, только отдай в школу. Хочу учиться. Из моих ребят половина уже школу кончают, а я не знаю грамоты. Отдай в школу, я вырасту, тебе буду помогать, на пароход поступлю. Дяденька матрос говорил, что теперь за ученого сто неучей дают.

Яков нахмурился, стукнул сына деревянной ложкой по лбу и коротко отрезал:

— Хлебай-ка щи, не трепли языком за едой. Ишь, ученый нашелся!

После ужина, помолвившись на икону и поклонившись отцу и матери поясным поклоном, Егорушка стал опять просить:

— Батя, отдай меня в школу! Выучусь, буду тебе и маме помогать.

— Знаем мы этих помощников! Научится — уйдет из дома, и поминай, как звали. Или, как Кирюшка Липатьев, обкрадет хозяина и убежит босячить в Нахичевань. Школа — одно баловство. Господа от нечего делать читают книжки да

газеты, а рыбаку грамота ни к чему. Отцы и деды грамоты не знали, а сыты бывали. Я тоже без грамоты справляюсь, кормлю семь ртов. Учись-ка лучше топор да рубанок в руках держать, они вернее прокормят. Ты что это стал надоедать? Избаловался без меня! Твое это дело, Наталья! Почему Мишка не просился в школу ни разу?

Егорушка заплакал.

— Непустишь?

— Не пущу. Это деньги еще платить за тебя? Вот годика два-три подождем — возьму с собой на зимний промысел. Там веселее, чем в школе!

Сколько раз ни начинал Егорушка разговоры о школе, Яков стоял на своем. И как-то пригрозил:

— Поговори еще! Отдам в мальчишки к помещику. Там тебя научат.

После этой угрозы Егорушка не стал больше просить. Решил: буду учиться сам. Некоторые буквы он уже знал, умел атаманские приказы подписывать по-настоящему — научил приятель Миша Хандюков. У него же он выпросил старый букварь и стал тихонько от отца складывать слоги в слова.

Помогали немного ребята. После решительного отцовского отказа Егорушка перестал стыдиться своей неграмотности, а ребята с охотой учили своего атамана, у которого оказался такой несговорчивый и упрямый отец. Читать Егорушка научился легко, писать было труднее: не было бумаги. Ребята и тут выручали, давали иногда листочки. Эти листочки прятал от отца, но матери не стеснялся. Наталья сыну не мешала. Однажды Егорушка в праздничный день сидел с ребятами на крылечке у школы. Ребята все вместе поправляли его писания. Поднялся спор: ошибка или нет в слове «лодка» буква «т»? Дверь школы раскрылась, и вышла учительница Антонина Михайловна. Ребята спросили у нее, как правильно пишется слово «лодка»... Учительница объяснила; потом, увидев чужого мальчика, спросила, что ему нужно. Егорушка застыдился, не знал, что сказать, а ребята стали наперебой рассказывать, что Егорушка их атаман, хочет научиться писать и читать, а батька в школу не пускает, а он и без школы учится потихоньку от батьки.

Учительница внимательно посмотрела на мальчика. Егорушке недавно исполнилось двенадцать лет. Он был рослым белокурым крепышом с ясными и умными глазами.

— Ты чей, мальчик?

— Седовский. Здешний, с Кривой Косы, из хутора.

— Почему ты не пришел ко мне, не сказал, что отец не пускает тебя учиться?

Егорушка не знал, что ответить.

— Ты очень хочешь учиться?

— Хочу. Мне надо выучиться, чтоб капитаном стать.

Антонина Михайловна улыбнулась.

— Что же, если будешь хорошо учиться, станешь кем хочешь. Ученому везде дорога. Отец твой дома?

— Нет, он поехал на работу в Ростов.

Антонина Михайловна погладила мальчика по голове и сказала:

— Хорошо, поговорю с твоей матерью. А когда вернется отец, скажешь мне, я и с ним потолкую.

Отец вернулся на этот раз неожиданно. В Ростове работа кончилась, плотников рассчитали, а на новую он не стал наниматься, чтобы не пропустить хода сельди.

Два дня Егорушка не мог выбрать свободной минутки, чтобы сказать Антонине Михайловне о приезде отца. Пришлось помогать отцу в починке сетей, потом ездили в море — ставили их.

Утром на третий день он хотел было пойти к учительнице сразу после чая, но за чаем мать обратилась к отцу:

Надо бы сыночку какие ни на есть чёботы sprавить, срамно в школу пойти босиком-то.

— Если срамно, пусть и не ходит, — ворчливо, но без сердца ответил отец. — Нам за казаками нечего тянуться. Не велик барин — походит осенью и босиком, а на зиму твои старые валенки для него починю, тебе все равно надо новые заводить. А на какие шиши — сам не знаю!

Яков поставил чашку на блюдечко вверх доньшком, положил свой огрызок сахара и встал.

Егорушка вспыхнув от счастья. Не ослышался ли он? Может, отец про что другое, не про школу сказал? Как только Яков с топором в руках закрыл за собою дверь, Егорушка бросился к матери, обхватил ее шею руками:

— Мамо, родная! Я в школу пойду? Учиться буду? Вер- но? Скажи!

Наталья Степановна повернула к свету возбужденное лицо Егорушки, сначала улыбнулась и вдруг, неожиданно для самой себя, всхлипнула.

— Мамо, мамо, что ты плачешь? Не пустил?

В уголках глаз матери показались две блестящие росинки. Одна упала на ухо Егорушке, другую мать подобрала краем платка и открыла влажные глаза. Серые, еще молодые, они ласково глядели на сына. Преждевременные скорбные морщины у уголков рта стали расправляться, мать улыбнулась и заговорила ласково, как всегда в минуты волнений по-украински:

— Пустынь. Вин же тобі не ворог. А як я переказала ти ричи про науку, ще вела учительша Антонина Михайловна, то вин зовсім перечить не став.

— Що ж ты плачешь, мамо?

— Та що-сь, сынок, зажурылася. Думка пришла, що буде, як пидеш на чужу сторонку, зивьешь собі гніздо в чужим далеким краю,— и не побачу тебе вовик.

— Ни, мамо, не бийсь! Кажу тобі — вернусь до тебе капитаном. Буду плаваты аж до четвертого моря, буду вам с батькой помогаты та подарунки з самой заморской Африки возыты!

Наталья Степановна рассмеялась и, прижав сына к груди, поцеловала.

— Ах ты, мий капитану! Та ты... ж у мене золотко! Добре. Зробимо так. Понесу я яичок Левонтию Степановичу та по прошу, щоб вин до головок от старых моих черевикив яки ни на есть голенища пришив. Та и будуть тобі чоботы до школы ходыты!

ГЛАВА III

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Школа, в которую начал ходить Егорушка, была приписана к местной церкви и носила название церковно-приходской. Такие школы в конце прошлого столетия открывались по всей России. Подрастающее поколение должно было в этих школах получать воспитание в духе «самодержавия, православия и народности». Программа таких школ строилась на изучении «закона божия» и церковно-славянского языка. Другие предметы — русский язык, география, чистописание — считались второстепенными. Обязанность учить «Закону Божию» лежала на местном священнике, пению — на псаломщиках; остальным предметам обучал единственный учитель.

В Кривокоской школе преподавал учитель Степан Степанович Оксенов. Он сменил Антонину Михайловну, уехавшую в Сибирь за ссыльным мужем.

Степан Степанович был худ, ростом велик, его широкие плоские плечи были всегда приподняты, говорил он густым басом, но на уроках пения, подлаживаясь под ребячьи голоса, тянул ноты тоненьким, сдавленным тенорком. Ребята звали его в глаза «Спанспаныч», а между собой «Акхакаха» (учитель постоянно покашливал; из-за легких он и перевелся на берег моря, послушавшись совета врача).

Егорушка попался на глаза Степану Степановичу в первый же день. Забравшись в школу спозаранку, мальчик выбрал

себе место впереди, на скамейке около одного из столиков, заменивших в этой бедной школе обычные парты.

— Ты что это — такой большущий уселся на самую переднюю парту? Из-за твоей спины другие ничего не увидят, — сказал учитель, рассаживая ребят по росту.

Егорушка, покраснев, переменялся местами с Марусей Данильченко, маленькой девочкой, которая пришла поздно и заняла оставшееся место позади. Учитель спросил Егорушку сколько ему лет, почему до сих пор не ходил в школу, и велел садиться.

Начался первый урок по русскому языку. Степан Степанович преподавал очень странно. Показывая буквы, он писал их мелом на классной доске. Изобразив рядом две буквы «А», он пририсовывал сверху одной из них кружочек и две палочки. Получалось подобие бегущей девочки. Эту девочку Степан Степанович называл Анютой и писал это имя полностью, выделяя заглавную букву. При помощи таких же пририсовок «Б» у него превращалось в баклажан, «В» — в грудастую Варвару, «Г» — в Гаврюшку, «Д» — в дьякона со свечой и кадилом. Вероятно, у Степана Степановича не было настоящего педагогического образования, как и у большинства народных учителей того времени. Но ребята хорошо усваивали буквы по этой системе и довольно быстро подвигались в чтении и письме.

В часы школьных занятий Степан Степанович разрывался на части. Приходилось преподавать сразу в трех классах. Учитель задавал старшим задачу, писал второму классу фразу из прописей по чистописанию, а сам торопился к первоклассникам — объяснять буквы, сложение их в слова, грамматику. Засадив этих за письменную работу, шел к третьеклассникам дать новую работу, и так целый день. Устные предметы для старших преподавал в последние часы, когда малыши расходились по домам.

На уроки пения собирались все три класса вместе. Сначала пели с голоса детские песни: «Вот лягушка по дорожке скачет, вытянувши ножки», «Зайнышка, поскачи» и «Во поле березонька стояла», потом начинали петь по нотам церковные песнопения.

Степан Степанович привлекал к своей работе лучших учеников: поддерживать в классе тишину и порядок, проверить работы, помочь отстающим. Егорушка Седов скоро оказался в роли помощника. А через полгода он диктовал своему классу вместо учителя и проверял тетради по арифметике. Степан Степанович обратил внимание на способного ученика. Узнав о бедности седовской семьи, он выхлопотал освобождение от платы за право учения.

Егорушка не заметил, как пролетела зима. К концу ее он оказался первым учеником и — на зависть другим ребятам — певчим в хоре при церкви.

В конце апреля начались в школе экзамены. На первом присутствовали протоиерей из станицы и попечитель школы, богатый казак.

Для Егорушки экзамены превратились в торжество. На все вопросы он ответил без запинки. Каждый раз, когда кто-нибудь затруднялся ответить, Степан Степанович вызывал Седова. Учитель делал это не без умысла. Он хотел обратить внимание попечителя и властей на необыкновенные способности Егора и охоту его к учению.

В самом деле, мальчик обнаруживал исключительные дарования. Все, что он прочитывал, оставалось в памяти навсегда. Рассеянность, казалось, вовсе была чужда этому ребенку. Способность сосредоточиваться была изумительной. Степан Степанович таких ребят еще не встречал.

В последний день экзаменов учитель устроил в школе маленький вечер. Еще на праздниках он обошел с подписным листом всех богатых казаков и купцов на хуторах и в станице. Собрал немного. Пришлось приложить трешницу из своего кармана. Выпросил у помещика на день новинку — граммофон.

На празднике ребята пели хором, слушали граммофон и играли в разные игры. Хорошие ученики получили награды. Анята Бега — сатиновое платье, Коля Папазанов — ситцевую рубашу. Лучшему ученику — Седову досталась и лучшая награда. Ему была подарена курточка из дешевого бархата и книжка «Путешествие Гулливера в страну лилипутов».

Егорушка тут же, в школьных сенях, надел куртку поверх своей заплатанной рубашки и в таком виде явился домой.

ГЛАВА IV

У ПРИЛАВКА

В школьные годы Егорушки произошли на Кривой Косе большие изменения. Рыбацкий поселок превращался в маленький порт. Удобное положение морского рейда по соседству с богатой станицей и с плодородным районом речек Еланчиков привлекло внимание дельцов. Небогатый купец Козлов рассудил, что местное зерно гораздо выгоднее ссыпать на пароходы у Кривой Косы, чем возить в ближайший, к тому же плохой порт — Таганрог. Козлов поделился своими соображениями с известным экспортером зерна греком

Вальяно. Вальяно был очень богат, имел много ссыпных пунктов и факторий в Приазовье и на Кавказе. Про этого человека говорили, что он носом чует поживу, грош видит под половицей. По одному взгляду на человека скажет: делец перед ним или болтун. С первого же разговора Вальяно вручил Козлову двадцать тысяч рублей и поручил ему открыть отделение своей фирмы на Кривой Косе.

Вальяно с лихвой вернул свои деньги. Разбогател и Козлов, хотя вскоре у него появился конкурент по закупке и ссыпке зерна — помещик Фролов. Кривая Коса стала застраиваться амбарами, пакгаузами, конторами и лавками. Появилась пристань, наехали новые люди. Отдельные хутора стали сливаться в одно селение.

Но прежним жителям этих хуторов жить стало не легче. Наоборот, старики вспоминали: «Эх, были времена! Помучаешься на льду с ватагой, зато заработаешь за зиму хорошие денежки, хватало чуть ли не на год. А теперь? Хорошо, если пробьешься до начала лета, и то спасибо!».

Рыбаки из казаков, имевшие землю, справлялись. Но таких безземельных пришельцев, как Яков Седов, один рыбацкий промысел не мог прокормить. Яков надеялся на старшего сына, Михаила,— подрастет, станет подмогой. Но Михаил, рано женившись, слепил себе отдельную хатку — и не только помогать, а к отцу ни ногой. И редко бывал на Кривой Косе Михаил: уходил вместе с женой в Керчь, работал там засольщиком на рыбалках у купца Керма. Теперь Яков возлагал все надежды на Егорушку, собирался пристроить его куда-нибудь на письменную должность. Грамотеям платят хоть не помногу, зато каждый месяц. Очень надеялся Яков на помощь сына.

Весной, в последний год ученья Егорушки, заходил к Якову учитель Степан Степанович поговорить о том, что надо бы Егору учиться дальше. Таких способных не приходилось видеть, да и сам хлопец хочет учиться.

— Выучится — тебе же будет подмогой.

Яков на это ответил:

— Не до ученья нам, господин Оксенов, как бы только прожить! На Егора теперь одна надежда. Жить нечем становится. А на ученье деньги нужны. Откуда их взять? Сами видите, худо живем. Люди говорят: травка у вола под ногами — рад бы ее пощипать, да ярмо не пускает.

Степан Степанович пытался хлопотать в станице. Он рассказывал всюду о жадности к ученью и о способностях своего любимца, но ничего не добился.

— Будь ваш ученик казачьего рода, можно бы похлопотать о стипендии в коммерческом училище. Но чужому, простому крестьянину станичники стипендии, конечно, не дадут,— сказал

Степану Степановичу инспектор народных училищ.— Нечего и хлопотать.

Конец ученью. Егорушка принес домой последнюю награду — томик Жюль Верна «Ледяной сфинкс» и похвальную грамоту.

Мать ходила по соседям, показывала бумагу с золотыми печатными буквами и говорила всем:

— Мий Егор мае похвальны лист!

Жаль было расставаться со школой, с учителем. Степан Степанович все знал, имел ответ на все, что ни спроси. Даже про звезды на небе мог рассказать. Однажды вечером он собрал ребят и объяснил движение небесных светил.

С того вечера Егорушка стал искать на небе одну звезду, неяркую и незаметную среди великого множества других. Она скромно горит в созвездии Малой Медведицы. Степан Степанович сказал:

— Эта звезда особенная — все движутся, она одна стоит на месте, указывая прямо на север. Моряки по ней проверяют свой путь. Если идти дальше и дальше, в ту сторону, куда указывает эта звезда, — придешь на Северный полюс. Там она станет над самой головой. Но видеть там ее можно только в зимнее время, когда солнце зайдет на полгода. С весны и по осень на полюсе солнце не прячется, ходит по небу кругами. В ту пору там полгода день. Но полюс далек и людям недоступен. За безлесными, мерзлыми землями, за холодными морями и за островами, где подо льдом земли не видать,— там полюс. Там не был еще ни один человек. Много храбрых моряков ходило туда. Никто не дошел. Многие погибли. Слава будет тому во всем мире, кто первым придет на полюс!

Со всеми этими рассказами, с учением, с любимыми тетрадами — со всем нужно расстаться, забыть.

— Пора работать. Не маленький. Другие давно отцам помогают, — ворчал отец.

Егора отдали в услужение к помещику генералу Иловайскому, внуку первого наказного атамана донского войска. Что делал у него Егорушка, никто из соседей не помнит. Сам он тоже не любил рассказывать про три месяца, прожитые у этого помещика. Видно, стало невмоготу — прибежал домой. Яков тогда находился в отлучке, а мать не бранила Егора за побег. Как раз в это время открылась на Кривой Косе новая контора помещика Фролова и лавка при ней. Мальчика взяли на побегушки. Он подметал контору и лавку, ставил самовар, исполнял поручения, которые давал приказчик. Приходилось и почту носить из станицы и в станицу, записки и письма помещику. Жалованья назначили два рубля в месяц.

На эту службу жаловаться не приходилось. Работа нетрудная,

оставалось по вечерам свободное время сходить домой. По праздникам ездил рыбачить с отцом или помогал матери по хозяйству, когда Яков находился в отлучке.

Зимой хозяин рассчитал приказчика за какие-то плутни. Егорушка остался один. Фролов поручил ему присмотр за лавкой и за товаром. Нового приказчика сразу не мог найти. Пришлось хозяину через неделю приехать в контору самому. Он с удивлением увидел, что у Егора все в отличном порядке: и комнаты, и товар в лавке — не в пример прежнему приказчику. Фролов решил назначить приказчиком Егорушку, жалованья положил восемь рублей, а если к празднику все будет в порядке и мальчик справится с делом, обещал прибавить.

Дома Егорушкой стали гордиться. Мать в волнении делилась новостью с соседками:

— Мой Егор фроловского приказчика заступил! Восемь рублей положили, после праздника десять дадут.

Соседки начинали завидовать — восемь рублей каждый месяц! Восемь пудов хлеба! За глупого хлопца. Пожалуй, теперь Седовы поправятся.

На службе приходилось держать ухо востро. Помещик был требователен, строг, приезжал всегда внезапно, часто требовал отчетов. Но у молодого приказчика все было ладно. Он всегда был на месте и вечно за книжкой. Видя, что страсть к чтению работе не мешает, помещик стал давать книжки, из своей библиотеки, с условием относиться к ним бережно.

Время шло. Егорушка стал высоким светловолосым парнем. Фроловского приказчика знали и на Кривой Косе, и в станице. Кривокоские девушки стали на него заглядываться. В праздничный день бывало не одна из гулявших парами на морском берегу девчат смотрела искоса вслед, а другие — посмелее — заигрывали, толкнув, словно нечаянно, или обсыпав подсолнечной шелухой. Не беда, что приказчик и в воскресенье одет был попросту, не фасонисто, не то, что Семка Николаев. Тот к каждому празднику покупал обнову: то сапоги с гармонным набором, то пояс с шелковыми кистями или алую сатиновую рубаху. Егорушке не на что было форсить: все деньги отдавал он семье. Зато дома было ему почтение. Когда отец бывал в отъезде, мать сажала Егорушку на хозяйское место, чашку с чаем наливала первому и заставляла младших ребят благодарить Егора «за хлеб, за соль», как благодарят родителей, ребята слушались Егорушки и любили его. По праздникам приставали, чтоб рассказал что-нибудь. Чаще всего старший брат начинал рассказывать про заморские страны, из толстой книги «Жизнь народов». Эту книгу достал у хозяина и держал ее около полугода.

Испания, Бразилия, Китай, Индия — дальние заморские страны. Ах, если б все это увидеть своими глазами! Плыть бы через море, как изображено на картинке, на большом корабле с грузом пахучего сандалового дерева или кокосовых орехов, сражаться бы с тропическими шквалами и со страшными ветрами — «тифонами» — в восточных морях! Потом, истомленному долгим путем, выйти на сладко пахнущий берег и встретить чернокожих людей, несущих связки невиданных тропических плодов... Или отправиться в страну эскимосов по морю, через страшный водоворот Мальстрим, пробираться с замиранием сердца между высокими ледяными горами и взять на гарпун чудовище — единорога! Счастливые люди моряки-капитаны, они все это видят своими глазами, плавая из одной части света в другую, пересекая экватор. Вот это жизнь,— не соль отвешивать!

Как-то осенью, в 1893 году, сидел Егорушка в хозяйской лавке между ларями с мукой и солью. Подведя последний итог, в книге записей товара, он закрыл ее, положил на полку, поставил туда же чернильницу, снял и повесил передник. Достал с той же полки книжку в кожаном тисненном переплете. Это было старинное руководство по морской практике «О том, как надлежит управлять морскими судами». Книгу дал Фролов, когда Егорушка просил почитать что-нибудь про море, — другой не нашлось в библиотеке у помещика. Хотя книга написана была тяжелым и трудным для понимания слогом екатерининских времен, Егорушка одолел ее, прочел от корки до корки, и не один раз. Он стал перелистывать отдельные главы.

Вот наставление капитану:

«Приказание отдавай внятно, полным и властным гласом, дабы никто из экипажа не усумнился бы в оных, неже в разумности их, но наипаче бы верил, что неисполнение влечет не токмо твой гнев за послушание и немилость, но паче беду для всех, даже для самого корабля. Посему распространеннейшие слова команд составлены в древнейшие времена и ныне паки проверены искуснейшими моряками, в предвидении всех оных команд последствий... Имея намерения положить у брега якорь, отдай первым делом команду: «Все на верх, становиться на якорь!» — Убедившись, что матрозы все по местам, прикажи измерять лотом глубину морской пучины и возвести по сем громогласно, какой ты якорь считаешь полезным отдать: «Правый якорь к отдаче готовить, слушай!» Пришед же с убавленными парусами на желаемую глубину, возглашай: «Из правой бухты вон!» После сего никто из экипажа не должен находиться в канатном ящике, неже поблизости его. Убедившись в сем, даешь последнюю команду: «Отдай якорь!» Соблюдай всё сие

в правильной постепенности, и ты сохранишь жизнь вверенных тебе матрозов, паки же избежишь укоризн в неправильном управлении кораблем...»

Вот о корабельном вооружении:

«Продление бушприта больше его натуральной длины, рекомое утлегарь, весьма разумно, поелику позволяет нести дополнительные паруса и бом-кливер и еще один летучий кливер. Подобно другим корабельным деревьям, наружные концы утлегаря и бушприта именуются «ноками», а к кораблю обращенные — «шпорами». Как и в прочих деревьях, идущих рядом, утлегарь крепится к бушприту эзель-гофтом, реёк от него именуется «мартин-гиком» и усы в сторону — «блинда-гафелями»...»

Какие слова, какие названия! Егорушка твердил их, как звучные рифмы из новой поэмы: «Эзель-гофт... мартин-гик... блинда-гафеля...» Скорей бы пришел к Кривой Косе какой-нибудь парусник — вот интересно бы с этой книжкой в руках разглядеть все эти эренс-тали, дерик-фалы и гафель-гардели!

Он выглянул в окно — не видно ли в море чего-нибудь нового. Серые тучи висели над тусклым морем. На рейде покачивалась одна пустая шаланда. Впрочем, вот за ее кормой небольшой пароходик; его раньше не было.

Корму шаланды огибала маленькая шлюпка.

«Наверное, соль пришла из Евпатории», скучающе подумал Егорушка, и, закрыв книгу, стал следить за приближением шлюпки. _

Минут через десять вошел в лавку человек с этой шлюпки. Был он в капитанской форме, с портфелем в руках.

— Кому сдавать соль? — спросил он приказчика. — В адрес Фролова из Евпатории, с парохода «Евстафий».

— Я принимаю, — сказал Егорушка и взял у капитана документы.

Капитан был совсем молодой. Он сел на скамью у прилавка: стал дожидаться, когда приказчик впишет документы в книги и оформит приемку. Он разглядывал запорошенное мукой помещение лабаза, уставленное по стенам деревянными ларями и рядами мешков, большие весы у двери и ряд пузатых гирь. Прочитал патент в рамке под стеклом, засиженном мухами, и листочек от отрывного календаря на прилавке. Потянулся рукой за книгой, лежавшей поверх платочка, прикрывавшего щели с набившейся мукой и пылью.

— Откуда здесь такая старина? — поднял он голову.

— У хозяина выпросил. Уж очень я люблю читать про морские корабли и про путешествия, — оторвался Егорушка от документов.

Он положил перо.

— Живу вот у моря, а по морю иначе, как в лодке, и плавать не приходилось. Убежать бы куда-нибудь, хоть матросом плавать. Да нельзя, приходится семью отцовскую поддерживать. Завидно мне глядеть на вас, капитанов. Путешествуете по разным странам, чего, верно, не повидали!

Моряк опустил книжку, засмеялся.

— Вот позавидовал лысый плешивому! Нет, брат, завидовать нечему. Это издали так, кажется. Я тоже, когда пошел учиться, думал, как кончу, так сразу на экватор попаду. А вот второй год идет, как полощусь в этой луже да в Черном море. От Евпатории и до Керчи, как от двери и до печи, а дальше — ни тпру ни ну! Даже у кавказского берега не был!

Егорушка, заметив, что капитан, видно, парень простой, стал расспрашивать, где он учился, как надумал стать капитаном. Моряк рад был поговорить, отвечал с охотой:

— Учился недалеко отсюда, в Ростове-на-Дону, а в Мореходные классы поступил по нужде: не на что было учиться в другом месте. Отец служил конторщиком, а семья большая...

— А разве в капитанском училище учат даром? — перебил Егор.

— Там недорого берут, всего за год шесть рублей. А кто хорошо учится — и совсем даром.

— И кто угодно может туда поступить?

— Конечно. Только до этого нужно кончить приходскую школу и быть моряком, поплавать матросом. Требуяют справку, что служил на парусном судне и не меньше, как полтора года.

Кровь хлынула Егору в лицо. Он стал жадно расспрашивать про Мореходные классы, сколько лет там нужно учиться, как в матросы поступить... Значит, и он может учиться и стать капитаном, водить большие пароходы по далеким морям!..

Попозже, приехав на пароходик для приемки соли, выведаль все, что не пришло в голову сразу: какие документы нужно представить, где лучше наниматься на парусник.

В тот же вечер, Егорушка, закрыв контору, побежал к учителю за советом. Степан Степанович сказал, что всякая дорога к ученью хороша, и захотел сам повидаться с капитаном, разузнать от него, что проходят в Мореходных классах, что спрашивают на экзаменах. Узнав, что главный предмет математика, он предложил Егорушке заниматься по праздникам, как только кончится горячее время с отправкой зерна.

В эту зиму кумушки на Кривой Косе стали толковать, что седовский Егор, наверно, так же рано женится, как и старший Михаил. Очень уж часто повадился ходить к учителю с тех пор,

как к его квартирным хозяевам, Сальковым, приехала племянница Даша. И ходит, будто из-за ученья — всегда с книжками или тетрадками.

— Знаем мы эти книжки. Сначала книжки, потом пойдут ребятишки!

Передавали еще, что Семка Николаев подговаривал ребят избить фроловского приказчика, чтоб не было такой повадки — у казаков девчат отбивать.

Семка каждый праздник по нескольку раз проходил с гармонией под окнами у Даши и орал во все горло: «Когда б имел золотые горы и реки, полные вина, все отдал бы за ласки, взоры, чтоб ты владела мной одна». Он считал, что после такого выражения чувств никто не должен становиться ему поперек дороги. А кто стал — того учить. Но не вышло. Ребята, пообещали избить самого Семку. Егор был когда-то атаманом, ребята с ним дружили и относились с уважением, звали ученым. Да и не было в Кривой Косе парня веселее Егора. Семка же был известный олух. И рожей не вышел. Недаром. Даша нос воротит от него, смотреть не хочет ни на сапоги с набором, ни на алый платочек в кармане.

Дошли разговоры, конечно, и до Натальи Степановны. Она ожидала, что перед мясоедом, после рождества, станет Егор просить ее слать сватов к Сальковым. Но Егорушка речи об этом не заводил. Она осмелилась спросить сама:

— Кажуть люди на хутори, що ты до сальковской Даши придивляешься. Ой, Егорушка, милый, ой не женися молодым! Оженишься — вовик не розженишься. Окрутят малы дитоньки по рукам и по ногам.

Егорушка взглянул на мать — и давай хохотать.

— Що ж ты смеешься!.. — обиделась мать. — Я тоби дило кажу.

— Ой, мама, не сердись. Я вспомнил сейчас про книжку одну, читал недавно. Про разных смешных людей написано. Там был один барчонок, такой глуповатый, недоросль. Он говорил: «Не хочу учиться, хочу жениться». Вот, пока ты речь вела, я и вспомнил про него, и подумалось — мне бы на его место! Я не хочу жениться, а хочу учиться!

Но дыму без огня не бывает. Семка Николаев не зря точил зубы на Егорушку. Он стал поперек дороги.

Даша в самом деле на Семку глядеть не хотела, а молодому приказчику сама старалась попадаться на глаза. Но при встречах, когда он приходил к учителю, каждый раз смущалась и краснела.

Егорушке Даша тоже очень нравилась. Была она беленькая и чистая. Светло-русую косу хотелось взять в руки, попробовать наощупь: так ли мягки эти волосы, как кажутся. Незаметные

рябинки от оспы не портили хорошенького личика, Егорушка, охотно разговаривал с девушкой, когда встречал ее у учителя, но после материнских намеков стал сдерживать желание полюбоваться Дашенькой.

Однажды нашел у себя в тетради с задачами записку: «Зачем глядишь пытливым взором, зачем преследуешь меня? Приходи в воскресенье сидеть у моря на бревнах. Твоя неизвестная».

Егорушка долго смотрел на записку, тщательно сложил и спрятал в книжечку, где хранились у него свидетельство об окончании школы и недавно взятая метрика. Несколько раз он доставал эту записку. Но в воскресенье на берег не пошел.

В начале апреля, в 1894 году, когда вскрылось море и показались на нем первые парусники, Егорушка исчез.

ГЛАВА V

БЕГЛЕЦ

Первую весть об этом принесла сторожиха из фроловской конторы. Она пришла спросить Наталью Степановну, не у них ли ночевал Егор. Что-то не видать его с позавчерашнего вечера; сказал, что пойдет утром в станицу, к хозяину, и днем вернется, а до сей поры нет. И контора, и лавка стоят неоткрытыми. Куда делся?

Мать пошла со сторожихой в каморку сына при конторе.

Там было пусто. Ни одежды, ни книжек. На кровати лежала одна подушка.

Ясно — Егорушка сбежал. Мать плакала, соседи шептались, судачили:

— Вот отбирали у парня весь заработок, даже одежи не на что было справить. Конечно, по молодому делу хочется пофорсить, погулять, — ну и пошел искать лучшей доли.

Наталья ходила в станицу и к Фролову. Помещик на нее же кричал. Сказал, что относился к Егору по-человечески — жалованье платил хорошее, книжки давал, а он убежал на другой же день после полочки, не сдав лавки, не сказав никому ни слова. Надо еще посмотреть, все ли в лавке цело.

Наталья пришла домой в слезах...

Прошло больше года.

Как-то летом, после Ильина дня, прибежала в седовскую хату соседка Мокеевна с новостью. Знакомый казак из станицы видел Егора с неделю назад в Ростове на пароходной пристани.

В каких-то опорках, в грязных парусиновых штанах и в вылинявшей красной рубашке, парень таскал на пристани мешки с мукой. Наверное, спился.

— Вот оно, ученье-то! — заключила Мокеевна.

Наталья Степановна слушала новости, не проронив ни слова. Может, казак обознался? Нет, едва ли. Соседка сказала, что казак окликнул: «Егор!» Егорушка оглянулся, но не остановился и пошел по сходимям на маленькое парусное судно.

По Кривой Косе быстро распространилась весть, что Егор босячит в Ростове.

Не верили тому только трое: учитель, Даша да Наталья Степановна.

После Нового года принесли в седовскую хату повестку: явиться в станицу на почту за заказным письмом.

Наталье Степановне выдали письмо с двумя черными штемпелями на марках. Она понесла его домой, завернув в платок, и положила за божницу. В жизни не приходилось ей получать писем. Ночью плохо спала. На другой день надумала отнести письмо к учителю — пусть посмотрит.

В школе шел последний урок.

Наталья Степановна терпеливо дожидалась, когда учитель кончит занятия. Когда он вышел, с низким поклоном подала письмо.

Степан Степанович вскрыл конверт; вынул какую-то карточку — вроде как два солдата сняты, но без фуражек, — отдал Наталье Степановне. Стал читать:

«Дорогие родители Яков Евтеевич и Наталья Степановна! Извещаю вас, что живу я в городе Ростове на Среднем проспекте, жив, здоров, чего и вам желаю. Долго я работал матросом на парусном боте, а в сентябре сего 1895 года поступил учиться в Мореходные классы, окончив которые стану морским капитаном. Учусь я хорошо по всем предметам. Обо мне не беспокойтесь, хоть тяжело учиться без денег, да свет не без добрых людей, как-нибудь пробьюсь я первый год, а летом денег заработаю. Кланяюсь низко отцу Якову Евтеевичу и дорогой матери Наталье Степановне, еще сестрицам Кате, Анюте и Марусе и братику Васеньке. А еще низкий поклон Степану Степановичу Оксену, скажите, что ему я по гроб жизни обязан и благодарен, чего не забуду вовек. Ваш сын Георгий Седов.

Адрес: Нижне-Бульварная улица, Мореходные классы, ученику Георгию Седову».

Показалось Наталье Степановне, что голос учителя как-то осекся и дрогнул, когда звучали последние слова, словно в горло попала першинка. Отдавая Наталье Степановне письмо,

полез в карман за платком. Потом взял из рук ее карточку, спросил:

— Узнала?

Только тут Наталья Степановна поняла, что на карточке левый солдат похож на Егорушку. Стоит вытянувшись, руки по швам, и лицо серьезное, без улыбки, какое редко у Егора бывало. Только по глазам видать, что это он сам и есть, ее любезный сыночек Егорушка!.. Почему тут расплакалась Наталья Степановна — она и сама не могла бы сказать. Низко кланялась Степану Степановичу, все благодарила за ученье и радостную весть. Степан Степанович сказал на прощанье, что сын у нее пойдет далеко.

— Приедет к тебе года через четыре, и не узнаешь! Видишь, и сейчас какой: на плечах круглые знаки, воротник бархатный, светлые пуговицы — настоящий студент!

Быстро шла домой Наталья, словно ветром ее поддувало. Зашла к соседке Мокеевне рассказать, что нашелся Егорушка. Показала карточку. Но больше никуда не пошла. Нет! Пусть сами люди придут.

И в самом деле, в этот же вечер в хату народу набралось, как на сиделки. Раз десять Анюта читала по складам письмо, под конец знала его наизусть. Теперь все хвалили Егора. Говорили — надо бы ему помочь.

Через неделю приехал с моря хозяин. Яков выслушал новость спокойно, посмотрел карточку и ничего не сказал. Только к вечеру промолвил:

— А надо бы, старуха, Егору послать немного деньжонок. А то, чать, мается там!

Наталья Степановна собрала сыну посылочку: варежки, пару носков. Белья перемену сшила. Денег послали пятнадцать рублей.

Егор ответил скоро. Благодарил за посылку, за деньги. Просил больше не посылать: «До весны недолго осталось, а там поступлю на работу». Писал еще о радости при вести, что отец с матерью не сердятся за самовольный побег. «Очень хотелось учиться. Теперь у меня как гора с сердца свалилась».

ГЛАВА VI

КОРЕНЬ УЧЕНЬЯ

О трудности ученья Егорушка писал сущую правду. В самом деле, оно оказалось в первый год невыносимо тяжелым даже для самых способных.

В Мореходных классах вступительных экзаменов не полагалось. Всех непригодных отсеивала сама программа этих училищ.

Случалось, очень способные, но не привыкшие к умственной работе ученики бросали занятия в первый же месяц. Губила чаще всего математика. В средних школах того времени — в гимназиях и реальных училищах — курс математики растягивался на пять-шесть лет. А в Мореходных классах этот же курс проходили за один год. Окончившие приходскую школу должны были в течение первых восьми месяцев вспомнить арифметику, усвоить алгебраические приемы счисления, пройти геометрию и тригонометрию! Но в программе — не едва математика. Каждый день восемь уроков. С девяти утра и до пяти вечера будущие капитаны занимались математикой, зубрили трудные правила русской орфографии, географию, английский язык и другие предметы по программе средней школы. Но и это не все. По вечерам — домашние работы или практические занятия по астрономии и космографии. Свободного времени оставалось в обрез на еду и на сон.

Защитники такой уплотненной программы указывали на ее «педагогические достоинства». Отбор способных совершался не случайной проверкой на экзамене, но в процессе самого учения.

Но... если защиту такой программы перевести с языка педагогического на политический, ее «достоинства» следовало бы формулировать иначе.

Это был заслон, препятствовавший смешению общественных слоев. В те времена кадры для командного состава в торговом флоте приходилось набирать из разночинцев и «простого народа». Молодые люди из привилегированных классов избегали поступать в Мореходные училища: не было им смысла взбираться по тяжелой трудовой лестнице от юнги, кока и лик-матроса¹ до первой командной должности в торговом флоте — младшего помощника капитана. Для привилегированных открыт был другой, более легкий путь — пройти курс офицерского военно-морского училища. Морской офицер в любое время мог выйти в отставку и получить капитанское место на коммерческом судне. Но охотников менять золотые погоны на скромные капитанские нашивки не находилось. Бывший офицер в торговом флоте считался редкостью. Приходилось допускать на командные должности, тщательно фильтруя, наиболее способных и обеспеченных из трудящихся классов, не давая им все-таки никаких привилегий².

¹Лик-матрос — молодой, обучаемый матрос, еще не освоившийся с такелажом и корабельными работами.

²По существовавшему положению, образованный капитан, командир огромного океанского парохода, в случае мобилизации призывался в царский флот... в качестве простого матроса. Его могли

Уплотненная программа «мореходок» отсеивала не только неуспевающих. Почти все, не имеющие материальной поддержки, бросали учиться. Надежда подработать во время ученья всегда терпела крушение. А скопить хотя бы на один год — для молодого матроса, получавшего в месяц всего двенадцать-пятнадцать рублей, тоже было невозможно. Не купить фасонистых ботиночек, нового полосатого тельника, не съехать с товарищами на берег после долгого плавания, не повеселиться, а сидеть на судне, как тетерев в снегу, и слушать насмешки? Проще сказать: было ученье для матроса — как локоть в пословице — близок, да не укусишь!

Как же удалось Седову прорваться сквозь этот прочный заградительный круг?

Служа матросом, он терпел насмешки товарищей. Отшучивался в ответ на обвинения в скупости. Не покупал обновок. На плечах — те же рубаха и пиджачок, в которых ушел из дома. Вместо гулянки — часто нанимался грузить зерно и соль. Поступив в училище, питался первый год одним хлебом и чаем. Только в праздники позволял себе пообедать в дешевой столовой. Помогла привычка к нужде и жизни впроголодь. И в детстве случалось подолгу сидеть на одной картошке или на хлебе с водой. Во-время пришла из дому поддержка. Помог немного богатый товарищ, купеческий сынок, Александр Недзвецкий. Это про него писал Егорушка домой: «свет не без добрых людей». Освободили во второе полугодье от платы. По отзыву директора Рахманова, ученик Георгий Седов обнаружил исключительные способности. Вместо каникул, сразу же после экзаменов поступил на работу матросом — добывать деньги на второй год ученья. Он нанялся на пароход «Труд».

Старику-капитану этого парохода очень понравился новый матрос. Он не пил, не курил, хорошо знал такелажную работу, был всегда весел, неутомим и услужлив. Разговорившись на вахте и узнав, что парень бедствует в училище, капитан пообещал поговорить с владельцем парохода. Хозяин согласился помочь Седову окончить курс при условии: прикрепиться к пароходу «Труд» до тех пор, пока не будут уплачены все деньги, затраченные на ученье. С осени Седов стал ходить раз в месяц в контору этого пароходовладельца, торгового казака Кошкина, получать свои десять рублей. Начал питаться получше, окреп. И ученье пошло легко, как занятная, увлекательная игра.

назначить вестовым к мальчишке-мичману, едва сошедшему со школьной скамьи. Только в конце последней империалистической войны, когда не хватало офицеров для командования вспомогательными судами, таким заслуженным капитанам стали давать чин прапорщика.

В этот год изучали самые нужные для судоводителя предметы: астрономию, сферическую тригонометрию, навигацию, морскую практику. Проходили также деревянное судостроение и коммерческую географию.

Особенно увлекательной оказалась астрономия. К концу зимы ученик Георгий Седов хорошо усвоил ее. Начертив одним взмахом руки часть небесной сферы и обозначив на ней главные созвездия с крупными светилами, мог отыскать их на небе, мог по-любому получить широту и долготу. Секстан не дрожал в его крепких, мужицких руках. Теперь он хорошо знал, как вести корабль и наносить свое место на карту.

Навигацию преподавал разбитый ревматизмом старичок-капитан, изъездивший все моря и океаны, побывавший даже в южных полярных морях. Он был ворчлив, как старая бабушка, но навигатором считался исключительным. Его задачи по точности формулировки походили на военные диспозиции. Решение требовал в форме записи в судовом журнале воображаемого плавания. Листки с задачами выглядели так:

«17 октября в 19 часов 30 минут шхуна «Генриетта», под командой капитана Серебрякова, вышла из Владивостока через Лаперузов пролив с грузом жмыха в Маниллу. При выходе ветер NE 4 балла, а с 23 часов NNE 5 баллов, сильный туман. Течение до 143 E меридиана принято NE 1 1/2 узла и после 143 меридиана — 2 1/2 узла. Маяки — на острове Аскольд и на северо-западном мысе острова Иезо. Маяк на мысе Литтен не горит вследствие ремонта. Требуется определить время прибытия в порт назначения, считая, что при попутном ветре в 5 баллов шхуна идет со скоростью 7 узлов».

Ученик получал необходимые карты и лоции. Навигатор не ставил отметок. Вместо них появлялись на классной доске извещения:

«Судно «Фортуна» (капитан Агафонов) благополучно прибыло из Пирея в Одессу с грузом прованского масла и орехов».

«Пароход «Сиам» из Коломбо, под командой капитана Седова, ошвартовался у восточной стенки в Порт-Саиде. Груз — свежие фрукты. Грузополучателем выдана премия капитану, умело использовавшему попутные ветры для срочной доставки скоропортящегося груза».

«Шхуна «Генриетта», под командой капитана Серебрякова, погибла со всем экипажем вблизи северо-восточной оконечности острова Сикоку по вине капитана, не принявшего во внимание прижимного к подводным рифам течения».

Будущие капитаны очень остро воспринимали такие оценки. Неудачники ходили по нескольку дней как убитые, пока

навигатор не давал новой задачи и воскресший Серебряков не проводил какую-нибудь «Амелию» через опасный Зондский пролив.

Вторая зима пролетела очень быстро.

С апреля начались государственные экзамены: двухгодичный курс в Мореходном училище давал право на диплом штурмана четвертого разряда.

Каникулы Седов провел опять на «Труде», но не матросом, а вторым помощником капитана.

Третий год промчался еще незаметнее. Не ученики, а штурманы слушали курсы океанографии, метеорологии, железного судостроения, товароведения, знакомились с теорией судовых машин и механизмов, решали сложнейшие задачи по астрономии и навигации, изучали методы вождения кораблей по дуге большого круга, маневрирования в области циклона. И, наконец, весной 1899 года — последний государственный экзамен.

Сдавали этот экзамен в Поти. Здесь Седов получил свой диплом.

По всем предметам круглое «пять». Отличный диплом! Дает право водить суда по всем морям мира!

Но «Труд» не плавал по мировым путям. Он перевозил керосин из Батуми в Ростов и Мариуполь, а в зимнее время, когда Азовское море покрывалось льдом, доставлял тот же керосин в Феодосию и Евпаторию. Перейти на другой пароход Седов не мог, пока не отработает долга. Только в начале 1900 года удалось ему получить новое место — старшим помощником на пароходе «Султан».

Случилось, что капитан этого парохода в первый же рейс заболел. Седову пришлось принять от него судовые документы и отправиться в рейс из Феодосии в Батуми в качестве временного командира.

По пути «Султан» попал в шторм. Больше четырех суток он боролся с ужасными волнами и встречным ветром. В первые два дня молодой капитан не опасался: судно небольшое, но крепкое, водоотливные механизмы в порядке. Иногда, посылая рулевого взглянуть на лаг¹, он с удовольствием становился за штурвал. Любуясь вспененным морем, следил, как море посылало в атаку одну волну за другой.

Вот крутая девятая волна. Высокий «Султан» ее не боится. Вздрагивая и тяжело кренясь на борт, он взбирается на вершину подвижной горы и тотчас катится в бездну. Пароход врезается носом в пенистый гребень новой волны. Весь корпус вздрагивает. Глухо, замедленным ритмом стучит машина. Но

¹Лаг — инструмент, счетчик пройденного расстояния.

она сильна. «Султан» прорезает вершину волны. Потоки воды несутся через полубак на палубу, туча брызг свирепо хлещет через мостик. Хорошо! Какой восторг ощущать покорность огромной машины! Она, как живой организм, послушна слабому движению руки, положенной на румпель. Это не машина борется со свирепой стихией, а ты, капитан!

На третий день буря разбушевалась во всю силу. Цилиндры работали на полном давлении пара, но пароход почти не двигался вперед. Когда порывы ветра усиливались, «Султан» не слушался руля: его несло назад. В упоении борьбы с разбушевавшимся морем Седов почти не покидал поста наверху. На его глазах волны поломали поручни с левого борта, затем снесли один из трапов на капитанском мостике и ящик со спасательными поясами.

В конце четвертого дня, уже в виду Батуми, механик доложил, что угля осталось немного, запасы пресной воды кончились утром. Седов приказал вызвать всех наверх делать плавучий якорь. Из нескольких бревен команда связала крестовину. Обтянув ее парусиной, опустили с канатом и дреком¹ за борт. «Султан», удерживаемый плавучим якорем, стал медленно дрейфовать по ветру. Машину остановили. Берег опять потерялся из виду.

Через сутки шторм прекратился. Разобрали якорь, подняли пары. «Султан» приблизился к берегу. Когда он медленно входил в Батумский порт, в топках догорали последние лопаты мелкого угля и брёвна от плавучего якоря. Винт еле вращался. Владелец «Султана» находился в это время в Батуми. Телеграф в дни норд-оста приносил известия о гибели и сильных авариях больших пароходов. Купец с минуты на минуту ждал, вести о Крушении своего «Султана», который попал в шторм с маленьким запасом угля и — хуже всего — без капитана. Его заменяет молоденький помощник, недавно со школьной скамьи. Немудрено, что он не справится с такой ужасной бурей!

Увидев свой пароход целым, почти без повреждений, владелец чуть не сошел с ума от радости. Конечно, он переменял мнение о молодом моряке, сумевшем в такую бурю довести судно до порта.

На штурманском дипломе Седова появилась надпись:

«Означенный Георгий Седов, по договору с судовладельцем Серадиадисом, вступил в командование пароходом «Султан», приписанный к Батумскому порту. 20 февраля отошел от порта, командуя этим судном, по назначению Константинополь-порт».

¹ Дрек — небольшой якорь.

Диплом штурмана дальнего плавания, выданный Г. Я. Седову
14 марта 1899г. в городе Потти.

ГЛАВА VII

ГОРОД У ТРЕТЬЕГО МОРЯ

Первый самостоятельный рейс для молодого капитана — всегда событие, воспоминание о котором остается на всю жизнь.

Вероятно, поэтому Седов с особенной охотой рассказывал, как он вел «Султан» из Батуми в Константинополь.

К Босфору подошли перед утром, как рекомендует лочия. Берег открылся в такой момент рассвета, когда огни маяков тускнеют в лучах зари и очертаний маячных башен еще не рассмотреть.

По-настоящему следовало бы выждать полного рассвета. Но капитан шел к берегу уверенно: ночью он определялся по звездам, ошибки быть не должно. И в самом деле, как только стало сильнее светать, на неясном еще берегу смутно обозначились какие-то большие маяки.

Теперь быть начеку! Не ошибиться, как случается с невнимательными капитанами, не завести бы судно в «Ложный Босфор», не оказаться вместо пролива на камнях около Таркоса... Нет, все хорошо, Заря пылает, маяки рисуются совсем отчетливо. Ясно видны все босфорские башни. Две из них — очевидно, Румели-Фенер, а отдельно на азиатском берегу — Анатоли-Фенер. Вот берег раздвигается, как театральная декорация, между мысами — даль спокойной воды. «Султан» — в проливе.

— Чуть право... Еще немного... Еще правей... Одерживай... Так держать! — командует капитан рулевому и чувствует прилив восторга: «Вот он, Босфор, ворота в дальние моря и океаны!»

Но — внимание, внимание! Теперь не прозевать опасностей у берега: вблизи мысов прижимное течение.

А взгляд невольно задерживается на панораме берега, залитого светом восходящего солнца. Какая красота! Оба берега пестрят зелеными рощами, вокруг маленьких домиков белорозовые пятна цветущих миндальных садов. Крутые каменистые склоны разделены светлыми изгибами тропинок и дорог. Нет, не смотреть по сторонам! Тут должно быть еще одно опасное место. Да, вот она, подводная банка с мутной водой.

— Не сдавайся лево, рулевой!

Эти домики — вероятно, Фили-Бурну, а за ними — Анатоли-Кавак, — там, где развалины средневековой крепости с зеленой от времени башней. Всюду деревушки и дачи.

— Уже в Босфоре? — слышится голос.

Седов оборачивается. Это хозяин, толстый Серадиадис, вышел на палубу. Он в туфлях и в засаленном жилете. Поеживаясь от утреннего холодка, зевая так, что даже усы встают торчком, грек тянет из жилета золотые часы, смотрит на стрелки и по сторонам.

— Давно в проливе? — любопытствует хозяин.

— Скоро Буюк-Дере, — отвечает Седов так, как будто плывал по Босфору десятки раз.

И в самом деле, кажется ему, что изгибы этих берегов знакомы с детства, с тех пор, как слушал рассказы постояльца-матроса и читал приложенное к старинной книжке наставление «Как проходить Боспорским проливом и Геллеспонтом». И даже эти полированные, словно игрушки, лодочки, как будто где-то видел: быть может, в толстой фроловской книге?.. Серадиадис объясняет: такие лодочки называют здесь «сандал», а вот те, побольше — «магуна». Но капитан уже не слушает. Он подносит к глазам бинокль: на берегу сигнальная мачта с флагом. Бухточка, много судов, желтое полотнище на мачте. Конечно, это Буюк-Дере. Тут карантин.

— Стоп машина!

С грохотом несется из клюза якорная цепь. От берега бежит весь застланный коврами катерок, кормовой флаг на нем с полумесяцем. На «Султане» спущен парадный трап. По нему важно взбираются три турка в мундирах, с галунами, смуглые, с фесками на бритых головах.

— Where is the captain?¹ — слышится неясно Седову.

— I am the captain², — весело отвечает он, но дальше не знает, что сказать.

— O, such young!³ — смеется смуглый человек, жмет руку и начинает быстро-быстро тараторить по-английски. Понять невозможно.

Выручает Серадиадис. Он говорит с приезжими по-турецки, переводит капитану просьбу предъявить судовые документы, списки команды и — для врачебного осмотра — выстроить всех людей на палубе. Турки мельком осматривают матросов, перелистывают документы, спрашивают о контрабанде.

Тогда Серадиадис ведет чиновников в свою каюту, открывает бутылку рома, роскошную коробку шоколадных конфет и предлагает русских папирос. В разговоре все чаще различает капитан знакомое слово «бакшиш». В конце концов чиновники получают от Серадиадиса какие-то деньги, треплют его и молодого капитана по плечу, скалят зубы и говорят: «Рус карашо». Зайдя еще по пути в навигационную рубку чтоб показать на карте место стоянки в Золотом Роге, турки садятся на катер, машут рукой.

— Можно идти!

Пока грохочет брашпиль, выбирая якорь, молодой капитан напряженно вспоминает, что еще нужно сделать, когда приходишь в иностранный порт. Не показать бы чем-нибудь своей неопытности! Он берется за ручку машинного телеграфа, командует:

— Малый вперед!

Берега теперь — сплошное селение. В голубоватой воде пролива повторены тесно сдвинутые группы домов, загородные виллы, мечети с тонкими минаретами, кипарисовые рощи на кладбищах. За узким местом пролива, где оба берега перегорожены старинной стеной, пролив внезапно расширяется. Вдали — гладь Мраморного моря, а направо...

Направо — Царьград, сказочный город на семи холмах! Каждый из них поднял к небу огромные купола мечетей, башни, минареты, дворцы.

¹ Где капитан?

² Я капитан.

³ О, такой молодой!

Нет, не время теперь рассматривать великолепную картину! Теперь — смотреть в оба!.. Как сказано в лоции?.. «Обойдя в кабельтове здания сераля, держать курс по створу, составленному знаком в средней части Галатского моста и группой кипарисов в глубине залива».

Легко сказать: держать курс! По курсу множество судов — и на ходу, и стоящих на якоре. Вот режет дорогу какой-то трехэтажный гигант с коронами на обеих трубах; таких еще не приходилось видеть. По правилу он должен уступить дорогу. Седов тянет за проволоку гудка. Голос «Султана» вплетается в шум огромного порта. Пароход-великан отвечает мощным ревом sireны, его нос катится вправо. Еще какой-то грязный грузовик — того гляди прорежет борт! Седов короткими рывками дергает проволоку гудка. «Султан» предупреждающе рявкает... Вот, кажется, место стоянки. Да, тут...

— Приготовиться к отдаче якоря. Из правой бухты вой... Отдать якорь!

— Сколько цепи травить? — кричит с бака штурман.

Капитан медлит мгновение и уверенным, властным голосом отдает приказание:

— Травить три смычки. Стопора закабалить как следует!

Он снимает фуражку, вытирает лоб платком, счастливо оглядывается.

Солнце уже высоко. Золотой Рог заставлен сотнями судов. На берегу, как пестрый узор на текинском ковре, раскинулся город. Спешат к «Султану» легкие лодочки — сандалы и каики. Люди в фесках цепляются баграми за иллюминаторы.

— Эй, вахтенный, подать им концы, а то они все стекла побьют!

Капитан спускается с мостика, чтоб проводить хозяина, который собрался на берег. Люди с каиков уже на палубе. Проворные, они успели превратить ее в базар. Суют в руки карточки прачек, портных, назойливо пристают, чтобы купили черепаховые портсигары, дешевые часы или смешные картинки. Раскидывают свертки плохих шелков, предлагают разменять русские деньги на лиры и пиастры. Отмахиваясь от надоедливых торговцев, Седов с Серадиадисом подходят к трапу. Хозяин говорит, что «Султан» простоят в Константинополе дней пять. Потом, если не удастся получить какой-нибудь груз, придется отправиться в Смирну за кунжутным семенем.

На следующий день с утра Седов поехал на берег. По каменным, изъеденным волной и моллюсками ступеням поднялся он на набережную в торговой части Галаты. И сразу же — не успел осмотреться — подхватила, понесла с собой возбужденная, голосистая южная толпа.

Толкаясь и задевая встречных, куда-то торопились, почти бежали разноцветные, разноплеменные люди. Оглушали непонятный гортанный говор, звонки конок, рев верблюдов и ишаков, дребезжанье шарманок, гудки пароходов, крики уличных разносчиков.

Продавцы горячей еды с лотков, торговцы инжиром и халвой, калеными орешками и апельсинами орали во всю глотку, каждый старался перекричать соседа. Какой-то великан налетел на Седова и, балансируя лотком с рыбой на голове, дико вращая белками, прокричал в упор:

— Балык, балык!

Улица — сплошной базар. Вывески магазинов и лавочек, горы дымящегося мяса перед входом в шашлычные, блеск золота и драгоценностей в витринах меняльных контор и ювелиров — все нагло-кричащее, яркое, зазывное.

А что за лица вокруг! Казалось, они собрались со всего белого света.

Людской поток вынес Седова через понтонный мост на другую сторону залива. Моряк оказался в переулке, рядом с огромной мечетью.

Народу здесь было меньше. Это тоже базар, но не такой крикливый. Толпа — почти одни турки. Степенно опирались на посохи почтенные старцы в чалмах и халатах, шли с осликами крестьяне в остроносой обуви, в вышитых жилетах.

Было здесь много женщин, все в просторной темного цвета одежде, лицо у каждой под покрывалом, все с кошёлками или корзинками.

Купив у турка горсть каленых орешков, он отправился дальше по узкой улочке. Она привела к какому-то старинному зданию.

По толщине стен оно походило на крепость. Было видно, что этой постройке много веков. Стены покрылись мхом и вросли глубоко в землю. Каменные ступени истерлись почти до основания. Вместо потолков — куполообразные своды.

Внутри тоже базар. По коридорам множество восточных товаров. Ковры, роскошные старинные ткани и халаты, шитые золотом перевязи и пояса, дорогое оружие, бронзовая, медная и оловянная посуда, табак, пряности, сушеные фрукты, орехи, благовонные смолы и травы — все, что производят Малая Азия, Египет и Персия, можно было найти под этими тысячелетними сводами.

Но покупателей почти не видно.

Желтый, как шафран, безбородый евнух, продавец драгоценных масел и эссенций, тер на жернове более ходкий товар — далматинский порошок.

В нише, заваленной прекрасными коврами, седой турок в чалме плел грубую циновку из камыша. Тощий перс в лавке дамасских клинков резал на тонкие волокна папуши пахучего смирского табака.

Седов с трудом нашел выход на улицу. Он заблудился в лабиринте коридоров.

Остаток дня провел, бродя по тихим улицам Стамбула, заглядывая во дворы, в мастерские ремесленников: медников, кузнецов, токарей, корзинщиков и чувячных мастеров. По истощенному виду этих кустарей, по тому, что большинству не имело собственного помещения (работали на улице), Седов заключил, что в роскошном городе большая часть обитателей — такая же голь и беднота, как в знакомых городах на родине.

Он наблюдал, как обедали мастеровые, прожевывая хлеб с сушеным фиником или с маленьким кусочком халвы. Обед заканчивали пригоршней воды из уличного фонтана.

Тут же, на улице ремесленников, находилась шашлычная. Черноусый, с огромными навывкате глазами, шашлычник стоял у входа наготове, с ножом, похожим на саблю, чтоб срезать с груды баранины, вращающейся на вертеле, верхний подрумянившийся слой.

Аппетитный запах разносился далеко. Но ремесленники грызли свои корки.

«Травка-то у вола под ногами, рад бы пощипать, да ярмо не пускает», вспомнилась Седову отцовская поговорка.

Он вернулся на судно уставший, даже разбитый. В ушах звучали отголоски сумасшедших галатских криков. Одежда, казалось, пропиталась запахами восточного базара. Еще живыми стояли перед глазами картины изобилия рынков, роскоши дворцов и мечетей. Вспоминались голодные вопли нищих около ужасных логовищ стамбульской бедноты в развалинах древних византийских строений.

Вот они какие, заморские страны!

За ужином он начал было рассказывать яро приключения этого дня, но рассказать не успел. Приехал с берега старший помощник, привез ошеломляющую весть: хозяин Серадиадис вступает пайщиком в банкирское предприятие на Гранд-Рю-де-Пера и продает «Султан» какому-то константинопольскому греку. Пароход станет ходить под греческим флагом. Следовательно, всему русскому экипажу будет дан расчет. Новость подтвердилась на следующий же день. Серадиадис приехал с новым командиром, греческим капитаном, велел сдать судовые документы и пароходное имущество. Еще через день Седов и вся команда, получив расчет, перебрались в подворье на берегу — ожидать парохода на родину.

МОРЯК «НА ДЕКОКТЕ»

Через пять дней вся команда «Султана» сошла в Одессе на берег. Боцману повезло: не успел он сделать по набережной десятка шагов, встретил знакомого командира и сразу же нанялся на его пароход. Остальные с узелками и чемоданчиками разбрелись по городу.

Седов и его два помощника пошли искать пристанища. Нашли угол на антресолях у толстой гречанки, сдававшей углы безработным, севшим «на декокт» морякам. Поместились в большой полутемной комнате, сплошь уставленной кроватями. Здесь стоял неистребимый запах лампадного масла, чеснока и человеческого пота. Расчет с постояльцами у гречанки был прост: полтора целковых за неделю вперед и никакого кредита.

Оставив чемоданчики, моряки сразу же направились в «Гамбринус». Так назывался кабачок, куда сходились одесские моряки выпить кружечку пива, повидать приятелей и поделиться новостями. Кабачок знаменит был крепким пивом, изобилием новостей и скрипачом Сашкой, чье искусство вдохновило писателя Куприна написать прекрасный рассказ под названием «Гамбринус».

В «Гамбринус» шли не только веселиться. Здесь узнавали и о свободном тоннаже, о фрахтах, сплавляли контрабанду и нанимались на суда безработные моряки.

Седов решил искать место только на пароходе дальнего плавания. Теперь, имея на дипломе надпись о командовании судном в заграничном плавании, он надеялся устроиться, по меньшей мере, вторым помощником на океанский пароход.

В «Гамбринусе» узнали плохие новости. Много старых моряков сидело «на декокте» — попросту были без места, на голодном пайке. Походив недели две в кабачок и по пароходным сходням, Седов понял, как трудно получить какое-нибудь место. Был рад, когда подвернулось временное: заменить на один рейс заболевшего четвертого помощника (суперкарго) на пароходе «Царь» Добровольного общества.

«Царь» ходил по ближневосточной линии, по морям Черному, Мраморному, Эгейскому и Средиземному. Вот они, дальние моря! Африка и африканцы, великий город Александрия! Места, которые грезились в детстве!

Он увидел эти места. Но только с парохода. На берегу пришлось побывать всего один раз. Нет, не годилась должность суперкарго, заведующего погрузкой и выгрузкой, для моряка-путешественника, мечтающего о заморских странах! Залитая солнцем, вся в кипарисах, светлая Смирна, пальмовые

долины у каменного Бейрута, Триполи, греческие города в зелени апельсиновых и лимонных садов, мраморный Родос, олеандры на ослепительных вершинах Атоса и горячий Порт-Саид — все это видел только через глазок бинокля, когда пароход стоял на якоре: Берег звал ароматами незнакомых растений, веселым шумом, красотой залитых солнцем улиц. Но побывать на берегу не было свободного времени.

Через две недели «Царь» закончил рейс и вернулся в Одессу. Большой помощник поправился. Седов получил расчет.

На этот раз сидение «на декокте» затянулось. Деньги скоро вышли. Седов помогал семье и не скопил ничего на черный день. Месяца через полтора он дошел до настоящего «декокта» — питания хлебом и водой. Проходила неделя за неделей, а подходящих вакансий не освобождалось. Пытался поступить матросом на пароход дальневосточной линии Добровольного флота. В конторе ему сказали:

— Вы будете трехсотым кандидатом.

— Но у меня диплом штурмана дальнего плавания и капитанский стаж!

— Нам не нужно матросов с капитанским дипломом, у вас имеется четырехлетний стаж плавания, только поэтому и зачисляем кандидатом.

Молодой моряк вернулся в свой угол взбешенный. В тот же день он отправился к воинскому начальнику и подал прошение о зачислении во флот вольноопределяющимся. Там, по крайней мере, не будет безработицы.

Седов не успел еще забыть всю тяжесть матросской доли на паруснике и на «Груде». Но все же первые дни службы во флотском экипаже показались не сладкими.

Остригли накоротко волосы. Выдали форменную одежду, поставили в строй и дали номер. Унтер-офицер Замурушкин, обучавший новобранцев, долго не мог запомнить фамилии и кричал в строю:

— Эй, ты, лобастый! Надвинь головной убор по полной хворме. Ты что думаешь — в «Гамбринус» пришел?

С шести утра и до девяти вечера «драили» унтер-офицеры молодых матросов. Наука быстро и правильно связывать подвесные койки, строевые занятия, винтовка, оружейный замок, морской устав и «словесность» — все это вколачивалось в голову настойчиво, с криком и крепкими морскими словечками.

Особенно запомнилась маршировка. Каждый день на просторном дворе Замурушкин обламывал матросов и поодиночке и повзводно. Учил вытягивать носок по струнке, бросать правую ногу на землю и тотчас же, не сгибая корпуса, выкидывать

левую. Ногой полагалось бить крепко, да так, чтоб пыль взлетала, чтоб трещала у сапога подметка, чтобы жарко стало подошве!

Больше всего доставалось, когда учились ходить церемониальным маршем. Добившись равномерного удара ногой, Замурушкин строил отделение, отступал на несколько шагов и, разевая широкую пасть, торжественно командовал:

— К царениальному маршу товсь, равнение нале-е-ва! Шаг-ам... арш!

Новобранцы, красные от усилий держать ровный строй, от сильных ударов подошвой, двигались, задрав головы налево, деревянной, неестественной, одинаковой у всех походкой. Замурушкин, подплясывая на носках, маршировал рядом и отпускал колючие, цепкие словечки:

— Гомелко, ты что, плевок растираешь аль идешь царениальным маршем? Ать, два, ать, два! Не ставь ногу, как свинячье копыто, деревня. Ать, два! Я те, я те, рыжая морда, Гречавский! Я те буду сбиваться с ноги! Шире шагай, куркуль, коровьи ноги! Ох, будешь ты, криворылый, стоять под винтовкой!

Из экипажа Седова перевели на учебное судно. Хотя и здесь было не легче от ругани, от угроз линьком в опытных руках боцмана Ондрейчука, все же на море дышалось свободнее. Седов был назначен сигнальщиком.

С таким же наслаждением, как в детские годы познавал тайны морских узлов, теперь учился он искусству читать с одного взгляда приказы, набранные разноцветными флагами на флагманском судне. Очень быстро запомнил азбуку условных знаков красными флажками и световыми сигналами по азбуке Морзе, которыми корабли переговаривались между собой. Хорошо было стоять на кожухе ранним утром, когда ночная вахта, борясь с дремотой, дежурила последние минуты перед побудкой. Дремал в плетеном кресле вахтенный начальник. Борясь с желанием спать, покачивался часовой на корме. Но сигнальщики на кожухах зорко глядели вокруг.

Вот на адмиральском корабле взвился сигнал побудки. Вскваливал с кресла офицер. Трелью заливались боцманские свистки. Корабль оживал. Команда выносила наверх и вязала койки. Бежали дневальные в камбуз и возвращались с огромными чайниками. После чая начиналась приборка. Добела скребли и чистили палубу. Хлестала из брандспойтов вода, ее сгоняли за борт резиновыми голиками. До огненного жара начищались ноктоузы, поручни, буртики и медные трубы катеров...

Через три месяца Седов получил звание старшего сигнальщика и был произведен в унтер-офицеры. Поступая во флот, он рассчитывал сдать экзамен на прапорщика. Этот чин давал вес капитанскому диплому. Открывалась также возможность службы на военных транспортах, совершающих дальние плавания. Готовиться к экзамену на прапорщика он начал задолго до поступления во флот. Сдал экзамен легко.

Штурман дальнего плавания получил чин прапорщика флота. Еще одна дорога.

Что же делать дальше? Седов решил готовиться к экзамену за курс Морского корпуса.

Военный флот в царское время находился в особо привилегированном положении. Гвардия и флот считались опорой престола. Многие из офицеров, особенно в гвардейском, экипаже, носили придворные звания. Но привилегиями пользовались не все, а только «настоящие офицеры». «Настоящими офицерами» считались лишь кадровые офицеры-дворяне. Они носили золотые погоны и глядели свысока на остальных, таких погон не имевших. Правом поступления в Морской корпус, готовивший кадровых офицеров, пользовались исключительно дети потомственных дворян¹. Штурманы, механики и врачи, люди с высшим образованием, принимались во флот с большим разбором. До реформы 1905 года они даже не считались «настоящими офицерами» и носили, в отличие от кадровых, серебряные погоны².

¹Только в самом конце XIX века был разрешен прием в Морской корпус (в случае некомплекта учащихся) детей чиновников, не ниже восьмого класса и попов.

²Примером строгости в отношении «чистоты» кадрового состава может служить страничка из биографии адмирала С. О. Макарова, широко известного научными работами по гидрологии и постройкой первого в мире мощного ледокола «Ермак». Макаров, сын морского прапорщика, перешел в Морской корпус из военной гимназии. Кончая курс, он дол жен был, как и все учащиеся в корпусе, получить звание гардемарина, предшествующее чину мичмана. При рассмотрении документов обнаружилось «низкое» происхождение Макарова. Производство приостановили. За исключительно способного ученика вступилось начальство корпуса, хлопотали влиятельные лица. Но все доводы разбивались об «ужасный» факт: отец Макарова был произведен в прапорщики из боцманов. Сын нижнего чина хочет проникнуть в чистопородную среду флотских офицеров! На возражение: «Ведь прапорщик считается официально первым офицерским чином» отвечали совершенно неофициальной, но ядовитой армейской поговоркой: «Курица не птица, баба не человек, прапорщик не офицер». Макарова произвели с большим опозданием, когда его защитникам удалось доказать документами, что он родился год спустя после производства его отца в прапорщики, иначе говоря — был зачат и рожден от офицера. Но всю жизнь (даже в чине адмирала) Макарова попрекали «неполноценным» происхождением. Враждебное отношение кадровиков сказывалось в противодействии всем его начинаниям, в бешеной борьбе против назначения Макарова на ответственные должности и в подлых интригах.

Георгия Яковлевича в ту пору не интересовало, какие он будет носить погоны. Ему хотелось учиться дальше. Только учиться! Морской корпус давал дополнительные знания. Их нужно получить... Один из экзаменаторов, проверявших знания молодого прапорщика, был удивлен широтой его морских познаний. Разговорился, узнал о горячем желании учиться и написал несколько рекомендательных писем. Одно из них Седов отдал в Петербурге старику-гидрографу генералу Дриженко. Ученый принял Седова очень ласково и даже заставил поселиться у себя, пока не удастся поступить на службу. Дриженко и друг его, гидрограф Варнек, помогли преодолеть препятствия, возникшие при хлопотах о разрешении крестьянскому сыну держать экзамен за курс Морского корпуса.

Они же добились сначала какого-то предварительного испытания. Несколько человек, от которых зависело разрешение на экзамен, в полуофициальном собрании задавали трудные вопросы по астрономии, навигации и военноморской тактике. К концу испытания он почувствовал, в последних вопросах, более доброжелательный тон. Официальный экзамен сдал блестяще и был произведен в чин «поручика по адмиралтейству, со старшинством с 24 октября 1901 года». Чина мичмана крестьянскому сыну, разумеется, не дали. По совету Дриженко, Седов поступил на службу в Главное гидрографическое управление.

ГЛАВА IX

ПОРУЧИК ПО АДМИРАЛТЕЙСТВУ

Георгий Яковлевич прошел к Адмиралтейству пешком, через Дворцовый мост. Всю дорогу от своей комнатки на Васильевском острове он ощущал неловкость. Казалось, встречные замечают, что он, поручик Георгий Седов, сегодня в первый раз вышел на улицу в форме морского офицера. Обогнув Адмиралтейство, он вошел в подъезд, правее огромных изогнутых статуй, поддерживающих тяжелые гипсовые глобусы. За массивной дверью — вестибюль, освещенный откуда-то сверху, у строгих лестниц — старинные гаубицы и многоствольные пушки. Похожий на Нептуна швейцар, помогая снять жесткую шинель, осведомился:

— Вы, господин поручик, в Гидрографию или Адмиралтейство?

— В Гидрографию. Я буду здесь служить.

— Вот как! Тогда я вешалочку вам постоянную дам. Пожалуйста, вот тут у печки будет хорошо. И пальтецо зимой тепленьким будет.

Швейцар показал, как пройти в дежурную комнату. Дежурный офицер в кушаке с кортиком и при револьвере спросил, что нужно. Увидев приказ, согнал с лица официальное выражение, сказал приветливой:

— А, значит к нам. Являться по начальству? Подождите, сейчас доложу.

Через четверть часа Седова позвали в высокий, просторный кабинет с картинами по стенам. На камине — модели судов под стеклянными колпаками. Посреди письменного стола — огромная чернильница с адмиралтейским якорем. За столом начальник — генерал Вилькицкий.

— Честь имею явиться. Поручик Седов. Назначен в ваше распоряжение.

Начальник осмотрел новичка с головы до ног. Сухо сказал:

— Слышал о вас от капитана второго ранга Варнека. Надеюсь, оправдаете его рекомендацию. Явитесь к нему и передайте, что я назначил вас на испытание. Не могу вас задерживать. Я занят.

Седов сделал «налево кругом» и вышел.

Варнек встретил его по-иному. Перебил официальную фразу: «Честь имею явиться...», дружески взял за руку.

— Бросьте эти церемонии. Ужасно рад за Вас. Пойдемте, познакомлю с нашими гидрографами. Попросим, чтоб помогли на первых порах, а дальше и сами разберетесь.

В чертежную прошли, через высокий, отделанный старинным дубом зал с антресолями. По стенам и на антресолях книжные шкафы. Через стекла видны корешки старинных изданий, многие в богатых переплетах — пергамент, тисненная кожа.

— Вот наша сокровищница,— широким жестом показал на библиотеку Варнек.— Из мировой литературы по морским вопросам здесь собрано почти что все. К сожалению, мало наши гидрографы пользуются таким богатством. Смотрите, в этих резных шкафах с гербами покоятся старинные вахтенные журналы. Их вели во время кругосветных путешествий наши лучшие моряки. Экспедиции Беринга, Коцебу, Крузенштерна, Лазарева, Литке, Головнина, Беллинсгаузена изучили весь Великий океан, открыли и описали множество островов, Антарктику. И все это здесь. Здесь же труды Лаптевых, Челюскина, Прончищева... Будем надеяться, что и наши работы займут здесь место.

В чертежной новичка окружили гидрографы, познакомились. Варнек сдал Седова на попечение пожилого тучного капитана и вышел. Капитан дал вычислить географическую сетку

для планшета одного из участков близ устья Печоры. В этой работе прошли первые дни службы.

Сначала все восхищало. И строго научные методы работы, и придиричавая точность в применении их, бесконечные проверки каждого штриха на картах — все основательно, неторопливо, надежно.

Но прошло несколько месяцев, и молодой моряк, познакомившись со всеми порядками, начал сознавать малопомалу, как медленно и беспланово работает все учреждение.

Дело шло какими-то рывками. Иногда экспедиции на ближние и дальние моря следовали одна за другой. Скапливались черновики для карт и горы годных для опубликования научных материалов. Но обработка научных материалов двигалась медленно. За это время материалы прежних экспедиций теряли интерес новизны и потихоньку переключивались в архив. А управление, получив требование на переиздание старых карт, принималось за их редактирование или снаряжало совсем маловажную новую экспедицию. Знакомясь с делом, Седов изумлялся: как скоро переходят на русские карты не очень точные исправления, сделанные иностранцами, в то время как собственные материалы для карт высокой точности покоятся в запыленных шкафах Гидрографического управления. В течение десятков лет никто не трогал слежавшихся и пожелтевших журналов Великой северной экспедиции. Никто не касался журналов кругосветных путешествий. Тяжелые мысли о скором забвении человеческих дел вызывал этот архив.

Гидрографическое управление в то время, когда туда поступил Седов, находилось в периоде оживления. Снаряжались экспедиции, выпускались новые карты. Но, как и раньше, оживление это не были началом планомерной работы. Деятельный начальник, политическая обстановка — только и всего.

Как раз в эти годы России грозила потеря огромного двойного острова Новая Земля, открытого русскими в древнейшие времена. Норвежские зверобои начали основывать на нем зимовки и промышленять в территориальных северных водах без всякого стеснения. В норвежской печати появились статьи об отсутствии интереса России к Новой Земле: там нет русского населения; русские вовсе не интересуются исследованием острова, даже берег не везде положен на карту. По настоянию министерства иностранных дел, Гидрографическому управлению предложено было приступить к исследованию Новой Земли и прилегающего Карского моря, к установке мореходных знаков для русских охранных и промысловых судов. В 1901 году организовали экспедицию Северного Ледовитого океана на судне «Пахтусов».

Ее начальнику, капитану второго ранга Варнеку, предоставили право задерживать иностранцев в русских территориальных водах. Варнек с удовольствием зачислил в экспедицию своего нового молодого друга. Так Седов впервые попал на север.

Снова на корабле. Прочный, по-военному надраенный «Пахтусов» блестит чистотой. Волнует суэта последних сборов в Архангельске. Все великолепно. Веселые поездки на гребном катере из предместья Соломбалы в город по могучей Двине. Знакомый запах на взморье, только цвет морской воды здесь зеленее, чем на юге. Как светлы эти северные ночи! Даже в полночь можно читать! Да, здесь все по-иному.

Непривычен уху поморский говор матросов. Они не похожи на подвижных одесских моряков. Эти медлительны, крупны и крепко руки. Больше напоминают рыбаков с Кривой Косы. Вот этот широколобый и толстоплечий Фомин очень похож на отца. С такими гребцами не пропадешь! Они видали виды!

Гребцы, в самом деле, выручали не раз. Особенно запомнился случай при постройке знака у устья речки Кары. Начальник экспедиции сказал: «Если ветер усилится и будет трудно, возвращайтесь. Подождем хорошей погоды». Случилось, что ветер начал свирепеть, кидать пену и воду в тяжелый, нагруженный досками карбас, когда до берега оставалось меньше мили. Поворачивать обратно, когда прошли уже с таким трудом десяток миль?!

Как, ребята, дотянем до берега? Не сдадим в последнюю минуту? — в перерывы между гребками спросил поморов Георгий Яковлевич. Он, как и все, из последних сил работал парой дополнительных весел на корме:

— Ты, ваше благородие, ветра не спрашивай. Не любит, когда об нем гадают. Он сам покажет, в которую сторону можно. А наше дело — знай ворочай веслом! — ответил за всех Фомин.

Совсем недалеко у берега, на мелководе, волны залили карбас. Всплыли доски. Седов и поморы по пояс в воде ловили их, вытаскивали на берег лодку. Сушились у костра. Но знак был поставлен.

По той ли причине, что любил Седов отпускать веселые прибаутки, бодрившие всех на работе, потому ли, что легко брался за весло и за тяжелое бревно, или просто чувствовали матросы в веселом поручике своего человека, — команда работала с ним дружнее, чем с другими офицерами. И получалось: поручик Седов всегда выполнял свою задачу вернее, быстрее и лучше других. Варнек писал про него впоследствии:

«Всегда, когда надо было найти кого-нибудь для исполнения трудного и ответственного дела, сопряженного иногда с немалой опасностью среди полярных льдов, мой выбор падал на него». Впрочем, говаривал Варнек и другое: «Боюсь я, он когда-нибудь свернет себе голову. Смел до безумия. Удивительно, как все сходит ему с рук».

Кончился рабочий день. К «Пахтусову», стоявшему на якоре вдали от берега, подгребают одна за другой шлюпки гидрографов. Седовская подходит позже других: работали дальше всех. Гребцы в форменных бушлатах и в поморских кожаных шапках-ушанках споро гребут, подваливают к борту. Все мокрые от пронесшегося шквала, чуть не залившего шлюпку во время промера на Гуляевских Кошках. Но дело закончено. Шлюпка разворачивается, ловко становится против штормтрапа.

— Шлюпку на шкентель. Гребцам две вахты отдыха! — командует Седов и идет в большую каюту переодеться в сухую одежду.

В кают-компании тепло. Прозябшие и голодные гидрографы одолевают второй чайник. Тает горка разогретых в камбузе сухек.

Вот и начальник экспедиции Варнек. Он берет стакан и, помешивая чай ложечкой, говорит:

— Разделались с этим промером! Завтра пойдем к Новой Земле. Поищем якорной стоянки у Карских Ворот. Думаю, что в Дыровой губе должна быть неплохая. Говорили поморы, что там отставалось порядочное судно. Зайдем и мы осторожно. Если все обойдется, оставим партию делать съемку, промер и знаки, а сами — на Шараповы Кошки. Предполагаю поручить работу в Дыровой губе штабс-капитану Морозову и поручику Седову...

Палатка у Карских Ворот. Крупный шиферный песок под ногами. Команда отдыхает в соседней палатке. Измотались при трудном восхождении на крутую гору с грузом досок для мореходного знака. Не спали двое суток. Надо бы и самому прилечь, отдохнуть. В глазах сухо, все тело болит. Но... кажется, солнце золотит полу палатки. Да, выглянуло! Придется взять секстаном несколько его высот, а то долготы ненадежны. И Седов идет с инструментом к астрономическому пункту. Снова вычисления на долгие часы...

«Пахтусов» на рейде. Отваливает от борта шлюпка. В трубу дальногомера хорошо видно, кто в нее садится. На корме

начальник. Видно, хочет узнать, как идет работа. Но для начальника приготовлен в палатке сюрприз — совсем готовая карта на двух планшетах.

Вот собрались в палатке и гидрографы с судна и береговая партия. Варнек долго изучает обе карты — одна Седова, другая Морозова. Лицо начальника светлеет все больше. Кладет, наконец, циркуль, протирает уставшие глаза платком.

Дальше, по-моему, некуда! Работа образцовая. Чья лучше — сказать не могу. На той и на другой карте астрономические пункты ложатся в одном месте. Самое большое расхождение — пять сажен. Штабс-капитана Морозова я знаю давно. Теперь у него появился серьезный конкурент — поручик Седов. Мне же остается только радоваться!

А мне тем больше. Есть с кем сверить работу, с кем состязаться,— добродушно подхватывает хилый на вид, но выносливый Морозов. Искренне жмет руку товарищу.

Поздняя осень. «Пахтусов» осторожно, самым тихим ходом входит в незнакомый залив, неясно обозначенный на карте. Сумрачно. Новоземельские горы срезаны сверху тяжелым слоем поднявшегося тумана. Там, в глубине залива, жуткая синь. В ней изумрудами блестят отсветы на леднике. Ближе — ледяные громады, сборище высоких айсбергов.

Пароход пробирается узкими коридорами между отвесными синими стенами льда. Почему же не движутся эти чудовища. Быть может, стоят на мели?.. Гул и грохот со стороны ледников. Там облаком повисла белая пыль. Из моря выныривает новая огромная гора, с нее льются каскады воды. Идет по заливу волна, ее шипенье по берегу слышится явственно. Вот качнуло и пароход.

— Что же, приступим к промеру,— прерывает молчание начальник экспедиции. — Меня интересует вопрос: какова осадка этих айсбергов? В прошедшем году я обмерил один. Айсберг сидел на мели. При высоте его в тридцать девять футов глубина оказалась сорок четыре сажени! Прекрасный случай проверить. Кто хочет со мной? Георгий Яковлевич, хотите?..

После первого полета орлу не сидится на скалах. Торопится вновь испытать, как крепко опираются крылья на воздух, как мчат в свободную даль.

Седов после первой экспедиции говорил Дриженко:

— Мне место на Севере. Я понял всей душой. Слышал я в Константинополе пословицу: «Кто раз вкусил сладких вод из источника Дольма-Бахче, тот всю жизнь будет болеть желанием

вернуться к нему». Видно, мои «сладкие воды» текут на Севере!

В самом деле, он стал бредить Севером. Все разговоры были об Арктике. Искал книг о Севере и полярных путешествиях. Будущей весны и продолжения экспедиции ждал с жадностью. Носились слухи, что «Пахтусов» будет продвигаться дальше на восток, к устью Енисея, быть может, до Таймыра, к местам, совсем неисследованным.

Зима прошла превосходно. Совсем другое дело — создавать собственную карту доселе неисследованной местности. Георгий Яковлевич безукоризненно вычертил свои планшеты и сделал это в неслыханно короткое время. Заметил даже, что такая ретивость гидрографам не очень-то понравилась. Слышал однажды за спиной: «Выслуживается сей поручик!» Вспыхнул, но сдержался. Не объяснять же, что он не собирался выслуживаться, а просто работал со страстью, и иначе работать не мог.

В эту зиму произошла встреча: у знакомого моряка случайно столкнулся со старым знакомцем по Мореходным классам Шурой Недзвецким. Тот так и не кончил курса. Теперь приехал в Петербург готовиться к экзамену на штурмана. Георгий Яковлевич предложил свою помощь. Заодно стал готовить в штурманы еще одного юношу — фельдшера Лукианова, с которым познакомился на «Пахтусове». Во время экспедиции фельдшер обучал Седова фотографическому искусству. К Лукианову и Недзвецкому присоединились еще двое. Собирались на дому у Седова. Весной все ученики сдали экзамен. Денег с товарищей Георгий Яковлевич, конечно, не брал.

После экспедиции Седов впервые за всю жизнь почувствовал себя обеспеченным, избавленным от прежней заботы о куске насущного хлеба. Получал немного, но и потребности были невелики. Жил скромно, столовался у хозяйки. Хотя по-прежнему посылал он деньги домой, все же оставалось достаточно для одного человека, приученного жизнью к большой бережливости.

Начал посещать театры. Увлёкся балетом и оперой. Вероятно, в этом увлечении сказались детская неиспорченность, потребность в ярком, праздничном, необычайном — человека, выросшего в бедной, трудовой семье.

ГЛАВА X

АМЕРИКАНЕЦ

Ближе к весне, когда начались сборы к следующей экспедиции, Георгий Яковлевич получил книгу Фритьофа Нансена «Во мраке ночи и во льдах» — описание норвежской экспедиции к Северному полюсу на судне «Фрам».

Прочитал запоём в несколько вечеров. С самого детства ни одна книга не оставляла такого глубокого следа.

Перевернув последнюю страницу нансеновского отчета, он возвратился к первой. Стал рассматривать портрет молодого высоколобого норвежца. Вот это человек! Смел, умен и настойчив. Такой имел право идти на завоевание полюса. Но он сделал ошибку. Если б не стремился он попасть на Землю Франца-Иосифа, а отправился бы прямо в Гренландию, вероятно, дошел бы до полюса, разгадал бы вековую загадку. Да, нужно быть таким же настойчивым для достижения великих целей.

В этот год отправились в Архангельск рано. Первую половину лета гидрографы работали у Мурманского берега. Перед тем как направиться в Карское море, «Пахтусов» зашел в Архангельск.

Почти одновременно с «Пахтусовым» пришло в порт большое деревянное судно с тремя высокими мачтами, с белой бочкой на одной из них. На отлого срезанной корме среди золотых узоров блестела начищенная надпись «America». Вокруг грот-мачты завернулся американский — в звездах и полосах — флаг. Судно пришвартовалось к стенке в Соломбале недалеко от «Пахтусова». Матросы в полосатых тельниках быстро и ловко завезли на берег добротный стальной трос, закрепили его за рым.

По мостику расхаживали какие-то иностранцы в вытуженных туристских костюмах, в морской форме был только один — видимо, капитан.

Под вечер, когда Георгий Яковлевич возвращался из города к себе на корабль, странное судно стояло еще на том же месте; берег около него оказался заваленным горами груза: прессованное сено, доски, тюки, какие-то ящики. Со стороны невзрачного домика напротив этого корабля несся невообразимый шум. Заглянув в слегка приоткрытую калитку, Седов увидел, что весь обширный двор, прилежавший к домику, полон собак.

У дома толпились зеваки, засматривая в калитку, и сквозь щели в заборе дивились на необычное зрелище. Спросив у одного из зрителей, что означает такое собрание псов, Седов получил неопределенный ответ:

— Кто их знает! Сказывал тут один — американская испи-диция собирается на ледяную землю. Со всей Сибири собак понабырали. Всех обученных, которые могут сани тягать, скупили. В шести вагонах везли. Каждый день на корм двух коров забивают. Орава — без малого полтыщи голов. Куда такую беду?

На «Пахтусове» успели разузнать кое-что про новое судно. Оно принадлежало американской экспедиции Циглера. Ее начальник приезжал к лоцкомандиру за русскими картами и в порт, просил баржу — перевезти с другого берега десятка два каких-то низкорослых лошадок, похожих на пони, кажется из Маньчжурии. Экспедиция направляется к Северному полюсу.

Гидрографы собирались пойти вместе с лоцкомандиром осматривать судно и экспедиционное снаряжение.

Георгий Яковлевич быстро сменил рабочий китель на новенький, опоясался кортиком и присоединился к группе, отправившейся на судно иностранной экспедиции.

Остановившись у трапа, гидрографы послали через вахтенного свои визитные карточки. Минуты через три к гостям вышел совсем молодой, крепко сбитый человек в пестром шелковом свитере, в невиданно высоких шнурованных ботинках ядовито-желтого цвета. Носатое, гладко выбритое лицо этого американца показалось очень знакомым. Такие лица нередко можно встретить за кулисами в цирке, среди гимнастов и иностранцев-акробатов, и среди нерусских жокеев на ипподромах.

Было видно, что визит морских офицеров льстит самолюбию американца. Он встретил моряков крепкими рукопожатиями. Заговорил сжатыми английскими фразами, словно боялся неэкономным расходом слов показать неделовитость.

— Антони Фиала, начальник. Рад видеть. Польщен интересом ученых моряков. Ваш слуга. Прошу!.. Я покажу сначала наш прекрасный корабль.

После ответных приветствий гидрографы бегло осмотрели палубу, шлюпки, новенький вельбот и паровой катер. Фиала показал полярные сани для лошадей, парусиновые лодочки-кайки и легкие норвежские лыжи с патентованными застежками.

— Новейший патент. Первые экземпляры исполнены для меня, — похвастал он.

Подвел к раскрытому трюму.

Трюм почти доверху оказался забитым разнообразными ящиками. На каждом выжженная надпись: «Ziegler Polar Expedition»¹ и печатная марка: на одних ящиках изображена подкова, на других — красный крест, зубчатое колесо, флажок, вилка или теодолит.

— Моя система, — объяснил американец. — Обратите внимание на марки. Они обозначают департамент, которому принадлежит имущество в ящике.

¹«Полярная экспедиция Циглера».

Он подозвал матроса и приказал вскрыть один из ящиков с флажком на марке. Поверх всего на ящике оказалась опись содержимого, отпечатанная на бланке, помеченном таким же значком, как на крышке. Под описью, укупоренные в роскошную пергаментную бумагу, лежали просторные, из плотнотканного шелка, балахоны с капюшоном и такие же брюки. На спине каждого балахона оттиснута черной краской мрачная эмблема — череп с костями — и красная надпись: «In hoc signo vinces»¹.

— Специальная одежда для полюсной партии. Мой стандарт. В этой одежде мы завоюем полюс!

После осмотра трюмов начальник экспедиции предложил пройти в жилое помещение. Сначала заглянули в какую-то каюту, похожую на канцелярию,— пишущая и счетная машинки, телефон, шкафчик с регистраторами и гроссбухами.

— Ветеринарный департамент... научный... машинный... медицинский. Департамент полюсной партии,— быстро показывал американец толстые инвентарные книги в прекрасных переплетах, с золотыми надписями по корешку.— В этой каюте мозг экспедиции. Каждое ее движение зарождается здесь. Ничто не движется без ордера отсюда. И всякое действие отражается здесь же. Сейчас я позвоню стюарду, чтоб дал вина. Он принесет три бутылки в кают-компанию и три расходных ордера сюда, вот в этот ящик. Понятно?

После этой демонстрации экспедиционных порядков посетили еще одну из жилых кают и прошли в кают-компанию. Угощая гостей вином и ананасами, начальник экспедиции рассказал о зарождении и организации своего предприятия.

Это вторая экспедиция к полюсу, снаряженная на средства миллионера Циглера. В 1901 году начальник первой, Болдуин, зимую на Земле Франца-Иосифа, не сумел объединить участников экспедиции. Были неурядицы с норвежской командой судна. Вернулись в Америку, почти не приступив к работе. Фиала, участвовавший в экспедиции в качестве фотографа, сумел уговорить миллионера не прекращать попыток достижения полюса.

— Я был очень убедителен,— оживленно рассказывал Фиала (разлив вино, он отдал стюарду пустую бутылку).— Ми стер Циглер согласился со мной. Не выходя из его офиса, я получил из собственных рук старого джентльмена вот эту книжечку,— Фиала вынул из кармана длинную книжку в жестком переплете.

— Это чековая книжка мистера Циглера. Счет Циглера в этом банке достигает десятка миллионов долларов. Мистер

¹ «Сим победишь».

Циглер не ограничил меня в расходах. Могу тратить без предела. Каждому из нас я мог бы выписать чек на любую сумму... разумеется, в том случае, если бы был уверен в целесообразности этого расхода для успеха экспедиции.

Молодой человек засмеялся и движением пальца пробежал по корешкам оторванных чеков. Замелькали числа в три и четыре знака.

— Общий расход на экспедицию оказался свыше полумиллиона долларов. Да, да, больше миллиона рублей на ваши деньги. И предстоят еще расходы. Но полюс будет наш! — заметно оживившись после двух бокалов вина, продолжал Фиала. — Полюс будет наш! Не было экспедиции, снаряженной так богато, столь мощно вооруженной с технической стороны. Мы имеем все. Лучшие машины и инструменты. Все снаряжение — по специальному заказу из отборных материалов. Превосходные канадские и сибирские меха, нью-джерсиская шерсть. Из провизии все лучшее, что производит мировая пищевая индустрия: английские сухари, австралийское мясо, шотландская лососина, скандинавский бекон, сибирские рябчики. У нас четыреста тридцать ездовых сибирских собак и два десятка лучших маньчжурских пони. Да, да, все лучшее в мире собрано здесь, — твердил американец. Его щеки покраснелись, глаза блестели. — На экспедицию затрачены настоящие деньги. Но деньги — это успех. Деньги — победа! Я утверждаю: вся современная культура движется деньгами. Деньги — культура, деньги — все! Я так и сказал тогда мистеру Циглеру... Вот моя фраза: «Дайте мне достаточно денег — я завоюю полюс и привезу бессмертие для вашего имени». Мистер Циглер очень умен и осторожен, но он согласился со мной. Теперь вы понимаете мою уверенность в успехе? Мой девиз — организованность и деньги. В той каюте, вы видели, — штаб экспедиции, там ее мозг. Здесь, — Фиала хлопнул ладонью по книжке, — здесь ее сердце! Нет, я не боюсь неудачи. Все предвидено и обдумано. Для участников полюсной партии предусмотрена особая плата. Каждый градус широты удваивает поденную оплату. Если на восемьдесят втором градусе каждый из моих спутников будет ежедневно получать три доллара экстраплаты, то на восемьдесят пятом он получит двадцать четыре доллара, а на девяностом — триста восемьдесят четыре доллара в день! Чеки на экстраплату я буду выдавать ежедневно. Все мои спутники станут богатыми людьми. Ясно?.. Я вижу, вы убеждены. Да, джентльмены, деньги и организация — вот путь к победе, — твердил Фиала, провожая гостей до трапа. — Я буду очень рад получить от вас поздравления и послать вам свой дружеский привет!

Он приветливо помахал рукой и, поднявшись на мостик, стал деловито отдавать какие-то приказания.

По дороге к своему судну гидрографы говорили об американцах. Двое, пришедшие на корабль с опозданием, рассказали, что их встретили на палубе капитан «Америки» Коффин и один из ученых участников экспедиции. Как видно, капитан не в больших ладах со своим шефом. Коффин не очень уверен в достижении полюса. Говорят, в экспедиции много людей, не видавших не только полярных льдов, но и простого снега. Сам Фиала — кавалерист, хорошо владеющий фотоаппаратом. И только. Весь его полярный опыт — одно небольшое санное путешествие в предыдущей циглеровской экспедиции. С ездовыми собаками никто обращаться не умеет. К счастью, удалось разыскать Василия Жукова, участника предыдущей циглеровской экспедиции. Коффин рассказал, что прошлая циглеровская экспедиция была снаряжена почти так же богато, но вернулась ни с чем.

Смешливый Балакшин, приятель Седова, вдруг расхохотался.

— Один хвостун, другой ворчун. Как, говорите фамилия капитана — Коффин?.. Да ведь по-русски это значит «гроб»! В жизни не поехал бы на судне с капитаном под фамилией Гроб! Озолоти меня мистер Циглер, и то не поеду. Георгий Яковлевич, вы мечтаете о полюсе. Смотрите, не берите в свою экспедицию капитана с такой ужасной фамилией!

— Кто? Поручик Седов? На полюс?— весело зашумели гидрографы.— Нет, правда?

Седов вспыхнул, бросил сердитый взгляд на болтливого товарища, но заговорил в том же веселом тоне:

— На полюс? Почему бы нет! Я готов хоть сейчас, если найдется и у нас честолюбивый миллионер и поднесет мне чековую книжку. Честное слово, я не буду ею злоупотреблять и на десятую долю! А почему бы на самом деле мне и любому из нас не стать на место этого кавалериста? Каждый из нас моряк и капитан. По крайней мере, не заблудимся. Все мы знаем, что такое лед и северное море. А к морозу мы более привычны, чем любой из этих американцев. На сей молодой начальник, боюсь, быстро прекратит писание чеков в своей штабной холодной палатке!

Седов заразительно расхохотался, представив, как продрогший человек на льду пишет чеки закованными руками для стоящих в очереди людей в балахонах со знаками черепа и скрещенных костей, но оборвал смех и заговорил совершенно серьезно:

— Полюс! К полюсу стремились лучшие люди. У нас

Ломоносов всю жизнь мечтал о морском пути на Восток и о Северном полюсе. Менделеев говорил: «Россия стоит фасадом к Северу», и тоже стремился в Арктику. Русский народ заселил огромные пространства на Севере и всю Сибирь до самого Ледовитого моря. Я читал, что в устье Енисея, под семьдесят третьим градусом, и на Шпицбергене, под семьдесят восьмым, были русские поселения. И теперь русские живут на берегу Ледовитого океана в устье Колымы и Индигирки. Так кому же, как не нам, привыкшим к работе на морозе, заселившим Север, дойти и до полюса? И я говорю: полюс будет завоеван русскими!

— Опоздаем, — безнадежно махнул рукой длинный помощник командира. Поправил уныло повисшие усы, но они спустились еще ниже.— Вот увидите, этот молодчик побывает на полюсе.

— Не будет этого, — убежденно сказал Седов.— Помните, когда я спросил, боится ли он неудачи на пути великих предшественников, в глазах у этого развязного парня что-то мелькнуло, словно мышь пробежала и скрылась. Я тогда понял: он сам не верит. Не верит сам, поверьте вы мне! Да и на что ему полюс! Он, слышали, одно твердит: деньги и деньги!

Возбужденный разговором, Седов долго не мог уснуть. Первый раз в жизни он завидовал по-настоящему. В самом деле, в руках этого самоуверенного американца все козыри. Только одно: слишком громоздкой получилась эта экспедиция со всеми ее штабами и департаментами, с балластом всякого ненужного добра. Седов вспомнил игру в «двадцать одно» и широко улыбнулся: «Да, тузов у него полны руки. Но не лишка ли прикупил этот дядя?» — подумал он. И, завернувшись в свое тоненькое одеяло, закрыл глаза¹.

Экспедиция этого года продолжала работы, начатые в прошлом году. Там же, в Карском море, делали съемки берегов, промеры, строили мореходные знаки. В этот год на долю Седова выпало еще больше работы. Он был помощником начальника экспедиции. Все заботы — руководство командой, разрешение всех повседневных вопросов экспедиционной жизни — теперь лежали на нем. Не было покоя ни днем, ни ночью.

Но Седов чувствовал себя прекрасно. Производя наблюдения на берегу и на судне, ворочая тяжелым веслом упругую воду и толкая шлюпку навстречу противному ветру или таща ее вместе с командой по льдам, он вносил в дело одинаковую

¹Как известно, экспедиция Фиала не оправдала надежд, возлагавшихся на нее американцами. Фиала не только не достиг полюса, но даже не дошел до тех широт, которых достигали его предшественники.

восторженность. Было что-то пьянящее в постоянном свете полярного дня, в чистоте насыщенного влагой, холодноватого и пахнувшего морем воздуха. Молодой полярник ощущал остроту всех чувств и крепость мышц. Это поддерживало постоянное возбуждение, опьяняло и завлекало в борьбу и работу.

Экспедиция окончилась поздно. В Архангельск вернулись в октябре. Сдав экспедиционное имущество и инструменты, Седов сел в поезд. С наступлением зимы началась уже налаженная петербургская жизнь.

ГЛАВА XI

ВОЕННЫЙ ШКВАЛ

В юности был такой случай: Егорушка с братом Михаилом поехал проведать сети, поставленные на частика. Не успели ребята вынуть рыбу — налетел шквалистый ветер. Вымочило дождем, захлестало пеной, ошеломили вихри. Лодку понесло в море. Как ни старались ребята грести, ветер одолевал, отрывал все дальше от берега. В открытом море разыгралась крупная на мелководье волна. Ребята не пытались уже прибиться к берегу, — только бы не залило. Михаил сидел на веслах, чтоб держать лодку против ветра, а Егор без перерыва вычерпывал воду. К берегу вынесло около Петрушиной Косы, где никогда не бывали...

Такой же внезапный шквал оторвал Седова от адмиралтейских чертежных и выбросил далеко на востоке, у устья Амура.

Это случилось в начале 1904 года.

Вечером, 28 января, выходя после службы из адмиралтейского садика, Георгий Яковлевич заметил в начале Невского проспекта необычное сборище. Люди толпились около мальчишки — разносчика газет. Он не поспевал даже выкрикивать обычный зазыв: «Вечерние Биржевые, экстренный выпуск!» Газеты рвали из рук. Еще издали бросились в глаза крупные заголовки: «Вероломное нападение японцев на Порт-Артур».

В газете было напечатано известие о начале военных действий на Дальнем Востоке. Японские миноносцы без объявления войны атаковали русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, и подорвали минами броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Палладу».

Седов стал быстро пробегать глазами первую страницу, но опомнился: офицеру на улице читать неприлично. Еще нарвешься на какого-нибудь брюзгу-генерала.

Он спрятал газету в карман и хотел идти домой. Но, подумав, повернул на набережную. Решил зайти в Главный штаб, расспросить знакомого офицера о подробностях. Вестовой в подъезде сказал, что знакомый ушел. В штабе служба окончилась. Только в мобилизационном отделе и в шифровальном кабинете сидят еще офицеры.

Седов покачал головой. «Хороши, — подумал он. — На востоке броненосцы топят, а здесь — кончили службу и по домам! Нечего удивляться, что проспали врага».

Дома он с большим вниманием прочитал газету. Долго ходил по маленькой комнате. И в тот же вечер решил: не дожидаясь мобилизации, проситься в действующий флот.

Седов получил назначение в Николаевск-на-Амуре — командовать маленьким миноносцем.

Захолустный городок. Население — одни военные, казаки и ссыльные. Небольшой гарнизон, обслуживающий форт и батареи. Товарищи по дивизиону миноносцев, начальник порта и смотритель маяка — вот и все общество.

О службе военного времени Седов рассказывал немного. И относились его рассказы не к тоскливому сидению в городке, а к какой-то длительной командировке на Камчатку. Ехал зимой на собаках и хорошо познакомился с этим способом передвижения.

Друзья слышали от него еще рассказы о его переживаниях в дни первой вести о Цусимском бое.

Как ни странно, в Хабаровске о разгроме эскадры Рожественского узнали впервые от китайцев — прачек и слуг. Много позже пришли официальные телеграммы: «Гибель флота. Сдача командующего. Спуск флагов на судах эскадры Небогатова!» Никто не верил.

В эти дни Седов не находил себе места.

«Как! Сдать врагу еще боеспособную эскадру! Спустить флаг, когда крюйт-камеры еще полны!.. Нет, это не адмиралы, а бабы. Штабные трусы! Разве не могли обмануть врага? Он тоже ничем не стесняется. Обмануть тем же белым флагом, сблизиться, повернуть всем фронтом, бить в упор из всех орудий и пулеметов... Выпустить мины, ударить таранами. Да просто взять на abordаж, умереть, но не сдать! Пусть потонет несколько судов, но остальные, при счастье, увлекут на дно и противника, его штаб, командующего. Тогда не было бы безраздельного господства на море!..»

Георгий Яковлевич плакал от ярости и жалости к погибшим товарищам. Жизнь тысяч смелых моряков — вот жертва за нерешительность, за трусость одного. Седов был близок

к безумному решению: выйти в море на маленьком своем миноносце, добраться до первого японского порта и атаковать его. Пусть не думают враги, что запугали нас!

Одно желание заполнило эти страшные дни — нанести удар по торжеству врага. Первой пришла мысль об оружии слабых — о брандере. Взять полный груз взрывчатых веществ на быстроходный пароход. Команда — охотники. Направиться полным ходом на главные силы врага. Пока неприятель будет расстреливать брандер, он подойдет достаточно близко. Тогда — боевые флаги на стены. Прибить гвоздями. Руль закрепить. Команду — в море. И самому включить рубильник. Страшный взрыв. От детонации должны взорваться пороховые камеры ближайших судов.

Он долго обдумывал этот проект.

Нет, не годится. Едва ли после решительной победы японцы будут посылать в море свои броненосцы. Крупные суда теперь стоят в Сасебо, не опасаясь нападения. Туда бы пробраться! Но брандеру в порт не пройти. Конечно, есть охрана и батареи. Заметят крупное судно. Другое дело — маленькая шлюпка. И вот возникла новая мысль: снарядить эскадру боевых шлюпок, загрировав их под японские рыбацьи лодки, пробраться темной ночью в Сасебо и с первыми лучами рассвета выпустить десяток самодвижущихся мин в лучшие японские броненосцы.

«Да, это мысль! Команда — тоже охотники. Их наберется сколько угодно. Весь успех — в секрете».

Хорошо обдумав все детали этой операции, Седов подал проект по начальству. Прошло порядочно времени, пока морские власти в Николаевске рассмотрели дерзкий проект командующего во Владивостоке. Полежал проект и в штабе. И, наконец, попал на письменный стол командующего флотом Скрыдлова. Адмирал одобрил проект и разрешил операцию. Началось обсуждение ее деталей штабом. Когда приступили, наконец, к подготовке, в Портсмуте был заключен мир.

Седов говорил впоследствии: «И, слава Богу! Быть бы мне на дне морском. Проект слишком долго валялся в штабах и канцеляриях. Случилось бы чудо, если бы всюду сидевшие японские шпионы не пронюхали об этой операции!»

Мир. Нужно решать, что делать дальше. Остаться на военной службе? Перейти в Добровольный флот, плавать по океанам? А Север? А старая мечта о полюсе?

Георгий Яковлевич решил вернуться в Петербург. Подал рапорт. Около года ждал приказа о переводе на прежнюю службу. Приехал в Петербург ко дню рождения. Исполнилось в этот день тридцать лет.

В Гидрографическом управлении оказалось много перемен. Экспедиция Северного Ледовитого океана перестала существовать. Охрана прибрежных вод на Севере осуществлялась стареньким посыльным судном «Бакан». Хищников-норвежцев тихоходный «Бакан», конечно, не пугал. Он приходил из Ревеля на один-два месяца летом. Но видимость охраны соблюдалась.

В Управлении занимались неспешной работой. По-прежнему чертили и гравировали карты. Готовились к новой экспедиции, забыв, что материалы предыдущей не обработаны. Новая экспедиция — на Каспийское море. Добыча нефти на бакинских промыслах увеличивалась. Его величество капитал требовал безопасной доставки нефти водным путем. От гидрографов ждал установки маяков и мореходных знаков.

Весна и осень 1907 года для Седова прошли незаметно. В 1908 году, с начала июня по сентябрь, он работал в экспедиции Каспийского моря под начальством старика Дриженко.

ГЛАВА XII

ЗАВИДНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

В конце декабря 1908 года начальник Главного гидрографического управления Вилькицкий вызвал к себе Седова.

— Господин штабс-капитан, я пригласил вас для обсуждения важного дела. Мною получено разрешение организовать экспедицию для описи устья реки Колымы и подходов к ней с моря. Экспедиция очень, очень ответственная. Не скрою — трудная. Но край весьма интересный. И самое трудное в этом деле — преодоление огромных пространств, очень длинный путь. Почти десять тысяч верст до места работы. Их нужно проехать в очень короткий срок, до начала навигации на реке Колыме. В дальней дороге будет немало хлопот и путевых лишений. И еще осложнение — времени в обрез. Мне нужен человек энергичный, выносливый и знающий дело.

Вилькицкий помолчал, переложил с места на место карандаши на бюваре и поднял глаза на Седова:

— Предполагаю назначить начальником этой экспедиции вас. Можете что-нибудь возразить?

Седов стоял навтыжку. Забилося сердце. О предстоящей: экспедиции слухи ходили давно. Гидрографы гадали: кого же пошлют в это трудное путешествие через всю Сибирь к устью далекой северной реки? Он больше всех мечтал попасть

в экспедицию хотя бы простым производителем работ. Даже прочел несколько книг о северной Сибири и Колымском крае. Теперь мечта осуществилась. И — начальником! Чудесно! Вот счастье!

Но Седов в эти годы был уже опытным служакой, знал: никогда не отказывайся, ни на что не навязывайся. И еще: обнаружить перед начальством радость — совсем не годится.

Сохраняя по возможности равнодушный вид, он еще больше подтянулся по-военному:

— Как прикажете, ваше превосходительство. Я всегда в вашем распоряжении.

Вилькицкий поморщился:

— Нет, нет, я бы хотел, чтобы вы ехали туда с охотой.

— Я полагаю... м-м-м-м... что при успешном выполнении дела можно будет подумать о внеочередной награде или о производстве в следующий чин.

Седов подавил усмешку.

— Я всегда рад работать на Севере. В этом случае меня страшит только большая ответственность. И еще: мало времени осталось для подготовки. Как понимаю я, — выехать нужно не позднее середины февраля. Если это возможно, в остальном я не вижу затруднений.

— Да, да, я позабочусь, чтобы вам помогли снарядиться к февралю,— веско сказал Вилькицкий.— Приказ о вашем назначении отдам сегодня же. А вы начинайте подготовку. Ознакомьтесь с литературой. На днях устроим совещание, пригласим на него участников Ленско-Чукотской экспедиции. Они отправятся одновременно с вами. Ваша работа и изыскания сухопутной экспедиции имеют общую цель: подготовку пароходных рейсов из Владивостока к Колыме и Лене. Работа почетная и плодотворная. Начинайте же готовиться, желаю вам полного успеха.

Вилькицкий приподнялся в кресле, подал мягкую руку.

Седов пожал ее, повернулся «налево кругом» и вышел.

За стенами кабинета он дал волю радости. Наконец-то собственная, совсем самостоятельная экспедиция! Путешествие через всю Сибирь до берегов Ледовитого океана. Если удастся хорошо закончить экспедицию, имя исследователя вспомнит каждый, кто поплывет по этому пути!

С этого же дня Седов горячо взялся за приготовления. Он разузнавал о Колымском крае у бывалых сибиряков. Обошел все библиотеки. Разыскивал в архивах рукописные отчеты старинных путешественников. Днем и ночью думал, как бы облегчить снаряжение. Нужно собраться, как в военный поход: ничего лишнего и все необходимое. Забыть нельзя даже иголки — там не достанешь.

Об одежде и провианте он не заботился. Пища — та или иная — всегда найдется на месте. И там люди живут. Другое дело — мореходное снаряжение и инструменты.

Седов любил свои научные приборы, относился к ним, как к живым существам. Стоило посмотреть, с какой осторожностью вынимал он из футляра и обтирал чистой тряпочкой магниты от инклинометра¹. Можно было подумать, что эти грубые куски намагниченного железа обладают хрупкостью хрусталя. А процедура ежедневного завода хронометров? Она превращалась у Седова в какое-то священнодействие!

И осторожное движение пальцев, приподнимающих крышку от футляра, и сосредоточенное выражение лица при каждом повороте заводного механизма, внимательность даже при укладке ключа в гнездо — все действия, до тошноты надоевшие любому рядовому капитану своей ежедневной повторяемостью, для Седова оставались столь же волнующе приятными, как и в тот день, когда ему, ученику Мореходного училища, впервые разрешили самому завести хронометры. О них он беспокоился больше всего. Как охранить от тряски и резких перемен температуры нежные механизмы больших хронометров? Десять тысяч верст! А ведь без точного времени невозможно определение хороших астрономических пунктов. И карта, которая привязана к ненадежным астропунктам, не годится никуда.

Георгий Яковлевич заказал специальный хронометрический ящик и каждый день забегал к мастеру посмотреть, ладно ли идет работа. Этот ящик походил на обыкновенный дорожный сундук, но внутри на пружинах висел еще один солидный ящик, выложенный волосяными подушками. В полые стенки этого ящика вставлялись плоские цистерны из цинка. В них можно было наливать воду, теплую или горячую, в зависимости от температуры воздуха. Вода поддерживала температуру, наиболее выгодную для хронометров. Пружины и волосяные подушки смягчали неизбежные в дороге толчки.

Подготовка снаряжения, хлопоты с получением карт, книг, инструментов и проверка их заняли весь январь. В начале февраля все было готово.

Но выехать из Петербурга оказалось не так-то просто. Бюрократическая машина в Гидрографическом управлении работала неуклюже и медленно. То деньги не отпущены, то никак не может собраться комиссия для выработки инструкции, то некому ее подписать.

¹ Инклинометр — прибор для определения магнитного наклона.

Только 16 марта 1909 года, когда солнышко стало пригревать совсем по-весеннему, Седов, издерганный всеми проволочками, сел, наконец, в вагон сибирского поезда.

Вышел из вагона в Иркутске. Иркутск тогда был главным административным центром Сибири. Здесь Седову надлежало явиться местным властям, получить «подорожные» и подготовиться к долгому пути на лошадях.

На перроне Седов схватился за голову: всюду проталины, с юга тянет теплый ветерок, извозчики — на колесах. Пахнет весной. «И это в начале пути! Что же будет дальше? А ехать по санному пути еще пять тысяч верст. Неминуемо застряну где-нибудь в тундре,— подумал он, трясаясь на извозчике к городу.— Полетит к чёрту вся экспедиция!»

Иркутяне-старожилы немного утешили его:

— До настоящей весны еще далеко. Здесь оттепель. Санний путь плох потому, что снега выпало мало, грязь только поблизости города.

Но все же бывалые люди с сомнением покачивали головой, когда узнавали, что моряк собирается попасть на Колыму по зимнему пути.

— За Якутском не миновать распутицы. Придется месяц или два просидеть среди тундры. Надо торопиться, может успеете проехать большие реки до разлива.

Посоветовали купить проходные сани, лучше всего сибирские возки с крытым верхом: не нужно при смене лошадей перегружать багаж на каждой станции. Седов послушался совета. Возки пришлось отправить вперед, на станцию Хомутово, недалеко в горах, — там еще снег сохранился. Сам добрался до Хомутова на колесах.

«Я ехал с единственным своим помощником боцманматом Василием Жуковым — добрым и выносливым малым, — начинает Седов описание путешествия по сибирским просторам.— Моими спутниками были участники еще двух экспедиций: Чукотской и Лено-Колымской... Покинув Иркутск, мы облегченно вздохнули и радостно перенесли мысленно к заветным берегам далекого океана, куда уже давно мечтали попасть, чтобы посвятить свои труды на их изучение. Одно нас пугало, — это поздний выезд из Петербурга...

Но вот и станция Хомутово, а с нею и первый удар экспедиции: на станции не оказалось для нас лошадей и нам пришлось их ждать семь часов. Такая потеря золотого времени не могла не отразиться тяжело на нашем самочувствии... но делать было нечего, пришлось подчиниться судьбе — ждать.

Стояла темная морозная ночь. Яркие звезды мерцали на прозрачном синеватом небосклоне, где-то вдали слышалось пение запоздалого путника. Хотелось ехать, ехать и ехать, но ехать было не на чем. Зимние возки стояли уже давно готовыми, все было уложено и увязано, так как предстояло далекое тяжелое путешествие по тяжелой снежной дороге.

Наконец пришли лошади, все мы радостно вздохнули и взялись за дело: застучали дуги, зазвонили колокольчики, забегали маленькие вертлявые ямщики-буряты, закрипел под полозьями снег, и наши четыре возка вскоре грациозно заколыхались по неровной дороге...»

Отъехав от Иркутска сотню километров, путешественники оказались в совсем первобытной, ненаселенной стране. Ее пересекала только одна проезжая дорога: тракт Иркутск — Якутск. По этой дороге изредка мчались возки всесильных владык края — чиновников и купцов, ползли обозы с пушминой. Раз в неделю проезжала почта. По временам со стороны тракта доносился странный лязгающий шум, похожий на заглушённое звучание множества бубенчиков. То был звон кандалов. Он всегда сопровождал движение партий арестантов, шедших по этой дороге на каторгу и в ссылку. На тысячи километров по обе стороны тянулась первобытная тайга. Лес без конца. Редкие поселения жались к реке Лене. Зимняя дорога в Якутск шла по льду. Летом на колесах можно было проехать только до села Жигалова, в трех с половиной сотнях верст от Иркутска. Тут дорога кончалась. Дальше — полное отсутствие путей сообщения, если не считать охотничьих троп.

Девственный край. Знакомиться с ним — наслаждение. Новые места, новые люди, обычаи. Ничего похожего на виденное раньше.

Перевал через отроги острых Байкальских гор остался позади. У селения Качуг путники спустились к верховьям Лены. Здесь санный путь проложен по льду, в узкой щели, пробитой рекой. По сторонам грандиозные обрывы красных кембрийских отложений, поверх их кудрявится лес. К северу лесная долина расширяется. Пологие холмы отходят от реки, прерываются белоснежными падами и снова сдвигаются. Горы сильно теснят реку угрюмыми скалами.

«Радостно смотреть вокруг. Душа живет, и сердце бьется, — восторженно записывал Седов в своем дневнике. — Любоваться красотами этого края можно без конца!»

Но, любуясь и восхищаясь, он помнил, что едет не в качестве туриста. Торопил ямщиков, не давал отдыхать товарищам

на станциях. Ехали на тройках день и ночь, останавливались только для смены лошадей. Спали в возках. На «станках» — так зовут на Лене поселки — иногда пили торопливо чай, пока перепрягали лошадей, но чаще не выходили из саней. Ели раз в сутки — пельмени или разогретые котлеты, и — дальше. Двигались довольно быстро, делая в сутки по сто шестьдесят — сто восемьдесят верст.

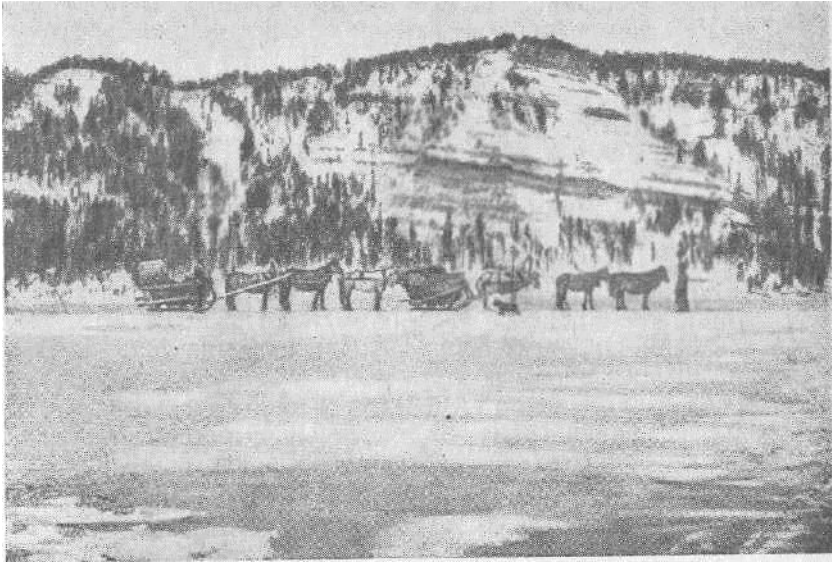
«За Киренском дорога хуже: ненаезжена, узка», отмечено в дневнике Седова. Лошадей стали впрягать «гуськом», одна за другой. Движение замедлялось, особенно когда попадали в рыхлый снег. Иногда один полоз скатывается в жолоб, лошадиную тропу, а отвод — на обочину. Сани кренятся, отвод бороздит по снегу и тормозит движение. На такой узкой дороге встреча почты или тяжелого воза — большая потеря времени. Заслышав почтовые колокольчики, ямщики торопливо съезжают с дороги в глубокий снег. Лошади тонут в нем по брюхо, потом с трудом выбираются на твердую дорогу. Еще неприятней перегонять возы с тяжелым грузом. Каравану приходилось объезжать их стороной. Опять беспомощно тонули несчастные лошади, барахтались, вставали на дыбы и копошились, как мухи в похлебке.

Случались приключения и без встреч. «Раз как-то возок с инструментами, в котором сидел, закутавшись в доху, астроном Чукотской экспедиции Е. Ф. Вебер, опрокинулся с дороги в глубокий снег и накрыл собою тихо мечтавшего путника, — отмечает Седов одно из дорожных происшествий. — Весь караван был остановлен. Начали вытаскивать возок, но он не сразу поддавался. Товарищ же наш каким-то замогильным голосом нетерпеливо кричал, что у него осталось мало воздуха: «Спасите!» Наконец, возок был на дороге, и караван следовал дальше до новой катастрофы».

До Киренска доехали благополучно. 4 апреля Седов с удовольствием отметил в дневнике конец первого этапа на длинном пути:

«...Киренск — небольшой городишко Иркутской губернии с населением в 2500 душ. Собор, городское училище и даже одна гостиница с двумя номерами и бесчисленным множеством клопов. Ясное утро, морозу 30° Ц. Производим астрономические наблюдения на соборной площади... Написали письма домой и следуем дальше...»

В этой части пути — едва ли не лучшие по красоте места на всей Лене. Сразу за Киренском начинаются знаменитые Ленские Щеки — ущелье, пробитое рекой в высоких горах. Здесь изумительное эхо. Крик и звон колокольчиков повторяются

Караван Г.Я.Седова на реке Лене.

десятки раз. Над крутыми каменными обрывами, на головокружительной высоте, нависли деревья. Снег, накрывший ребра скал, вместе с просветами в чаще кустарников кажется снизу белым кружевным узором, наброшенным на каменистую крутизну.

Прорвавшись через ущелье, Лена превращается в могучую реку. За большим ее притоком, рекой Витимом, начинается Якутия, страна, о которой ее народ сложил песню:

Моя страна далеко —
по ту сторону неба достигающей горы,
За восьмьюдесятью пропастями гор,
долин, вблизи травяного моря,
Там моя страна, там моя земля, там мое жилище.

На станках перепрягали лошадей низкорослые, крепкие якуты. Гортанный якутский говор совсем вытеснил русскую речь.

В город Олекминск приехали как раз в первый день церковного праздника пасхи.

Ямщики по случаю праздника хлебнули вина. В расчете еще получить на водку от столичных проезжающих, они погнали лошадей сломя голову. С ними ничего нельзя было поделать.

Возки, прыгая по ухабам и раскатываясь на поворотах, мчались с бешеной скоростью.

Сумасшедшая езда совсем не входила в расчеты Седова, когда он изобретал свой ящик для перевозки хронометров. Такая дикая тряска грозила нарушить правильность хода хронометров и сорвать успех научной работы. Ящики же этого понять не могли и удивлялись: «Что за странные люди — не позволяют везти себя быстро!»

Долгий путь по Лене подходил к концу. За последней волшебной панорамой — гранитной стеной гигантских Ленских Столбов — река широко разлилась на множество проток. Вот слобода Покровская. Ближе Якутск.

«Из-за низких берегов Лены открывается бесконечный простор якутской равнины. Лена здесь шириной пять-шесть верст. Дышится свободнее. Глаз ласкают новые картины природы. Товарищи весело перекликаются из саней в сани. Лошади безостановочно скачут. Колокольчики ритмично звенят, и сердце в такт им радостно бьется».

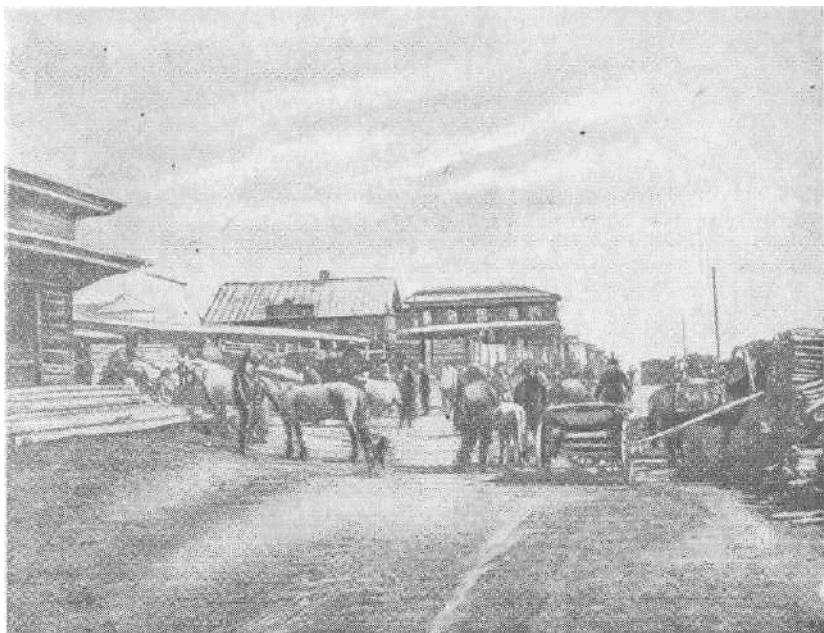
ГЛАВА XIII

В ЯКУТСКОЙ ПУСТЫНЕ

В те времена Якутск был невелик, населения числилось всего тысяч восемь. На географических картах, показывавших заселенность стран, в Якутской области значилась наименьшая плотность населения на всем земном шаре. Три с половиной миллиона квадратных километров земли и двести семьдесят тысяч жителей — вот каково было соотношение территории и населения. На каждого жителя приходилось больше десяти квадратных километров.

По запискам Седова видно, что он живо интересовался этими цифрами. В дневнике есть указание, что среди русского населения Якутии преобладает ссыльный элемент. По сведениям Седова, в самом Якутске одну тысячу составляли ссыльные из восьми тысяч жителей.

И край, и главный город были тогда тюрьмой без стен. Отсюда не убежишь. До железной дороги — две тысячи верст. По единственной зимней дороге сразу задержат. Летом — полное бездорожье. Суровый и холодный климат, отсутствие средств к жизни (кроме охоты и рыбной ловли) и ужасающе низкий культурный уровень местного населения, — в самом деле, лучшего места для ссылки не найти. И царское правительство

Якутск в начале XX в.

широко пользовалось такими «удобствами» Якутии для расправы со своими политическими врагами.

Седов задержался в городе на пять дней. Запасся провизией, одеждой и упаковал как следует груз. О пребывании в Якутске в дневнике занесены такие строки:

«В квартире, где мы поместились (в Якутске гостиниц не было), царил неописуемый беспорядок: три небольшие комнаты были сплошь завалены ящиками, чемоданами, сундуками, разными одеждами, вонючими шкурами и прочим. Тут же производилась упаковка для долгой предстоящей дороги. Случалось, что приходшему к нам гостю приходилось пробираться с большой осторожностью среди нашего груза, чтобы не выпачкать свои чистенькие брюки или, хуже того, не разорвать их о гвозди и торчащие разного рода железки. Но как бы то ни было, а мы жили хотя и в такой обстановке, но дружно и счастливо. В течение дня делали свое, нужное дело для экспедиции, а вечером успевали даже побывать в общественном собрании, где ставились любительские спектакли, а также в гостях у новых знакомых, которые, кстати сказать, были особенно гостеприимны и сердечны к нам».

За пять дней Седов успел посетить всех нужных людей, разузнал о предстоящем пути. Нашел хорошего проводника. Возки пришлось оставить. Вместо них купил нарты — низкие и легкие сани с широкими полозьями, годные для езды по бездорожью и на оленях и на лошадях.

На географических картах, купленных в Петербурге, значился Верхоянский тракт и продолжение его до Среднеколымска. Седов предполагал, что поедет, как раньше, от станции до станции. Только в Якутске пришлось узнать, что настоящей дороги к северу от Якутска нет даже в зимнее время. В трехстах километрах начинается почти ненаселенная страна. Местным жителям чуждо даже само понятие о дороге — ровной, хорошо укатанной полосе почвы или снега. Якутское слово «суол», которым переводится русское «дорога», в буквальном смысле означает «след». И в самом деле, направление пути здесь указывается только редким следом проезжего. След исчезает, конечно, при первом же снегопаде или метели. Без опытного проводника здесь продвигаться нельзя.

Но Верхоянский тракт все-таки существовал. Существовали станции — низенькие юрты — через каждые пятьдесят-сто верст. Якутяне называют такие одинокие юрты «поварнями». Наш известный писатель Гончаров хорошо познакомился с таким типом жилища во время путешествия от Охотского моря до Якутска. В книге «Фрегат «Паллада» имеется страничка, посвященная описанию якутских поварен.

«Поварня, говорят мне, — пустая, необитаемая юрта, с одним искусственным отверстием наверху и со множеством природных щелей в стенах, с очагом посередине — и только... Если хотите сделать ее настоящей поварней, то привезите с собой повара, да, кстати, уже и провизии, а иногда и дров, где лесу нет; не забудьте взять и огня: попросить не у кого, соседей нет кругом; прямо на тысячу или больше верст пустыня, направо другая, налево третья и так далее».

Движение прогресса ничуть не коснулось Якутии с тех пор, как посетил ее Гончаров. Поварни полностью соответствовали его описанию. Георгий Яковлевич узнал, что только в зимнее время в поварнях живут ямщики. На ближайших к тракту якутов была наложена повинность: жить по очереди в одинокой поварне и держать наготове упряжку оленей или лошадей, на случай проезда чиновника, партии ссыльных, купца или иного человека, имевшего от начальства бумажку — «открытый лист». Пропускная способность такого тракта ничтожна. Если впереди кто-нибудь ехал, приходилось ждать, пока ямщики вернутся, сделав перегон в сто-двести верст. И Седову, еще не выехав из Якутска, пришлось выжидать

продвижения участников экспедиции Толмачева, отправившихся раньше.

Больше всего боялся Георгий Яковлевич ранней весны. Она могла задержать экспедицию на целый год.

Случилось хуже, чем он предполагал. Не успели отъехать пятисот верст от Якутска — началась распутица. С отчаянием записывал он в своем дневнике:

«27 апреля на станции Биливской нас захватила распутица. Дорога окончательно испортилась, представляя собою черную землю, по которой оленям не под силу было тащить груженные нарты. Олени часто падали и пропадали. Здесь же догнали мы задние обозы экспедиции Толмачева с капитаном Кожевниковым, который за неимением оленей не мог двигаться дальше. Мы, в свою очередь, этим обстоятельством были поставлены в безвыходное положение».

«Такое тяжелое положение,— пишет он дальше,— приходится в конце концов объяснить следующими причинами: 1) ранней весной и, следовательно, распутицей, в которую мы попали благодаря позднему выезду из Петербурга, 2) путешествием двух экспедиций впереди нас и 3) неудачным действием якутской администрации, выпустившей перед нашим выездом из Якутска партию политических ссыльных и священника на Верхоянск».

Но Седов не растерялся. Он бросил почти весь груз, оставив при нем своего помощника Жукова и проводника. Сам налегке, только с необходимыми инструментами и с малым запасом провизии, стал продвигаться вперед. Жукову велел искать оленей или лошадей и двигаться следом.

Верхоянский тракт к этому времени перестал существовать. Якуты-ямщики разошлись по домам, в свои стойбища. Увели и оленей. На станциях Седов находил пустые юрты с темными отверстиями на месте растаявших льдин, заменяющих в этом крае оконные стекла. Георгий Яковлевич двигался,— нет, не двигался,— тащился на одних и тех же оленях, без смены. Олени устали до полной потери сил. Некоторые не могли идти даже на привязи сзади саней. Единственное средство как-нибудь двигаться с такими измученными животными — это остановки на кормежку через каждые десять — пятнадцать верст. Горше всего давались подъемы на перевал. Обессилевшие олени не везли в гору даже порожных саней.

Что делать? Седов придумал для облегчения подъемов собственное средство. Применяя его, удалось одолеть несколько перевалов. На крутых склонах стали устраивать искусственную дорожку из снега, принося его из тайги. Впрягались вместе с оленями в разгруженные нарты, поднимали сани в гору. Затем спускались вниз и вносили на спинах оставленный

груз. Так одолели несколько перевалов. Можно представить, что это было за путешествие!

Стараясь избежать столь изнурительных подъемов, предпочитали прокладывать путь по речным долинам или через горные ущелья. Пересекали реки. К счастью, они еще не успели вскрыться.

Наконец, одолев закрытый снегом Верхоянский хребет, караван, вернее остатки его, подошел к первому поселку поблизости Верхоянска. Здесь удалось достать за большие деньги свежих оленей. 3 мая Седов увидел с горы дымки. Они поднимались из разбросанных по долине юрт и низеньких домиков.

Это был, «город» Верхоянск.

«Стоит город в истоке реки Яны среди высоких снежных гор... Отличается суровостью климата (полюс холода). ...Жители состоят из якутов, верхоянских казаков и политических ссыльных, которые занимаются скотоводством, охотой и отчасти рыболовством», записано в дневнике Седова об этом городке с населением меньше иной деревушки.

Седов приехал в Верхоянск утром 4 мая. Вечером следующего дня он увидел через открытое окно своей квартиры странное зрелище: караван из лошадей и быков. Во главе каравана вышагивал какой-то оборванец. Это был Жуков. Георгий Яковлевич сначала не поверил своим глазам. Но вот боцманмат делает проводнику знак следовать за собой, приближается и становится во фронт. Рапортует хриплым от усталости голосом:

— Честь имею явиться! Прибыл благополучно. Весь груз в сохранности,— извольте видеть. Пустые нарты пришлось оставить в тайге, никак не мог их вывезти.

Позже Жуков рассказал, как догадался он приспособить под вьюки быков, когда не хватало лошадей, как шел почти без отдыха по тайге и болотам, переправлялся через наледи при помощи жердей.

Вид у Жукова был ужасный. Мокрый с ног до головы, вместо обуви какие-то ошметки, одежда забрызгана грязью. Заросшее густой бородой, закопченное и обветренное лицо ничем не напоминало прежнего франтоватого Жукова. Только флотская фуражка на голове почему-то осталась не помятой и сравнительно чистой. Впрочем, и Седов сутки назад выглядел точно таким же.

В дневнике Георгия Яковлевича записано:

«К вечеру 4 мая приехал в Верхоянск с кладью мой Жуков, обогнав капитана Кожевникова. Своим скорым появлением

в Верхоянске он, признаться, меня очень удивил, но потом, когда выяснилось, что они с казаком додумались приспособить к выюкам быков, коней и все прочее, что только попадалось под руку, то мне оставалось только радоваться их энергичным действиям и находчивости. Ну, как бы там ни было, а все же в сумме печаль и печаль: дальше вместе ехать было опять невозможно, по той же причине — из-за недостатка животных... Я оставил Жукову новую инструкцию для путешествия и деньги и в этот же день 4 мая выехал дальше...»

Впереди последний этап — тысяча триста семьдесят пять верст до Среднеколымска — самый трудный. Большой непрехотливостью должен обладать путешественник, пересекающий эту часть Якутии даже по хорошей дороге. Теперь предстояло одолеть этот этап в распутицу.

Погода стояла теплая — пять градусов. Снег быстро таял. Дорога все больше и больше портилась, несмотря на то, что караван подвигался к северу. На станции Тастах пришлось бросить все сани и следовать дальше, погрузив багаж на выюки. На этом участке пришлось переваливать два высоких хребта: Тас-Хая-Тах и Алазейский, не считая нескольких низких. Переправлялись через реки Тастах, Догдо, Селенгах, Индигирку и Алазею. На некоторых были глубокие наледи, а Алазея успела наполовину вскрыться. Переправа по плохо смерзшимся наледям была сущим бедствием. Некованные лошади скользили, падали вместе с выюком в воду, груз в них подмокал и портился. Все это причиняло много хлопот и огорчений, не говоря уже о том, что возня в воде с упавшей лошадей — занятие не очень-то приятное, особенно для обессиленных трудным путешествием.

Больше всего Седов боялся за лошадь, которая шла с легким выюком — с хронометрами. Это была самая смиренная лошадь в отряде. Был выделен для нее отдельный ямщик. Но все же Георгий Яковлевич старался держаться поближе к хронометрам.

Шли, как и раньше, без дороги. Иногда попадали в глубокую грязь. Лошади вязли по брюхо в каше из снега и грязи, часто останавливались, не имея сил вытащить ноги. В таких случаях происходила авария всего каравана. Его нельзя сразу остановить. По якутскому способу езды, все лошади идут цепочкой, связанными между собой хвостами (повод задней привязан к хвосту идущей впереди). Если одна из лошадей упадет или увязнет, другие, продолжая движение, помогают ей. Но чаще случалось — обрывалась у какой-нибудь лошади часть хвоста или повод. Она «дурела» от ужасной

боли, равномерность движения нарушалась, лошади «бесились» и разбивали вьюки. Ямщики в ужасе бросались в стороны, неистово крича.

«Случалось нам ехать верхом без отдыха и без сна по трое суток подряд и более,— вспоминал Седов про эти тяжелые переходы, — тогда ямщики и казак-проводник наш обессиливали и под разными предлогами не хотели нас везти дальше. Что касается меня и Толмачева, то мы оказались гораздо выносливее ямщиков, потому ли, что мы вообще об усталости не думали, а заботились только о том, чтобы как можно скорее проскочить реки до их вскрытия, или потому, что мы действительно были крепче их. Во всяком случае, мы еще кое-как держались на лошадях и ехать могли. Убивало нас еще одно обстоятельство: порою тепло вдруг сменялось морозом, наледи стягивало тонким льдом и подмораживало дорогу, это обстоятельство заставляло нас бросать некованых лошадей (о ковке здесь понятия не имеют), не могущих идти по скользкой дороге, и искать оленей. Такая операция обыкновенно продолжалась долго, до тех пор, пока проводники не походят с присущей им ленью по улусам столько времени, сколько им нужно для того, чтобы выспаться и наговориться вдоволь со своими друзьями. В этом случае ни тройные прогоны, которые мы им платили, ни открытые предписания высшего начальства, ни наши грозные требования не помогали делу...»

Медленно, с великими усилиями подвигался караван. Проходили картины хребта Тас-Хая-Тах. Скалистые вершины, странные камни на них, напоминающие фигуры людей, вечные снега в глубочайших оврагах и россыпи валунов... Как непохоже все это на привычные, родные картины в широкой южной степи или на теплый простор Азовского и Черного морей!

Величественное впечатление оставила долина, где течет река Догдо. Она прорезает хребет Тас-Хая-Тах. Небольшая река, разлившись между крутыми горными склонами, образовала грандиозную наледь, длиной верст двадцать и шириной около четырех. В блестящем море льда отразились и солнце, и горы, и искривленные ветром низкорослые лиственницы.

С перевала казалось — внизу положено колоссальное зеркало, вставленное в рамку диких гор. Это был тарын¹ — явление, встречающееся только в Северной Якутии.

Какой чудесный естественный каток!.. «При виде этого зеркального ледяного поля невольно возвращаешься к детству и живо представляешь себя с коньками на ногах несущимся

¹Тарын — наледь, образовавшаяся вследствие промерзания реки в мелком месте до дна. Получается ледяная плотина, течение реки останавливается. Вода, не находя выхода, разливается поверх льда. 80

с захватывающимся дыханием по бесконечному простору».

Вскоре пришлось взглянуть на тарын с другой точки зрения.

Для путника тарын — сущее бедствие. Переправа через тарын трудна и даже опасна, когда он не успел еще как следует промерзнуть. Горе каравану, если лед не выдержит! В этом случае весь обоз рискует очутиться под водой на глубине одного-полутора метров, иногда при температуре воздуха ниже пятидесяти градусов!

Караван Седова, спустившись с перевала, вышел к долине. Проводник остановил оленей за сотню сажен от тарына.

— Что будем делать? — спросил Седов у проводника.

— Кусаган¹ дело. Совсем дело кусаган! Надо крепко накрепко связать оленей, — озабоченно сказал якут. — Улахан² тарын. Кабы знал, что такой вырос, ни за что не поехал бы!

Он долго ходил около длинной вереницы оленей, проверял прочность поводков и недоузdkов. Несколько слабых животных он выпряг, привязал к задней нарте. Потом велел садиться и погнал прямо на тарын весь караван связанных между собой оленей.

Олени помчались под уклон со всей быстротой, на какую были способны. Они вылетели на лед со скоростью поезда. Некоторое время караван неся по льду в силу инерции, затем движение стало замедляться. Некоторые олени скользили, падали, спешили подняться, опять падали, разбивали ноги, но, повинувшись движению всего каравана, тащились за ним на поводках и продолжали дикую пляску на льду. Один из задних оленей так и не мог подняться: его ногу зацепила постромка. Когда караван достиг противоположного берега, животное было сильно изранено.

Наледи сильно мешали переправам. Вода, выступившая поверх льда, замерзала: температура по ночам держалась еще низкая. Случалось, олени вступят на молодой лед и провалятся. Несчастные животные выбивались из последних сил в снежной каше, а Седов и проводник бродили по колена в холодной воде, спасая оленей и кладь.

Проводник Уйбан мрачнел с каждым днем. Однажды утром он вышел из поварни запрягать оленей, но сразу же вернулся. На ломаном языке он объяснил, что впереди — беда.

— Один олень сила кончал — ехать можно. Другой олень жизнь кончал — ехать можно. Много оленей сила кончал —

¹ Плохо.

² Большой.

ехать сапсем плохо. Все олени сила кончал — все помирать надо.

Олени, в самом деле, отказывались идти и погибали один за другим. Только некоторых удалось спасти от смерти, наполнив им рот снегом. В это тяжелое время попался, к счастью, встречный караван, и Седову удалось купить несколько не очень уставших оленей.

ГЛАВА XIV

НА КОЛЫМЕ

Одолевая тарыны, подъемы и крутые спуски, увязая в оврагах, заполненных снежной кашей, опять сменив оленей на низкорослых северных лошадок, кое-как двигались вперед.

25 мая подошли ко второй большой реке — Алазее. Ее очень боялись проводники. В это время весна вступила в свои права, температура воздуха поднялась до девятнадцати градусов по Цельсию. Река наполовину вскрылась. Седов бросил лошадей, а сам со всей кладью переправился на другую сторону в лодке по взломанному льду. Лошадей удалось получить у якутов, оказавшихся на том берегу.

27 мая обессиленные путешественники въехали в похожий на захудалую деревушку «город» Среднеколымск.

Уйбан в жизни своей видел немало проезжающих господ. Вozил он и архиерея. Тогда въезжали в Среднеколымск при колокольном звоне. Архиерей перед городом напяливал на голову смешную черную шапку, похожую на опрокинутое ведро, и вывешивал поверх своей шубы круглую блестящую икону. Очень хорошо знал проводник повадки господина заседателя, сердитого барина, и самого верхоянского грозного исправника. Приходилось сопровождать и ссыльных. Ссыльные, приехав в Колымск, все спрашивали: где же город?

А этот проезжающий все время вел себя совсем не по-господски. В дороге правил оленями и лошадьми, работал наравне с ямщиками. И когда приехали в Колыму, почему-то обезумел от радости. Как только поднялись на последний пригорок, откуда видны уже река и городские домики, чудак-барин соскочил со своей лошади, сорвал с головы шапку-бергиеге, стал ею махать и кричать: «Победа! Победа!» Потом подбежал к передней лошади, начал трясти за руку проводника, велел и ему кричать «ура», старался ему втолковать:

— Ты понимаешь — мы на Колыме! Пять тысяч верст прошли! Беш тесенча берета, бельмен? Из них половину в распутицу — это не шутка.

Не понимаешь? Бельмен-пын? Ну, так вот это поймешь! Смотри! Эта винтовка твоя! Понял? Ну, кричи же «ура». Вот так! Ну, вместе. Ура!..

И в самом деле, когда развьючили лошадей, этот барин достал полтысячи патронов и подарил их проводнику вместе с винтовкой. И еще позднее — стакан хорошей, крепкой, пахучей, горящей кровью «аргы».

Действительно, было чему радоваться. Приехали в самое время: в тот же день на Колыме тронулся лед.

Пока река очищалась, Георгий Яковлевич стал готовить две большие лодки, по-местному — карбасы. И сразу же взялся за работу исследователя. Определил астрономически положение Среднеколымска. Сделал мензурную съемку пристани и ближайшей части реки. Определил скорость ее течения, глубину. Любопытнейший гидрограф заинтересовался даже толщиной льдин, плывших мимо города. И это не лишне — знать, сколько льда успевает образоваться в течение суровой зимы. Беседуя с местными жителями, заносил в записную книжечку сведения об экономике и промыслах.

В России о Колымском крае знали тогда, пожалуй, меньше, чем о Гавайских островах. Никто из колымчан не ведал о горных богатствах своего края. Да и к чему были колымчанам эти ископаемые богатства? Испокон века здесь занимались только рыбной ловлей и охотой. Питались мясом и рыбой без соли. Про молоко, масло, яйца, овощи и крупу знали только понаслышке. Впрочем, русским казакам полагался от казны хлебный паек. Муку для казаков завозили с великим трудом по зимнему пути из Якутска. Но, кроме купцов, казаков и чиновников, никто на Колыме хлеба не ел. И жили здесь люди в такой первобытности, в такой неисходной нужде, что, не видев, вообразить невозможно.

Георгий Яковлевич сам провел детство в скудости, среди бедняков, но и он не мог представить столь крайнего выражения ужасной нищеты. С содроганием слушал рассказы о частых случаях голодной смерти, о гибели целых поселков. Здесь никого не удивляла страшная участь детей — умирало значительно больше половины родившихся. Впрочем, и взрослое население, в сущности, вымирало. Полное отсутствие медицинской помощи при страшных эпидемиях (особенно оспы), голодовки, широкое распространение сифилиса приводили к исчезновению с лица земли целых народностей. От некогда могучего племени юкагиров оставалось меньше двухсот человек. Племя чуванцев состояло всего из пяти или десяти человек.

Страшнее всего казалась покорность этих людей своей судьбе. Темные, сплошь неграмотные колымчане не понимали, в чем причина их несчастий. Многие считали за благодетелей купцов, скупавших за плиточный чай, за листовой табак и за дешевые ситцы дорогие меха — соболей, песцов, куниц, горностаев и росомах — и драгоценную Мамонтову кость. Голодные люди в нищей стране кормили сытых попов и шаманов, кланялись «благодетелю» кулаку — тойону, отдавая сына в работники за прокорм на время голодовки, когда приходилось питаться одной заболонью лиственничного дерева.

Покорность судьбе, темнота и неустроенность человеческих отношений больше всего поразили Седова в Колымском крае. Изумляясь, он наблюдал отношение к женщинам. Здесь на женщин вваливали самую тяжелую и грязную работу. Даже у русских казаков рабская доля ложилась на девочку с самого раннего возраста. Она нежеланный ребенок. А мальчик оказывался в привилегированном положении чуть не с момента рождения. Он — казак. Ему с первого дня жизни полагается казенный паек: один-два пуда муки в месяц. Мальчик считался казаком и в том случае, если он рожден вне брака, даже если отец не казак, — была бы мать казачка.

«...здесь всякий мальчик дорог, а девочка ставится ни во что. Безбрачное сожителство здесь очень развито и уважается всеми одинаково, как и брачное. Поэтому жизнь девушки здесь начинается очень рано. Например, казачья девушка в четырнадцать-пятнадцать лет уже подыскивает себе мужчину для сожителства, рассчитывая, главным образом, на то, чтобы получить сына — кормильца своей матери. Такая девушка с двумя-тремя детьми-мальчиками является здесь очень выгодной невестой и поэтому ее всегда сватают нарасхват лучшие женихи».

Бездна невежества породила на Колыме дикие суеверия. Седов занес в дневник происшествие, которое показывает, как велика была вера в силу местных колдунов, шаманов, даже среди русских казаков.

«...случилось мне во время путешествия сделать привал со своими казаками у «заколдованного» дерева. Казаки тут же рассказали мне историю этого дерева. По их словам, под этим деревом жил когда-то шаман и вешал постоянно на него свои доспехи, а перед смертью делал у этого дерева свои заклинания. Так что теперь народ этого дерева боится, как огня. Его не только нельзя рубить, но и подходить к нему близко опасно, и тот, кто станет его рубить, будет немедленно убит громом и молнией. Я, выслушав таинственный рассказ казаков, взял топор и, чтобы рассеять в них глубокое заблуждение, пошел к дереву. Казаки взмолились и просили

меня самым искренним образом не рубить дерева, так как-де мы все погибнем. Но когда они увидели, что я стою на своем, бросились в соседнюю избу, заперли крепко-накрепко двери и попадали на пол, закрыв лицо руками. Я начал рубить дерево. Вместо грома и молнии, полетели, конечно, щепки. Казаки мало-помалу начали показываться из избы, а один из них, Николай Дьячков, видя, что никакой опасности нет, даже подбежал ко мне, выпросил топор и закончил дерево. Когда дерево валилось, казаки как-то в страхе отступили назад и перекрестились, а мне заметили: «Помните, барин, вас шаман когда-нибудь за это накажет».

ГЛАВА XV

БУХТА АМБАРЧИК

Река Колыма очистилась от льда в первых числах июня. Седьмого выдался теплый и ясный весенний день. У набережной против города стояли готовые к отплытию седовские карбасы с командой — казаками, нанятыми в Среднеколымске.

По своей общительности Седов успел за десять дней перезнакомиться со всеми местными жителями. Терпеливо объяснял чуть ли не каждому, что будет делать у моря. Главная задача — подготовить путь пароходам, которые придут из Владивостока. Они привезут из-за моря дешевые товары и муку. Для этого нужно найти в устье реки глубокую борозду — фарватер. Тогда все будет в порядке.

Все же он удивился, когда на пристани собралось все население Среднеколымска. Отправление экспедиции оказалось большим событием в жизни заброшенного городка. Плакали и причитали жены-казачки, провожая своих кормильцев в неизвестный путь к студеному морю. Другие кричали веселые напутствия. Седов приказал поднять на мачтах флаги. Казаки дружно налегли на весла. Крики с берега усилились:

— Ура! Счастливо! Найди нам борозду в реке!

Поднялась стрельба из ружей и револьверов. Карбасы начали путь к Ледовитому океану.

На воде — широкий кругозор. Медленно перемещаются крутые и отлогие, подернутые синью берега. За каждым новым поворотом — новая голубая панорама. Река оказалась очень широкой и очень извилистой. Много на ней островов, покрытых тальником и зарослями ольховника. Эти пустынные, лесом поросшие берега почти необитаемы. Не раз видели

медведей и лосей. В течение всего плавания светило полуденное солнце.

После впадения большого притока Омолон и особенно двух Ануев — Большого и Малого — еще шире раскинулся вольный простор Колымы. На восьмой день очень спокойного плавания показался на левом низком берегу какой-то поселок. Это был Нижнеколымск. Георгий Яковлевич решил сделать тут остановку для географических исследований, а заодно подождать — не догонит ли экспедицию Жуков.

Нижнеколымск основан в 1644 году якутским казаком Стадухиным для сбора подати (ясака) с колымских юкагиров и чукчей. В начале XX века числилось в этом поселке около ста пятидесяти жителей.

Не было в России более глухого угла. От Якутска почта шла четыре месяца, а из столиц не меньше полугода. И письма привозила почта лишь изредка. Чаще в почтовых баулах оказывались одни казенные ведомости и бумаги. На них нужно было отвечать.

Однажды власти получили запрос: возможно ли в области шелководство? В другой раз сюда были посланы бланки для переписи домашнего скота в далеком северном крае, где не знали даже, что такое овца и свинья, а грамотными были только заседатель, поп с псаломщиком и писарь. Эта перепись доставила множество хлопот полуграмотному писарю. Но он добросовестно заполнил переписной итоговый бланк.

Ведомость рогатого и иного скота за 1894 год

Верблюидов	0	Свиньев.....	0
Муилов и ослов	0	Рогатых скотов.....	0
Тонкорульных овец.....	0	Рогатых оленей.....	2400
Козлов	0	Собак всяких.....	667
Конев.....	0	Кошек.....	1

Эта перепись была за пятнадцать лет до приезда Седова в Нижнеколымск. За это время картина несколько изменилась. Собак стало меньше. После плохого улова рыбы (основного собачьего корма) на Колыме многие хозяева остались без ездовых собак. Единственная в Нижнеколымске поповская кошка состарилась и сдохла. «Верблюидов» и «тонкорульных овец» в этом городе по-прежнему не было.

Жукова ждали четыре дня. За это время Георгий Яковлевич определил широту и долготу Нижнеколымска, сделал промеры реки, наблюдения над скоростью течения и нанес на карту окрестности будущего Нижнеколымского порта. Команда в это время чинила карбасы. Запасались на лето провиантом. Наняв в поселке несколько казаков, Седов решил 19 июня двигаться дальше. Жукова так и не дождались.

Колыма в нижнем течении пересекает однообразно-низменную и пустынную местность. Лесов здесь нет. Последние искривленные и низкорослые деревья остались позади, верстах в семидесяти пяти от устья. На берегу одна неприветливая и голая тундра.

Седов был очень озабочен выбором пути. Колыма изливается в море двумя протоками: Западной (или Походской) и Восточной (или Сухарной). По какой же плыть?

Ни местные жители, ни казаки не могли указать, которая глубже. Выбрать же для пути протоку мелкую, не годную для судоходства, — это значило предрешить неуспех всей экспедиции. Ведь ее главная задача — поиски судоходного фарватера. Если карбасы попадут в мелкую Колыму, придется возвращаться против течения до разделения реки на два русла; выяснилось, что поперечных проток нет до самого устья. А возвращение означало большую потерю времени и в результате — невозможность закончить работу в одно лето.

Сознавая всю ответственность выбора, Седов очень подробно расспросил рыбаков и казаков и постарался припомнить замечания прежних путешественников о фарватере Колымы. Сопоставив их соображения с косвенными признаками и указаниями рыбаков о встречающихся мелях, он пришел к заключению, что плыть нужно по Колыме Сухарной. И не ошибся: фарватер шел по ней. 21 июня доплыли до заимки Сухарной. Это ближайшее к морю жилье. От заимки до Ледовитого океана — всего двадцать пять верст. В последний раз остановился на ночлег у единственного жителя заимки, девяностотрехлетнего старика-казака.

Конец долгого пути! «Погода тихая, полночное солнце высоко катится по небосклону. Птицы тьма. В одной из изб устроили себе баню, ибо уже не мылись более месяца и столько же времени не меняли белья... Завтра наконец-таки будем у маяка Лаптева... Начнем свою заветную работу», — радостно отметил в дневнике Седов последнюю остановку на десяти тысячеверстном пути.

На следующее утро направились к морю.

Колыма в этом месте шириной напоянала большой морской залив. Когда посредине пути началась сильная буря со снегом, волна поднялась крупная, как на взморье. Большие валы катились по широкому простору и сильно бросали карбас. Надутые ветром паруса по временам увеличивали крен до опасных пределов, волны переклестывали через борт.

На этом переходе седовская команда получила первое морское крещение. Залепленные снегом, мокрые казаки-колымчане, видно было, перетрусили. Некоторые пришли в отчаяние.

Забившись под сиденья и крестясь, они покорно ожидали гибели,— чему быть, того не миновать! Другие, более смелые, безмолвно, с большим вниманием следили, как отчаянный человек из Петербурга спокойно, словно играя, подбирает шкоты и правит, когда кругом такая страсть!

Когда карбас стал выходить в открытое море, шторм разыгрался. Волны залили и оторвали лодочку-стружок, шедшую сзади на привязи.

Пришлось укрыться под островом Сухарным. Там переждали погоду и набили диких гусей.

24 июня при хорошей погоде карбас пристал к берегу у мыса Дмитрия Лаптева.

Широкий простор Ледовитого океана был тих, ясен и чист.

На мысе — высокий деревянный маяк. Поставил его за сто семьдесят лет до Седова один из героев Великой северной экспедиции Дмитрий Лаптев. Рядом со знаком несколько полуразрушенных амбарчиков. В них, полагают, жила в 1739 году команда Лаптева.

Седов собирался начать работу именно с этого места.

«Несомненно, Лаптев выстроил маяк не для украшения. Вероятно, маяк указывает начало судоходного фарватера у Колымы».

В этом Георгий Яковлевич ошибся: в первые же дни выяснилось, что маяк теперь ценен только как исторический памятник. Поблизости — мель. Очевидно, за сто семьдесят лет русло реки совершенно переменяло свое направление.

Георгий Яковлевич решил плыть дальше, к востоку. Лагерь нужно разбить у судоходного фарватера, при подходе к нему с моря.

Подходящее место нашлось в бухте Амбарчик, за мысом Столбовым. 26 июня высадились в этой бухточке и начали устраивать лагерь.

«Ветер дует четыре балла с дождем,— отмечено в дневнике.— По берегам много снега, а льда нет нигде до самого Медвежьего мыса, а дальше за мысом, кажется, есть. По дороге в карбасе выдавило водой сук. Вода так сильно хлынула в карбас, что не успевали отливать, заделать же дыру не могли, так как она была завалена грузом. Едва успели выбраться на берег. Казаки все перепугались насмерть».

Вероятно, в эту минуту вспомнилось им «святотатство» над шаманским деревом, и думали казаки, что для шамана наступил час его мести.

«Плавнику на берегу видимо-невидимо, строй, что хочешь. Поблизости живет чукча Чейвинто с табуном оленей и всем своим штатом».

Лагерь расположили на ровной тундре. Для жилья приспособили старый амбарчик и две палатки.

В тот же вечер, несмотря на проливной дождь, Седов отправился верст за двенадцать на гору Каменку — строить большой знак для съемки. Хотелось также посмотреть, каково состояние льда на море. На следующее утро команда принялась за ремонт амбарчика, а сам Седов начал серию астрономических и магнитных наблюдений.

Хотя экспедиция еще не собралась полностью — где-то позади остался Жуков с тяжелыми инструментами и ревизией, и еще неизвестно, успеет ли он до осени доехать, — Седов горячо взялся за дело. Отсутствие необходимых вещей только подхлестывало. Он знал одно: за остаток короткого полярного лета программа должна быть выполнена полностью. Даже больше — исследователям малоизвестных стран находится множество дел сверх программы.

Он уже успел обдумать, как будет выкручиваться без необходимых инструментов, если не приедет Жуков. Морские лоты придется отлить из запасов дрови. Вместо шлюпочного компаса начал готовить самодельный, благо магниты имеются. Мерную ленту заменят рулетка и шнур.

ГЛАВА XVI

КАК ДЕЛАЕТСЯ ПРОМЕР

Третьего июля, осматривая в бинокль берега за устьем Колымы и соображая, где еще можно поставить знаки для триангуляции, Георгий Яковлевич заметил у дальнего берега какие-то необычайные искорки на воде. Они регулярно, словно по счету, вспыхивали попарно и пропадали. Заинтересовавшись странным явлением, Седов направил в ту сторону трубку дальномера с сильным увеличением. Он увидел чуть заметную точку. Около нее с правильными промежутками вспыхивали отблески солнца на лопастях весел. Лодка!

— Лодка, лодка! Наш карбас плывет. Жуков, вот молодец! — кричал Седов. — Ну, конечно, он! Кому же больше плыть здесь? Колымские рыбаки отроду из устья не выплывали. Ура!

В самом деле, лодка оказалась жуковским карбасом. Седов готов был расцеловать своего помощника. Жуков опоздал всего на две недели. Весь груз привез в целости. Кое-что оказалось подмоченным при переправах через реки. Белье успело погнить и часть провизии испортилась. Но Седов и не думал винить лихого боцманмата. Он знал по себе, что значит тащиться по тундрам в распутицу.

— Теперь мое сердце спокойно! Вся экспедиция в сборе, — радовался Седов. — Теперь работа закипит. Завтра же установим в бухте футшток, начнем вести регулярные наблюдения над погодой и гидрогеологические, съемка пойдет полным ходом! И фарватер от нас не спрячется! Найдем!

Через несколько дней очертания устьев Колымы стали вырисовываться на карте. Теперь можно приступить к главной работе: найти фарватер и бар — песчаные отмели, они всегда бывают при впадении реки в море.

Седов приступил к промеру. Опыт карских промеров помог быстро отыскать бар и его проходимые места. На Колыме оказалось два бара. Один у мыса Медвежьего, а второй у острова Сухарного. Теперь еще одно дело: выяснить промером все повороты фарватера, обставить его створными знаками, и все в порядке. Можно пускать пароходы!

Но промер — долгая и кропотливая работа. Гидрограф ставит на берегу небольшие вспомогательные створы и, придерживаясь их линии, пересекает на лодке исследуемый участок. Сделают гребцы десятка два-три взмахов веслами — раздастся команда: «Стоп! Бросай!» Лотовый, опустив в воду размеренный на футы лить с тяжелой свинцовой болванкой на конце, кричит: «Тридцать два!» В то же время гидрограф определяет секстаном место шлюпки. И так — целыми часами, день за днем.

Седов приспособил для промера легкий карбас юкагирской постройки. Конструкция его была совсем первобытной. Отдельные доски — толщиной меньше полудюйма — скреплены были не гвоздями, а прутьями тальника, пазы законопачены колымским способом — мхом с землей — и залиты сверху хрупкой листовничной смолой. Случалось, что кто-нибудь по неосторожности станет прямо на обшивку, — она проломится, вода сейчас же хлынет внутрь. От ударов волн смола отваливалась, мох размывался, прутья ломались, и карбас грозил развалиться на части.

Однажды отправились на этом карбасе далеко в море, верст за десять, искать подходы к бару.

«Сначала все было как будто бы хорошо, и работа делалась ладно, и казаки были веселы, и карбас как-то победоносно справлялся с небольшими волнами; но вот подул SO (здесь этот ветер называют шалонником), покатались от берега барашковые волны, на ясном небе бог весть откуда появились темные тучи. Прекратили промер и стали спешить к берегу, но оказалось поздно. Карбас не выгребал, и нас мало-помалу относило назад. Я подбадривал казаков — усердных гребцов. Все дружно навалились, но, увы, неуклюжий карбас не шел вперед. Из пазов то и дело вылетал мох, и в карбас лилась

вода. Пустили в ход все платки, у кого какие были, и даже рубашки, для заделывания трещин. Иногда вода попадала через борт, но это нас не так пугало, воду отливать успевали, главным образом боялись того, чтобы не развалился карбас, так как тальник местами уже начал лопаться. ...Решили, чтобы не быть оторванными окончательно от берега, укрыться за ледяной горкой, стоявшей неподалеку на мели. Простояв несколько часов за льдиной и не видя никаких признаков перемены погоды в нашу пользу, мы со свежими силами погребли к мысу Малому Баранову. Ветер дул в правую скулу. Работа была нам почти не под силу, и опасность надвигалась на нас с каждой новой волной. Нам грозила гибель, но... все обошлось благополучно. На другой день прибились к берегу западнее мыса и домой добрались уже по берегу бечевой».

Несмотря на такие приключения, карбасом продолжали пользоваться. Он даже получил гордое название «Штормовой», хотя Седов, видимо, и сам не очень-то верил в «штормовые» качества этой дрянной посуды. В дневнике есть заметка: «Впрямь мы стали осторожнее относиться к ветру и предпочитали заблаговременно удирать». Так или иначе, все промеры в районе мыса Медвежьего закончили на «штормовом» карбасе. Перенесли лагерь к маяку Лаптева. Работали большей частью «на шабаш», иначе говоря — целыми сутками, чтобы, не кончив, в лагерь не возвращаться. Седов, как и в прежних экспедициях, умел организовать такую дружную работу.

Утром, ровно в семь часов, раздавался его громкий веселый голос:

— Жуков! Жуков, ты не проспал? Знаю, ты молодец! А ну, давай будить команду... Давай, давай, ребятки, веселей! Погода-то какая! В такую погоду, если не работать, до вечера не проспишься.

Погода никуда не годится. Моросит дождь вперемежку со снегом. Угрюмый полярный туман повис над лагерем. Но Седов веселый, бодрый. И команда, заражаясь, начинает подыматься с шуточками. Пока кипят чайники, люди обуваются, моются. Нельзя не мыться: начальник застыдит, если увидит грязную шею. За чаем он бранится:

— Что у вас, колымчане, за лес паршивый — одна лиственница. Нигде такого тяжелого дерева не видал! Вот приходилось строить знаки на Карском море. Там возьмешь сосновое бревно на плечи и в гору — вдвоем, без труда. А здесь бревно вчетвером тащи! Почему она такая тяжелая, листвень?

— Природа у нас этакая, сок в дерево не гонит. От мерзлоты. Мерзлота соку хода не дает.

Седов перебивает, повертываясь к дальней горе, где намечено поставить знак.

Вот будь эта проклятая горушка поближе да лес не такой тяжелый, мы бы в один день ее значком украсили. Верно, Дьячков? А то плыть до нее полдня, а там еще с полверсты. Как, Попов, думаешь? Не управимся?

Нет, где же управиться! Тут без ветра взад-вперед целый день проплывешь. А ветер падет — и в день не доехать. Немыслимое дело,— убежденно говорит широкоплечий казак, всеми признаваемый за старшего.

Ну, а если «на шабаш» ее взять да еще ту соседнюю прихватить? Отделаемся от этих знаков, и — конец! Потом отпразднуем шабашины, по чашке водки дернем под хорошую закуску, остаток дня поваляемся! Как, Дьячков, гуси-то у нас еще остались? Мыши не поели? Спирт не пролился?

Толстый Дьячков улыбается:

— Берегу, Георгий Яковлевич!

— Угостишь нас, если мы оба знака поставим «на шабаш»? Только я тебя знаю: ты опять маленькую чашку принесешь, скажешь, что старая разбилась!

Казки смеются. Все понимают, что «на шабаш» лучше: не ездить лишний раз, не сидеть на веслах лишних полдня. С шутками забирают инструменты, спихивают на воду карбас. Поехали.

Однажды Седов отправился с командой верст за двенадцать ставить большой знак, рассчитывая окончить работу разом, «на шабаш». Но суток на это дело оказалось мало. А механизм хронометров полагается заводить точно в девять утра.

Седов решил, оставив команду оканчивать знак, идти к лагерю пешком. Времени оставалось часа два.

«Бегу это я и радуюсь за свою изобретательность, что и знак будет построен, и хронометры будут вовремя заведены, но вот на пути речка. Я пускаюсь вброд — глубоко. Я пробежал вверх версты две-три, а конца все не видно и глубина не уменьшается. Я кинулся назад, к устью, чтобы по бару перейти, и тут глубина, а течением чуть не оторвало меня от берега. Что делать! Скатил в речку два бревна, связал их толстым шнурком от часов (другого ничего не было), вскинул ружье на плечо, верхние одежды и сапоги взял в левую руку, а в правую взял длинный шест, сел на бревна верхом и поплыл на другой берег. Вскоре шест не достал дна. Бревна понесло по течению. Шнурок лопнул, и я со всем своим скарбом очутился в воде. Уцепившись одной рукой за бревна и, придерживая ею же одежды, второй рукой я выгребал к берегу.

Таким образом мне удалось причалить к желаемому берегу у самого устья, зацепившись за песчаную косу. Отсюда я бежал, как угорелый, домой и волею судьбы спас свое дорогое «время».

Август подходил к концу, начало темнеть по ночам. Отлетали на юг птицы. Но и работа подходила к концу. Осталась только съемка берегов реки до Нижнеколымска. 29 августа Седов двинулся вверх по реке, заканчивая по пути съемку берегов и промеры фарватера.

На обратном пути не хватило провизии, не осталось ни крошки сухарей, ни кусочка сахара. В одном из рыбацких амбаров нашли почерневшую юколу (сушеную рыбу), заготовленную для собак. Питались ею.

«Утром, бывало, садилась ешь, тебе дают сначала юколу просто, а потом юколу с чаем. Обед и ужин та же история. ...Казак, как привыкший к такого рода питанию, — рассказывал Седов, — чувствовали себя великолепно, но я, по правде сказать, очень скучал без хлеба и без сахара, а под конец почувствовал даже какую-то слабость и бессилие».

Голодовка кончилась невдалеке от Нижнеколымска. Сначала повстречали человека с провизией, а потом удалось убить большого лося.

1 сентября экспедиция закончилась в Нижнеколымске. Начался обратный путь — те же десять тысяч километров. До Среднеколымска плыли против течения на карбасе, его тянули бечевой ездовые собаки. Всю дорогу, двенадцать дней, Седов шел по берегу со съемкой, измеряя расстояние шагами. Об этой части пути в дневнике короткая заметка: «Ехали кое-как, продавали по дороге ненужные вещи и на эти деньги жили».

В Среднеколымске пришлось прожить около месяца в ожидании санного пути. В первых числах октября Георгий Яковлевич выехал в Верхоянск, через месяц был в Якутске.

Еще через месяц, в конце декабря, он подъезжал к Петербургу.

ГЛАВА XVII

ПРЯМОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

Георгий Яковлевич вернулся домой к самым рождественским праздникам. Город показался особенно шумным и людным. На улицах празднично одетые толпы, словно весь Петербург вырядился, чтобы поздравить с приездом, с успехом. По центральным улицам куда-то мчится беззаботная молодежь — вероятно, танцевать на вечеринки, маскарады,

на катки, на гулянья, на снежные горы. У залитых светом театральных подъездов вереницы извозчиков и особый, волнующий шум...

Какой контраст с безлюдьем на немой, заснеженной Лене,— там был всего неделю назад! Весь тот год, целиком отданный экспедиции, казался теперь длинным, томительным постом. И вот настал праздник. Не надо думать о следующем изнурительном переходе. Конец трудам! Долой заботы!

Он обошел все театральные кассы. Увы! Билеты на праздничные спектакли давно разобраны. Не догадался послать телеграмму Балакшину... Поискать разве у маклаков?.. Может быть, Юлия Николаевна достанет билетик или два?..

Как это сразу не вспомнил о ней, о старой приятельнице? Балерина Мариинского театра, конечно, что-нибудь да раздобудет!

Георгий Яковлевич был знаком с балериной давно, еще с тех дней, когда до крайности увлекался театром. Боготворил тогда Петипа, подвижную Преображенскую, гибкую Егорову. Тогда же привлекло его искусство одной балерины. По странному совпадению была она однофамилицей — тоже Седова.

Георгий Яковлевич однажды послал за кулисы визитную карточку и цветы. Он хорошо помнил первый разговор в уборной балерины.

Вороха тюля, смятый костюм на табурете, большое зеркало, цветы, запах пудры, грима. Из-за ширмы выходит молодая высокая женщина в обычной блузке и длинной юбке.

— Благодарю за цикламены. Вы угадали мой вкус! Ваша фамилия Седов? Мы не родственники? Откуда вы родом? Вижу, нездешний. Очень цветущий вид!

— Я родом с Азовского моря.

— А я питерская коренная...

Они болтали, словно были знакомы лет десять. И была она не принцесса, не волшебная фея, а простая русская женщина. Без грима дурна лицом. Скрашивают живые глаза под высокими подвижными бровями. Но, видно, очень хорошая.

И балерине понравился посетитель. Слыханное ли дело? В артистической уборной говорит о прибойной волне где-то на северном море. Предлагает научить прыжкам с багром, чтобы переправляться через полыньи.

Спихнулись, когда пожарник приоткрыл дверь в уборную посмотреть, почему там свет. Георгий Яковлевич заторопился: его шинель была на вешалке. Седова расхохоталась.

— Пальто, наверное, здесь, за кулисами. Одевайтесь и проводите меня.

Всю дорогу и около подъезда болтали.

— Простите, не приглашаю. Муж. Нет, не ревнивый. Просто помешан на светских приличиях. Знаете что? Заходите ко мне в эту же пятницу. Обязательно! Придете?..

Георгий Яковлевич явился в назначенный час. Было несколько других знакомых хозяйки, интересные люди. Вечер прошел очень весело. Заставляли рассказывать о северном море, о белых медведях. За ужином немного пили. После этого вечера Седов стал частенько навещать балерину. Она, шутя, рекомендовала моряка всем знакомым: «Мой двоюродный брат, поручик Седов». Говорила «ты» сначала в шутку, только при посторонних. А со временем сдружилась, и в самом деле стала считать Георгия за своего, за родного.

В этот раз балерины дома не оказалось. Георгий Яковлевич направился в Мариинский театр, в надежде застать ее на репетиции. Юлия Николаевна выбежала в коротенькой рабочей юбочке, в заплатанных балетных туфельках. Очень обрадовалась. Даже чмокнула в висок.

— Где ты пропадал, несчастный! Целый год ни слуху, ни духу. И не совестно? Уж не женился ли?

Седов засмеялся.

— Нет, нет. Не женился, успокойся. Вот собираюсь тебя просить, чтоб нашла мне невесту... Только не сейчас, потом когда-нибудь. Сейчас я не за этим. Помоги, пожалуйста! Целый год пробыл я в пустыне, изголодался без музыки. Поверь, даже гармошки не слышал! Теперь хочу оперы. Хочу видеть тебя в «Жизели». Милая, достань, ради бога, билеты! Буду аплодировать, как бешеный, три пары перчаток возьму с собой на случай, если лопнут от моего энтузиазма.

Георгий Яковлевич коротенько рассказал Седовой о своих приключениях. Она заслушалась, потом спохватилась: «Ой, мне пора!» — и убежала, пообещав достать билеты, какие сумеет. Взяла слово, что Георгий вечером придет к ней и расскажет все как следует.

На праздниках веселился, как никогда еще в жизни. Знакомые наперебой звали в гости веселого моряка, который умел так хорошо оживлять общество и красочно рассказывать про свои приключения в далеких северных краях.

В эти дни Георгий Яковлевич с охотой принимал все приглашения, появлялись новые и новые знакомые. Однажды он встретил на улице старого знакомого — Мордина из Владивостока. Мордин сказал, что Седов должен придти к нему обедать завтра же, если не придет — будет обида.

Жена Мордина встретила его, как родного. Она засыпала вопросами, перезнакомила с другими гостями, представив

Георгия Яковлевича в самых лестных выражениях. За столом усадила между двумя хорошенькими гостями. Младшей из них, Верочке Май-Маевской, она шепнула:

— Я посажу вас, Веруся, между двумя женихами. Держите ухо востро! — И поцеловала девушку.

И в самом деле, влево от Верочки оказался знакомый поручик, а вправо — как странно! — тот самый морской офицер, на которого Верочка вчера сама обратила внимание, когда смотрела с матерью балет «Лебединое озеро».

Этот человек показался девушке каким-то особенным, совсем не похожим на всех. Чем выделялся он, она не могла бы сказать. При первом же взгляде на моряка ей показалось, что все другие затянуты в невидимые корсеты, а этот человек был как будто без стесняющей оболочки. Он держался с изумительной свободой. Такая свобода показалась сначала даже чем-то неприличной. Но, присмотревшись, Верочка убедилась, что моряк не делал ничего не принятого в их обществе: девушка, воспитанная в старинной дворянской семье, могла сказать это с полной уверенностью. В антракте моряк встал, как полагалось офицерам спиной к сцене, едва зажглись в зале огни. Он не сгивался, не присаживался, не облокачивался на ручки кресел, аплодировал очень оживленно, но не больше других, — вообще вел себя, как воспитанный человек. Верочка так и не поняла, чем отличается он от других...

И вот, какое совпадение! Этот офицер сидит сегодня рядом, и веет от него такой же свободой. И, как вчера, он заразительно смеется. Твердо очерченный рот открывает ряд ослепительно белых зубов, ровных, без единого изъяна.

За обедом и весь вечер Седов усиленно ухаживал за соседками, угощал их, подливал вино и смешил.

Провожая Верочку домой, он почему-то стал поверять ей свои мечты о Морской академии и о большой полярной экспедиции.

На другой день он заехал к своей новой знакомой с визитом и представился ее родным. С этого дня стал часто заходить к Май-Маевским и к Мординым, где бывала Верочка.

После окончания праздников Седову пришлось выступить в Гидрографическом управлении с большим докладом о результатах Колымской экспедиции. Присутствовали все столпы этого учреждения. Старые гидрографы Варнек, Дриженко и Морозов искренне поздравили с полным успехом — экспедиция проведена прекрасно. И даже важный Вилькицкий милостиво сказал:

— Я очень рад, что не ошибся в выборе офицера для Колымской экспедиции.

Перед докладом в Географическом обществе Седов слегка

волновался. Как-то будет принят его первый публичный доклад? Быть может, придут знаменитые путешественники: Семенов-Тянь-Шанский, Обручев, Потанин, Козлов... Как отнесутся они к молодому исследователю?

Доклад сошел превосходно. Правда, не было торжественной обстановки, сопутствовавшей докладам в большом зале Географического общества, когда о путешествиях рассказывали его заслуженные члены. Но вице-председатель общества, выступив перед докладом, выделил его из рядовых отчетов небольшой речью об исследованиях северной Сибири. Сказав несколько приятных слов по адресу молодого гидрографа, вице-председатель рекомендовал вниманию общества значительную работу, проделанную в далеком Колымском крае.

Седов прочел доклад просто, с исчерпывающей ясностью и полнотой. Он рассказал не только о путешествии и о научных работах, но очень подробно остановился на описании заброшенного края, его экономике и нуждах. Безыскусственность выражений, ясность мысли и скромность при описании своих трудов и лишений выгодно отличали это выступление от докладов в высокопарном тоне о маленьких делах, какие нередко случалось выслушивать постоянным посетителям этого зала. Световые картины на экране переносили слушателей далеко на Север, в новый, незнакомый мир, где жизнь сурова, а смерть легка...

Зал притих. Когда погас свет на экране и Седов произнес заключительные слова, раздался взрыв аплодисментов.

6 апреля 1910 г. молодой гидрограф был избран действительным членом Географического общества. Вскоре пришлось выступить с более ответственным докладом. Георгий Яковлевич представил свои работы по определению географических координат на рассмотрение Астрономического общества. Общество состояло из ученых астрономов и математиков. Обсуждение доклада больше походило на строгий экзамен. Все вычисления Седова были тщательно проверены и подвергнуты критике. В результате ему вручили диплом действительного члена Русского астрономического общества. Этим дипломом признавались научные труды Седова и его принадлежность к миру ученых. В те же дни он получил благодарность от Академии наук за ценные геологические и палеонтологические коллекции из Якутии и за экземпляр редкой розовой чайки.

Дела молодого гидрографа шли блестяще.

На масляной неделе, перед закрытием театров на время поста, артистами Мариинского театра устраивался интимный спектакль — «капустник». Допускались на него только самые

близкие друзья и родственники артистов. Георгий Яковлевич попал на капустник по приглашению балерины Седовой. Новая знакомая, Верочка Май-Маевская согласилась пойти с ним в качестве его дамы.

Георгий Яковлевич ждал этого вечера. Он собирался осуществить на нем одно серьезное решение.

Капустник был не в театре, а в зале Павловой на Троицкой улице. Спектакль оказался очень веселым. Он состоял из шуток и уморительных представлений. Седов и Верочка хохотали от души, особенно за ужином со смешными гостями и сюрпризами. Верочка звала Седова танцевать. Он отговаривался, уверяя, что танцует неуклюже. И хуже всего — забывает, что в его руках хрупкое создание, а не грубое весло, которым привык орудовать. Потому его партнерши всегда приходят в ужас и бегут от него, как от чумы. Он боится также, что, обняв Верочку, он потеряет голову...

— Почему? — наивно перебила Верочка.

В груди Седова прошла какая-то волна. С минуту он помедлил. И, сделавшись серьезным и сосредоточенным, как в минуту опасности на море, Седов сказал Верочке, что любит ее, без нее не представляет дальнейшей жизни и просит согласиться на брак с ним.

Верочка казалась испуганной. Вспыхнула.

— Вы с ума сошли! Я вас совсем не знаю.

Георгий Яковлевич ждал не такого ответа. Несколько мгновений он не мог даже вымолвить слова. Опомившись и подавив растерянность, заставил себя заговорить. Нетвердым голосом он попросил Верочку забыть это признание и относиться по-прежнему, как к старому надежному другу. Еще минуту спустя перевел разговор на что-то постороннее, принялся угощать девушку пломбиром и даже начал шутить о тридцати трех способах самоубийства для несчастливо влюбленных.

На другой день, пересилив неловкость, Георгий Яковлевич зашел к Верочке. Не упоминая ни словом о вчерашнем, он пригласил ее на скачки и на концерт Шаляпина.

ГЛАВА XVIII

ТРУДНЫЙ ДОКЛАД

В жизни Седова события 1910 года развивались быстро, как никогда. Любовь к Верочке, новые знакомства, успехи в Географическом и Астрономическом обществах — все новое и новое.

В апреле его вызвал к себе Вилькицкий и предложил организовать

экспедицию на Новую Землю. Почти в то же время Седова потребовали совершенно неожиданно в Царское Село и приказали готовиться к докладу самому царю. Никто не мог сказать, чем объяснялся этот вызов.

Первый раз потребовали, как оказалось, только для репетиции. Седова провели в зал, где царь будет слушать доклад, показали, где будет стоять царь, где докладчик. Учили, как держать себя на царском приеме, как говорить с «его величеством». Ему нельзя отвечать ни «да», ни «нет», нельзя предлагать вопросов, ни перебивать, ни переспрашивать. В таких случаях полагается говорить: «Виноват, ваше величество, не расслышал». Указали, что для доклада отведено полчаса, ни минуты больше.

После урока придворного этикета Седова отпустили, накормив хорошим обедом в обществе каких-то старых фрейлин.

Нового вызова не было долго.

Прошел апрель, подходил к концу и май. Нужно было всерьез готовиться к Новоземельской экспедиции, — а готовиться нельзя: быть может, в Царское не вызовут до осени. И отлучиться невозможно, даже ненадолго: каждый день может приехать фельдъегерь и потребовать на доклад.

Георгий Яковлевич начинал нервничать и злиться. Для него экспедиция на Новую Землю была куда интереснее, чем доклад царю.

Не было возможности даже съездить на дачу в Лугу, где жила Верочка.

А видеть ее очень хотелось. Последние недели перед ее отъездом Георгий Яковлевич проводил с ней все свободное время. Он не раз пытался возобновить разговор, так неудачно кончившийся в памятный вечер капустника. И каждый раз Верочка резко его обрывала. Так было до ее отъезда. Но при последнем свидании на вокзале, почти перед самым отходом поезда, она позволила писать ей в Лугу и вдруг пообещала дать осенью ответ на предложение.

В этот год весна была ранняя. В Петербурге стояли необыкновенные для этого города хорошие, ясные дни. Нева бросала в окна Адмиралтейства играющие отблески солнечной ряби, манила куда-то плыть. А Георгий Яковлевич чувствовал себя в эту весну как на привязи. Он начал побаиваться — не пришлось бы все лето просидеть в Петербурге, если в Царском Селе забудут про него. Тогда в Новоземельскую экспедицию будет послан другой.

Время тянулось томительно.

Особенно долгими казались вечера. Он старался заполнить их чтением, занятиями по математике и астрономии. Иногда уходил в белую петербургскую ночь к Неве. Бродил

по затихшим набережным, спугивая своим появлением влюбленные парочки. Писал Верочке в эти дни недлинные письма, всегда на двух страничках, ни больше, ни меньше. В них совсем не отражалось тоскливое его состояние. Письма были бодрые и остроумные, как всегда.

Вторично в Царское вызвали, когда Седов уже стал злиться не на шутку. В этот раз привезли совсем не туда, где была репетиция, и даже не к тому подъезду. Пришлось идти через ряд комнат с часовыми у дверей, пока не добрались до небольшого зала. Здесь Седова остановили, показали столик, на котором можно разложить карты и фотографии.

Минуты ожидания казались долгими. Чтобы рассеяться, Седов спросил у сопровождавшего его придворного, чем объяснить, что его, скромного офицера с маленьким чином, вызвали на доклад царю.

Придворный с охотой ответил:

— На вашем публичном докладе в Географическом обществе присутствовал один из гофмейстеров его величества, имеющий свободный доступ к государю. Будучи приглашен его величеством к обеду в домашней обстановке, он между прочим рассказал о вашем путешествии. Его величество заинтересовался и приказал доставить вас во дворец. Теперь вас можно поздравить с высокой честью делать доклад перед лицом его величества. Это должно сказаться и на успехе вашей служебной карьеры.

Седов молча поклонился и взглянул на часы.

Была половина второго. В соседнем зале послышался шум, часовой взял шашку на-караул, боковая дверь распахнулась. Придворный шепнул: «Его величество!» и сделал один скользкий шаг назад.

Седов подтянулся и замер в официальной позе. Царь шел к нему, в сопровождении свиты, каким-то неестественным, натянутым шагом, похожим на тот, которым когда-то унтер-офицер Замурушкин учил Седова ходить «царениальным маршем». Седов увидел перед собой невысокого офицера с погонями полковника. Лицо этого офицера сильно напоминало царские портреты, развешанные всюду, но не больше, чем старая, сильно изношенная ассигнация напоминает новую. Оно поражало полным отсутствием выражения и жизни. Усеянное серыми веснушками, тусклое, с каким-то землистым оттенком, это лицо могло привлечь внимание только необыкновенной вялостью. Серовато-рыжая борода с надвинутыми на нее густыми усами еще сильнее подчеркивала общее впечатление незначительности и заурядности.

Что-то неприятно-холодное проползло в груди Седова, когда он, вытянувшись по-солдатски, ожидал первых слов царя.

Остановившись перед моряком, царь несколько мгновений медлил, не произнося ни слова. Затем веснушки на лице слегка зашевелились. Надвинутые усы поползли кверху. Седов увидел серые зубы и в тот же момент услышал обращенные к нему слова:

— Вы штабс-капитан Седов?

— Так точно, Ваше Величество, — бодро отчеканил он заученную фразу.

Царь замялся. Усы двинулись несколько раз кверху и книзу и остановились, словно владелец их не знал, что еще сказать. Наконец царь спросил:

— Наверное, там очень холодно, на Севере?.. Где вам больше нравится: там или тут?

Седов немного растерялся, не зная, на который же из двух таких странных вопросов ответить, да еще не говоря ни «да», ни «нет». Выручил министр двора Фредерикс, стоявший позади царя. Он выдвинулся вперед:

— Разрешите штабс-капитану доложить о его путешествии все по порядку.

— Да, да, прошу вас, — сказал Николай и встал в привычную позу, сунув большой палец правой руки за ремень от палаша, а левую заложив за спину.

Стоя перед царем навтытяжку и держа в левой согнутой руке, как требовал устав, треугольную парадную шляпу, Седов в этой неудобной позе начал свой доклад. Помня о регламенте, он говорил очень сжато.

Царь сначала слушал невнимательно. Он с вялым любопытством рассматривал энергичные черты моряка и его крепко сбитую фигуру. Но не прошло и пяти минут, как Николай вынул руку из-за спины и, трогая рукой усы, стал следить по карте за маршрутом. Он начал останавливать Седова, спрашивать подробности. Уже явное любопытство отражалось на его лице, — очевидно, все, что говорил моряк, было интересно и совершенно ново.

Седов старался отвечать как можно короче и проще, но такие ответы вызывали новые вопросы, почти наивные.

Когда Седов, говоря о населении Колымского края, упомянул о племени чуванцев, Николай переспросил:

— Чуванцы?.. Я даже не знал, что есть у меня такой народ. И много их?

— Осталось всего несколько семейств, ваше величество.

— Почему же так мало? Ведь, пожалуй, эти семейства совсем могут исчезнуть, а наша держава теряет целую народность! Нужно бы принять какие-нибудь меры.

Когда Седов, рассказывая о рыбных промыслах, описывал

погреб в промерзшей земле, полные мороженой рыбы, царь опять перебил:

— На что так много рыбы?

— Для еды, ваше величество.

— Но разве может семья съесть за год сотни пудов?

Седову пришлось объяснять, что жители всегда нуждаются в еде, голодовки у них дело обычное. В крае нет хлеба, приходится от нужды питаться одной рыбой. Если рыбы не хватает, тогда наступает голод, в пищу идут древесина, заболонь, вымирают целые заимки.

— Что за страна такая, — пожал плечами царь, повернувшись к Фредериксу. — Ухитряются голодать в самых богатых краях. Голодают в Поволжье, на Украине и на Колыме. Но колымским казакам нужно помочь. Казаки — опора престола. Напомните мне, — обратился Николай к одному из придворных в расшитом золотом мундире, — сказать Саблеру, чтобы в церквах произвели сбор в пользу голодающих на Колыме казаков.

Седов поднял глаза на часы. Он стал чувствовать себя тяжело. Доклад его наполовину не сделан, а полчаса на исходе. Пытался продолжать, но царь постоянно прерывал вопросами или просил объяснить, что изображено на фотографиях. Когда прошло сорок минут, Седов почувствовал, что Сухомлинов, до этого пересмеивавшийся с кем-то за спиной у царя, дергает сзади за фалду сюртука: «Кончай!»

«Меня в жар бросило, — рассказывал Седов впоследствии. — Не могу же я остановиться посередине слова и сказать: «Я кончил, ваше величество!» И не ответить, когда царь спрашивает, тоже нельзя. А он все продолжает задавать вопрос за вопросом. Я же между двух огней. Сухомлинов то дернет меня за фалду, то за спиной царя показывает свои золотые часы. Вот тут и выкручивайся!»

Сжав доклад до пределов возможности, Георгий Яковлевич закончил его в четверть третьего. О своей гидрографической работе пришлось совсем умолчать, упомянув только, что весь план экспедиции выполнен, фарватер на Колыме отыскан, и нет больше препятствий к посылке в Колыму коммерческих судов из Владивостока.

Едва он успел произнести последние слова, к Николаю подошел Сухомлинов и что-то негромко сказал. Николай передал Седову последнюю фотографию и бесцветно промолвил:

— Рад был видеть офицера, который побывал так далеко. Надеюсь в будущем еще услышать о вашем новом путешествии в далекие страны.

Царь подал докладчику руку и удалился со свитой.

Седов вытер лоб платком и вздохнул с облегчением.

Тот же придворный отвел его к подъезду и еще раз поздравил с высокой честью.

Георгий Яковлевич вышел в парк. Сняв свою жесткую треуголку и положив портфель на скамью, он еще раз обтер лоб платком. Какой-то неприятный осадок остался у него после этой аудиенции. Не то оскорбление, не то разочарование. Перебирая в памяти последний час, он так и не мог вспомнить, что было тягостного в свидании с царем — глупые ли выходки Сухомлинова или неумные вопросы самого царя. Или же все вместе с тусклым и серым обликом правителя великой России.

Но тут же пришла в голову старая, привычная мысль: «Ну, вот еще одно дело закончено», за ней еще: «Так или иначе, с этой минуты я, наконец, свободен!»

Седов широко улыбнулся, расправил плечи, вздохнул всей грудью и направился к выходу из парка.

ГЛАВА XIX

В РОДНОМ ГНЕЗДЕ

Покончив с докладом, Георгий Яковлевич стал горячо готовиться к Новоземельской экспедиции. Теперь ничто не могло ее задержать. Впрочем, подготовка на этот раз не требовала такого внимания и предусмотрительности, как на Колыму. Новая Земля была ближе и доступнее.

Еще до доклада в Царском Селе Георгий Яковлевич писал Верочке, что ее обещание дать ответ осенью теряет смысл. Вернется он с Новой Земли только к зиме. Выходит, Верочка не может узнать его ближе, чем сейчас. «Следовательно,— писал он, — остается одно: дать желанный ответ теперь же».

По-видимому, доводы эти показались Верочке достаточно убедительными. После второго письма, с описанием доклада в Царском Селе, Георгий Яковлевич получил телеграмму из Луги с единственным словом: «Согласна». Он примчался в Лугу в тот же день. Верочка встретила его вся в белом, как невеста.

Дни помчались очень быстро. С лица Седова не сходила улыбка. Работа кипела. По вечерам он писал Верочке все такие же недлинные шуточные письма: «Теперь я имею много свободного времени и голову держу выше адмиралтейского шпица». Звал в шутку с собой на Новую Землю. «Если не знаете, куда поехать на лето, отправляйтесь в солнечную Ниццу или в Крым. Впрочем, нет, поезжайте лучше на Север. На свете нет воздуха лучше новоземельского».

При новом свидании Георгий Яковлевич узнал от Верочки, что она не собирается ни в Ниццу, ни в Крым. Решили осени

не ждать, пожениться теперь же, до отъезда Георгия. Но свадьбу нельзя было справить немедленно: в церквах не венчали до окончания петровского поста. Георгий Яковлевич решил перед женитьбой съездить домой, на Кривую Косу, к матери.

Дома он не был девять лет. Подъезжая к Кривой Косе из Мариуполя на маленьком пароходике, не мог дожидаться, когда обогнет длинный мыс. В нетерпении стоял на капитанском мостике. Вот открылся, наконец, восточный берег косы. Показались строения. Школа, церковка — все по-старому. Впрочем, вправо какие-то здания. А ближе их... Вот она, родная, маленькая хатка! Раскрыто окно. Кто-то ходит вблизи. Не мать ли? Опустив бинокль, Седов счастливо улыбнулся.

— Что увидали, вашкородие? — обернулся капитан, перебирая привычным движением спицы штурвала, и покосился в ту сторону, куда направлен был взгляд офицера.

— Вон домик наш! Почти десять лет не был я дома. Приезжал учеником. Наверное, никто меня не узнает. Мать-то с ума сойдет от радости. Вырос я здесь, на Кривой Косе.

— А! — протянул капитан.— В родное гнездо каждая птаха летит.

Георгий Яковлевич сошел на берег с маленьким чемоданчиком. Дал его нести какому-то хлопчику.

Дело было под вечер. Рыбаки и казаки сидели у завалинок. Встречные кланялись офицеру и оглядывались. Казаки вскакивали и отдавали честь. За спиной манили хлопца с чемоданом, спрашивали: «Кто?..» — «Не знаю», шептал тихонько хлопек и догонял приезжего. Только совсем неподалеку от хаты первая узнала его старуха Мокеевна. Подхватив рукой подол, засеменила напрямки к седовскому окошку, зашептала, задыхаясь от волнения:

— Степановна!.. Слышь ты, Степановна!.. Твой... Твой-то штапкапитан... Приехал!.. В белом мундире, серебро на грудях... Иди скорей, встречай с хлебом-солью!

Наталья Степановна охнула, заметалась по хате, заправляя под платок седые волосы. Метнулась было к сундуку... Глянула в окошко — замутилось в глазах. В самом деле, идет весь в белом... Схватила впопыхах солонку, поставила на каравай, приоткрыла сундучок, не глядя, вытащила полотенце, разостлала на руках и, подхватив хлеб с солонкой, встала на пороге как раз вовремя: гость повернул за угол, к знакомому крыльцу.

— Мама! Родная!..

Георгий Яковлевич взял хлеб-соль, поставил на стол и, радостно заливаясь смехом, обнял старуху крепко-крепко.

— Егорушко!.. Егорий Яковлевич! Сонечко!.. Сынку мий ридный, надия наша!.. Дивись, який ясний сокил... За що мені таке велике щастя!..

Старуха смеялась, плакала, гладила руками сына. Шершавые ладони цеплялись за серебро на погонах. Острый край какой-то медали больно царапнул щеку. Но Наталья Степановна ничего не замечала.

— Та що ж вы сидите? — крикнула она забравшимся в угол Анюте и Марусе.— Дывитесь, брат до дому приихав. Цилуйте ручку! Вин ваша надия! Що ж ты, голубе, нам висточки не дав? Батька-то дома нема, — така хвылина. Мы бы вас на пристани встренули...

И опять Наталья стала обнимать любимого сына, гладить рукой его уже порядочно полысевшую голову.

Георгий Яковлевич повесил фуражку, снял кортик и оглянулся.

Все по-прежнему. Беленая известкой хата, чистый земляной пол. Только кровать накрыта новым одеялом и у икон вышитые по-украински полотенца. Да на стене его портрет в самодельной рамочке.

Но он-то не прежний Егорушка! Мать сбивается на «вы», зовет Егорий Яковлевич. Сестренки смотрят как на чужого. Благодарят за гостинцы, ловят руки для поцелуя. Когда снял морской китель, сразу почувствовал — все стали проще.

Напившись чаю, Георгий Яковлевич вышел во двор поправить провалившуюся ступеньку на крыльце. Осмотрел частичковую сеть, починил несколько дыр на ней, по-иному связал тягловые концы. Потом до темноты налаживал отцовскую лодку. Сказал сестренке Марусе:

— Завтра поедем рыбачить!

Георгий Яковлевич прожил на Кривой Косе две недели. Накупил обновок матери и сестренкам. Ездил рыбачить, купался в море. Собрал в пустом фроловском амбаре жителей Кривой Косы и рассказал им про путешествие на Колыму. И до сих пор на Кривой Косе помнят, как Георгий Яковлевич показывал через волшебный фонарь «фокусные картинки» далекого Севера. После этого доклада приходили в седовскую хату и хуторяне и люди из далеких поселков поговорить с образованным человеком, расспросить, как люди живут в далеком холодном краю.

Наталья Степановна гостей встречала приветливо, была счастлива сыновними успехами и славой.

Но привыкнуть к мысли, что этот умный человек, к которому сам помещик Фролов, не погнушавшись бедной седовской хатой, приезжал в гости на парной коляске,— ее прежний Егор,— к этому привыкнуть старуха никак не могла. Когда сын сидел в хате или на завалинке, в одной рубахе, рассказывая

или балагурия, казался он прежним Егорушкой, которого носила в себе, кормила грудью. Но стоило ему, отправляясь в станицу, надеть форменный китель, мать сразу робела, больше чем перед урядником Охримченкой, низко кланялась и звала по имени-отчеству.

Замечая такую перемену, Георгий Яковлевич раскатисто смеялся, кидал кортик и все военные доспехи на лавку, хватал в охапку сестер и начинал дурачиться. И мать снова менялась. Подпирала по-старушечьи рукой лицо, шептала про себя:

— Егорушка, Егорушка, родный! Такой же веселый, сыночку мий милый, голубе ясный!

В один из последних дней Георгий Яковлевич, проходя по улице, обратил внимание на пожилую светловолосую казачку. Она, выйдя из хаты, направилась было навстречу и вдруг остановилась, прижав руки к груди, словно дух у нее захватило. Казачка не отводила глаз, пока он шел мимо.

Что-то знакомое показалось в лице этой женщины. «Вероятно, кто-нибудь из школьных подруг», подумал Георгий Яковлевич и приложил руку к козырьку.

Женщина низко, в пояс поклонилась. За юбку ее держалась девочка лет пяти.

Дома он спросил у матери:

— Что за женщина здоровалась у крылечка николаевской хаты? Лицо будто знакомое, а не припомню.

— У мыколаевской хаты? Та кому ж буты, як не Семена Мыколаева жинци! Хиба ж ты не признав? Це Дарка, Дашенька, сальковска. За неи тебе Семен Мыколаев лупыти збирався! Вин ей чоловик... Давно оженьвся, з того часу, як учитель Степан Степанович вмер. Вона трое диток мае. Пятеро було, да двоих Бог прибрав... Не добре Дарка з чоловиком живе. Ни! Бье вин. Як прыйде пьяний, так и лупцое... Як же ты не вгадав? Вона и доси тебе поминае!

Когда уезжал Георгий Яковлевич, провожать пришли все соседи и дальние.

Проезжая мимо николаевской хаты, опять увидел он в окошке Дашино увядшее лицо. Судорожно схватившись за раму, Дарья неотступно смотрела вслед уезжавшему моряку.

14 июля Георгий Яковлевич скромно обвенчался с Верочкой в Исаакиевском соборе. Свадьба была необычная. Обвенчались и... разъехались по домам. Квартиру решили не нанимать до возвращения из экспедиции. Через четыре дня после свадьбы Георгий Яковлевич отправился на Новую Землю. Вера Валериановна проводила его до Архангельска.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СЕВЕР?

Земли Российской империи простирались до семьдесят седьмого градуса северной широты. Наибольшее протяжение морских границ — на Севере. Вдоль северных берегов России пролегал непрерывный морской путь из Атлантического океана в Великий — Северный морской путь. Самые большие реки империи впадали в северные моря.

О существовании незамерзающих гаваней на Севере знали все образованные люди. Но для большинства все эти истины были пустыми, ничего не значащими фразами. Все знали хорошо, что земли на Крайнем Севере неплодородны. На что государству замерзшие тундры в пустынной стране! Северный морской путь!.. Он существует только на карте. Какой может быть путь по морю, вечно закрытому льдами? Могучие реки на Севере? Говорят, они очень красивы, но какая же от них польза, если эти реки текут по пустыне и изливаются в закрытый ледяной мешок? Что толку от незамерзающих гаваней, если местность возле них почти не заселена и не связана удобными путями с культурными центрами?

Близко знакомые с русским Севером с такой характеристикой не соглашались. Но это не имело значения. Таких было очень мало. Россия же так велика. И только люди большого ума — Ломоносов, Менделеев, Кропоткин, Макаров — понимали будущее значение Севера для государства. Но никто из этих людей не имел влияния на разрешение государственных проблем. Россией правили не Менделеевы, а Романовы. И не под силу было отдельным людям разрушить общее представление о Севере как о стране бесплодной, страшной, для жизни человека совершенно непригодной. Книг о Севере печаталось ничтожное количество. В книгах описывались приключения экспедиций, больше всего иностранных. Изредка появлялись в газетах известия о Дальнем и Ближнем Севере — то же описание приключений какой-нибудь экспедиции или бедствий потерпевших крушение промышленников и моряков. За малыми исключениями, все писавшие о Севере изображали его страной ужаса и смерти, — поехать туда могут только герои.

Невелика была и научная литература. Географическое общество, снаряжавшее дорогие экспедиции в Тибет, Монголию, Тянь-Шань и на острова тропических морей, не интересовалось ближайшим Севером, в пяти днях пути от столицы. И никто — ни русские, ни иностранные ученые не писали о самом важном: о производительных силах Севера. Ученые интересовались распределением суши и моря в полярных областях, средними

температурами в высоких широтах и больше всего — возможностью сделать какое-нибудь открытие в этих неизученных областях. Доклады о гидроидах арктической провинции, о постплиоценовых моллюсках Мурмана или об ареалах моллюсков *Yoldia arctica* проходили в ученых обществах при полных залах.

Все же на рубеже XIX и XX веков во всем мире замечалось пробуждение интереса к полярным областям. И русские газеты помещали сообщения о зарубежных полярных новостях. Экспедиция Норденшельда была известна многим. Этот ученый, получивший образование в России и эмигрировавший в Швецию, предпринял дерзкую попытку проплыть на судне вдоль всего сибирского побережья¹. И что удивительнее всего — удачно; выполнил свое путешествие в течение двух навигаций. Еще больше внимания привлекла экспедиция Нансена. Пока длилась эта экспедиция, в газетах появлялись заметки то о гибели Нансена, то о поисках исчезнувших норвежцев, о вспомогательных судах и санных партиях, наконец, о возвращении экспедиции и о ее героических приключениях. Книга Нансена раскупалась нарасхват. За короткое время она выдержала несколько русских изданий. А затем весь мир облетело известие о загадочной гибели экспедиции Андрэ, пытавшегося достичь полюса на аэростате, и о новом полярном предприятии — экспедиции итальянского герцога.

В этой обстановке некоторого интереса к Северу обратило на себя внимание происшествие на Мурманском берегу. Во время одного из сильных штормов унесены были в открытое море несколько десятков поморских промысловых лодок с рыбаками. Все они погибли. Помощь оказать было некому. Подобные происшествия не были редкостью. Рыбаки-поморы, уходившие промыслять треску за два-три десятка километров от берега на беспалубных и неуклюжих шнеках, гибли ежегодно. Но об этом никто никогда не писал. Об этом не знали, Мурман был страной, отрезанной бездорожьем. Там не было ни телеграфа, ни почты, ни правительственных учреждений.

В этот раз на Мурмане случайно оказался корреспондент влиятельной газеты. Газета очень умело поднесла читателям известие о происшествии. Корреспондент трогательно описал трудную жизнь безвестных героев-поморов. Они завоевали полночное море. Но никто о них не знает. Они забыты. Им нет никакой поддержки, нет даже спасения в опасную минуту.

¹Одну треть стоимости экспедиции Норденшельда принял на себя русский купец А. Сибиряков.

Их семьи, в случае смерти кормильцев, должны идти по миру. Все газеты стали писать о поморах, о Белом море, о Мурмане и о богатствах этого края. В результате газетной кампании был проведен на Мурман телеграф. Кольский полуостров выделен в отдельную единицу — «уезд», с центром в Кольской губе. Там был основан городишко Александровск¹ из полутора-двух десятков домов. Образовалась акционерная компания с субсидией от правительства — «Мурманское срочное пароходство». Возник Комитет помощи поморам. Комитет приобрел спасательное судно и снарядил постоянную экспедицию для изучения рыбных богатств Мурмана. Север стал входить в моду.

Вероятно, этой «модой» можно объяснить внезапный и необычайный успех талантливого художника Борисова. Уроженец Севера, он выставлял картины и этюды, написанные в Большеземельской тундре и на Новой Земле. Большая часть довольно правдивых этюдов Борисова была приобретена Третьяковым и находилась в его Московской художественной галерее. Петербургский художественный музей купил большое полотно «Страна смерти». Эта картина собирала толпу и на выставке и в музее.

При первом взгляде на полотно зритель не различал ничего, кроме бьющей в глаза кроваво-красной полосы. Она тянулась во всю ширину темного фона картины. Уяснить изображение возможно было только присмотревшись. Всюду горят мрачные отблески кровавого заката, прикрытого черно-лиловыми тучами... Слабо освещены громады ледяных синих скал... Чернильно-темное море... На нем грузно осевшие плавучие льды... Какая страшная страна! Холод. Тишина. Смерть.

Несомненно, художник достиг желанного впечатления. О картине говорили все. Художники спорили о дерзости контраста между черными тучами и просветом огненного неба. Многие видели в манере Борисова влияние его учителя, художника Куинджи. Значительные достоинства находили в картине и художественные критики. Как всегда, они выражали свое мнение туманно. Малопонятные слова критиков — «импрессионизм» и «трансцендентально-космическая душа» — с удовольствием повторялись в гостиных. Художник попал в самую точку. Картина была зачислена в число любимых.

Молодой художник, плывший в 1910 году по Баренцову морю на пароходе «Великая княгиня Ольга Константиновна», не обладал ни славой Борисова, ни имевшимися у Борисова

¹Ныне город Полярный.

большими материальными ценностями, полученными в результате удачного выражения «трансцендентально-космической души», точнее сказать — в результате продажи пейзажей Севера любителям живописи и просто богатым людям, пожелавшим украсить произведением модного художника стену своей гостиной. Молодой художник еще не окончил курса Академии художеств и был гол, как сокол. Но он не был новичком в путешествиях. В это лето он собирался в третий раз провести каникулы на Севере и написать новую серию этюдов.

Художника звали Николаем Васильевичем. Он был высок ростом, силен и вынослив, легок на подъем и скор на решения. Среди товарищей по Академии слыл бродягой и чудаком. Художник был рассеян, неровен характером. Вел себя не как все. То молчал, то, увлекшись чем-нибудь, подолгу говорил, силился высказать что-то значительное. Начав говорить, не мог сидеть на месте. Он вскакивал и, возбужденно шагая, натываясь на мебель, словно слепой, произносил горячие речи. Космы прямых длинных волос падали ему на лицо. Он убирал их от глаз резким встряхиванием головы или своеобразным движением левой руки с торчащим пальцем, пораненным где-то в глуши на Севере во время экспедиции за этюдами. Товарищи из Академии считали его талантливым, с интересом смотрели новые этюды, хвалили их. Обладавшие практической сметкой не одобряли увлечения северными мотивами.

— Чудак парень! Хочет стать пейзажистом и не понимает, что такие картины невиданных мест никому не нужны. Кто купит их? Публика любит знакомое, привычное. Домики, речка с мостиком, церковки на фоне заката, черноземная пашня с ветлой и ручейком, коровки на лугу... Вот это мотивы! Что повезло Борисову — это случайность. Просто, были его картины новинкой. Теперь пенки сняты. И сам Борисов это понял. Не выставляет ничего.

Николай Васильевич смешно сердился, когда в таком тоне начинали говорить о материальной стороне его профессии. Обзывал товарищей торгашами от искусства, угодниками толстопузых банкиров, стряпунами картинок для простенков в буржуазных квартирах — и замыкался. То же самое случалось, если на горячие тирады о красотах и богатствах Севера получался тупой ответ: «А кому это нужно?» Художник сразу осекался и презрительно замолкал.

Художник искренне любил природу Севера. Готов был месяцами бродить с ружьем и этюдным ящиком в безлюдной глуши. Пароход, на котором он плыл в этом году, шел на Новую Землю. Попав на него, художник не мог дожидаться минуты высадки в новых, пустынных местах.

Николай Васильевич Пинегин

Он знал, что на южном острове Новой Земли есть три маленьких зимовья ненцев, переселенных из Большеземельской тундры с целью защиты острова от притязаний иностранцев на пустующую землю. Но на северном острове, куда в этом году в первый раз направлялся пароход, нет ни одного поселка. Пароход везет разнообразные постройки и людей для первой колонии на северном острове в Крестовой губе. Председатель Архангельского общества изучения русского Севера, оказавший содействие художнику в получении бесплатного проезда на Новую Землю, рассказал, чем вызвано решение заселить и северный остров. Настояло министерство иностранных дел. Норвежцы снова стали интересоваться необитаемой частью Новой Земли. В предыдущем году геолог Русанов обнаружил там несколько норвежских поселков. России опять грозила потеря этого острова.

Пароход шел до Новой Земли почти трое суток. За это время художник успел приглядеться к пассажирам. Среди всех выделялся высокий моряк с широким, почти голым черепом.

Одет он был в военную форму. Капитан сказал, что моряк едет в Крестовую губу. Он начальник гидрографической экспедиции. Фамилия — Седов.

Когда художника знакомили с моряком, тот был окружен группой пассажиров. Видно было, человек этот обладал способностью привлекать к себе людей и быстро сходиться с ними. Он постоянно что-нибудь рассказывал и заразительно смеялся. Было что-то влекущее и простое в его сияющей улыбке и блеске глубоко сидящих глаз.

В этот раз Седов рассказывал пассажирам о недавнем путешествии по якутской тайге к дальней реке Колыме. Незаметно для себя художник заслушался. Таежная глушь, дышащая неведомых рек, унылые заснеженные тундры и льдами покрытое море — все незнакомое оживало как виденное.

Вот моряк рассказывает о происшествии в устье реки Коркодона. Медведь напал на промысловую избушку в тайге. В ней — одинокий охотник, без ружья: оно осталось в лодке. С собой только нож и длинный ремень. Медведь ворвался в избушку. Удары могучих лап. Страшная раскрытая пасть. Ужас. Кровь. Раны. И победа над страшным зверем. Стыла в пасти умирающего зверя обмотанная ремнем рука. Маленьким ножом, засунутым в горло медведя, мужественный охотник добрался до сонной артерии...

Все вздыхали облегченно. А моряк начинал про другое.

Художник недолюбливал офицеров и был невысокого мнения об этой касте. Отойдя от группы и освободившись от гипноза улыбки и здорового юмора рассказчика, он пробормотал про себя:

«Здорово рассказывает сей штабс-капитан... Привирает, наверное, немало... Посмотрим, посмотрим, каковы будут подвиги этого говоруна на суровой Новой Земле».

Новая Земля открылась на третий день плавания. Сначала показались на горизонте верхушки белых гор, похожие на облака. Затем выделилось нечто вроде низенького острова. Это был далеко вдавшийся в море низменный мыс Гусиная Земля. Яснее обозначилась горная цепь. Седов и художник стояли рядом. Опираясь на планшир, они следили, как поднимается из моря Новоземельский хребет. Изгибаясь слабой дугой, он терялся где-то на северо-востоке. Новая Земля — длиной в тысячу верст!

Пароход вошел в Крестовую губу при сильном ветре. Свирепствовал при ясном небе «восток» — знаменитый новоземельский ветер. Он валил с гор, перебрасывая камни и разрушая все на пути. Над водой стоял туман из брызг. Море кипело.

Пароход стал на два якоря. Шлюпок не спускали. Пассажиры,

скучая, сидели по каютам. Компания чиновников затеяла в салоне игру в преферанс.

Поздним вечером художник вышел на палубу полюбоваться на полуночное солнце, на панораму гор и еще раз поискать, не найдется ли закрытого места, где можно расположиться с красками.

Поднявшись по трапу, он услышал возбужденные голоса, доносившиеся из-под кормы.

Шлюпка-шестерка, порядочно загруженная ящиками, пыталась отойти от парохода, но ветер отбрасывал ее назад. В шлюпке находилось десять человек. Девять промокших гребцов, сидя и стоя, с натугой налегали на весла. Но крепкий ветер мешал. Шлюпка, как пришитая, держалась близ кормы парохода. Только продвинется на несколько метров — ветер отбросит ее назад. На корме орудовал добавочным веслом десятый. В матросском бушлате, с обнаженной головой, — ветер давно сорвал фуражку, — щурясь от соленых брызг, секших лицо, этот человек весело выкрикивал:

— Разом-раз! Ну, разом-раз!.. Дружно, крепко, раз!..

А в промежутках между счетом, или вместо него, успевал вставлять столь крепкие матросские словечки, что ребята на веслах то и дело ржали, видно, забывая и крутую волну, и тяжесть в руках, и холод, и страшный ветер.

Художник узнал в человеке без фуражки Седова. Девушка-туристка, слушательница недавних рассказов бравого моряка, подошедшая с художником к борту, видно, тоже его узнала. Она сразу отпрянула и, густо покраснев, убежала в каюту.

Бывает: увидит человек чужое дело — и сам загорится желанием принять в нем участие. Так весело выкрикивал моряк команду, так мужественно смотрел он вперед, что художник вдруг почувствовал необходимость помочь, принять участие в радостной борьбе с жестоким восток, с крутой волной, со злым потоком несущихся брызг. Звонко и возбужденно он крикнул:

— Можно с вами?

Седов обернулся. Художник снова прокричал:

— У вас свободное весло. Возьмите меня с собой.

Седов подвел шлюпку к борту. Художник, мотаясь в воздухе, спустился по штормтрапу и прыгнул в шлюпку, как был, без шапки и в ботинках. С остервенением принялся грести.

Вероятно, одной человеческой силы и не хватало. Медленно и почти незаметно для глаза шлюпка начала подвигаться вперед. Все же прошло около часа, прежде чем добралась она до берега, а до него было не больше сотни метров. Под

прикрытием берегового склона шлюпка пошла быстрее. Художник первым выскочил с фалинем в руках на полосу черного размельченного шифера и подтащил шлюпку ближе. Когда ее разгрузили и выволокли на берег, Седов отбег лоб рукавом и возбужденно сказал:

— Ну, кто говорил, что не выгребем? Вот здорово!

Он хлопал мокрых гребцов по плечам, тискал руку художнику. Заметив, что с командирского мостика на пароходе кто-то смотрит в бинокль, рассмеялся и, приподнявшись на носки, помахал в ту сторону рукой. Возбужденные и радостные люди принялись перетаскивать дальше от берега ящики и свертки. Седов с художником начал ставить палатки. Ветер трепал их полы, путал отяжки, опрокидывал стойки. Одну палатку в конце концов укрепили. Все так же весело и бодро Седов бросил художнику:

— Да вы молодец! Мастер на все руки. Где вы палатку научились ставить?.. Я думал раньше, что у художников такие тоненькие ручки, только и могут картинку рисовать. А вы веслом ворочаете — дай бог другому матросу!

Вечером, вернувшись на пароход, художник вспомнил этот комплимент. Пожалуй, никогда еще людская похвала не возбуждала такой гордости, как эта из уст моряка.

Художник вспомнил также, как, прощаясь после чая в новом лагере гидрографов, он почувствовал, что не хочется плыть на пароход от этой дружной команды с таким бодрым капитаном во главе. Он так сердечно жал руку на прощанье, звал заходить.

— Соседями будем!

ГЛАВА XXI

НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Художник, усталый, шел с работы к своему лагерю в бухточке, где строился дом для колонии. Только две недели прошло, как высадился на новоземельском берегу, а казалось, жил здесь давно. Все стало привычным и близким. Привычен хруст грифельно-серого сланца под ногами, и ясность в воздухе, и бодрящая его прохлада. Привычен неизменный простор перед глазами. Хорошо!

Отмеривая большие шаги, он зорко смотрел вперед. Вот она, первозданная земля, еще не обжитая человеком! Середина лета, глаз ищет зелени, а ее нет. Только в низинах или между камнями, в закрытых от ветра местах, где задержалось немного перегноя, видны зеленоватые пятнышки — скопление крошечных листочков и миниатюрных цветов. Некрепко зацепились

за землю эти растения, жмутся к ней, словно желая спрятаться. Многие живут семействами. Издали такое семейство — как врытый в землю букет. Вот за пригорком лощина. О, как расцветилась она за эти два дня! Там множество живых букетов, местами сливаются они в цветущий пестрый ковер. Выше всех бледно-желтые полярные маки качаются на мохнатеньких ножках, лиловыми пятнами гнездятся звездочки-каменоломки, желтеют знакомые лютики и льют чудесный аромат полярные пахучие незабудки.

Художник свернул к лощине, сорвал несколько крупных цветков из пышного букета маков, продел в петлицу грубошерстной куртки. Из-за пригорка показалась серая головка с черной мордочкой и настороженными ушками. Спокойно... Песец... Но зверек уже заметил. Он твякнул несколько раз и, распластав пушистый хвост, понесся по хребту горки. Переходя нестаявшую полосу снега в следующей лощине, художник увидел свежие отпечатки копытец, — недавно здесь проходило стадо диких оленей. А вот тут же рядом еще следы, как от вдавленных в почву тарелок. Это белый медведь шел с мыса на мыс. На глади залива показалось черное пятнышко, пошли круги по воде. Вот еще. Это тюлени. Какая же это пустыня? Море и земля полны живых существ, поселенцы ловят в реке рыбу пудами. Здесь может жить человек! И пейзаж блещет светло-серыми и голубыми красками. Где же борисовские черные тучи и небесное пламя, освещающее один голый лед? Нет, Север прекрасная страна! Об этом должны знать все! Теперь художник твердо знал, что жизнь его будет крепко связана с Севером.

В эти дни он часто думал о фразе, оброненной полярным путешественником Пири: «Всякий, кто посетил Север, неизлечимо заболевает полярной лихорадкой». Художник испытал ее на себе: «Чёрт возьми, в самом деле существует такое заболевание!» Теперь, стараясь объяснить сущность своих переживаний, он не находил в своем увлечении Севером ничего необъяснимого. Все очень просто. Попадает человек в обстановку суровой борьбы с природой. Глубокое стремление к такой борьбе заложено навыками всех человеческих поколений где-то в клеточках мозга. Эта борьба требует полного напряжения всех душевных и физических сил человека. Она дает радость одержанных побед, радость обнаружения в себе новых качеств — силы, выносливости, способности находить путь, проявления решительности и быстроты соображения. Прямолинейность, упорство здесь, в первобытной стране, только помогают. Возникающие на каждом шагу препятствия, опасности, угрожающие не только достижению поставленной цели, но и самой жизни, обостряют все чувства, напрягают мозг и

мышцы, толкают продолжать борьбу до конца. Да, жить — это значит жить так, чтоб звучали все струны души и тела!

Художник шел, подставляя лицо встречному холодному ветру, и, сам того не замечая, пел.

Георгий Яковлевич ради удобства работы расположился лагерем не у колонии, но в средней части Крестовой губы. Иначе не успел бы за короткое лето нанести на карту весь залив длиной в тридцать пять километров и шириной около семи. Работа пошла по давно налаженному порядку. Здесь пришлось уделить особенное внимание морскому промеру, чтоб не пропустить опасных для мореходства подводных камней и банок. Как всегда, Седов, кроме работ по инструкции, затеял много других. Собрал геологическую коллекцию, установил вековую марку: впоследствии ученые определяют по ней перемещение береговой линии. Старался выяснить экономическое и промысловое значение этого района. У Седова был на этот раз помощник — студент-политехник Заболоцкий. Дело шло еще живее, чем на Колыме. Рабочих было десять человек, из них только один настоящий матрос — эстонец Юган Томиссар. Это мало смущало Георгия Яковлевича. Он умел за одно лето превращать земледельцев и плотников в хороших гребцов, лотовых матросов, футшточников и кашеваров. На команду он не жаловался никогда.

Стоял хмурый новоземельский день. В такую погоду горы вокруг залива наполовину обрезаны низкими тучами, а голубой ледничок в седловине у Средней горы кажется свисающим с неба. Тучи спускались все ниже. По временам проходили полосы тумана из мельчайших капелек влаги. Они садились седым налетом на оттяжки палаток, на ресницы и волосы.

В такой день работать на море невозможно — часто теряется видимость. Георгий Яковлевич сидел с помощником в застегнутой палатке. Наморщив брови, он переносил на карту детали из записной книжки с кроками. В соседней палатке, у команды, пиликала гармошка. По временам доносились оттуда взрывы смеха и крепкие словечки. Среди этих привычных звуков послышался хруст гравия под чьими-то ногами.

— Можно к вам?

Георгий Яковлевич расстегнул полу палатки.

— А!.. Милости просим. Вот уж, действительно, «прошу к нашему шалашу», — ослепил он улыбкой вошедшего.

Гостем оказался художник. Георгий Яковлевич убрал планшет с картой.

Становище в губе Крестовой. 1910 год.

— Вот кстати! А я только что чайник поставил.

В палатке было тепло и по-походному уютно. У стенок складные койки и такие же столики, в углу керосиновая печь.

Художник осмотрелся, поставил винтовку у койки.

— Да не стесняйтесь, садитесь прямо на койку. Ну, какие у вас в колонии новости? — первым заговорил Седов.

— Новости, пожалуй, неважные. Из-за них к вам и собрался, вроде как по делу...

— По делу?.. Быть может, мне китель и кортик надеть?

Художник улыбнулся.

— Нет. Можно и без кортика... В бараке у моих соседей не совсем благополучно... Они из-под Вологды. Деревенские плотники... Ой, простите...

Художник поддержал падающую винтовку.

— Представьте, не прошло еще трех недель, а у них, чуть не у всех, признаки цинги. Пришли ко мне, просят лекарство: ноги-де пухнут. Спрашиваю: «Какая у вас пища?» Говорят: «Пища обнакновенная — хлебушко». — «А еще?» — «А еще кашу варим». — «И все?» — «Все», — говорят. «А чай и сахар?» — «Нету...» — «Что же вы, умные головы, думали, — спрашиваю, — когда соглашались ехать на Новую Землю с таким провиантом?» — «А мы, — говорят, — не знали, куда едем. Сбивал нас от подрядчика Агафонова, Петра Ильича, десятник Анисим Тимофеевич. Поспрошай у него»...

— А этот Анисим Тимофеевич тут? — перебил рассказ студент-помощник.

— Тут же сидит. Спрашиваю его: «Как же ты сманил сюда мужиков, не узнав как следует, куда едете и какой будет провиант? Ведь здесь лавок нет». — «А мы всегда, — говорит, — не ведаем, куда повезут. Расеюшка велика, разве узнаешь, какие есть места и острова. Сказывал подрядчик, что работать будем на острове в Белом море, проезд бесплатный, одежда и харч от подрядчика, за лето на брата по шестьдесят рублей выходит, на всем готовом. Отбою не было от мужиков. Шестьдесят рублей на хозяйство, сам знаешь, какие деньги. Вот и поехали. А в Архангельском хозяйина и не видели. Вы дали нам муки пять мешков, крупы мешок, соли туесок да сала говяжьего корчагу. Да еще сапоги старые с полушубком на каждого. А насчет чаев да сахаров, приказчик сказал, от хозяина распоряжения не было. Вот так и поехали».

Пока художник рассказывал, Георгий Яковлевич незаметно наблюдал за гостем. Видно, молодой человек искренне возмущался. Сломанный палец левой руки так и мелькал перед глазами. Мотались пряди волос и упрямо лезли в глаза. Георгий Яковлевич крепко обругал подрядчика, но в заключение сказал:

— Старая история. Что ж тут возмущаться? Щука есть щука. Щуке пальца в рот не клади. Хоть ваши плотники и дураки, придется все-таки помочь. Дам что возможно. Завтра отправлю на шлюпке ящик мясных консервов, сушеного картофеля, немного чаю и сахару. А остального у самого в обрез. Придется счет представить его превосходительству господину губернатору. Они-то хороши! Вот так организуют колонию! Даже не поинтересовались, как люди снабжены... Ну, как вам здесь нравится?

— Хорошо здесь. Никуда бы не уехал. Остался бы на зимовку.

— И я остался бы.

— Моя мечта прожить в полярной стране целый год. Написать бы гору этюдов.

— А куда бы их девать стали? — вступил в разговор Заболоцкий.

— Как куда? Написал бы с них картины. Устроил бы выставку. Это необходимо сделать. Борисов лгал. Необходимо показать всем, что такое далекий Север. Это одна из привлекательнейших стран.

— А моя мечта — попасть на полюс.

Художник быстро взглянул на Седова. Его лицо было серьезно.

— Как, на самый полюс?..

— Ну, разумеется. Вы думаете — не дойду? Дойду! Я знаю себя и говорю это твердо. И многие из наших могли бы, если б захотели как следует. Как глупо, что никто из русских не пытался достичь полюса. Ведь все мы выросли на снегу. Путешествие к полюсу — черная работа. Нужна привычка к холоду. Нужно знать лед. Я знаю лед, и как по нему ходят!

Георгий Яковлевич сжал кулаки, расширил глубоким вздохом грудь.

— Эх, достать бы только денег на экспедицию.— И он ударил кулаком по койке.— Нет. Так или этак — а на полюс я пойду! Даю себе срок два года. Будьте свидетелями!

— Подождите еще один год,— сказал художник.— Я Академию кончу, пойду вместе с вами.

— Идет. Только не отказываться.

— Не откажусь.

— Ну, ладно. Пусть будет крепко!

Седов протянул руку художнику и сильно стиснул ладонь. Лицо его было серьезно.

За чаем Георгий Яковлевич рассказывал о встрече с американской экспедицией к Северному полюсу. Студент и Николай Васильевич хохотали до упаду, когда моряк стал изображать заносчивого начальника экспедиции, как тот хвастал и собирался отрывать чеки из книжки честолюбивого миллионера в штабной палатке у самого полюса.

Художник засиделся у Седова почти до утра. Расстались совсем друзьями. Георгий Яковлевич подарил ему авторский экземпляр своей брошюры «Право женщин на море». На обложке твердым и красивым почерком написал: «Славному, неустрашимому волку-художнику Н. В. Пинегину на память. Г. Седов. 1910. Новая Земля». Тут же он коротенько рассказал, почему выпустил в свет эту книжку.

Написана она еще в 1907 году. В тот год был созван в Петербурге международный конгресс по судоходству. Хотелось выступить на нем с докладом о женщинах-моряхах. Мысли эти возникли давно, при встречах с женщинами-судоводителями. Видел в Константинополе большую американскую яхту, ее целиком обслуживали женщины. И в Архангельске два раза побывал на шхуне поморки Василисы, ставшей во главе мужской команды. Тогда и зародилась мысль о необходимости предоставления женщинам права на морское образование и на штурманский диплом. Почему, в самом деле, женщина не может быть капитаном?

В организационном комитете съезда посмотрели широко открытыми глазами на офицера, предложившего столь странный доклад. Замялись. Обещали обсудить вопрос на бюро.

Когда была отпечатана повестка с тезисами докладов, доклада о женщинах-моряхах в ней не оказалось.

Седов был взбешен. «Ах, вы не хотите даже выслушать!..». В тот же вечер переписал доклад набело и на другой день отправился в типографию печатать доклад на собственный счет.

Художник прочел эту брошюрку в один присест. Ему казалось — происходит превращение. Падают с плеч Седова офицерские погоны, мундир, все отличия касты. Остается человек. Человек такой, каким видел его в последний раз, когда говорили о полюсе: широкий лоб мыслителя, ясный и твердый взгляд, мускулистые руки и широкая грудь. Ясные, смелые мысли. Да, до таких мыслей большинство современников еще не доросло...

Этот человек сознает «современный хаос дикого невежества и глубокое общее заблуждение», он хорошо понимает ненормальность общественных отношений и предвидит какую-то эпоху «уравнения личных прав и социального положения обоих полов». Далее вот наивные мысли о возможности создания на корабле семьи и о «светлой насущной, как пища, свободе» — в них полная искренность и любовь к человечеству, глубокая вера в его лучшее будущее.

Художник вновь перелистал брошюру. Заметил примечание, на которое не обратил внимания при первом чтении. Там было признание очень мужественное и даже рискованное для «офицера флота его величества». Обсуждая возможность допущения женщин-капитанов на торговые корабли, Седов сделал оговорку:

«О военных кораблях не говорю потому, что считаю существование их вообще непрочным и не соответствующим стремлению человечества».

Фраза эта поразила художника совпадением с его собственными мыслями. Видно, такие мысли носятся в воздухе! Хотелось поговорить с Седовым.

Николай Васильевич не стал откладывать свое обещание нарисовать лагерь гидрографов. На следующий же день явился с красками. Почти сразу после приветствий он спросил, что хотел сказать Седов своим примечанием о военных кораблях.

— Что сказать? — удивился Седов. — Так я же ясно написал! Ничто не стоит на месте, все меняется. Меняются и человеческие понятия. Я глубоко убежден, что недалеко то время, когда война станет бессмысленной. На земле места много. Хватит для всех. Не может же длиться без конца всеобщее заблуждение! Все люди станут образованными, поймут, что счастье в любимом постоянном труде, а совсем

Г. Я. Седов (второй слева) на Новой Земле.

не в захвате чужого. Неудобных мест нет на земле. Прогресс техники поможет жить всюду. И здесь, на Новой Земле, и в устье Енисея, и на Колыме, и в заболоченных равнинах Риона — всюду...

Светило полуночное солнце. Георгий Яковлевич стоял в одной рубашке у входа в палатку. Он замолк на минуту, высматривая, куда садится большая стая гусей, кружившихся над гладью залива. Обвел взглядом всю ширину его и панораму высоких снежных гор. Хорошо улыбнулся.

— Смотрите, какая благодать! А воздух-то, воздух!.. Чист, как роса. Скажите, разве вы не согласились бы жить у этого прекрасного залива в хорошем теплом доме с культурной обстановкой, если б была возможность поселиться здесь с семьей, с любимыми?.. Ну, скажите, разве что-нибудь изменилось бы, если бы весь Петербург, как он есть, перенести на эти замечательные берега? Абсолютно ничего. Единственно — был бы чище воздух, лучше питьевая вода, да по зимам в темное время выходило бы больше электроэнергии. И Петербург строился, где городу, казалось, быть невозможно. А вырос один из лучших городов мира. Разве думал хоть один из обитателей древней Греции, что страна на севере от нее, «ужасная страна гиперборейцев», где земля на полгода белеет и все замерзает, — эта страна населится могучим народом? Но

мы-то живем в этой самой стране! Разве не так?.. Вот и подумайте.

Художник стал часто заходить в седовский лагерь. И Седов посещал иногда колонию, чтобы взглянуть на новые этюды Крестовой губы. Встречались с радостью. Каждый раз говорили о будущей экспедиции к полюсу, спорили о ее снаряжении.

Лето прошло очень быстро. В половине сентября выпал снег. Небо загустело тяжелой синевой. Морская вода казалась маслянистой от мелких кристалликов шуги. Весь залив как будто в белой рамке. У берега стоял широкий белый припай; терлись о его края мелкие, как галька, ледяные катышки. Море больше не пахло иодом.

К этому времени Седов закончил работу. Экспедиция перебралась в колонию. Георгий Яковлевич и его помощник поселились в комнате художника.

Ждали парохода. Он должен был придти еще в первой половине сентября. Но приближался октябрь, а парохода все не было.

В записках Седова отразилась тревога всей колонии.

«30 сентября в губе появилось сало, а местами она покрылась тонким слоем льда. Приходилось думать, что ежечасно может появиться у берегов губы полярный лед и отрезать путь пароходу, которого мы ждали со дня на день. 1 октября с утра я начал вооружать карбасы, чтобы идти на них домой.

План был такой: идти вдоль берегов Новой Земли, с тем чтобы, если представится возможность, направиться прямо на материк к Печоре, а в крайнем случае остановиться в Маточкином Шаре или в Кармакулах у самоедов, где были запасы провизии и теплые дома. Я начал принимать серьезные меры, чтобы непременно вывезти людей экспедиции в жилое место. Со мной должен был также отправиться художник Пинегин и чиновник особых поручений при губернаторе Г. (наблюдавший за постройкой колонии). Провизию свою я предполагал оставить промышленникам, чем бы дал возможность и им просуществовать некоторое время. Промышленники, узнав о моем намерении их покинуть, пришли в большое отчаяние... но вскоре горе сменилось неопишуемой радостью: в пять часов дня, среди падающего густого снега, на рейде вдруг показался заледенелый пароход «Великая княгиня Ольга Константиновна».

Нужно ли говорить, какой праздник почувствовали мы все с появлением парохода: все радовались, все ликовали. Вскоре перебрались мы на пароход и 4 октября покинули Крестовую губу. По дороге выдержали большой шторм, а 7 октября благополучно прибыли в Архангельск».

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

С балериной Седовой Георгий Яковлевич не виделся много времени. Был у нее в последний раз холостым. Случайно столкнувшись в людском потоке на Невском, очень обрадовался.

Это было вскоре после нового, 1912 года. Отведя приятельницу в сторону, Седов долго тряс руку, запрятанную в муфту, и только смеялся в ответ на упреки.

— И не стыдно, не стыдно, бессовестный! Фу! — твердила Седова. — И смотреть на тебя не хочу. Как женился — ни разу не заглянул... Ох, эти молодожены! Готовы все на свете забыть... И как не совестно в глаза смотреть!..

— Да я...

— Молчи, молчи! И слышать не хочу. Не может быть никаких оправданий! Если б знала, где живешь, сама заехала бы уши надрать, не посмотрела бы на твою красавицу. Уж не ревнует ли, чего доброго... Говори, противный, почему не показывался? Опять пропал где-нибудь за тысячи верст?.. Да нет! Теперь, я думаю, не очень-то дают разъезжать... И театр, небось, забыл?.. Уходи!

И тотчас же, словно подтверждая извечное мнение о женской непоследовательности, она вынула из муфты левую руку, подсунула ее под руку моряка и пошла рядом.

Георгий Яковлевич сделал несколько шагов по направлению к Адмиралтейству, открыл рот, чтоб оправдаться, но, перебив себя, предложил:

— Давай пойдем к Берену, по старой памяти. Там тепло и хорошие торты. Посидим недолго. Я тебе все расскажу и покаюсь.

И, не дожидаясь ответа, он решительно увлек спутницу к двери небольшой кондитерской под вывеской на французском языке.

Усадив Юлию Николаевну к столику в углу кондитерской, он обернулся в сторону прилавка. Тотчас же подошла красивая француженка-кельнерша.

— Что желает мосье офисье? Свежий торт де Берен? Бисквит? Меренги?

Седова отказалась от торта, просила принести чашку черного кофе. Подняла вуалетку и внимательно осмотрела Седова.

— Выглядишь хорошо. Можно подумать, что холостой... Ты что же, в капитанском чине теперь?

— Да. Произвели совсем недавно. Знаешь, я чуть в отставку не подал.

— В отставку? Почему?

Он засмеялся.

— Нет, в самом деле, подумай, какая нелепость эта табель о рангах! Я раньше не придавал этому никакого значения. Считал, чины даются по заслугам и за выслугу лет. И вообще не думал. Так полагается — и все! Но наступило какое-то время — у меня словно глаза открылись. Неважно, умен ты или глуп. Ведь как рассуждают: если чин хорош, и ты становишься хорошим. Верно ведь?.. Высокий чин — значит высокие права и большие деньги. О, это тонко продумано! Это целая система. Ее придумали не люди, а особая их порода — чиновники...

Георгий Яковлевич говорил с артисткой, как с самым близким человеком. Ей можно рассказать про все, что бесит, выводит из себя. Она поймет! Она тоже пришла в этот мир из нужды и бедности. Конечно, и для нее этот мир остается чужим крыльцом с плотно закрытой дверью.

Он рассказывал об остановке в своем служебном движении. Говорил со своей обычной открытой улыбкой, словно предлагая посмеяться вместе с ним над неудачами.

— Суди сама,— говорил он.— В течение десяти лет я был образцовым офицером и беспорочным служакой. Не было случая, чтоб я не выполнил поручения или плохо справился с ним. Я участвовал в шести экспедициях, тремя руководил. Всю войну был на театре военных действий. В этом году был начальником очень большой экспедиции на Каспийском море. До меня ею командовал генерал. Ну, скажи сама беспристрастно: есть в этом заслуги или нет? — Седов сжал пальцы в кулак. — Да что там говорить! Если б вместо меня это сделал бы кто-нибудь другой, его засыпали бы орденами и наградами. Уверяю тебя! А я получил за все это?.. Ничего.

Артистка с удивлением слушала Седова. Никогда Георгий не жаловался на службу. Напротив, при каждой встрече он рассказывал про новые экспедиции, о новых успехах. Не раз говорил, что начальство дает ответственные поручения.

— Георгий, что с тобой? У тебя, вероятно, небольшие служебные неприятности. Ты просто преувеличиваешь. Не говорил ли сам, что все идет блестяще? Не может быть, чтоб тебя затирали. Просто тебе так кажется.

— Уверяю тебя, я ничуть не преувеличиваю. Да, до поры до времени все шло блестяще, вернее — так казалось мне. А теперь не то. Вот, в тысяча девятьсот десятом году формировалась новая гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. Для нее построены два ледокола — «Вайгач» и «Таймыр». Казалось бы, для такой экспедиции прежде всего следовало подобрать людей опытных и знающих Север...

— И тебя не назначили... Это ничего не доказывает.

— И не подумали! Набрали молодых офицеров из флота, с гидрографическими работами почти не знакомых. Зато все кадровые офицеры — мичманы и лейтенанты. Нас, «офицеров черной кости», к ледоколам не подпустили на пушечный выстрел. Скажи, правильно это? Ах, если б ты знала! О том, как относиться к нам, можно без конца рассказывать.

Француженка принесла в турецком кофейнике черный кофе и разлила в маленькие чашки.

— Ну, хорошо,— продолжал Седов, когда кельнерша отошла от столика.— Согласимся с Вилькицким, что по каким-то соображениям высшего порядка необходимо назначить в эту экспедицию одних кадровых офицеров. Варнек — в Карском море, я — на Колыме и Неелов — в устье Лены сделали черную работу. Пенки снимать будет хозяева. И даже можно сказать, кто именно. Вилькицкий устроил собственного сына командиром на «Вайгач». У нас говорят: не пройдет года, он будет начальником всей экспедиции. В гидрографической работе он сущий младенец. Ты скажешь: что ж тут такого? Дело обыкновенное, житейское. Папаша помогает сыну делать карьеру — только и всего. Хорошо. Но Север-то велик. И работы там непочатый край. Карьера молодого Вилькицкого ничуть не помешала бы моим исследованиям в другой части Ледовитого океана. Нет! Меня шлют подальше от Севера, на Каспийское море!

Георгий Яковлевич взялся было за чашку, но снова поставил ее.

— Ты знаешь, это назначение изумило всех. Мой приятель Балакшин — ты видела его — отважился, спросил у Вилькицкого: «Почему Седова не назначают на Север?» Вилькицкий замаялся, не знал, что сказать. Потом нахмурился и важно ответил: «У меня на него особые виды». А что за виды — неизвестно. Я убежден, что пустая отговорка.

— Пей кофе,— сказала Седова.

Георгий Яковлевич отхлебнул глоток и поставил чашку.

— Носятся слухи, что в этом году меня опять собираются отправить в Каспийское море. Ну, скажи, что мне делать? Я работаю, не щадя сил, даже жизни. Работу выполняю как могу лучше. Все знают, что я люблю Север, стремлюсь туда. На Севере готов работать круглый год. Но меня по каким-то «особым видам» отставляют от этой работы и шлют на Каспий, на юг. А на Севере, вместо настоящих работников, подвизаются генеральские сынки. Они делают там свою карьеру, сидя в прекрасных каютах. Ты пойми, не в чинах тут дело. Я — чужой! Пока я лезу вон из кожи на работе — меня поощряют. Но только дело коснется оценки моей работы — обо мне забывают или говорят: «Не лезь, середка, раньше четверга».

Пока я был, как все, меня хвалили. Но стоило мне выделиться из среды других офицеров и особенно попасть, по несчастью, к царю на прием — меня осадили. «Куда?.. С суконным рылом, да в калашный ряд? Не тебе равняться с людьми, высшими по рождению!»

Горечь звучала в голосе Седова.

— Понимаешь мое состояние? Все это понял я совсем недавно. А я-то мечтал — работа на Севере обратит на себя внимание, все поймут, что будущее Севера огромно; и я получу возможность снарядить экспедицию к полюсу. Как бы не так! Если бы даже состоялась такая экспедиция, меня не пустят участвовать в ней. Найдутся другие, из «своих», какой-нибудь папенькин сынок, вроде молодого Вилькицкого. Вот этот пойдет далеко! И теперь к самому министру вхож. Недаром носятся слухи, что экспедиция на «Вайгаче» и «Таймыре» — прелюдия к какой-то громкой экспедиции. Быть может, к полюсу? Все возможно! Север теперь в моде. Не будет ничего удивительного, если нас, чернорабочих, пошлют прокладывать дорогу для этих господ. Это делается очень просто. На то они и хозяева...

Балерина, заметив, что этот разговор сильно волнует Седова, решила переменить тему.

— Ты все же так и не сказал, почему ни разу не зашел ко мне. Представляю — живешь с блеском. Взял жену из семьи с громкой фамилией. Наверное, множество новых знакомств, вращаешься в другом обществе и знать не хочешь старых друзей.

— Вот так вращаюсь!.. Как бы не так! Ошиблась, голубушка, — невесело засмеялся Георгий Яковлевич. — Новые знакомые, конечно, есть... Но что-то не замечаю я у них особенного желания поддерживать со мной тесные отношения... Если хочешь знать, «вращаюсь» я все в том же кругу. Все те же старые приятели: Варнек, Дриженко, Мордины. Новых нет. По совету жены, я сделал визиты родственникам и всем близким знакомым ее семьи. Но дело тем и кончилось.

Ах, как все это было знакомо Седовой! Совершенно то же самое происходило и с ней после ее замужества. Теперь стыдно и вспоминать. Те же люди, что подносили ей букеты в антрактах и считали за честь знакомство с прима-балериной императорских театров, эти самые люди плотно закрывали перед ней двери гостиных только потому, что она и после замужества продолжала выступать на сцене, оставалась артисткой балета. Балерин, видите ли, не принято считать за «своих», даже в том случае, если они выходят замуж за князей и графов. Для светских людей в слове «балерина» слышится что-то неприличное. Георгий прав. Дело не в том — хороша ты или плоха,

а в том, что ты чужая. Конечно, он прав. Только не стоит поддерживать этот разговор...

Седова нервно повела плечом, сказала:

— Хорошо. Значит, ты не очень занят посещением новых знакомых. Почему же тогда не заходишь ко мне?

— А знаешь, скажу тебе правду: никак не мог собраться вместе с женой. А одному не хотелось, боялся — обидишься. Это — зимой. А с весны начались сборы в Каспийскую экспедицию. Пробыл на юге до поздней осени. Вернулся — опять как-то не получалось. И занят был: отчеты, доклады... Еще есть причина: начал готовиться в Морскую академию...

Ну, вот что, — перебила Седова. — Приходи ко мне так же запросто, как и раньше. Можешь и без жены. Я не обижусь. Мне это не впервые. С тобой же мы люди свои. Приходи! По пятницам я всегда бываю дома. Собираются иногда старые приятели. А теперь доедай свой торт, и пойдём. Не то я на репетицию опоздаю.

ГЛАВА XXIII

РАЗГОВОР, НАЧАТЫЙ В ГОСТИНОЙ

На улице стоял мороз. Поближе к печке и к высокой лампе с абажуром поместилась старушка-балерина, солистка времен Александра III. Постоянно поднимая от рукоделия седую голову с пышной прической маркизы, она обращалась к мужчинам с бессознательными, оставшимися от прошлых времен кокетливыми интонациями в голосе. Мужчин было трое: молодой, гладко выбритый скульптор, лепивший с Седовой статуэтку для императорского фарфорового завода, плотный барин в сюртуке — журналист Сыромятников и флегматичный, молчаливый композитор Иванов с мягким малиново-красным лицом, напоминавшим кусок сырой телятины.

Разговор шел о биржевой игре. Старушка жаловалась на неудачи в покупке и продаже ценных бумаг. По совету знакомого биржевика, она купила армавир-туапсинские акции, а их биржевая цена упала на четыре пункта. Хотела продать, как только стали падать, — никто не берет. Сегодня еле сбывла.

В передней раздался звонок. Седова обернулась налево, в сторону зеркала: в нем отражалась передняя.

— Простите!..

Она оттолкнула ногой шпича и поднялась встретить нового гостя. Шпич звонко залаял.

— Ну!.. Наконец-то явился... Заходи, заходи. Здесь все свои.

В гостиную вошел Георгий Яковлевич.

— А, полярный путешественник! — дружески пробасил Сыромятников, в то время как Седов здоровался с гостями салона.— Ездит в страну Борея, но не забывает курса и к алтарям прекрасных жриц Терпсихоры! Здравствуйте, здравствуйте, давно вас не видел!

Он взял Седова под руку и усадил в кресло рядом.

— Ну, когда же на полюс? — спросил он полушутя-полусерьезно.

Георгий Яковлевич познакомился с этим человеком еще до войны и с тех пор частенько встречался с ним в театрах и у Юлии Николаевны. Сыромятников был ярым балетоманом и старым поклонником таланта Седовой. Среди других ее посетителей Сыромятников выделялся живым, общительным характером. Был он начитанный, неглупый человек, много путешествовал, много повидал на своем веку. Седова изумляли его разносторонние познания. Он мог говорить обо всем. Поразительно! Невольно приходила мысль: человек, знающий так много, не мог знать основательно ничего. Журналист был одним из немногих, по тем временам, людей, понимавших значение путей на Севере. Он имел отношение к какому-то министерству и писал в газетах под псевдонимом «Сигма». Седов любил беседовать с этим человеком.

Однажды они разговорились о полюсе. Этот разговор был для Седова первым холодным душем. Сыромятников ясно, с железной последовательностью выводов доказывал, что всякий расход энергии оправдывается лишь строго определенной необходимостью. Это закон! Из личных стремлений должны удовлетворяться только насущные. В общественной жизни — только существенно необходимые. Все остальное — от дьявола. Жертва энергии ради такой отвлеченной цели, как полюс, — не что иное, как растрата общественно-необходимой энергии. Это преступление.

— Человек живет на земле короткое время. За мгновения короткой жизни он обязан выполнить свое призвание, личное и общественное. Маленькое или большое — все равно. В последнюю минуту последнего часа, говорят, пробегают перед умственным взором человека вся его жизнь. В эту минуту каждый — хочет он или нет — должен будет спросить себя: «Какой след ты оставил после себя на земле?» След — хоть маленький — должен остаться. Выстроил дом — хорошо! Научил грамоте тысячу человек — превосходно! Пусть что-нибудь останется после вас. Расчищенная пашня, мост, дороги, новая машина — это реальные предметы. Но, скажите, что останется после открытия полюса?.. Ноль! Ничего. Пустое место. Открытие полюса — такое же ненужное дело, как путешествие вокруг

света в сорок дней или установка значков по условной линии, названной экватором. Я понимаю, такими делами можно заниматься в Европе, где тесно. Там множество образованных людей, не находящих себе применения... Но у нас!.. У нас каждый дельный человек должен быть на учете. При такой скудости направлять энергию на полюс — это преступление, растрата народного достояния. Государство нуждается в честных и образованных людях. Они нужны не для открытий, а для будничной, настоящей работы... А вы хотите на полюс!

Георгий Яковлевич в тот раз крепко поспорил с журналистом. Моряк утверждал, что в корне стремлений человечества к какой-нибудь отвлеченной идее всегда лежала общественная польза. Это истина! Жажда познания небесных тайн привела людей к множеству полезнейших изобретений и к открытию основных законов физики. Наблюдения над небом научили нас астрономически определять свое место на земле. При изучении неба возникла идея о шарообразности земли. Естественное желание доказать это на практике способствовало завоеванию океанов и усовершенствованию навигационной полезнейшей науки. Та же самая идея указала Колумбу путь в Азию через западные моря, и она же привела к открытию Америки и других материков. Вот и получилось: отвлеченная идея способствовала познанию богатства земли и общению народов. Она поставила человечество на путь прогресса, увеличила достояние народов во много крат.

— Можете ли вы утверждать, что стремление человека на полюс бессмысленно? — горячился Седов. — Нет! Невозможно предугадать, что последует за открытием и изучением полюса. Несомненно одно: полюс в соседстве с нами. Он играет какую-то роль в нашей жизни. Мы обязаны исследовать пространство между полюсом и нашей страной. Через полюс пролегают кратчайшие пути между тремя материками и кратчайший морской путь из Европы в Азию и Америку. Я верю, что в недалеком будущем мы будем пользоваться этим путем. В течение трех путешествий на север я видел больше свободного моря, чем льда. Но сразу ничто не делается. Первое, что нужно знать для плавания по Ледовитому океану, — это законы движения льда, и второе — район его движения, иначе говоря — расположение суши и моря. Так что же, начинать изучение, не побывав в середине Ледовитого океана, у самого полюса? Или ждать, когда сделают это иностранцы?

После этого спора журналист, как ни странно, ощутил прилив душевной бодрости, словно помолодел. Моряк сбил его с привычной точки зрения. И не столько доводами, сколько горячностью, очевидной верой в себя, в собственное призвание, в правильность своего пути. О, этот, конечно, не удовольствуется

малыми делами», что ему ни говори! За успех своего дела он готов пожертвовать жизнью. Есть, оказывается, такие люди не только в книжках, но и в жизни.

С тех пор Сыромятников старался чем можно помочь Седову. В 1911 году он пытался добыть для него денег на экспедицию. Через своего приятеля Ладыженского он ознакомил с проектами Седова московского миллионера Рябушинского, брата мецената, снарядившего грандиозную экспедицию на Камчатку для исследования ее богатств. Ничего не вышло. Миллионер не заинтересовался экспедицией. Это предприятие не обещало «выгодных открытий».

При последней встрече с Седовым журналист дал совет написать об экспедиции к полюсу другим московским купцам и сообщил несколько адресов. Спрашивая теперь: «Когда же на полюс?», он имел в виду результаты своего совета.

— Не написали еще?.. Смотрите, нужно торопиться. Чита ли, Амундсен-то! Открыл Южный полюс и в будущем году собирается на Северный. Об успехах Кука и Пири можно еще спорить, быть может, ни тот, ни другой не были у полюса. Во всяком случае, надо проверить. Но Амундсен — видать по всему — серьезный мужчина. Если уж этот побывает на полюсе, поверьте, никаких сомнений не будет. Надо поторапливаться, если не хотите, чтоб вас опередил этот норвежец... Как дела с московскими купцами?

Георгий Яковлевич повел плечами. Пробежала по лицу тень, как от неприятного воспоминания. Но вслед за тем он расхохотался.

— Писал по пяти адресам. Ответил один Оловянишников: «Свободных денег не имею. В исходе прошедшего года пожертвовал колокол для Сийского монастыря. С почтением Оловянишников и сын».

— Хорош!.. А что, если взять отпуск да объехать главные города? Прочли бы всюду лекцию о Новой Земле, о Колыме, о значении северных путей для русской торговли, о богатствах Севера, о приложении к ним капитала. Восточная Россия занята борьбой с голодом. Но средняя и южная части, особенно Москва, могли бы дать на это дело. Только надо объяснить все как следует и показать исполнимость задуманного. Москва слезам не верит. Надо вот так показать! — Сыромятников открыл обе ладони.

Георгий Яковлевич не отвечал. Хозяйка видела по выражению его лица — Сыромятников задел какую-то большую жилку. Видно, Георгий не очень-то верит в купеческую помощь... Бедный! Как он стремится к своему Северу и как

трудно без связей что-нибудь сделать. Он прав. Будь на его месте какой-нибудь «свой», нашлись бы и деньги и помощь. А он должен ходить, кланяться, чтоб начать полезное дело.

— Я не понимаю,— горячо вступила она в разговор.— Неужели нет иного пути, как только к купцам? Неужели нельзя снарядить экспедицию, не ходя к каждому на порог? Мы живем в век печати. У нас есть газеты, есть научные общества. Почему не обратиться ко всему обществу? Ты сам говорил, Георгий, что в маленькой Норвегии, меньше нашей средней величины губернии, собирали Нансену и еще кому-то большие деньги на экспедицию к полюсу. Почему нельзя сделать то же самое и у нас? Нужно действовать! Я бы просто-напросто объявила в газетах: так и так, капитан Седов снаряжает экспедицию к полюсу и обращается ко всем за помощью в этом великом деле. Вот и все! Поверьте, откликнутся многие. Господи, сколько богатых людей не знают, куда деньги девать. Неужели не дадут десятков или сотню рублей? И людям среднего достатка нетрудно послать несколько рублей. Я, помню, сама давала на помощь каким-то поморам. А с миру по нитке...

Артистка увлеклась.

— Нет, правда, на кутежи в ресторанах, видите, деньги находятся. Говорят, за сутки Петербург пропивает чуть не сотню тысяч. А посчитайте-ка, на сколько тысяч подносится одних подарков в театрах! Чтоб на такое народное дело денег не собрать — нет, не поверю! Да только объяви, я сама по партеру пойду. Скажу, что еду с тобой. Вот будет бомба!

Все расхохотались.

— Есть! Объявлено, — смеялся Георгий Яковлевич. — Беру всех в свидетели, что в первых пяти рядах партера бумажники будут экспропрированы!

— А что же, и это не лишнее, — позднее всех засмеялся Сыромятников. — Лиха беда начать... Впрочем, об этом мы с вами, Георгий Яковлевич, еще потолкуем. У меня, знаете... Ну, это потом, потом. — Он оборвал и повернулся к хозяйке. — Скажите нам, дорогая, что это творится у вас, в Мариинке? Никак ума лишились? То носились с этой нелепой постановкой «Таис», а теперь опять за декадентщину! И откуда такие веяния? Вы так все абонементы разгоните...

Разговор скатился на злободневную тему о новых постановках Фокина. Здесь его поклонников не было. До самого ужина критиковали новаторов. Один Георгий Яковлевич не принимал участия в споре. Он был задумчив и необычно молчалив.

Георгий Яковлевич вышел на улицу вместе с другими гостями. Стоял крутой февральский мороз, в воздухе повис

туман, тихо садилась изморозь. Выйдя из подъезда, вся группа гостей медленно отправилась к узкому Адмиралтейскому каналу.

На улицах было пустынно. Только на площади оказались ночные извозчики. На одни сани посадили старушку. На другие сели скульптор и композитор. Оба жили на Васильевском острове.

— Пройдемся пешком, — предложил Седов журналист. — Приятно в такую погоду. Вам на Морскую, кажется?.. А мне на Мойку, почти что рядом.

Хотя Седов одет был в свое форменное пальто, и морозцем порядочно пощипывало уши, он с готовностью сказал: «Конечно, с большим удовольствием, погода чудесная!» — и пошел рядом с журналистом. А тот двигался в развалку, не спеша, полегонечку. Богатая доха, бобровая шапка и фетровые боты были как раз по погоде.

— Приятный, приятный морозец, — доносилось из поднятого воротника дохи. — Люблю нашу зимушку. Смотрите-ка, как разукрасился бульвар!

В самом деле, скучную перспективу Конногвардейского бульвара не узнать. Всё побелело. Над увеличенной туманом шапкой Исаакия висела неясная луна. В воздухе блесст иней. Луна и туман погасили все краски, кроме двух: зеленовато-серой на земле и слабо-оранжевой на месте низкого, освещенного городским заревом неба. Внизу все было бело. Белы деревья от стволов до верхушек, белы карнизы, решетки и кариатиды у домов, фонарные столбы, побелели даже стены. На этом светлом фоне фигурки прохожих казались густо-черными, словно покрытыми лаком.

— Да, люблю нашу зиму, — опять промолвил Сыромятников после двух-трех минут ходьбы. — Наверно, морозец нетмалый! Смотрите, как сбился народ у костров.

Он помолчал еще с полминуты.

— Да... Так вот что я хотел вам сказать, дорогой, — услышал снова Седов. — Знаете, когда наша милая хозяйка упомянула про газеты, у меня сразу же мелькнула мысль: «А ведь она, пожалуй, права». И как раньше такая идея не пришла в голову! В сущности, никто ещё у нас не пробовал снарядить экспедицию по подписке. Между тем такой путь самый простой. За границей это дело обычное. Обратиться к обществу и вернее, и приятнее, чем просить у купцов. Но вот что самое главное: теперь момент очень подходящий! О, поверьте, я старый, травленный журнальный волк. Нюх на эти дела имею очень тонкий. Нюх никогда меня не обманывал. Вот это я и имел в виду, когда сказал, что надо нам поговорить... Так вот слушайте, — убежденно продолжал Сыромятников.

— Действительно, более подходящего времени для вашего выступления, ну, просто не придумаешь. Почему я так думаю? А вот почему. Мне постоянно приходится встречаться с газетной братией, я знаю положение в редакциях. Все стонут, все жалуются на отсутствие тем для статей, не о чем писать. Газетные полосы заполняются мусором. А полюс, подумайте, какая тема! Поняли?

Сыромятников остановился на секунду, повернувшись к Седову:

— Смотрите, в политике мир и тишина: ни войн, ни революций, ни убийств королей. В общественной жизни — полный застой. Где-то внизу чувствуется брожение, но этого не видно, и об этом не пишут. Все издатели газет, за исключением одной «Петербургской газеты», которая специализировалась на обработке бульварных событий, на кражах и на убийствах, — все, поверьте мне, в один голос жалуются на падение тиража и особенно розничной продажи. Редакторы не знают, чем привлечь читателя. Если б в их власти, они, по меньшей мере, землетрясение устроили бы. Экспедиция к полюсу, — да это, милый, такая находка, это же клад для них! За эту тему, головой ручаюсь, ухватятся вот как! Не отдерешь! В этом я не сомневаюсь ни на минуту... Хотите, завтра же переговорю с кем-нибудь из редакторов?

У Георгия Яковлевича перехватило дыхание. Он не мог даже ответить. Сами остановились ноги. И вместе с клубом пара откуда-то из глубины груди вырвались глухие слова:

— Хочу ли я?.. — Он перевел дыхание. — Господи, Боже мой! Одного этого, только этого и хочу я... Какой угодно возможности начать. Начать, начать, а там будь что будет!

Бессознательно, того не замечая, он приподнял фуражку, словно желая охладить жар крови, бросившейся в лицо.

— Да... Только вот что... Как взглянет мое начальство? Выступление в газете без разрешения начальника... Ведь я на военной службе... А? Как вы думаете?

— М-м-м-да, — неопределенно промычал Сыромятников и, сняв перчатку, смахнул с усов осевший иней. — Тут нужно как-то уменьшко, — сказал он в раздумье. — Конечно, можно сразу выйти в отставку... но что еще будет... Лучше бы этого не делать, а оставаться во флоте. Я думаю, если б за это дело взялась влиятельная солидная и близкая к правительству газета, ну, скажем, «Новое Время», может, вам удалось бы остаться на службе... Почему нет? Морской офицер отправляется в экспедицию, успех которой даст славу России — кому же за это дело братья, как не моряку?.. Ну, об этой мы еще как следуем подумаем.

Он повернулся к Седову.

— Если вы не возражаете, я в ближайшие же дни поговорю с Сувориным. В «Новом Времени» он полный хозяин — издатель и редактор. Если б у дел был старик Алексей Сергеевич, я сейчас же дал бы вам руку, что через день, через два газета откроет подписку на экспедицию к полюсу. У папаши Суворина чутье изумительное. У сына нет широты взгляда. Но все же я потолкую с Михаилом Алексеевичем по душам. Думаю, сумею и его убедить.

Георгий Яковлевич перестал видеть окружающее. Он шел, смотря вперед, хорошо слышал все, что говорил спутник. Даже больше: все слова врезались в память неизгладимо, навечно, он мог бы повторить малейшие оттенки фраз. И все же рядом с этими фразами, быть может, возбуждаясь ими, вероятно, от них и загораясь, проносились в сознании какие-то быстрые мысли. Они выхватывали из темноты до странности живые картины — и бывшие в жизни и еще не виданные...

Почему-то мелькнуло широкое разводье с «крыгами», его нужно перебежать единым духом. Трудно только решиться, трудно начать. А потом волей-неволей прыгать с одной на другую...

Вот корабль — две капли воды «Америка». Только на кормовом флагштоке не звезды американского флага, а цветные, с детства знакомые полосы. Вот белая полоса превратилась в газетный лист с крупным заголовком: «Русская экспедиция к полюсу» — и расплылась...

Еще мелькнула молния и оставила на белой однообразной равнине кучку уставших собак среди торосов. Вот опять флаг родины на высоком ледяном холме... Деления на лимбе секстана... Здесь! Здесь полюс!..

— Что же вы молчите? Как вам нравится такой проект? — вошел в сознание требующий ответа внятный голос.

Очнулся. Осмотрелся вокруг с удивлением. Налево, над белым кружевом Александровского сквера, тускло блестела игла Адмиралтейства. Прямо — совсем белые от инея узоры на решетке Зимнего дворца, направо — перспектива Невского... Не заметил, как прошли кусок от Сената до Дворцовой площади.

Георгий Яковлевич, сконфузившись, поспешно сказал:

— Конечно, конечно!

— Что «конечно»? — переспросил журналист.

— Конечно, я согласен, — совсем очнувшись, твердо проговорил Седов. — Это самое заветное дело. Не все ли равно, как начать, лишь бы начать. Пусть чёрт, дьявол поможет! За полюс я жизнь и душу отдам!

Спутник выглянул из побелевшего воротника и засмеялся.

— Что вы, что вы! Почтенный Михаил Алексеевич Суворин совсем не похож на исчадие ада. Он такой же, как мы с вами, нормальный обитатель сего прекрасного города. И если на него насесть как следует, дело, я думаю, обойдется без малейшего ущерба спасению вашей души.

— Нет, я в том смысле, — поправился Георгий Яковлевич, — что мне все равно — газета или что-нибудь иное поможет начать поскорее. Это дело всей моей жизни, ее я готов положить...

— Ну, зачем же жизнь, дорогой? Это я вам давно говорю. Надо все наладить по-хорошему, чтоб и своего добиться и жизни не лишиться. Жизнь-то нам одна отпущена. Вы еще пригодитесь! — вразумительно говорил Сыромятников.

Он остановился:

— Так, если позволите, я, с завтрашнего дня начну зондировать почву. Повторяю, я убежден в успехе. Это вопрос всего нескольких дней.

Журналист сделал еще несколько шагов до угла, где решетка сквера поворачивает к Дворцовому мосту.

— Что ж, по рукам? Начнем в добрый час. Ждать, по моему, нечего. Обстановка может измениться.

— Прошу вас, прошу!

— Ну, и прекрасно... Вам кажется, направо?.. А я тут, напрямик, через площадь. Так до свиданья, дорогой. Не волнуйтесь и будьте уверены в успехе. Не тут, так там! Вот вам моя рука.

Он снял перчатку.

— Знаете что? Я позвоню вам. По служебному можно?.. Вот и прекрасно... Будьте здоровы.

Он пожал Седову руку и приподнял высокую шапку. Еще помахал рукой и неторопливо зашагал через Дворцовую площадь.

Только простившись и свернув к Невскому, Георгий Яковлевич заметил, как крут мороз. Кажется, ухо прихватило. Туман поредел. По проспекту тянуло дым от костров на углах. Грелись у огня кучки людей — извозчики, городовые и какие-то плохо одетые люди. Иногда к кострам подходили нарядно одетые женщины с густо накрашенными лицами, сердито отвечали на соленые шуточки. Им, видно, было не до шуток.

Пройдя мимо одной из таких групп, Георгий Яковлевич свернул на безлюдную и полутемную Малую Морскую улицу. Осмотрелся по сторонам, снял перчатки, отогрел ладонями уши и крепко растер их. Потопал замерзшими ногами, попрыгал, махая руками, и быстрым, пружинящим шагом направился к дому.

ГЛАВА XXIV
ПЕРВЫЕ ШАГИ

Спустя два дня после разговора с Сыромятниковым Георгия Яковлевича позвали к служебному телефону. В трубке — голос журналиста:

— Алло!.. Георгий Яковлевич?.. Это вы?.. Привет, привет!.. Так что же, все хорошо! Даже больше, чем хорошо. Вот вам отчет. Во-первых, говорил с Михаилом Алексеевичем. Ну, здесь полный успех. Но этого мало. В разговоре выяснились новые возможности. Кажется, этим делом интересуется одна влиятельная организация... Да, да, очень влиятельная, — подчеркнул интонацией журналист.— Эта группа имеет большой вес в Государственной думе и даже выше... вы понимаете... по телефону неудобно. Как видите, мое чутье не обмануло. Одним словом, дело на мази. Без сомнения, в течение одной недели все будет пущено в ход. Остается только ожидать. Возможно, все получится гораздо шире и громче, чем думали вы. Теперь о вас самих. Мне обещали небольшую протекцию. Поговорят с вашим начальством об отпуске на все время первой русской экспедиции к полюсу. Приготовьте на всякий случай мотивированный рапорт об отпуске. Второе: обязательно — и чем скорее, тем лучше — составьте небольшую записку о плане экспедиции и смету расходов. За ней завтра пришлют из «Нового Времени». И, наконец, вам следует сделать визиты Суворину и кое-кому из главных сотрудников «Нового Времени»... Да, еще! Пожалуйста, до поры до времени никому ни гу-гу. Об этом просил сам редактор. Полный секрет. Это очень важно... Теперь, кажется, все. Очень рад и счастлив, что удалось кое-что сделать для действительно великого дела. Привет, искренне желаю дальнейшего успеха. Пока не поздравляю: я знаете, суеверен! Но твердо убежден, что и дальше все пойдет так же хорошо. До свиданья!..

Стук рычага. Трубка повешена. Голос замолк. Георгий Яковлевич не успел даже поблагодарить.

Повесил трубку и он.

Минуты две он не выходил из телефонной будки, стоял, прижав руки к вискам... «Никому ни слова»... Значит, не так еще верно дело... Нет, Сыромятников — человек серьезный, он не станет зря болтать. Так, значит, это правда!

Георгий Яковлевич прошел в рабочую комнату. Сел за стол. Пробовал продолжать вычисление, но не мог. Взял лист чистой бумаги и, как всегда, четким почерком, почти без помарок, написал рапорт на имя начальника Главного гидрографического управления:

«Промысловые и научные интересы Северного Ледовитого океана начали привлекать к себе всеобщее внимание чуть ли не с X столетия. Первыми пионерами были в Северном Ледовитом океане промышленники, устремившиеся туда за богатой добычей морского зверя, а затем и путешественники с научной целью. Многие из путешественников плавали сюда для отыскания свободного морского пути на восток, многие — для открытия новых земель и физического изучения океана и, наконец, многие для открытия Северного полюса, чтоб разрешить мировую загадку как со стороны научных полезнейших наблюдений, так и со стороны открытий. Человеческий ум до того был поглощен этой нелегкой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием: здесь, помимо человеческого любопытства, главным руководящим стимулом являлись народная гордость и честь страны...»

Георгий Яковлевич на минуту отнял руку от бумаги и прочел написанное, переставил одно прилагательное вперед, взял новый лист бумаги и по-прежнему быстро, не замечая процесса письма, продолжал излагать свои мысли:

«...В этом состязании участвовали все культурные страны, и только не было русских. А между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор. Амундсен желает во что бы то ни стало оставить за Норвегией честь открытия Северного полюса, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг».

Написал было: «Мы отправимся с Земли Франца-Иосифа», но зачеркнул — в рапорте это лишнее. Дальше — короткая просьба об отпуске для достижения полюса и водружения на нем национального флага.

Точка. Достаточно!

Он внимательно перечитал рапорт, расставил запятые, переписал начисто. Горел желанием сию же минуту подать рапорт начальнику. Чего медлить? Отрезать отступление — и все! Чтобы не было возврата. Тогда поневоле останется одна дорога — вперед!..

Если б не вспомнилась серьезность в голосе журналиста, когда он просил не говорить никому про свои планы, Георгий Яковлевич, в самом деле, не удержался бы от вручения рапорта.

Быстро набросал проект объяснительной записки:

«Моя мысль ни в каком отношении не химера, она безусловно осуществима. Ледовитый океан привлекал к себе

внимание чуть ли не с X столетия, а суровый Север грозил бедой отважным морякам. Однако опасности не остановили смелых: человеческий ум до того поглощен великой задачей, что разрешение ее сделалось сплошным состязанием для всех наций. В этом состязании участвовали все государства, даже сухопутная Австрия; не было только России. Горько и обидно! Амундсен хочет идти к северу в 1913 году. А мы можем пойти уже в этом году, если только русское общество захочет серьезно подумать о возможном достижении полюса именно нами, а не иностранцами, и поддержит меня. У меня намечен личный состав экспедиции.

Главная цель моя — достижение полюса как вполне определенной астрономической точки. Будет ли она установлена на льдине, плавучей или неподвижной, или в каких-либо других обстоятельствах — безразлично.

Во время экспедиции предстоит серьезная научная работа, и я приложу все старания эту сторону дела обставить возможно лучше. Но если, в крайнем случае, пришлось бы выбирать между достижением полюса во что бы то ни стало и производством научных наблюдений, то, говорю прямо, я предпочту первое.

Почему, несмотря на ряд отважных людей, стремившихся к полюсу, как Франклин, Нансен, Андрэ, Фиала и другие, он не открыт? Громоздкость экспедиций была одной из причин, мешавших их цели. Мои плавания в Северном океане убедили меня в том, что более скромные экспедиции всегда имеют больше шансов на успех, чем всякие иные. Мое мнение подтверждается мировыми опытами последних лет. Решение задачи стало возможным и ближе к нам, чем раньше. Русский народ должен принести на это национальное святое дело небольшие деньги, а я приношу мою жизнь».

Так, готова и записка. Теперь — план экспедиции. Это обдуманно давно.

«В середине предстоящего лета экспедиция выходит из Архангельска в составе 14 человек и 50 собак. На Земле Франца-Иосифа предстоит зимовка, во время которой должны быть произведены гидрографические работы, астрономические и магнитные, а также изучение флоры и фауны этой земли. По возможности организуем метеорологическую и гидрологическую станции.

В 1913 году, как только наступит светлое время, идем к полюсу или на корабле или пешком по льду. В шесть месяцев, примерно с марта по сентябрь, необходимо достигнуть полюса и вернуться обратно или же, в крайнем случае, пройти в Гренландию, к Америке.

Корабль прождет у берегов Земли Франца-Иосифа или у границы льдов наперед определенное время, а если «полюсная партия» экспедиции не вернется к назначенному сроку обратно, то корабль уходит без партии домой.

В полюсную партию войдут четыре члена экспедиции с собаками, шлюпками, санями, нартами, палатками и двуколками, с лыжами или полозьями вместо колес. Экспедиция вернется не раньше осени 1913 года и не позднее лета 1914 года.

Обойдется она, по моим расчетам, от 60 до 70 тысяч рублей, то есть сравнительно дешево именно вследствие ее легкости. Надо заметить, что экспедиция Циглера к полюсу стоила до миллиона рублей, Нансена — почти столько же.

Самое судно должно быть грузоподъемностью 150—200 тонн. Разумеется, судно большей вместимости потребует немного больше затрат. Само судно обойдется приблизительно в 15 тысяч рублей. Провизия будет взята на три года. Собаки и их корм обойдутся в 1000 рублей. Геодезические инструменты, карты и книги — в 9 тысяч рублей; шлюпки, нарты, двуколки — в 500 рублей; аптечка, фотография и кинематограф — в 1500 рублей и т. д.

Подробностей сметы не привожу.

Экспедиция продлится не меньше двух лет, и расходы по содержанию ее личного состава определяются в 15 тысяч рублей...»

Эту часть объяснительной записки Георгий Яковлевич писал совсем без помарок. Все было обдуманно с предельной ясностью, но так, как вообще мыслил Седов, — в общих чертах, без внимания к мелочам. По опыту он знал, что в плане всех мелочей не предусмотреть. Они только затеяют суть дела. Когда дело потребует, мелочи сами овладеют вниманием. Но все-таки кое-что надо уточнить... Как-то неясно получается с тоннажем. Нужно определить его в соответствии с объемом грузов...

Ост увлекся расчетами, забыв про все. Офицеры давно ушли. Отсутствие их заметил, когда дневальный, начав уборку помещения, взял из-под стола корзину для бумаг.

Георгий Яковлевич встал, потянувшись, размял затекшие члены и запер письменный стол.

— Который час? — спросил он дневального.

— Половина пятого, вашскородие. Что-то заработались.

— Да, засиделся, брат!

Сойдя вниз и одевшись, он минуту постоял в раздумье у подъезда: идти ли домой или сегодня же отправиться с визитом в редакцию «Нового Времени»? Он нашел извозчика и приказал ехать в Эртелев переулок.

КЛУБ НАЦИОНАЛИСТОВ

В те самые часы, когда Седов, находясь в здании Адмиралтейства, писал свои докладные записки, невдалеке, в той же части города, решалась судьба экспедиции к полюсу. Это происходило на Мойке, в клубе националистов¹.

В эти часы там всегда былолюдно: члены клуба в это время встречались за вторым завтраком. Клуб был устроен на английский манер. Строгая обстановка, удобные апартаменты, вышколенная прислуга, мальчики (бои) в куртках с пуговицами и позументами из чистого серебра, прекрасный повар.

Время завтрака окончилось. В одной из гостиных собрались влиятельные люди. В креслах и на диване сидели председатель Национального клуба гофмейстер Балашов, лидер националистов в Государственной думе Шульгин, издатель «Нового Времени» Суворин. В комнате стоял полумрак. На потолке, синем от отблесков снега, пробегали тени проезжавших саней. Беседа шла неторопливо, с паузами, необходимыми для наслаждения букетом старого капри и ароматом сигар. В такие паузы из соседнего биллиардного зала доносился глухой стук шаров, становились слышны оживленные выкрики и взрывы смеха.

Разговор начался еще в столовой. Суворин рассказал об оригинальном предложении Сыромятникова — создать злобу дня из путешествия на Север. Какой-то почти никому не известный капитан носится с планом экспедиции на Северный полюс...

— Очень забавно. И, пожалуй, не глупо. В наши подлые времена и Север — находка,— полунасмешливо-полусерьезно говорил Суворин, смотря на свет сквозь грани хрустала.— Мне лично эта идея нравится. Лучше Север, чем разговор о конституции. Единственно смущает новизна. У нас не привыкли к таким сенсациям. Все-таки для подобных дел нужно какое-то покровительство. Хорошо, если б моряка поддержал наш Национальный клуб, а еще лучше — Государственная дума.

— Но, позвольте, полюс... Полюс как будто открыт? — заметил Шульгин.— Помните эту скандальную американскую.

¹ Организация русских националистов состояла, главным образом, из крупных помещиков и капиталистов-черносотенцев, целиком поддерживавших внутреннюю и внешнюю политику царского правительства.

«Национальные» лозунги этой организации были лишь ширмой, скрывавшей ее подлинное лицо.

историю с Куком и Пири? Кто-то из них, никак, добрался все-таки до полюса... А?..

— Это неважно. О Куке и Пири никто не знает. Я нарочно позвонил нашему маститому вице-председателю Географического общества Петру Петровичу Семенову-Тян-Шанскому. Он решительно утверждает, что Кук сочинил от корки до корки все свое путешествие. Относительно Пири у Петра Петровича не составилось твердого убеждения. Он не решается сказать, что Пири был на самом полюсе, но полагает все же, что где-то поблизости был. Ну, господа, если глава Географического общества не имеет уверенности в открытии полюса, то публике сам бог велел... Нет, это ничего. Меня скорее беспокоит другое: возможен ли вообще отклик на такое предприятие у нас, в сермяжной Руси?

Говоря все это, Суворин украдкой наблюдал за Балашовым. В самом деле, неплохо бы получить поддержку клуба. В конце концов это зависит от Балашова. Балашов же слушал внимательно, но в разговор не вступал. Только спросил фамилию моряка и после этого поднял брови, как будто что-то припоминал. Но после одной затаившейся паузы он, вдруг поставив бокал на стол, сказал не без оживления и с очень значительным видом:

— Знаете, а идея в самом деле, кажется, неплоха. В дерзком предложении вашего моряка чувствуется что-то живое. Честное слово! Тут есть и вера в себя и в свое призвание, и жажда действия — как раз то самое, чего не хватает нам, собирающимся в этом уютном помещении. Вот, смотрите, человек спит и видит одно — поставить флаг где-то на мертвой и холодной льдине! Это — движение. Движение есть жизнь. А мы, мы ничего не жаждем. Мы хотим только сохранить существующее. Это неподвижность. Она опасна. Она грозит разложением. Нет, серьезно, над этим стоило бы призадуматься. Вот почему, мне кажется, именно нам следовало бы поддерживать подобные предприятия, хотя бы просто в целях пропаганды. Всякое живое дело вызывает симпатию. Симпатии будут не только на стороне дела, но и на стороне людей, ему помогающих. Мы явимся в облике радетелей народной чести, покровителей русской науки... Это неплохо. Это совсем неплохо, — убежденно повторил Балашов и допил бокал. — Что касается меня, скажу прямо: мне импонируют энергия и дерзость моряка. В его упрямстве видится уверенность. Такие качества встречаются не часто. Людей такого склада нужно использовать... Не правда ли, Василий Витальевич? — повернулся Балашов к Шульгину.

— Я говорил уже Михаилу Алексеевичу о своем взгляде на это дело, — отозвался Шульгин. — Из всего, что удалось

узнать об этом офицере, я отметил одно: он из простонародья. Я не верю ни в какие возвышенные устремления людей такого сорта. Простой народ — отъявленный материалист! Очевидно, и ваш капитан мечтает о славе, о почестях и наградах... Пусть! Это нас не касается. Сама же мысль приковать внимание общества к путешествию на полюс великолепна. Для наших газет это клад. Каждый день можно заполнять полосы рассказами о борьбе с ужасной природой Севера и напоминать о подвигах прежних героев-исследователей. Все это прекрасный материал для отвлечения умов от опасных мыслей. Тираж наших газет, конечно, увеличится. Как ваше мнение, Михаил Алексеевич? Суворин протер очки.

— Несомненно. За «Новое Время» я ручаюсь. Гордон Беннет снаряжал в Америке за счет своего «Нью-Йорк геральда» большие экспедиции в Центральную Африку на поиски Ливингстона. Он же финансировал и Де-Лонга в его путешествии к полюсу на «Жаннетте». Беннет был янки первого сорта. Он не только вернул все расходы, но, создав этими экспедициями громкую сенсацию, поднял тираж своей газеты на небывалую высоту.

— Так, может быть, Михаил Алексеевич, и вы пойдете по стопам Беннета? — вставил Шульгин. — Я говорю о финансовой стороне. Может быть, «Новое Время» примет на себя часть расходов на экспедицию, чтобы сразу поставить дело на твердую почву?

— Нет, нет, увольте! — замотал головой Суворин. — У нас, увы, не Америка. Там газету читают все, у нас не то. Беннету хорошо было снаряжать экспедиции: он ничем не рисковал. Долларыплыли и при удаче и при неудаче. У нас же еще неизвестно, как посмотрят там, наверху.

Минута молчания.

— Ну, это отчасти в наших руках,— негромко сказал Балашов. — Я припоминаю, штабс-капитан Седов — несомненно тот самый, теперь он капитан — делал государю доклад об одном из своих путешествий. Если это так, то мне нетрудно будет поговорить о нем во дворце. И в Государственной думе мы можем располагать голосами националистов и, надеюсь, всех центральных партий. Нет, с этой стороны беспокоиться нечего.

Балашов задумчиво провел рукой по голове.

— Я, пожалуй, согласен с Михаилом Алексеевичем. Взять расходы на счет одной газеты, пожалуй, будет даже неумно. Дело приобретет характер частного предприятия. А мы заинтересованы в широком национально-общественном движении. Нет, разумнее открыть в газетах подписку. Пусть каждый

чувствует себя участником национального дела. Да и для самого моряка пожертвования будут своего рода обязательством.

Было решено отвести в «Новом Времени» отдел для статей о будущей экспедиции и открыть прием пожертвований. Балашов обещал поговорить с царем и позвонить начальнику Гидрографического управления. Поговорив еще минут пять, Балашов взглянул на часы:

— К сожалению, я должен...— Нажав кнопку звонка, он приказал лакею подать автомобиль к подъезду.

Суворин вышел вслед и отправился к себе в редакцию.

ГЛАВА XXVI

ДВА ВИЗИТА

Когда Седов приехал в редакцию, Суворин был уже там. Георгий Яковлевич смело вошел в кабинет. Увидел за письменным столом человека среднего роста, средней наружности; лицо тоже среднее, незапоминающееся.

— Имею честь засвидетельствовать свое почтение. Капитан Седов.

— Очень приятно, рад познакомиться! Хорошо помню вашу статью о путешествии на Новую Землю. Только недавно мы говорили о вашей патриотической идее. Приветствую ваше мужество.

Георгий Яковлевич поклонился.

— Вы ни с кем не говорили о ваших проектах? Я имею в виду людей, имеющих отношение к современной печати.

— Нет. Единственно — с Сыромятниковым.

— Очень хорошо. Нам, нашей газете, не хотелось бы уступить кому-нибудь честь быть первыми в поддержке этого начинания. В ближайшие дни мы посвятим большую статью вашему предприятию и, если вы не возражаете, откроем прием пожертвований на первую русскую экспедицию к полюсу.

Михаил Алексеевич Суворин не отличался многословием и красноречием. Зато Седов легко брал на себя инициативу в беседе. Он стал горячо говорить о будущем Севера и необходимости его изучения. Суворин вставлял редкие реплики: «Скажите!» «Вот как!..» «Подумайте!»

Минут через пять, ощутив в рассеянной вежливости собеседника необходимость закончить визит, Седов встал. Но Суворин задержал. Задал несколько вопросов о прежних экспедициях, спросил, считает ли Седов возможным путешествие к

полюсу на ледоколе. При прощании сказал, что ему очень приятно быть восприемником великого дела. Со своей стороны он приложит все усилия привлечь внимание к экспедиции со стороны влиятельных персон и членов Государственной думы. Поблагодарив за отзывчивость, Георгий Яковлевич откланялся.

Нелегко было сдерживать себя в беседе с Сувориным. Чуть не кричал от радости: «Неужели выйдет?.. Ох, страшно поверить!.. Не пустят в последнюю минуту... Нет, это невозможно. Кому может стать поперек пути этот поход?.. Разве нет в народе влечения к Северу?.. Все слушают рассказы о нем, как интересную сказку, завидуют, что побывал так далеко. А полюс?.. Только тупица не поймет величия победы над полюсом. Что делалось в Норвегии, когда Нансен не достиг его, а только придвинулся ближе других! Для встречи «Фрама» остановилась жизнь столицы... Конечно, полюс дается не легко. Все, кто шел к нему — подвижники. Вот итальянец Каньи побил рекорд Нансена. Подвинулся к полюсу еще на десять верст. Победа стоила невыносимых страданий и трех человеческих жизней. Он и зимы настоящей не видел в своей теплой Абруцце, а тут сразу на полюс... Досталось бедняге. Это понятно... И также понятно, любой русский прошел бы дальше. И ты, конечно, пройдешь. Еще бы! Вся жизнь готовила к тому. Холод?.. Кто бегал в старой материнской кофте по снегу босиком, холода не испугается. Голод?.. Слава те, господи, поголодали на своем веку, не удивишь... Нас таких много. От Карпат и до Тихого океана веками шли точно такие же, рубя и сжигая под пашни леса, работая, воюя, побеждая природу и врагов. Такие же прошли на Север до Ледовитого моря и осели на его берегах. Теперь последний прыжок — на Северный полюс... Был бы упор, чтобы прыгнуть, а за упорством в движении дело не станет... И вот наступил день победы... Придет с Севера невероятно уставший, но счастливый человек и скажет: «Победа!.. Полюс завоеван!..» Кто его завоевал? Скромный русский гидрограф, сын трудового народа...»

Погода с утра переменялась. Дул резкий ветер с северо-запада. Извозчик отворачивался от снежного потока, бьющего в лицо. Но Георгий Яковлевич не замечал укулов снежинок, не слышал уличного шума.

И день встречи с Сувориным, и следующий, когда вручил рапорт, и день выхода газеты с фельетоном о полюсе были самыми счастливыми днями.

А потом...

Первый укол, начало мучений ощутил при свидании с Вилькицким.

Внешне прием был очень радушным. Генерал даже поднялся с кресла, вышел из-за стола, жал крепко руку. Говорил благожелательно, был в высшей степени любезен. Таким его еще не приходилось видеть.

— Ваш рапорт — незаурядное явление. Поэтому и решил вас вызвать, приветствовать от всей души... Я рад, я рад — вот все, что я могу сказать. Мне особенно приятно, что блестящая идея достижения полюса выдвинута одним из моих офицеров. Вы знаете, я сам в продолжение десяти лет работал на Севере и с увлечением вспоминаю походы на Мурман и к Новой Земле... Очень, очень рад. Поверьте, все симпатии с вами. Конечно, все зависящее от меня я сделаю, чтобы отпуск вам был предоставлен. Надеюсь, вы привезете, кроме наблюдений на полюсе, много ценных научных результатов экспедиции для нашего Управления. Будем ждать.

Весь разговор продолжался не больше десяти минут. Начальник спросил, каким путем направится экспедиция, намечен ли личный состав, когда предполагается отплытие и сколько потребуется денег.

Георгий Яковлевич начал было с увлечением излагать план движения к полюсу с Земли Петермана, но скоро по настороженно-чуждому лицу генерала понял, что вопрос предложен только из вежливости. В первую удобную минуту Вилькицкий перебил:

— Очень, очень интересно. Мы еще обо всем этом, надеюсь, услышим более подробно... Итак, позвольте пожелать вам всяческого успеха в организации столь трудной экспедиции. Надеюсь после возвращения увидеть вас на прежнем месте... Извините, у меня тут кое-какие бумаги... Да, да! Всего хорошего!

Георгий Яковлевич откланялся и сделал «налево кругом».

«Надеюсь увидеть вас на прежнем месте...» Что это — обмолвка или насмешка?.. Человеку, который вернется с полюса, предложить место старшего производителя работ в Гидрографическом управлении? Опять в тот же заколдованный круг? «Можешь себе лоб разбить от усердия, можешь оба полюса завоевать, любой подвиг совершить, — но в конечном счете твоей судьбой распоряжаюсь я», — так, что ли, понимать?.. Или это намек: «Ничего у тебя голубчик, не выйдет! Пошумишь — и останешься на старом месте наносить глубины на карту Аральского моря...»

Когда вернулся в чертежную, почувствовал — от всех несет холодком. Никто из офицеров не спросил, как обычно, зачем вызывал начальник, не возникли оживленные пересуды.

Полная тишина. Три офицера, оборвав беседу у окна, направились к своим местам. Один Балакшин повернул было голову, но нахмурился и снова взял рейсфедер.

Георгий Яковлевич секунду постоял в дверях. Окинул взглядом всю комнату, улыбнулся, — лиц не видно, над столами одни прически и офицерские погоны. Сел на свое место. Закрыв лицо рукой, задумался. Потом откинулся на спинку стула, обвел веселыми глазами чертежную и спросил обычным звучным голосом:

— Кто, господа, был на премьере в Александринке?..

Отозвался опять-таки один Балакшин.

Минут через двадцать поднялся. Выходя в коридор, сделал глазами знак Балакшину. Тот догнал Седова около библиотеки.

— Ну?.. Как рапорт?

— Принял. Говорил разные приятные слова, но морда кислая, а под конец съязвил... Ну, это неважно. Важно — рапорту дан ход. Самое главное сделано. Отступления нет... А ты как, решил? Идешь со мной?

— Конечно, иду. Но, знаешь, сию минуту сказать бесповоротное «да» я не могу... С женитьбой плохо получается. Надо как-то договориться с невестой. Если жениться до экспедиции — согласится ли остаться соломенной вдовой? Отложить — сам буду неспокоен. Вот и колеблюсь. Надо как-то по-хорошему, а как — не знаю. Понимаешь, ведь женитьба все-таки судьба всей жизни.

— Ну-ну, решай. Место помощника пока за тобой. Только так надо решить, чтоб потом назад не оглядываться. Чтоб было чисто за кормой. Все мысли только вперед. А что там, — Седов показал головой в сторону чертежной, — что-то там без меня говорили?

— Представь, откуда-то узнали про рапорт. Конечно, говорили и про рапорт и про тебя. Не знают, что и я собираюсь... Разное... Чепуха, ты не думай. На всякое чиханье не наздравствуешься. Знаешь, как к нашему брату относятся! Теперь тебе об этом можно не думать.

Георгий Яковлевич пожал плечами.

— Очень мне надо!

Он внезапно схватил приятеля, сильно сжав, чуть приподнял и снова поставил на пол.

— Нет, ясно ли ты понимаешь, что дело начато! Так или иначе, на Север я вырвался! Осознал ли ты это, ну скажи, понял ли все?.. Ведь к полюсу идем!

— Ну, понял.

— Тогда давай ура! Три раза. Шепотком.

Вечером того же дня к Седову зашел ничего не подозревавший художник. Не успел еще раздеться, Георгий Яковлевич огорошил его:

— Кричите «ура», да громче!.. Ну, кричите же, говорю я вам!

— Но, позвольте, в чем...

— После, после! Кричите, потом скажу... Вот так!.. Ну, теперь слушайте. Идем на полюс! Понятно?.. Нет, нет, это не шутки...

И Георгий Яковлевич рассказал о статье в «Новом Времени». Ее уже пишет композитор Иванов. Статья появится завтра. Газета объявит подписку. Принят рапорт об отпуске со службы для достижения полюса.

— Идете со мной? Приглашаю вас первого. Берите и вы отпуск из Академии. Только имейте в виду: без полюса мы не вернемся!

ГЛАВА XXVII

ЖИЛЕЦ ГОСТИНИЦЫ

Павел Григорьевич прибыл в Петербург по делам. Точнее сказать, приехал он из Ставрополя устраиваться на службу. На последней — ветеринаром конно-полицейской стражи — случились неприятности. Пришлось со службы уйти.

До сих пор кипело в груди. Подсидел один человек. И кто же — закадычный приятель! Верь после этого в дружбу! Ну, не подлец ли — сам же рассказал про операции начальника с овсом, вместе хохотали над ловкостью. И сам же намекнул тогда: вот донести — полетит с места его высокородие, а то и под суд отдадут... И чёрт дернул по-приятельски проговориться о посланном доносе. Выслушал так сочувственно, поддакивал, скотина: донос-де мужество, донос — гражданский долг! Доносом Русь держалась! А сам, сию же минуточку, с заднего крыльца к начальнику: «На вас Кушаковым отправлен доносик». Тот, разумеется, принял меры. Привел в порядок документы, поговорил кое с кем и — молчок. Приехала по доносу ревизия. Нашла все в образцовом порядке. Свидетели говорят — клевета.

Начальник озлился тогда ужасно. Сам дал нелестный отзыв о доносчике, раскопал еще старое дело о заграничной командировке, перерыл весь формуляр. Пошли запросы: почему ветеринар Кушаков был отправлен в Берлин к Вассерману изучать иммунитет и серодиагностику сифилиса и почему в командировочном удостоверении пропущено слово «ветеринарный» и оставлено только «врач»? Нашлись завистники,

рассказали, как было дело с командировкой... Человек только споткнулся — каждый старается поглубже в грязь затоптать. Где друзья? Кто дал руку помощи? Кто поддержал? Никто не вспомнил о служебных побрякушках, о дружеских услугах и о хлебосольстве, — сколько денег потратил, кормя эту бражку. Вот тебе урок! Знай, на свете дружбы нет. Она опошлена вместе со всем.

В Петербурге Павлу Григорьевичу тоже не везло: устроиться нигде не удавалось. В главном управлении, видимо, знали про историю с неудавшимся доносом. Предложили, словно на смех, два места на выбор: одно — младшим ветеринаром на скотобойню в глушь Оренбургской губернии, а другое — куда-то в Акмолинскую область. Хуже, чем в ссылку... Нашли дурака! Нет, голубчики, Павел Кушаков еще постоит за себя. Такое местечко получит — только ахнете! Разумеется, на все нужно время и случай, а главное — знакомства.

В поисках знакомств Павел Григорьевич стал обедать в хороших ресторанах, посещал скачки, выставки, бывал в театрах. Всюду начинал разговоры. А чтобы иметь темы для разговора, принял за обязанность прочитывать все столичные газеты и журналы.

Терпеливо ждал. Время придет, что-нибудь и навернется. Фортуна — капризница!

Жил, в общем, не так уж плохо. Гостиница не из дорогих, но приличная. Удобный номер. Дни проходят весело, на людях, в общественных и увеселительных местах. Сшил новый модный сюртук. Приглядывался к столичным людям, к их манерам и кое-что позаимствовал.

В знаменательный для Павла Григорьевича день 10 марта он проснулся поздно, по-петербургски.

Прежде чем начать день завтраком в кафе, зашел побрить щеки и подровнять густую прическу ежом.

Сидя перед зеркальной стеной в парикмахерской, Павел Григорьевич с удовольствием обзрел свое отражение. «Солидный, бравый мужчина — это скажет всякий. Наружность хоть куда. Сюртук гвардейского покроя сшит превосходно. Орден святой Анны на левой стороне груди; на правой — институтский значок по особому заказу, увеличенного размера. С такой наружностью, с умом и ловкостью не сделать карьеры?..»

В порядке дня после утреннего кофе стояло чтение газет и новых журналов. Вернувшись в гостиницу с кульком апельсинов и с газетами, Павел Григорьевич стал просматривать их по порядку.

«Начинать надо всегда с невкусного. Посмотрим, что в «Речи»? Передовая статья о внутреннем положении... «Рос-

сия — колосс на глиняных ногах». Ах, дураки!.. «Политическая жизнь полна непримиримых противоречий». Скажите, какое открытие!.. «В Тюменском уезде голод»... «Какие-то мрачные признаки средневековья проходят перед нами»... Как все это надоело! Заладила сорока Якова... Тростят одно и то же. Теперь телеграммы... «Революция в Китае». Ну, это, слава Богу, от нас далеко. Свою задавили!.. «Угольная забастовка в Англии»... «Двойственная позиция тред-юнионов»... «Уличные беспорядки в Ньюкэстле». Хм... и там начинается!.. Дальше статья: «Проблемы парламентаризма»... К чёрту, к дьяволу этот мерзкий кадетский листок! Интересно, что в «Новом Времени»?.. Передовая о благополучии государства. Два года урожаяев. Уплачено государственного долга двести пять миллионов рублей, ого!.. Статья о персидских делах...

Статью «Синезерские дни» — отчет о торжествах по поводу открытия мощей «святого и преподобного Евфросима Синезерского» — Павел Григорьевич прочел с большим вниманием, а остальное пробежал глазами. А, вот еще объявления... читаем, читаем.

Замечательный попался апельсин!

В конце полосы, перед подписью редактора, вместо объявлений оказались набранные петитом письма в редакцию:

«Милостивый государь господин редактор!

Прочитав сегодня глубоко прочувствованный, поистине народный фельетон г. М-е об организации русской экспедиции для открытия Северного полюса русскими мореходцами, имею честь препроводить в редакцию сто рублей для этой цели. Убежден, что призыв г. М-е на это дело не останется без широкого отзыва русского общества, и необходимые, в сущности весьма небольшие, деньги для организации экспедиции будут получены.

Председатель правления Русского паровозостроительного и механического общества В. Иванов».

«М. Г.

Позвольте через посредство вашей уважаемой газеты всей душой приветствовать и пожелать славного успеха национальному предприятию капитана Седова.

Студент Имп. СПб ун-та Иосиф Шернваль.
При этом прилагаю посильную лепту (5 рублей)».

«Что это такое? Что за предприятие?» Не вставая, Павел Григорьевич потянулся рукой к столику за кипой старых газет. Отобрал «Новое Время». В номере за 5 марта нашел фельетон, подписанный «М-е». Прочел.

Автор излагал проект путешествия к полюсу, выдвинутый молодым моряком. Обсуждая проект, фельетонист привел цитату

из речи председателя совета министров одной иностранной державы. Министр сравнил плавание полярной экспедиции с полетом снаряда из большого орудия. «Этот выстрел, — надеялся министр, — пробудит дремлющую нацию от спячки, внушит ей живость и силу».

«Господи, — откликнулся фельетонист, — какой выстрел и из какого орудия надобно произвести, чтоб пробудить от спячки нас, внушить веру в себя, пробудить прежнюю отвагу! Ведь были же у нас моряки, ходившие в свое время всюду, показавшие отвагу... Норвежец Амундсен еще не вернулся в Христианию, а уж от одного полюса стремится к другому: именно он хочет открыть и Северный полюс...

А мы-то что же? Мы будем радоваться, как в свое время радовались экспедиции Нансена в наши моря, приветствовать его, выбирать героя в архипочетные члены, выбивать для него медали и закармливать обедами. Боже, как все это стыдно, обидно и печально для нас...

И вот, появляется отважный человек... Открытие должно быть нашим во что бы то ни стало. Порадуемся, что не иссяк еще русский отважный дух, что есть еще порох в наших пороховницах. Дадим необходимые средства капитану Седову, этому отважному человеку...».

В заключение автор обращался к читателям с горячим призывом жертвовать деньги на национальную экспедицию к полюсу. Он выражал надежду, что морское министерство и Государственная дума также помогут этому делу. Фельетон заканчивался широким жестом самого автора. Он жертвовал на будущую экспедицию сто собственных рублей!

Павел Григорьевич еще студентом понял, как хорошо и выгодно быть «патриотом».

В 1905 году, когда по всей России разлилась безудержная революционная пропаганда, студенты бастовали вместе с рабочими. В эту зиму студент Кушаков с особенной аккуратностью посещал пустые аудитории Харьковского ветеринарного института вплоть до самых экзаменов весной 1906 года.

И что же? До этой весны он еле-еле переползал с курса на курс, а тут сразу поправил свои дела. Студенты-забастовщики были забриты в солдаты, а «патриот» Кушаков, пришедший на выпускные экзамены, заработал без излишнего обременения головы диплом «Cum exima laude» (с исключительным отличием).

Такой диплом открывает дорогу к самым лучшим служебным местам. И даже теперь, в дни неудач, Павел Григорьевич не сомневался ни минуты в могуществе такого диплома. Рано или поздно тепленькое место будет получено!

Нет, не из воспламеняющегося материала был создан Павел Кушаков. Способности к холодному расчету он не терял никогда. И все же статья об экспедиции воспламенила его. «Да, задумано патриотическое дело. И если такое дело осуществится, капитан Седов прославится по всей России,— нет, во всем мире! И все, кто с ним, тоже прославятся...»

Павел Григорьевич забыл про полуочищенный апельсин и даже не заметил, как оказался на ногах... Поймите, что такое полюс и где он? В детстве, читая про капитана Гаттераса, думал, что полюс где-то в Америке, а оказывается, к нему можно проехать и из Архангельска.

Казалось, фельетон имеет такое же тесное касание к личной судьбе его, Павла Григорьевича, как памятная статья в «Киевлянине» об «истинно русских студентах» тогда, в дни институтской забастовки. Такое же чувство направило тогда в сторону «истинно русских». И что же? Пока эти бараны бастовали, он заработал «Cum exima laude». Может быть, и этому фельетону суждено стать поворотной вехой на пути его жизни?

Кто знает, кто знает!.. «Да, прославятся все, кто отправится с ним»... Нужно, нужно попытаться.

Доедая апельсин, он обдумал порядок действий на это утро. Надеть другой, солидный галстук. Газету с собой. Платок, бумажник и визитные карточки здесь?.. Первый визит в редакцию «Нового Времени».

— Извозчик! Эртелев переулок, дом шесть.

— Пожалуйте, барин!

Досадно, главного редактора не оказалось. Разговаривать пришлось с секретарем.

Павел Григорьевич высказал восхищение отзывчивостью газеты, оказавшей поддержку славному патриотическому предприятию. Сказал, что хочет сделать пожертвование,— на чье имя выписать чек? Нет ли в редакции адреса самого капитана Седова?

Адреса в редакции не знали. Посоветовали справиться в Адмиралтействе — где-то там служит этот капитан.

В тот же день Павел Григорьевич получил и адрес. Расспросив адмиралтейского швейцара, что за человек и давно ли служит Седов, как к нему относится начальство, узнал кое-что. Так же удалось завязать разговор об экспедиции на полюс с знакомым морским офицером. Тот не очень-то лестно отозвался о выскочке капитане Седове.

В результате разных разговоров этого дня сложилось решение: с посещением Седова не очень торопиться, но дело иметь в виду.

«ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА»

Балашову представлялось много случаев поговорить с царем о поддержке экспедиции к полюсу. За последние дни не раз приходилось беседовать с государем на дворцовых празднествах, даже за столом. Но Балашов хорошо знал, как не любит Николай портить легкую домашнюю беседу скучным разговором о делах. Больше того, придворные давно заметили, что деловое направление беседы грозит завести в неприятный тупик. Когда речь заходила о чем-нибудь, что может впоследствии потребовать царскую подпись, Николай угрюмо замыкался и, видимо, злился, даже над бровями белело. К тому же разговор мог ни к чему не привести. Случалось, царь забывал свои слова.

По этим соображениям, Балашов решил не торопиться. Он отложил дело до очередной официальной аудиенции.

В день аудиенции он был невольным свидетелем вялого спора между министрами: внутренних дел — Макаровым и морским — Григоровичем. Легкая пикировка министров показала, что и в этом деле не миновать препятствий и интриг. Речь шла как раз о Седове.

Разговор произошел в дворцовом зале в то время, когда группа придворных и министров ждала царского выхода в кабинет.

— Никак ваше высокопревосходительство решили собственным Франклином обзавестись? — скучающе-любезно, с едва уловимым оттенком иронии обратился Макаров к насупленному Григоровичу.

Адмирал неторопливо повернул к соседу голову.

— Не понимаю. Какой Франклин?

— Ну, как же, разве не знаете?

— Не знаю.— Григорович пожал плечами. Орлы на адмиральских погонах прыгнули вверх. — У меня нет, слава Богу, ни одного Франклина.

— Как нет? А этот, нововременский протеже, как его... капитан Седов? К полюсу собирается...

Адмиральские орлы медленно сели на место.

— Ах, да, читал, читал... Собирается.

— Что же это, с вашего благословения?

— С моего благословения? — повел бровями моряк.

— Я думал, да.

— Ничуть. Я даже не знаю этого офицера.

— А я заинтересовался личностью вашего путешественника. Велел навести кое-где справки. Был удивлен. Думается, что нововременцы могли бы выбрать кого-нибудь получше.

Настоящий и типичный парвеню. Крестьянин, сын рыбака с Азовского моря. Гидрограф, служил раньше в торговом флоте. Написана, говорят, у него брошюрочка — не то чтоб красная, но... с душком. Как же это вы не поинтересовались?

Григорович развел руками.

— Зачем мне, дорогой? Это частное дело — путешествия. К полюсу, в Сахару, на экватор, к Новой Гвинее — пусть путешествует во здравие. Мне-то какое дело?

— Позвольте с вами не согласиться. Если человек отправляется к полюсу — это уже не частное дело. Нет! Об этом путешествии будет всюду говорить и писать в газетах всего мира. И если оно осуществится на самом деле, то далеко не безразлично, кто пойдет. А для вашего министерства и флота — особенно.

— Почему?

— Ну как же! Полюс теперь — это финиш в скачке с препятствиями, организуемой нациями. Именно — скачки. Разве не так? Хорошо! Для конских скачек мы выпускаем лошадей лучшей крови с большой родословной.

Макаров помедлил с секунду — привычный прием оратора перед эффектной фразой. И заключил:

— Так почему же, почему здесь, на международных скачках, мы собираемся выпустить для участия в них какого-то хуторного офицера, простите, мужика? Как будто нет у вас во флоте блестящих офицеров, кровных дворян...

Балашов не слышал конца разговора. Показался в двери Фредерикс, сделал ему знак пройти к царю.

Николай сидел в кресле перед письменным столом в позе, перенятой у отца: откинулся на спинку, положил обе руки на стол. Одна лежала спокойно, другая изредка выбивала барабанную трель. Придворные знали, что эта поза избрана для приема докладов еще в бытность наследником.

— Что у вас? — спросил Николай официально-вялым тоном.

Балашов начал доклад. Он говорил о партии националистов, группирующихся вокруг всероссийского Национального клуба. Гофмейстер привел несколько цифр, характеризующих состав партии и имущественное состояние ее членов. К партии примыкают большинство крупных землевладельцев, часть помещиков, некоторые сановники; есть члены из торговцев, совсем немного богатых крестьян. Хуже всего обстоит с расширением состава партии. Несмотря на пропаганду нескольких больших газет, на явную поддержку влиятельных лиц и всем открытый доступ, партия не увеличивается в числе. В клубе националистов обсуждалось такое положение. Все сошлись на прискорбной оценке: идея русской государственности

не получает широкого распространения. Между тем, если бы партия националистов стала многочисленной, если бы она сумела объединить все имущие слои общества, включая купечество, служилое чиновничество, и повела бы за собой зажиточных крестьян, ее влияние распространилось бы всюду. Тогда бы удалось без труда задавить оппозицию в Государственной думе и создать национальное единство. А главное — при поддержке националистов облегчилась бы борьба правительства с так называемыми левыми партиями.

— Стараясь понять причины слабого развития националистического движения и анализируя современное положение,— гладко говорил Балашов,— большинство членов клуба пришло к выводу: нашему национализму не хватает активности. У нас отсутствует пропаганда действием. Так возникла у нас мысль о каком-то действии, которое захватило бы среднего человека и привлекло его к нам. Нужно дать необычный подвиг и сказать: «Вот к какому подвигу способен русский человек». А жажда необычного у среднего человека всегда велика. В грезе о подвиге, хотя бы чужом, он забывает свою неинтересную жизнь и все окружающее. Об этом нужно подумать. Особенно в эти трудные дни, когда русская слава и русская гордость пострадали на полях Маньчжурии и на баррикадах в Москве. В такие тяжелые для национального чувства дни русский подвиг особенно необходим. И его нужно дать. Это отвлечет всеобщее внимание от нездорового любопытства к забастовкам и карательным экспедициям, к причинам гибели нашего флота при Цусиме и к этой последней неприятной истории на Лене¹, — иначе говоря, от всего, чем полны страницы либеральных газет.

Балашов сделал небольшую паузу, внимательно смотря на царя. Николай слушал по обыкновению рассеянно. Трудно было понять, вникает ли он или продолжает думать о семейных делах. Глаза смотрели куда-то в стену. Пальцы по-прежнему отбивали по бювару трель — ттрап, ттрап-рапп-тата-рапп. Непрерывное движение пальцев начало раздражать Балашова.

— Лучшая арена для подвига — это война, — продолжал он, стараясь не смотреть на руку царя.— Но к войне мы еще не готовы. А время не терпит. Нужно какое-то действие.

Николай молчал.

— Мы хотим воспользоваться, ваше величество, предприятием одного моряка. Этот моряк горит желанием отправиться к Северному полюсу. По иностранным газетам видно, как завладевают вниманием общества такие предприятия. В самом

¹Ленский расстрел рабочих в 1912 году.

деле, идея достижения полюса обладает лучшими чертами подвига. Основываясь на этих предпосылках, клуб националистов решил поддержать идею достижения полюса русскими. В интересах национального объединения представлялось бы желательным, чтоб и вы, ваше величество, выразили в какой-то форме сочувствие этому предприятию.

Балашов опять приостановился в ожидании, что Николай выскажет свое отношение. Но царь молчал. Пальцы выстукивали ритмическую трель. На скучном, невыразительном лице императора по-прежнему ничего нельзя было прочесть. Впрочем, на короткое мгновение пальцы приостановили свою деятельность, как будто дрогнули широкие усы, чтоб пропустить какое-то замечание. И только на полсекунды. Но Балашов, хорошо изучивший своего повелителя, знал, что в следующую паузу Николай что-нибудь скажет.

— У нас были некоторые разногласия о путях помощи этому героическому предприятию. Некоторые предлагали возглавить дело самим. Другие — передать в руки правительства. Но в том и другом случае мы навлекли бы на него вражду оппозиции. Она встречает в штыки всякое мероприятие правительства и ненавидит национализм. Мы решили действовать по западному образцу — объявить всенародный сбор пожертвований на экспедицию к полюсу и внести в Государственную думу законопроект о помощи ей. Национальный клуб принял также постановление просить ваше величество о сочувствии этому делу.

Царь отнял руку от стола. Потрогал усы. Безразлично сказал:

— Согласен с вами. Нужно поддержать полезное дело.

Полагаю, вы подумали, чем я могу выразить свое сочувствие.

— Конечно, ваше величество. Оно выразилось бы лучше всего в пожертвовании какой-то суммы из специальных средств. В газетах было бы объявлено, что это ваше личное пожертвование. Тысяч десять. Можно провести их по секретной смете министерства внутренних дел или, лучше, морского.

— Как фамилия этого моряка?

— Седов. Он офицер в чине капитана по адмиралтейству. Николай живо повернулся. Царедворец понял, что это значит. Он хорошо знал слабости своего повелителя. Николай Второй гордился действительно незаурядной памятью, правда, только в единственном отношении. Он хорошо запомнил лица, чины и фамилии. На смотрах бывало царь остановится перед каким-нибудь ничем не выдающимся офицером, спросит его фамилию и скажет: «Я помню вас. Вы представлялись мне в Петергофе весной 1903 года в числе воспитанников

Александровского военного училища. Вы произведены в чин подпоручика 9 мая того же года». И в этот раз Николай не удержался:

— Штабс-капитан Седов делал мне доклад о путешествии в Сибирь в девятьсот десятом году перед маневрами. Это тот самый?

Гофмейстер склонил голову. И он не упустил случая для тонкой лести:

— Тот самый, ваше величество. Я изумлен августейшей памятью. Во всемирной истории только один человек мог претендовать на подобную гениальную память. Это — Наполеон Бонапарт. Но он помнил людей, имена же, случалось, путал. Капитан Седов действительно имел честь делать доклад вашему величеству два года тому назад.

Произнеся эти слова, Балашов одновременно вспомнил только что слышанный разговор, показавший ироническое отношение двух министров к Седову. Быстро созрела мысль: нужно обезвредить их возможное противодействие.

Ваше величество! Капитан Седов происходит из торговых моряков. Я опасаясь некоторого недовольства со стороны морских сфер, почему такое ответственное и почетное дело поручено не настоящему морскому офицеру. Пожалуй, было бы разумным перевести этого моряка в число кадровых офицеров. Он имеет диплом Морского корпуса и боевой стаж.

— Что же вы предлагаете? Произвести его в чин капитана второго ранга?

— Боюсь, ваше величество, что производство с повышением также может создать недовольство. Он еще ничего не сделал. Лучше дать равный чин — старшего лейтенанта.

— Хорошо. Да, да, я помню, я давал ему аудиенцию за три дня до маневров в Лебяжьем... Он докладывал о сибирских казаках на реке Лене... Нет, не на Лене это... На другой реке...

— На Колыме, ваше величество, — подсказал Балашов.

— Да, да, на Колыме.

Царь поднялся с места в знак окончания аудиенции. Прощаясь, он сказал:

— Передайте Фредериксу, чтоб вызвал ко мне Григоровича.

Балашов раскланялся. Через полминуты в кабинет вошел Григорович, слегка испуганный вызовом не в очередь.

— Вы знаете капитана Седова? — сразу спросил царь.

— Так точно, ваше величество, — поспешно ответил моряк. — Какой был бы я министр, если бы не знал своих офицеров. Капитан по адмиралтейству Седов, гидрограф. Из торговых моряков. Написал брошюру...

— Хорошо, — перебил Николай. — Представьте мне проект указа о производстве капитана по адмиралтейству Седова в чин старшего лейтенанта по флоту. Необходимо также отпустить от моего имени на экспедицию к Северному полюсу десять тысяч рублей по статье «особой, последней».

— Есть, ваше величество, — сказал министр.

— Это все. Доклад я приму в обычное время.

Григорович, пятясь, покинул кабинет. Он ничего не понимал. Опять эти штучки. Опять какая-то дворцовая интрига. Выйдя в зал, он огляделся, ища глазами Балашова. Наверное, этот знает, в чем дело. Но Балашов уже уехал.

ГЛАВА XXIX

ПРЫЖОК

Дни заполнены без остатка. Хлопоты и разговоры, чтение писем и ответы на них, нет ни минуты свободной. Треплют интервьюеры и просто любопытные люди. Ломятся в квартиру знакомые и незнакомые — проситься в экспедицию или выразить восторг. Постоянно приходится смотреть на часы: не опоздать бы с визитом или на деловое свидание. Раньше трех утра в постель не попасть, а в семь на ногах. В такой кутерьме очень легко запутаться, потерять чувство обстановки и дела.

И все же Георгий Яковлевич сразу почувствовал, когда случилась первая заминка.

В первые дни все шло превосходно, с сочувствием отметили смелый почин капитана Седова. Друзья — Варнек, Дриженко и Мордин — послали в редакцию «Нового Времени» пожертвования и письма с самыми лестными отзывами. «Новое Время» не давало читателям передышки, помещало статьи об экспедиции одну за другой. Тираж газеты резко возрос. Появился в ней новый отдел — пожертвований на экспедицию к полюсу. Среди них выделялись суммы, внесенные совсем незнакомыми людьми: инженером Чаевым — тысяча рублей и гофмейстером Балашовым — пятьсот. Сыромятников оказался прав. В городе только и говорили об экспедиции к Северному полюсу.

Заминку ощутил прежде всего на себе. Вокруг стало меньше народа, свободнее. Тут выяснилось, что после первой заметки ни одна из газет, кроме «Нового Времени» и «Петербургской газеты», не напечатала об экспедиции ни строки. Приток пожертвований ослаб. В «Новом Времени» говорят: «Не волнуйтесь!» И тут требовательным тоном просят не давать

другим газетам ни статей, ни интервью. Назначили, по инициативе Суворина, публичный доклад о прежних экспедициях на Колыму, Новую Землю и о предстоящей экспедиции, но не сумели даже дать приличную рекламу. О докладе почти никто не знал. В Зале армии и флота собралось немногим больше ста человек, половина из них знакомые. Даже корреспондентов не позвали. Ни одна газета доклада не отметила. Георгию Яковлевичу казалось — нововременцы что-то выжидают. И в Гидрографическом управлении приказа об отпуске нет. Он нервничал, болела голова от мыслей. Никак не мог понять, отчего такая заминка. Неужели это крах?

Прошло несколько дней. И вдруг в газетах известие: «Его величество государь император благоволил пожертвовать из личных сумм десять тысяч рублей».

«Вот это козырь! Ну, теперь экспедиция почти обеспечена. Наверное, посыплются вслед новые жертвования. Сам царь дает пример...»

Нет, все то же. Даже тише. «Новое Время» стало печатать списки жертвователей через несколько дней. Мальчишки-газетчики не выкрикивали больше: «А вот экспедиция к полюсу... Кому газетку, экспедиция капитана Седова!»

Эти дни были полны мучений. Вдруг, словно сговорившись, сослуживцы-офицеры стали проявлять интерес к экспедиции. Ехидно, с улыбочкой спрашивали, как идут дела, много ли собрано денег. Георгий Яковлевич злился, но говорил откровенно:

— Дела идут пока что неважно. Это ничего не значит. На днях придется съездить в Москву, расшевелить тамошних толстосумов. Может быть, придется проехать и дальше по провинции, прочесть десятка три лекций. Одной продажей входных билетов можно собрать тысяч десять. Еще жертвования будут на лекциях. И местных купцов заодно можно будет подоить.

Он и в самом деле собирался совершить лекционную поездку, как только получит отпуск. Но приказ об отпуске почему-то не появлялся. Георгий Яковлевич попросил приема у Вилькицкого.

Генерал принял довольно сухо. Сказал, что направил рапорт об отпуске в Главный морской штаб, не рискуя брать на себя разрешение отпуска по такой необычной причине. Дал словесное разрешение съездить на неделю в Москву.

В Москве Георгий Яковлевич усиленно хлопотал о деньгах. Ничего, кроме неприятных встреч. И вспоминать не хочется. Ожидание в передних у московских миллионеров. Равнодушные отказы... «Нам это неподходяще»... «Наша фирма в рекламе не нуждается»... «Простите, господин офицер, я передал

все дела по благотворительности моему главному управляющему. Обратитесь к нему, он мне доложит».

А унижительная минута после лекции почти в пустом зале Политехнического музея, когда в лекторскую вошел толстяк, заведующий залом, и благодушно пробасил:

— Вот смотрите, какая подлая публика. Вчерась у фокусника не протолкаться было — полный сбор. А сегодня на интересной лекции семьдесят семь человек!.. Вы не обижайтесь, что выручку в кассе пришлось задержать. У нас такой порядок. Если видим, что лекция не окупилась, — выручку брать. Разные бывают лекторы. Один в антракте забрал всю выручку — да и был таков.

Пробыл в Москве шесть суток. Вернулся днем раньше, чем предполагал. Жены не было. На письменном столе — пакет из морского министерства. И рядом газета. На ней красным карандашом отчеркнуты строки приказа по Главному морскому штабу:

«Капитан по адмиралтейству Г. Я. Седов зачисляется во флот с чином старшего лейтенанта, со старшинством с 1 апреля 1912 года».

Георгий Яковлевич остолбенел:

— Что такое? Во флот? Почему?..

Вскрыл пакет, там вложена повестка на заседание особой комиссии при морском министерстве для обсуждения проекта достижения Северного полюса. Состав комиссии: председатель генерал-майор Вилькицкий, члены: капитан первого ранга Бухтеев, капитан второго ранга Колчак, полковник Мордвинов, тайный советник Бунге, статский советник Брейтфус, надворные советники Толмачев и Бялыницкий-Бируля, старший лейтенант Седов. Заседание состоится 12 мая в час дня.

Когда человек получает такие известия, он, конечно, приходит в волнение. Как расценивать эти новости?.. Если тебя, крестьянского сына, переводят из «капитанов по адмиралтейству» в старшие лейтенанты — это не простая перемена чина. Это твой прыжок ввысь. Тебя допускают в замкнутый круг. Ты больше не офицер второго сорта. Ты настоящий, полноправный морской офицер, в будущем — кто может знать? — возможно, адмирал.

«Все-таки, что ж это значит? Кто это сделал? И что этим хотят сказать?.. Ну, ясно. Этим тебе говорят: иди, дерзай: если исполнишь — перед тобой быстрое восхождение ввысь. Что может быть иное? Так. А это приглашение?.. Оно пришло вместе с чином. Очевидно, между ними какая-то связь. Что за комиссия? Что должно означать это приглашение?.. Едва ли что-нибудь плохое. Председатель комиссии Вилькицкий. Раньше казалось, он не очень-то благоволил к офицерам по

адмиралтейству, идущим слишком быстро по службе. Но рапорт-то Вилькицкий все-таки принял. Правда, показалось тогда — без восторга, но сочувствие высказал. На генерала, кажется, оказали давление... Ну, хорошо. Это оставим... Другой вопрос: кто мог сделать представление для производства в чин старшего лейтенанта?.. Ну, это известно. Представление делает только начальник. Помимо начальника никто не может. Начальник же Вилькицкий... Значит... Ах, как это раньше не пришло в голову? Теперь все понятно. Все. Тебе говорят: «Мы хотим подчеркнуть, что организатор экспедиции — настоящий морской офицер...». Быть может, предложат снаряжаться в Адмиралтействе. План экспедиции к полюсу будет поддержан авторитетом солидной комиссии. Вот для чего она собирается. Как может быть иначе!..»

Георгий Яковлевич ходил с заложенными за затылок руками взад и вперед по маленькой комнате. Вспомнил было московские неудачи, но быстро отмахнулся от этой мысли, как от докучного комара.

«Какая чепуха! И напрасно шатался ты по передним этих важных миллионеров. Недаром так не хотелось. Должен бы знать с детства, что такое русский толстосум. Он последний грош из тебя выжмет, по миру пустит, а сам только и способен свечу пудовую поставить или колокол отлить. В кабаках пропьет, девкам раздарит, а на что-нибудь дельное — не жди».

Остановился у письменного стола. Еще раз прочитал повестку, вложил ее снова в конверт. Кладя его на стол, заметил небольшой аккуратный сверточек. В бумаге оказались пара новых золотых погон с одной полоской без звезд, дюжина бронзовых пуговиц и колечки к ним. Погоны старшего лейтенанта. Все это перевязано бантом из орденской георгиевской ленты. Внутри записочка. Одно лишь слово: «Поздравляю».

«Ах, это Веруся! Поторопилась... Да, для нее это большое счастье. Хорошо, что догадалась купить. Теперь можно пойти в Управление. А то в капитанской форме, пожалуй, неудобно являться».

Георгий Яковлевич быстро сменил старые погоны и пуговицы на летнем кителе, прицепил золотые и отправился в Управление. Нужно явиться к Вилькицкому и поблагодарить его.

До Адмиралтейства дошел пешком. Так же как в дни, когда обновил впервые военную форму, казалось, все обращают внимание. Тот же швейцар в подъезде Адмиралтейства принял фуражку, поздравил с чином и сказал:

— Сколько служу, а вот, пожалуй, не припомню, чтобы

серебряные погоны кому-нибудь меняли на золотые. Ну, дай вам Бог, дай Бог! Большому кораблю — большое плавание.

Поздравил и дежурный боцманмат. Но все встретившиеся офицеры — ни слова. Сухо здоровались.

«Что это? Не обращают внимания? Или завидуют?» Странно встретил и Вилькицкий. Поднял голову только при словах:

«Честь имею явиться».

С холодной любезностью ответил;

— Чём могу служить, господин старший лейтенант?

— Счел необходимым явиться, вернувшись из Москвы. Позвольте также поблагодарить за честь, оказанную мне.

— Вы о моем интервью в «Новом Времени»? Да, но там не совсем точно переданы мои слова. Что ж, я сказал, что думаю. Благодарить тут не за что.

— В статье очень лестный отзыв обо мне,— сказал Георгий Яковлевич. — Но, кроме того...

— А, кроме того — ничего, — перебил Вилькицкий. — В комиссии я председательствую по назначению министра. Моя роль там чисто формальная. Благодарить меня больше не за что. Кроме этого, у вас нет никаких вопросов?

Георгию Яковлевичу показалось, что Вилькицкий по каким-то дипломатическим соображениям не хочет говорить о своем участии в производстве. Он просто поблагодарил еще раз и откланялся.

Прошел в чертежную. Как в день подачи рапорта о полюсе, в комнате опять молчание, опять натянутые, сухие лица. Никто не здоровается первым. Не поздравляют. Явный заговор.

«Да! Когда тебе на крестьянские плечи нацепят золотые погоны, ты делаешь прыжок. Но тут же ты замечаешь, что и чести в этом мало. От тебя шарахаются в стороны и смотрят, как коровы на быка, пущенного в стадо с новым колокольцем на шее... Ничего. Время придет — привыкнут. Выдержка, выдержка!»

ГЛАВА XXX

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ДЕЙСТВУЕТ

Звонок. — Вы... Это вы?.. Имею счастье видеть самого капитана. Седова?..

— Да. Что вам угодно?

— Честь имею представиться: коллежский асессор Кушаков. Восхищенный вашей решимостью, позволил себе беспокоить единственно по самой крайней необходимости...

Правая рука приготовлена для пожатия, в отставленной

левой — каракулевая шапка. За отворотом расстегнутой шубы блестит орден. На лице розовый лоск, оно сияет приятной и вместе с тем солидной улыбкой. Долгое, с дрожью, пожатие руки. Глубокий, радостный вздох.

— Я прошу уделить мне всего пять минут.

— Прошу, — сказал Седов.

Павел Григорьевич оглянулся. Не увидел прислуги. Не задумываясь, скинул шубу сам. Георгий Яковлевич пропустил посетителя в комнату, служившую и гостиной, и кабинетом.

— Пожалуйста, садитесь.

Павел Григорьевич скромненько поместился на самом краешке жесткого стула, вынул из заднего кармана сюртука надушенный платок, провел им по усам и по бороде. За это время взгляд его, выражавший робкое восхищение, успел обшарить и небогатую обстановку жилища, и самого Седова.

— Простите, ради бога, что беспокою вас,— скороговоркой произнес еще раз Павел Григорьевич. — Я очень волнуюсь, простите... Я... видите ли... я приехал из далекой провинции, с Кавказа. Быть может, вы не поверите, но уверяю вас — прибыл сюда с единственной целью увидеть капитана Седова... Ах, вы не можете представить, как захватило меня ваше мужественное выступление! Вы имели смелость заявить, что русский богатырь способен на великие подвиги. Вы осуществляете мечту всей моей жизни! Вы не побоялись начертать простой и ясный план великого предприятия. Я русский человек, я люблю матушку Россию. Дело это дорогое для нашего национального чувства, оно возродит былую доблесть. Всем сердцем и всей душой я с вами! Примите, примите от меня горячее выражение чувств простого русского человека, абсолютно убежденного...

Павел Григорьевич не прекращал монолога ни на секунду. Он давно заметил изумительное действие непрерывной речи и, не переводя духа, работал языком. Врал вдохновенно, с подъемом. Говорил про детские мечты Павлуши Кушакова о путешествии на север.

Рассказал, как прочел в газете про экспедицию Седова.

— Это случилось в присутствии гостей. Все спрашивали: «Что с вами, Павел Григорьевич? Что такое прочли вы в газете?» Я сказал им: «Я прочел сейчас свою судьбу!..» В эту ночь было не до сна. К утру решил сейчас же ехать в Петербург. Днем подал заявление об отпуске. Начальник уперся, ни за что не хотел отпускать, просил задержаться на две недели. Ждать полмесяца! Нет, решено ехать без отпуска, а там будет видно. Теперь Рубикон перейден. Если мечте не суждено осуществиться, не знаю, что вообще делать...

Если после непрерывной, горячей, напряженной речи

внезапно остановиться, то первые фразы после паузы невольно будут выслушаны с особенным вниманием. Так. Три секунды молчания. Молитвенно сложить ладони. Взгляд студента перед лицом ученой знаменитости.

— Георгий Яковлевич!.. Вы не расклетесь, если возьмете меня с собой. Я буду верным помощником. Всю жизнь отдам для вашего дела!..

Георгию Яковлевичу начала нравиться ласковая напористость этого человека. Совсем расположила последняя фраза.

— Вы хотите быть моим помощником?

— Да!

Но экспедиция морская. Помощником в такой экспедиции может быть только моряк... Какая ваша специальность?

— Я врач... То есть у меня диплом ветеринарного врача,— поспешно добавил Павел Григорьевич, перехватив взгляд Седова на нагрудный значок. По диплому я ветеринарный врач.

— Ветеринарный,— в раздумье сказал Седов.— Я ищу врача для людей. Хотя в экспедиции будут только вполне здоровые люди, но мало ли что может случиться. Ранение, перелом, вывих, наконец, цинга.

— Вам нужен врач?.. Какое счастье! Но ведь все относящееся к хирургии обязан знать даже рядовой ветеринарный врач. У меня же диплом «Cum exima laude». Но это не все! Я прошел три курса медицинского факультета и получил бы врачебный диплом, если б не предложили в это время заграничную научную командировку. Она дала мне больше, чем университет. Я изучал бактериологию у самого Вассермана. Он руководил моими занятиями по серодиагностике сифилиса и по острозаразным болезням. В отделении профессора Шиллинга я специализировался на тропических и субтропических болезнях. Изучал там же клиническую химию и производство сложных анализов...

Павел Григорьевич сыпал медицинскими терминами. Георгий Яковлевич не понимал их значения, но заметил — сходят они с языка легко и свободно. Видно, в самом деле, человек знающий. Стремится на Север. Это самое главное. Возможно, справится с несложными обязанностями экспедиционного врача. Что там делать? Кого лечить? Участники — все богатыри. И за здоровьем собак будет присмотр. А если дела не хватит — можно приспособить по хозяйству.

А Павел Григорьевич не ослаблял нажима. Он рассказывал о своих способностях к ведению хозяйства, о том, что он страстный охотник. Бил на Кавказе злых кабанов и медведей. Умеет препарировать птиц и животных...

— Возьмите меня с собой! Вы не пожалеете.

Было все-таки в наружности этого доктора что-то такое... Может быть, из-за глаз? Они не то немного косят, не то избегают встречного взгляда. Но на таких впечатлениях нельзя основывать отказ. Прошло три недели, а среди множества желающих попасть в экспедицию не объявилось ни одного врача.

Все же из осторожности Георгий Яковлевич не дал решительного ответа. Сказал, что будет иметь в виду. Просил оставить адрес.

— Было бы хорошо, — добавил он, — если бы кто-нибудь из врачей, побывавших на Дальнем Севере, побеседовал с вами и рекомендовал вас в качестве врача для экспедиции.

— Рекомендую поговорить с профессором Бунге, он очень внимательный человек.

И Седов, присев к столу, набросал записку — несколько слов на бланке экспедиции: покорнейшая просьба выяснить, насколько может справиться с обязанностями врача полярной экспедиции предьявитель сего.

Распрощавшись и выйдя на лестницу, Павел Григорьевич — едва за ним закрылась дверь — вынул из кармана незапечатанное письмо, прочел его и адрес: «Тайному советнику А. А. Бунге».

Ого!.. Тайный советник!.. Пусть ничего не получится из попытки пристроиться к Седову — знакомство с таким вельможей всегда пригодится! Это уже успех.

Отправился по адресу на Васильевский остров, но на квартиру к Бунге сразу не пошел. Только побеседовал с дворником. Вручил ассигнацию. Выведал, что надо. «Его превосходительство барин добрый и сильно ученый, ходит в научную академию. Немного глуховат. Барыня молодая. Он сам, барыня да прислуга ихняя — только и жильцов в квартире. Чтобы гостей или шума — этого ни разу не бывало».

В секретариате Академии Наук сообщили, что Бунге работает в Зоологическом музее. Разузнал, в какое время профессор бывает там. Там же сообщили, что научные труды профессора можно достать в академической лавке, рассказали кое-что и про него самого. Оказывается, профессор много раз бывал на Дальнем Севере. Участвовал в международной экспедиции по измерению градуса широты на Шпицбергене, был членом экспедиции первого Международного полярного года в устье Лены. Был в продолжительной экспедиции на Новосибирских островах.

Павел Григорьевич купил две последние брошюры профессора о простейших арктических организмах. Решил, прежде чем идти к нему, внимательно прочитать. Пригодится для разговора.

ПЕРЕД ЛИЦОМ СУДИЛИЩА

На заседание комиссии Георгий Яковлевич пришел без десяти час.

Зал был пуст. Собрались почти сразу в начале второго. Первыми пришли двое штатских. Сделав официальный поклон, они продолжили оживленную беседу о каких-то новых планктонных сетках. Подойти к ним было неудобно. Сейчас же за этими вошли еще двое: пожилой капитан первого ранга и высокий моряк-полковник. Оба ответили на поклон, не прекращая разговора. Наконец-то знакомый — геолог Толмачев. Но и он, только поздоровавшись и начав: «А, очень рад, давно не виделись, едва ли не с тех пор, как расстались на Колыме», тут же оборвал себя: «Простите... Одну минуточку. Мне нужно сказать несколько слов Бунге» — и направился к входившему толстому седому старичку с добродушным лицом.

Так и не удалось ни с кем поговорить. Последним вошел Вилькицкий рядом с невысоким, нахохленным, хорошей военной выправки капитаном второго ранга.

— Прошу, — сказал Вилькицкий.

Все сели за стол, накрытый зеленым сукном. Георгий Яковлевич выждал, когда усядутся все, и занял свободное место в конце стола, против председателя.

— Разрешите начать? — прервал молчание Вилькицкий и, взглянув на холеные ногти, положил обе ладони на стол. — Как вам известно, его высокопревосходительство господин морской министр благоволил назначить комиссию в ее настоящем составе, достаточно компетентном для разбора весьма интересного предприятия — экспедиции к Северному полюсу. Приятно отметить, что здесь собрались наши уважаемые моряки и исследователи, которые так или иначе знакомы с Севером.

Вилькицкий четким движением переложил карандаш с левой стороны на правую.

— Нам предстоит, господа, внимательно и нелицеприятно разобрать проект, выдвинутый капита.. господином старшим лейтенантом Георгием Яковлевичем Седовым. С одной стороны, мы должны помочь ему собственным опытом, а с другой — дать о проекте Георгия Яковлевича свой отзыв, поскольку в будущем, при обсуждении законопроекта в Государственной думе, потребуется тот или иной отзыв морского министерства о данном предприятии. Разрешите предоставить слово для изложения этого проекта старшему лейтенанту Седову.

Георгий Яковлевич поднялся. Став навытяжку, начал говорить. В виде вступления он напомнил изречение Менделеева: «Россия, если ее представить в виде дома, стоит фасадом к северу».

— Интересы России на Севере очень велики, больше чем какого-либо государства. Север спит. Его нужно разбудить. Достижение полюса привлечет внимание к Северу, пробудит древние порывы к познанию и освоению его человеком. Сам полюс — извечная мечта человечества. Нельзя равнодушно относиться к мысли достижения его русскими. Научный интерес точного определения полюса не вызывает никакого сомнения, так же как и исследование области к северу от Земли Франца-Иосифа.

После вступления Георгий Яковлевич в коротких словах, без подробностей изложил план экспедиции. Сказал, что приложит все усилия, чтобы обставить ее с научной стороны как можно лучше. Все. Сел на место.

Полное молчание.

— Есть какие-нибудь вопросы? — повел головой Вилькицкий.

Еще полминуты молчания.

— Разрешите,— приподнялся один из штатских, Брейтфус. — Я хотел бы знать, с какой широты намеревается докладчик начать свое движение к полюсу. Я спрашиваю потому, что мне непонятно обоснование сроков достижения полюса и возвращения на базу. Второй вопрос: какова предполагаемая суточная скорость движения? Вот все, что хотелось бы уточнить для полной ясности плана.

Брейтфус замолк.

Попросил слова высокий полковник.

— Северный полюс пытались достичь лучшие из иностранных путешественников,— сказал он с ударением на слове «лучшие».— Мне хотелось бы узнать от докладчика, на чем базируется его уверенность в достижении полюса. Иначе говоря, какие методы или технические усовершенствования собираются он противопоставить методам и снаряжению предыдущих неудачных экспедиций с Земли Франца-Иосифа?

Не прося слова и не поднимаясь с места, заговорил третий.

.....
Почему и среди бела дня иногда становишься настроенным, как в темной улице ночью, когда мелькают какие-то тени?..

Ты еще не знаешь, что это за тень. На тебя еще не напали. Но ты уже понял, что крадется враг. Заклятый, кровный враг. Не пропустить ни слова, ни движения!

Кто это? Капитан второго ранга в комиссии один. Значит, это Колчак. Говорят, есть такой негласный морской генеральный штаб, и в этом негласном штабе самая властная фигура — Колчак...

Вот он какой! Неприятно его темное лицо. Под нависшими бровями сверлящие глаза. Говорит глухо, бормочет, словно индюк.

Что он хочет сказать? К чему это вступление?

.....
— Между проектами и делом всегда лежит пропасть. Не все, что хочется, удается. Особенно в Арктике. Я сам знаю Север. Был там почти три года. Согласен, что Север спит. И спит крепко. Одним походом к полюсу его не разбудить. И не к чему это делать. Совершенно бесплодное занятие — заниматься постройкой на карте воздушных домиков и смотреть, куда они повернуты фасадом, — на юг или на север. Подобные занятия к лицу таким глубоко штатским людям, как Менделеев. Мы, военные моряки, должны думать не о морях, заполненных льдом, но о свободных, где можно плавать. Таких теплых морей много. Задача русского флота и каждого морского офицера — содействовать завоеванию этих морей, чтоб сделать их русскими. Эта задача совершенно реальная, народу более понятная, чем отвлеченная и штатская мечта о полюсе. Это, впрочем, мое личное мнение.

Колчак поднялся.

— Теперь вопрос докладчику. Вопрос этот не только мой. Его, конечно, задает весь русский флот. Прошу ответить. Господин старший лейтенант Седов! На чем базируется ваша уверенность, что полюс будет вами достигнут? Какая гарантия, что, вместо славы и для флота, и для России, не получится один позор?

Карандаш в руках Вилькицкого стал приподниматься, как только Колчак повысил голос. Но карандаш не опустился при слове «позор».

Колчак властно повторил:

— Какая гарантия?

.....
«Вот он что говорит! Вот для чего собралась комиссия! Это западня! Что ж, надо вызов принимать... Трудно подняться так, чтоб не отводить твердого взгляда от колющих глаз. Нельзя обнаружить волнение. Руки по швам. Так. Спокойно и официально сказать: «Моя жизнь. Она — единственное, чем я могу гарантировать серьезность своей попытки. Не достигнув полюса, я не возвращусь. Мое имя не станет позорным для родины».

Карандаш председателя ударил по столу как раз после слова «позорным». Вилькицкий мягко сказал:

— Господа, не станем обострять вопрос прежде его рассмотрения. Его высокопревосходительство морской министр созвал это совещание не для принципиальной дискуссии о нужности путешествия к полюсу, но для делового обсуждения. Прошу вас, старший лейтенант.

.....
«Спокойно! Обтереть влажные виски! Все в порядке. Первый вражеский прыжок с места не сдвинул. Теперь ответить на вопросы... Ах, вот они — здесь, на бумаге. Спокойно...»

.....
— Разрешите ответить на вопросы... Отвечаю на первый. Я предполагаю отправиться к полюсу с самого северного острова Земли Франца-Иосифа. Широта острова приблизительно восемьдесят три градуса... Второй вопрос — о скорости суточного движения. По моим расчетам, я должен проходить каждый день по пятнадцати верст. Я уверен, что буду двигаться быстрее. Но для расчетов беру эту цифру. И третий вопрос — о методах и технической части.

Георгий Яковлевич повернул лицо к полковнику.

— Я не придаю этой стороне дела исключительного значения. Один и тот же топор в руках двух плотников действует совсем по-разному. Я полон уважения к моим предшественникам-иностранцам, хотя некоторые из них, кажется мне, брались не за свое дело. Мы, русские, выросшие в стране морозов, конечно, более приспособлены к полярным путешествиям. Ведь существует же мнение, что в Европе нет народа более выносливого. Будущее путешествие представляется мне испытанием нашей выносливости, способности к напряжению, нашей преданности поставленной цели и упорству в ее достижении. И я убежден, мы вынесем это испытание с честью. Мы и раньше побеждали Север не техникой, но волей и выносливостью. Надеюсь, победим и в этот раз.

Седов умолк и сел на место.

Председатель повел холодным взглядом. Остановил его на Брейтфусе.

— Вы хотели высказаться?

— Если позволите.

С этим человеком Георгий Яковлевич встречался. Он был начальником Мурманской научно-промысловой экспедиции. Плавал на судне «Андрей Первозванный» по Баренцову морю и доходил до Новой Земли. Пользовался авторитетом знатока северных морей и литературы о Севере. Его мнение имело вес. Брейтфус говорил вежливо, любезно и весело. И эта веселость передавалась другим.

— Мне хотелось бы затронуть сторону дела, не столь отвлеченную, как в выступлении уважаемого Александра Васильевича, хотя я тоже буду говорить о гарантиях. Я имею ввиду деловые гарантии. Поскольку материальная база, я бы сказал, осталась не очень ясной...

Грациозными оборотами речи он излагал все, что ученые чиновники болтали в академических коридорах про русского претендента на достижение полюса. Передавая сплетни об этом чужаке, говорили, что он выскочка, невежда в мировой полярной литературе. Членское звание в ученых обществах он заработал не головой, а ногами. «И этот лапоть хочет состязаться с заграничными исследователями Севера!..»

— Господа, я полностью разделяю энтузиазм нашего докладчика и понимаю высокие мотивы стремления к полюсу. Я преклоняюсь перед величием самой идеи. Но это преклонение обязывает. Оно обязывает и меня, и всех нас с особенным вниманием отнестись к вопросу запаса прочности в фундаменте всего предприятия. Докладчик говорил о воле и выносливости как о средствах к победе. Я не сомневаюсь, что наш уважаемый докладчик обладает в достаточной мере этими необходимыми во всяком деле компонентами. И, отдавая должное возможному преимуществу будущих русских полярных работников, я только хотел бы указать, что мы не можем отказать в наличии таких же прекрасных качеств у некоторых иноземцев, хотя бы норвежцев, тоже уроженцев Дальнего Севера... Но национальные качества, — все так же плавно продолжал речь Брейтфус, — аргумент очень спорный, во всяком случае совсем невесомый! Хотелось бы направить наши дебаты на более конкретную, я бы сказал — научную почву. Фундамент предприятия должен покоиться на прочных основах современной географической науки. Как выяснилось из ответа на мой вопрос, уважаемый автор проекта предлагает начать свое путешествие с восемьдесят третьего градуса, очевидно, с Земли Петермана. Так ли я вас понял?

.....
«Очень гладко и вежливо говорит этот человек. Но будь на чеку! Ты получил уже один удар по лбу. Эта вежливость похожа на маскировку».

.....
— Да, с Земли Петермана или Оскара, как позволяют льды...

Брейтфус счастливо улыбнулся.

— Но, господа, — продолжал он почти со смехом, — мы же знаем все, что Земли Петермана в действительности не существует. Это выяснилось после путешествия Кани, участника экспедиции герцога Абруццкого. Этот факт давно стал достоянием

географической науки. Если б Земля Петермана существовала в том месте, где ее обозначил на карте Пайер, полюс был бы достигнут экспедицией Абруццкого.

Брейтфус быстро достал из портфеля книгу в красивом переплете.

— Вот отчет герцога: Лейпциг, тысяча девятьсот третий. Вот его новая карта. На этой карте Земли Петермана нет. Таким образом, господа, мы не можем не согласиться с фактом некоторой неосведомленности уважаемого докладчика. Его план является повторением первоначального плана итальянской экспедиции, плана, который не осуществился из-за отсутствия под восемьдесят третьим градусом какой-либо земли. Так же как наш докладчик, итальянцы предполагали двигаться со скоростью в пятнадцать километров в сутки. На деле же Каньи шел со скоростью в десять километров и то при величайшем напряжении сил. Эта экспедиция показала нам, что достижение полюса с Земли Франца-Иосифа едва ли осуществимо.

.....
У Георгия Яковлевича что-то с болью оторвалось в груди. Клещами сжало горло.

«Вот оно! Ловушка! Тебя очень любезно приглашают явиться, не предупреждая, что будет сражение, а так, для разговора. И сразу же говорят: становись в позицию. Сначала атака с фронта, чтобы отвлечь внимание, потом обходное движение, и ты окружен. Хлоп!.. Падает книга на стол. Это закрылась последняя щель. Ты в ловушке. Ты уже ранен. Ты беспомощен. Ждут, что выкинешь белый флаг...»

.....
«Попался в западню. Попался потому, что она поставлена тайно. Ни Дриженко, ни Варнека не пригласили. О, нет! Они предупредили бы. Вилькицкий знал про ловушку, про Землю Петермана. Когда беседовали о плане, не возразил ни слова. И в статье своей ни словом про Абруццкого не упомянул.

И все из-за того, что ты не прочел очень важной для дела книги. Не прочел ее потому, что ни в церковно-приходской школе, ни в Мореходных классах тебя немецкому языку не обучали. С тобой разговаривали, хвалили тебя, но про эту книгу никто не сказал. Она в Петербурге в двух-трех экземплярах. В ней, вероятно, важные сведения. Они могли бы помочь заветному делу. А теперь эти сведения поставлены против тебя, чтобы убить твое дело».

.....
«Земли Петермана нет... Это, в самом деле, ужасно. Опрокинулись все расчеты. Но расчеты — еще не дело. Если

дело не выходит с одного конца, мы беремся за другой... Когда опрокинуло шлюпку в устье реки Кары, было такое же чувство беспомощности. Все гибнет. Не упустить главное — шлюпки. Не выпустить фалиня из рук. И теперь главное — не упустить сути дела... В чем суть дела? Все в том же — в воле. Если человек что-нибудь пожелал по-настоящему, он добьется или умрет. Умрет, но не отступится. Возможны всякие ошибки. Но ошибки следует исправлять. Отступления не может быть».

.....
В этот раз Георгий Яковлевич поднялся тяжело, как старик. Изменившимся голосом сказал серьезно и просто:

— Я очень благодарен за новые для меня сведения. Они очень важны для дела... Действительно, в мои расчеты вкралась ошибка... Вся беда в том, что я не знаю немецкого языка. С экспедицией Абруццкого я знаком только по короткой журнальной статье на русском языке. В ней ни словом не упомянуто об отсутствии Земли Петермана... Этот факт сильно меняет дело. Но он не опровергает возможности достижения полюса с Земли Франца-Иосифа. Я постараюсь это доказать. Мне необходимо сделать перерасчеты. Сделать их сейчас, в одну минуту, невозможно... Я могу представить их не позже чем завтра.

Глубокая искренность звучала в мужественном признании своей ошибки. Веселые улыбки стали застывать.

Старичок Бунге, слушавший прения с полузакрытыми глазами, поднял веки, внимательно посмотрел на Седова. Тяжело вздохнул. Отнял ладони, приставленные к ушным раковинам, положил руки на живот. В дряблой старческой шее что-то дрогнуло. Он качнулся в сторону председателя, пошевелив в кресле свое грузное тело:

— Разрешите?

Старик выждал минуту. Неторопливо, с одышкой заговорил:

— Признание ошибки — начало познания истины. Нам, ученым, это известно лучше, чем другим. Ошибаться свойственно человеку. Все мы не без ошибок... Этого, господа, не следует забывать...

Бунге выдержал короткую паузу. В тусклых маленьких глазах мелькнул насмешливый огонек.

— Да... Бывает, ошибаемся. За примерами ходить недалеко... Вот хотя бы этот вопрос о достижении полюса с Земли Франца-Иосифа... Не знаю, как другие, а я позволю себе не согласиться с довольно-таки субъективным мнением Леонида Львовича... Да, субъективно, субъективно!.. Я бы не рискнул сказать, что отсутствие Земли Петермана является

решительным препятствием к атаке полюса с этой стороны... Это не остановило две экспедиции Циглера. И Болдуин, и Фиала прекрасно знали про отсутствие Земли Петермана. И все-таки к полюсу шли. Теперь, какая причина неудачи этих экспедиций? — оживился старый ученый. — По-моему, корень их неудач был не в выборе направления и не в расчетах. Расчеты у американцев имелись точные. И снаряжение было прекрасное: лучше — невозможно... Как понял я, причина была другая и очень простая — непривычка к работе в условиях Арктики, то есть отсутствие тех самых качеств, о которых говорил докладчик. Я с ним в этом, пожалуй, согласен. А дело для науки великое! И для государства тоже. Россия в самом деле смотрит на север. Что ж, надо правду говорить — нашим Север знаком и привычен. И в этом Георгий Яковлевич, пожалуй, прав. Вот указал нам Леонид Львович, что итальянцы по десять километров в день проходили. Верно. Так и в отчете написано. А только рассказать бы про это в Казачьем или Булуне, там таких каюров бабы засмеяли бы. У нас ездят на собаках быстрее. Мне и самому случалось ездить с устьянскими каюрами по морскому сильно торошенному льду. Мы проходили с грузом за день по пятьдесят и по шестьдесят километров. Я это удостоверяю. Могу показать путевые дневники. Видите, какое дело... Спорный, спорный вопрос!

Бунге запыхался от длинной речи. Он заключил ее словами:

— Так вот! Конечно, наш докладчик ошибся. Расчеты нужно делать с полным знанием дела и литературы. Без точных расчетов нельзя. Это верно. Ну что ж... нам, старикам, надо ему помочь.

Бунге откинулся на спинку кресла и замолк. Седов видел, с каким изумлением посмотрел на него председатель, как у Брейтфуса сползла улыбка и посерело лицо при словах «субъективное мнение». Резко повернул голову Колчак, услышав фразу: «А дело для науки великое».

Произошло небольшое замешательство. Брейтфус, перегнувшись через стол, что-то доказывал Бунге. Вилькицкий говорил вполголоса с Колчаком и Мордвиновым.

Минуты две спустя Вилькицкий поднялся и предложил отложить заседание до завтра, с тем, чтоб докладчик представил новые расчеты движения к Северу и новый план всего путешествия. Вилькицкий нервно давил ногтями ладонь, — этот старый осел Бунге спутал всю так хорошо налаженную игру.

Георгий Яковлевич собрал в портфель бумаги и вышел первым.

На другой день заседание возобновилось. Не явился Бунге. Его неожиданно вызвали на совещание в министерство торговли и промышленности. Георгий Яковлевич не спал всю ночь, составил план похода к полюсу с острова Рудольфа. Требовалось шестьдесят собак, сто двадцать пудов груза и вспомогательная партия с двадцатью собаками и тридцатью четырьмя пудами груза. Он твердо отстаивал возможность движения со скоростью не менее пятнадцати верст в сутки.

Возникли большие прения, Брейтфус и Бялыницкий-Бируля доказывали, что Седову не хватит провианта для собак. Сначала спорили о дневном пайке. Когда Бируля жил на Новой Сибири, его проводники за два дня скармливали двум упряжкам собак целого оленя. Следовательно, каждая собака получала четыре фунта в день. Колчак сказал, что собаками в экспедиции Толля ведал устьянский казак. Как он кормил — Колчак в точности не помнит. Но знает, что собаки страшно прожорливы. Одним фунтом самого концентрированного корма, как предполагает Седов, собаку не насытишь.

Спорили и о нагрузке саней. По камчатскому опыту и по расспросам у колымчан, Георгий Яковлевич знал твердо: каждая собака способна везти два пуда. Члены комиссии с этим не соглашались. По мнению Бирули и Колчака, самая сильная собака не может сдвинуть с места больше полутора пудов. Предлагали брать в среднем по пуду на собаку. Брейтфус продолжал козырять отчетом Абруццкого. В комиссии не оказалось ни одного человека, знакомого по-настоящему с собачьим транспортом. Упряжная собака везет от двадцати пяти до восьмидесяти килограммов, в зависимости от силы и качества дороги. Это знали тысячи людей в северной Сибири, но не знала «компетентная» комиссия. Для питания собаки требуется около пятисот граммов сухого мяса с жиром (пеммикан). Это должен был знать Брейтфус, знакомый с отчетами Эриксона, Пири, Свердруп и Амундсена.

Показывать чужие козыри Брейтфус, конечно, не стал. Комиссия не согласилась с доводами Седова. Просили еще раз пересмотреть расчеты, исходя из указаний Бирули и Колчака. Но и без подробных расчетов становилась очевидной невозможность продолжительного путешествия с собаками, способными везти только по пуду.

Состоялось ли новое заседание комиссии — Седов так и не узнал. Его не приглашали. Через неделю в совете министров обсуждался проект об отпуске средств для экспедиции к полюсу. Григорович доложил о мнении особой комиссии. Она признала план экспедиции к полюсу непродуманным. Автор

проекта не ознакомился с предыдущими экспедициями, не составил подробных расчетов.

Совет министров постановил высказаться за отклонение законопроекта. Этого было достаточно. В Государственной думе законопроект даже не обсуждался.

ГЛАВА XXXII

В МАЙСКИЕ ДНИ

Майские газеты были полны сообщений о грандиозных забастовках по всей России. То был грозный отклик на расстрел безоружных рабочих — шахтеров на Ленских золотых приисках. Много внимания уделяли газеты запросам в Государственной думе о действиях министерства внутренних дел. В ответ на думский запрос о расстреле глава министерства Макаров нагло ответил: «Так было и так будет». Это вызвало взрыв возмущения. Первомайские рабочие демонстрации никогда еще не были столь многочисленны. В городе было неспокойно. В эти дни до крайности обострилась полемика между правыми и левыми. Политика решительно заполонила умы и газетные полосы. И все-таки почти все газеты нашли нужным отметить решение комиссии, рассмотревшей проект капитана Седова. «Речь» и другие либеральные газеты комментировали известие в выражениях не очень лестных для инициатора экспедиции к полюсу. Впрочем, главные упреки были направлены по адресу «Нового Времени»: «Вот, отыскали доморощенного претендента на полюс, и получился конфуз». «Новое Время» отмалчивалось.

Художник, узнав из газет о неудаче, немедленно отправился к Седову. С таким трудом удалось получить в Академии отпуск для экспедиции, и вдруг дело принимает плохой оборот. Состоится ли она? Ведь если вдуматься в это постановление, оно означает не только отказ в помощи, но и совет всем благомыслящим людям уклониться от поддержки такого несерьезного предприятия.

Художник ожидал увидеть Седова угнетенным, готовил слова утешения. Он ошибся. Георгий Яковлевич был бодр и мужествен. В утешении не нуждался. Все же последние дни не прошли без следа. Лицо осунулось, ушли вглубь глаза, голос временами перехватывался незнакомой грудной нотой. Георгий Яковлевич рассказал про заседание комиссии все, как было. Умолчал только про стычку с Колчаком.

— Провалили. Я это понял на первом же заседании. Кому-то нужно это дело проваливать. Ясно!

— Но кому?

— Не знаю. Ей-богу, не знаю. Говорю вам откровенно: я ничего не понимаю! Вот хоть убейте меня. Тут какая-то политика. Я в ней не разбираюсь... Так обернулось все по-новому. Кругом оказались враги.

— А Вилькицкий?

— И Вилькицкий заодно! И вот провалили!.. Правительство не даст ни копейки. Передавали мне, что в совете министров один Нератов высказался за снаряжение экспедиции на государственный счет, да еще Кассо — с оговорками. И, знаете, какой мотив отказа?.. Ну, угадajte!.. Ни за что не додумаетесь! Министры нашли, что я прошу недостаточную сумму. В последующем пришлось бы понести дальнейшие расходы... Не правда ли, убедительно?

— М-м-м-да!..

— Теперь в меня камнями швыряют. Пусть! Но плох я или хорош, а я к полюсу пойду. Хоть на шлюпке, хоть пешком. Если отпуск задержат — снимаю это!— Георгий Яковлевич показал на погоны.— Здесь не останусь. Не могу. Нельзя... Нет! Или в стремя ногой, или в пень головой!

— А деньги? — спросил художник.

— Тысяч пятнадцать есть. Что можно, соберем подпиской. Не все думают, как Брейтфус и компания.

Георгий Яковлевич достал из бумажника несколько газетных вырезок.

— Вот слушайте, что пишет простой солдат: «Пробегаю газету потайно, как нижний чин, увлекаюсь борцом с северными ледовитыми горами...» Ну, там про меня. Это неважно. Вот слушайте дальше: «Не знаю, как назвать то чувство, которое испытывает каждый житель при мысли, что Амундсена собирает в экспедицию Норвегия с ее тремя миллионами населения. Мне немножко завидно и больно. Стыдно говорить, что не имеется средств, когда нашелся отважный и опытный моряк, готовый жертвовать собой ради славы отечества. Я считаю долгом пожертвовать свое двухмесячное жалованье, лишая себя самого необходимого...» И вот послал рубль... У меня в горле схватило, как прочитал. Какой-то солдат, рядовой, подписался «Л. П.». Разве мало таких? Вот еще: от кружка студентов-технологов. Вот тоже от какого-то студента... Значит, есть все-таки люди, готовые тебя поддержать! Они шлют свои рубли, не спрашивая, прочел ли ты все сочинения полярников на немецком и итальянском языках. Такие рубли мне дороже тысяч. А сколько просятся в экспедицию!

Георгий Яковлевич за чтением газетных вырезок отвлекся от воспоминаний о недавних ужасных днях. Стал рассказывать

Николаю Васильевичу про план снаряжения самой дешевой экспедиции:

— Рук складывать нельзя. В эти дни я изездил весь город. Кое-что получается. В «Новом Времени» уверяют, что экспедиция состоится. Говорит — таково желание каких-то очень крупных персон... Не знаю, не знаю, кто... Признают, что виноваты сами. Следовало самим созвать комиссию при Государственной думе. Теперь решили организовать комитет для помощи экспедиции. Согласились войти в него многие из бывавших на Севере: Варнек, Дриженко, Бунге, Толмачев. На первом собрании, кроме них, будут члены Государственной думы, журналисты и все сочувствующие. Заседание завтра, в два часа дня. Приходите и вы. Вы член экспедиции. Присутствие ваше обязательно... А как дела с отпуском?

— Получил.

— Вот и прекрасно. Так приходите же!

— Как раз в эти ужасные дни неудач явились к Седову одновременно два молодых ученых. Назвали свои фамилии:

— Павлов.

— Визе.

Оба выразили желание участвовать в экспедиции. Более солидный, по виду настоящий доцент или профессор, а на самом деле студент-выпускник, Павлов оказался очень остроязычным. Для начала он заявил:

— Вас не любят наши ученые совы. Это очень хорошо. Поздравляю вас от души! Ученые в мундирах всегда ненавидели всё живое и смелое. Они не признавали Макарова, не давали хода Кропоткину, отравили всю жизнь Менделееву. Даже после того как менделеевская система элементов стала известной всему миру, его провалили на выборах в академики... Я молод. Ко мне относятся с полным безразличием, не интересуются даже моими находками в Хибинах. Но если случится, что когда-нибудь меня станут хвалить эти надворные и задворные в науке советники или, храни меня Боже, полюбят, я скажу себе: «Михаил, из тебя ничего не вышло, пора стреляться». И если не хватит духа застрелиться, я хоть плюну им в глаза, чтоб возненавидели они и меня.

Второй, Визе, был немногословен, корректен и точен в выражениях. Хотя на вид казался почти мальчиком, из разговора выяснилось — он успел получить за границей диплом доктора химии и слушал в Петербургском университете курс естественных наук.

Оба ученых были друзьями, сидели вместе на гимназической скамье. Оба считали Север местом, где надо искать

разрешение многих научных вопросов. Дважды снаряжали они в складчину скудно обставленные экспедиции в самые глухие места Кольского полуострова для изучения природы Лапландии и ее геологического строения. Визе показал съемки маршрутов по реке Умбе и записи саамских народных сказаний. Павлов восторженно рассказал о природе Лапландии и про горные богатства в Хибинах — нефелины, апатиты и редкие минералы.

— Если б вам показать их шлифы в микроскопе! Такой красоты не сыщешь нигде!..

Молоды, хорошо образованны, привычны к походной жизни, любят Север и рвутся работать. Таких людей немного! Георгий Яковлевич пожал друзьям руки.

— Что ж, я рад зачислить вас в нашу небольшую семью,— сказал он приветливо и просто.— Будем вместе работать, делить и радость и горе. Думаю, что общими усилиями сумеем поставить научную часть экспедиции как должно.

Павлу Григорьевичу пришлось долго готовиться к посещению профессора Бунге. Только через неделю решился он пойти на квартиру, и то в такое время, когда профессора заведомо не было дома.

К Кушакову вышла профессорша, молодая, красивая, приветливая дама. Сначала в передней, потом в гостиной, куда прошел по приглашению хозяйки, он поведал ей свое ужасное горе. Давно, с самой юности, он стремится на север. Мечтал о научной работе в полярных областях, и случай такой представляется — отправиться с экспедицией к полюсу. Но вот несчастье: из-за диплома, из-за простой бумажки дело, пожалуй, сорвется. Единственное спасение — если вступится профессор...

За полчаса беседы с профессоршей Павел Григорьевич успел наговорить ей сотню комплиментов, рассказал несколько интересных и смешных историй и, главное, возбудил в ней сочувствие. Прощаясь, он не сомневался, что хозяйка расскажет мужу об этом посещении и, может быть, замолвит словечко.

И действительно, на следующий день визит прошел очень гладко. Перед профессором сидел молодой провинциальный ученый-гельминтолог. Он начал разговор с жалоб на трудность работы в провинции, сетовал на скудность литературы по интересующему его вопросу. Его мечта и заветная мысль, возникшая еще в Берлине, во время научной командировки, мысль об изучении паразитических организмов полярных областей,— была одобрена профессором Шиллингом... Но как

ее осуществить!.. И вот представляется, наконец, неповторимый случай: экспедиция Седова... Увы! Седов не решается взять его на вакансию врача из-за отсутствия диплома, хотя, казалось бы, три курса медицинского факультета являются основными в знаниях каждого врача...

Посетитель раскладывает на столе документы. Вот зачеты клинической химии, зачеты по производству сложных анализов, по бактериологии, гемопаразитологии... Это членский билет Харьковского медицинского общества, вот копия диплома...

Бунге, глухой, вечно погруженный в мысли о текущей научной работе, слышал далеко, не все, что говорил ему Павел Григорьевич. Жена уже говорила о ласковом посетителе. Хочет работать в полярных странах? Очень похвально! Так мало людей, освещающих лучом науки эти пустынные области. Но жизнь — всюду. И в Арктике существуют интересные формы ее. Изучение их нередко разъясняет многое, что здесь теряется в роскошном разнообразии видов. Нужно поощрять стремление к такой работе. Если речь идет только о дипломе, он напишет Седову. Нельзя быть формалистами... Экзаменовывать этого солидного человека по общей патологии и диагностике?.. Пожалуй, неудобно. Тем более, сам занявшись чистой наукой, давно забросил врачебную практику и, вероятно, уже отстал от современной медицины. И нужно ли?.. Человек, прошедший основные курсы медицинского факультета, с дипломом ветеринарного врача «Cum exima laude», конечно, справится с несложными обязанностями врача в маленькой группе здоровых полярников. Молодой ученый имеет собственную тему — это хорошо рекомендует его.

Ученый протянул руку к блокноту и написал записку начальнику экспедиции к полюсу: «Профессор Бунге не находит препятствий для занятия П. Г. Кушаковым должности биолога экспедиции; он же может быть исправляющим обязанности врача, если не будет отдельной вакансии для такового. А. Бунге».

Вложив записку в открытый конверт, профессор передал ее Павлу Григорьевичу и пожелал плодотворной работы.

— Ваша тема совершенно нова и оригинальна. Буду с интересом ждать этих материалов.

В тот же день Павел Григорьевич отнес Седову записку профессора и был зачислен в личный состав экспедиции.

Организационное собрание комитета для помощи экспедиции прошло очень гладко. Седов с большой подробностью изложил план движения к полюсу. Представил детальный расчет провианта для людей и собак. Получалось: партия из трех человек с шестьюдесятью собаками может достичь полюса

с острова Рудольфа, если ее будут первые дни кормить вспомогательная партия. На обратном пути часть собак придется убить на корм собакам же.

Видно было, слушатели не считали нужным особенно вникать. Какие-то собако-дни, рационы, каяки и нарты...

После доклада высказывались все, кто бывал на Севере. Все до одного отмечали убедительность расчетов. Суворин предложил считать присутствующих членами комитета и избрать рабочий президиум. Председателем оказался Балашов, товарищем — Суворин, секретарем — Шульгин и казначеем — купец Рубахин.

Купец был очень польщен. Он по очереди тряс руки Седову, члену экспедиции и комитета. Все интересовался: «Как на Южном полюсе, наверное теплее, чем на Северном?»

После заседания к Седову подошел Суворин, поздравил с успехом, с постановкой дела на твердую почву и добавил:

— На счете экспедиции имеется шестнадцать тысяч пятьсот с чем-то рублей. Я думаю, вы могли бы использовать их в виде авансов при заказе снаряжения. Можете получить эти деньги в конторе газеты... Ну что ж? Как будто все наладилось. Я думаю, вы рветесь приступить к делу вплотную?.. Ну, желаю вам успеха!

Колесо завертелось.

Все это происходило в последних числах мая.

В начале июня Георгий Яковлевич отправился в Архангельск заказывать снаряжение для экспедиции и искать подходящее судно.

«Хорошо было этому Фиала готовиться, имея в кармане чековую книжку американского миллионера! Ему, небось, не приходилось думать, как подешевле прожить в чужом городе! А тут о гроше болеешь. Каждый пятак долго вертишь в руках, прежде чем выпустишь. Экономишь даже на гостинице».

В самом деле, приехав в Архангельск, Георгий Яковлевич велел извозчику ехать не в гостиницу, а к приятелю, лоцкомандиру Елизаровскому. Он жил в предместье Соломбале, недалеко от портовых мастерских. Елизаровский принял гостя радушно. Узнав, что главная забота — найти подходящее судно, послал за знакомыми поморами — посоветоваться с ними.

Первым пришел Лоушкин, старый поморский капитан. Вошел в горницу по-старинному: стал у порога, отвесил поклон, перекрестился и снова раскланялся. Подал ладонь лопаточкой, разгладил широкую сивую бороду, заворковал по-поморски:

— Как ваше здоровье? Гляди, и меня вспомнили. Довелось и старому коту с печи скочить. Пришел с бани, а женка рассказывает: «Миколаич, по тебя от командира приходили». А от какого командира — сама не знает. «Ты чо, дура, не спросила?» говорю.— «А ты чо не сказывал, какие у тебя командиры знакомые?» — «А на что тебе знать!» — «А чтоб при глупом муже самой в дурах не быть!» Вот как отбрила!.. Ой, бабий ум — что коромысло: и криво, и зазубристо, и на оба конца. И толковать больше не стала. От куфарки узнал, кого по меня посылали, потому и сдогадался...

Словоохотливый капитан стал припоминать, какие есть свободные от фрахта суда.

— Вот «Геркулес» у стенки стоит, «Митрей Солунский», «Андромеда». Да нет, маловаты!.. Пойдите, ребята, пошто далеко ходить... Вот стара память! Есть судно вам подходящее. Вчера мимо шел, калошу завязил как раз насупротив него. Еще спросил у штурмана: «Как, под груз стали или чо?» — «Нет,— говорит.— Каки там грузы! Только и грузили — старые швартовы: истерлись о рым. Другого груза с зимы не видали...» Пойдем, командиры, посмотрим.

Моряки пошли на берег Двины. Невдалеке стояло большое судно с двумя высокими мачтами и длинным утлегарем. Спереди, по капитанскому мостику, крупная надпись: «Святой мученик Фока». На стеньге — наблюдательная бочка.

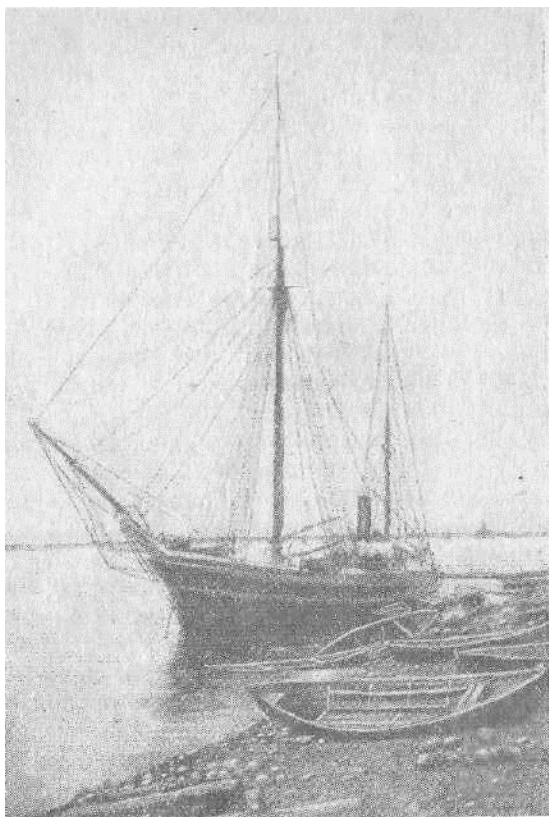
Осмотрели корабль снаружи. Обводы хорошие. Судно, видно, прочное. Руль из толстых дубовых бревен, скреплен полосами железа. Окованный форштевень похож на таран. Вся кормовая часть тоже под котельным железом.

Вызвали вахтенного послать за капитаном. Вахтенный сказал:

— Капитан в городе.— И крикнул, нагнувшись к люку: — Максимыч!

Из люка вылез помощник капитана, средних лет черноусый помор, немножко под хмельком. Балагуря и рассыпая прибаутки, повел всех показывать судно.

Тоннаж подходящий — двести семьдесят три тонны. Паровая машина — сто сил, экономна, требует в сутки всего шесть тонн угля. Парусная оснастка несложна, как у шхуны-барк. Две палубы. Жилые помещения в кормовой части очень удобны для экспедиции. В носовой части, под полубаком, теплый и просторный кубрик, в юте — камбуз и двенадцать кают, не считая кают-компаний. Есть полное промысловое оборудование: винтовки, гарпуны, ножи для снятия сала со зверей, железные цистерны для снятых шкур и даже две гарпунные пушки. Спустились под палубу, осмотрели машину и трюм. Весь

Корабль «Св. Фока».

корпус из дуба, две наружные обшивки и одна, внутренняя, набор шпангоутов почти сплошной, толщина бортов около метра, — крепость несокрушимая. Облавав все судно, вернулись в кают-компанию.

— Запущено судно, — сказал Елизаровский. — Что ж ваш хозяин ремонта не делает?

— У него в кармане — одна блоха на аркане, — продолжал балагурить помощник.

— Э, какой это хозяин! — перебил толстый механик-эстонец. — Только собирается хозяином стать. Купил судно по дешевке, в долг. И сразу заложил. Капитан он. Зубы горели собственное промысловое дело начать. А на промысел тоже деньги нужны. Команде платить надо. Получит фрахт — сходим в рейс и опять стоим. Какой тут ремонт...

Когда возвращались к Елизаровскому, Лоушкин рассказал всю подноготную и про судно, и про владельца. «Святому Фоке» сорок два года, куплен в Норвегии, за границей ходил под названием «Гейзер».

— Думайте, думайте, командиры. Десять раз примерь, однова — отрежь. А только верьте моему слову неложному: лучше судна не найти.

Седову «Фока» понравился. Напоминал он чем-то парусный корабль, виденный в детстве у Кривой Косы. Если это судно ввести в сухой док и дать настоящий ремонт, получится корабль не хуже циглеровской «Америки». А в крайнем случае и без ремонта обойдется. Доплывет как-нибудь. Посудина прочная. Штурман говорит, есть порядочная течь. Но «донка» (паровой насос) справляется. В подмоду ей имеется сильная помпа. Ничего, не утонет!

В тот же день он зафрахтовал судно. Владелец был рад передохнуть от долгов. Единственно, запросил очень крупную неустойку, если экспедиция не отправится до 28 августа.

В Архангельске все шло прекрасно. Георгий Яковлевич нашел подрядчика — строить дом для базы на Земле Франца-Иосифа. Сговорился с архангельским купцом Демидовым, поставщиком снаряжения для казенных гидрографических экспедиций. Демидов взял на себя заготовку провизии и верхней одежды, обещал последить за постройкой двух шлюпок. По совету Елизаровского, Георгий Яковлевич организовал в Архангельске отделение комитета для помощи экспедиции. Его назначение — сбор пожертвований и присмотр за ходом снаряжения.

Седов принял в Архангельске несколько участников экспедиции. Трех — Инютина, Томиссара и Кизино — знал по работе в Крестовой губе. Четвертый — ученик лоцманского училища Шура Пустошный — несколько раз попадался на кухне Елизаровского. Двадцатилетний застенчивый юноша, видимо что-то хотел сказать, но не решался, робел. Георгий Яковлевич заговорил с ним сам. Ужасно покраснев, Шура стал горячо проситься в поход к «самому полюсу».

Георгий Яковлевич пристально взглянул на него. Парень крепкий. Восторженное лицо, умоляющие глаза. Тронула застенчивость. Шевельнулись какие-то давние воспоминания... «Африка!...»

Он протянул юноше руку:

— Пойдем!

Еще двух участников — пожилого народного учителя Лебедева и бывшего золотоискателя Линника, знакомого с ездой на собаках, — принял в Петербурге. Личный состав экспедиции подобрался почти полностью.

ТЕРНИИ НА ЗАВЕТНОМ ПУТИ

Возвращался в Петербург радостный. Все главное сделано. Дома нашел телеграмму из Тобольска от Тронтгейма, доставлявшего ездовых собак Нансену, герцогу Абруцкому и американцам. В телеграмме — согласие доставить сорок пять отборных собак с Оби. Итак, судно и транспорт есть. Жилище строится. Одежда и пища заказаны. Остается купить инструменты для научных работ, выписать из Норвегии легкую меховую обувь — финески, каяки, нарты нансеновского типа да разную мелочь, что невозможно достать в России.

Первым делом отправился в комитет рассказать про свои удачи. Там ошеломляющий удар: денег нет. Пожертвований не прибавилось.

И не могло прибавиться. Все либеральные газеты ополчились на экспедицию. Либералы хорошо разгадали политический ход националистов. Участие лидеров национальной партии в седовском комитете, патриотические статьи нововременцев как раз в дни, когда вскипал народный гнев, — в самом деле, все было шито белыми нитками. Газеты по сигналу «Речи», сводя старые счета с «Новым Временем», не жалели и Седова.

Человек, обладавший чувством юмора, нашел бы в этой травле немало смешных эпизодов. Расстрига поп Григорий Петров, служивший фельетонистом в «Речи», развязно толковал о полярных экспедициях и о мореходных качествах «Святого Фоки». Можно было подумать, что он был всю жизнь заправским моряком, а не махал кадиллом в своем приходе. По мнению попа, зафрахтованный Седовым для экспедиции «Фока» был не что иное, как старая калоша. Он утверждал, что и название «Фока» возникло лишь по невежеству Седова. За границей-де это судно называлось «Ғоса», что по латыни означает «тюлень». И вот невежда-моряк, не знакомый с латынью, переводит по-своему название, и получается «Святой Фока»!..

Другие фельетонисты противопоставляли Седову полярных путешественников-иностранцев. Не очень грамотно писали про него:

«...Если бы он работал, учился, годами готовился к тяжелому делу — и он достиг бы чего-нибудь. Но ведь труд и наука нужны только западноевропейцам, каким-нибудь Нансенам, Пири, Амундсенам, Шарко. Мы же, русские, люди широкой натуры, не крохоборы, у нас не наука, а смелость города берет. У нас тят да ляп, и вышел корабль — вот как казак Денежкин...» (?)

А что представляли собой упоминавшиеся путешественники — фельетонисты сами не знали. И некому было указать что сравнение с иностранцами выгодно Седову. Знаменитый Амундсен был недоучившимся студентом-медиком, выдержавшим экзамен на звание штурмана. Роберт Пири был портовым инженером, специалистом по постройке доков. Шарко — рядовой морской офицер. Фиала — кавалерист и фотограф. Аbruцкий же — владетельный герцог. С герцогов, как известно, дипломов не спрашивают.

Все это было бредом. Но этот бред читали и, руководствуясь им, судили Седова, много учившегося моряка, прекрасного гидрографа и геодезиста, члена трех научных обществ.

«Ты собираешься, вопреки всему, добыть денег на заветное дело, ждешь сочувствия и надеешься на общественную подписку. И вместо помощи всюду встречаешь штыки. Травит большинство газет; в твоё дело вмешалась политика. Ты уже не хозяин его! Победишь не ты, а политическое течение, которое сумеет лучше обратить твоё дело в собственную пользу. Дело больше от тебя не зависит».

Седов хватался за голову.

«Ты открыл шлюз, чтобы направить поток в приготовленное русло. Но поток подхватил тебя и несёт...»

Националисты поняли, что ход их разгадан. Было решено всем лидерам из комитета выйти. Так обстояло дело в половине июня.

На Кривой Косе газет не читали. Старики Седовы не знали, какой знаменитостью стал их сын.

В Петров день, после обедни, они встретили на пристани помещика Фролова. Остановил их поговорить. Спросил, что пишет сын, как идут дела с его экспедицией.

— Разве не знаете? Во всех газетах пишут!

Вскоре пришло письмо и от Егора. Он слал всем поклон и сообщал о каком-то большом затеянном деле — про него думал всю жизнь. Придется уехать на год или на два. Если выберет время, обязательно приедет домой повидаться перед долгой разлукой.

Егор приехал в июле на несколько дней.

Наталья Степановна встретила его на пристани. При всех расплакалась от радости. Пришли домой — уронила на пол горшок с молоком, самовар чуть не распаяла.

Когда прошло первое волнение, Наталья Степановна заметила, как изменился «ридный сын». Голова-то совсем лысая. Стал больше походить на Якова. Похудел, посерел и осунулся. Весел и разговорчив по-прежнему, но на душе что-то есть. Не беззаботен, как в прошлый приезд. Бывает, на лице его, соколика, словно хмара набезит... Ненадолго. Встряхнется — и опять ничего... Но материнское сердце разве обманешь!

Пытала Наталья Степановна:

— Як с жинкой живете? Що ж вона нияк до нас не доиде? Мы люди прости. Це мы добре розумием. Ий обиды не буде.

Но сын уверял, что живет с женой хорошо. А что невесел порой — о деле забота долит. Трудно крестьянскому сыну большое дело начинать.

Наталья Степановна начала отпаивать Егора молоком. Брала у соседей яички, сметанку, цыплят. Достала ему любимой кислой капусты. Все расспрашивала, на какую землю он собирается и зачем. Сын отвечал, что едет в этот раз не на землю, а на большой морской лед. Будет искать такое место, где полгода день, полгода ночь, где нет ни запада, ни востока, а во все стороны юг. Это место называется «полюс».

Старуха не поняла, что за место такое на ледяном море и зачем оно людям нужно. Забеспокоилась. Даже в сердце закололо. Когда Егор сказал, что и раньше это место искали, а вернулись немногие,— ушла из хаты, чтоб на виду не расплакаться. Но ни слова не сказала. Не ей сына учить!

Георгий Яковлевич пробыл дома всего три дня.

Когда стали прощаться, Наталья благословила сына, обняла крепко, как никогда, зацеловала старушечьими мягкими поцелуями.

В ту минуту, как стал сын садиться в коляску, не выдержала, расплакалась, заголосила, как по покойнику, схватившись за сыновье колено.

— Ой, ой! Ой, сердце мое, ой, не могу! Та пощо ж ты нас, сизый голубе, покидаешь! Егорушко! Закрыется хмарою мое ясно сонечко, надия наша... На кого будуть дывитися мои стари очи, хто дасть допомогу! Сыночку мий ридный, соколе...

Яков тянул жену за рукав:

— Ну, ну! Схаменысь! Бабы слезы. Люди глядят...

И не замечал, что у самого по желобкам морщин пробралась извилистым ходом и запуталась в бороде тугая мужицкая слеза.

Сын еще раз обнял стариков. И он неясно видел их

сквозь влагу на глазах. Погладил мать по голове, ласково убрал ее руки, сказал:

— Не плачь, мамо! И ты, батько, не плачь. Вернусь, даст Бог! Коли удастся, как задумал,— сделаю для родины великое дело. Люди будут помнить века. И вас не забудут!

Он тронул кучера за рукав. Коляска двинулась.

ГЛАВА XXXIV

ВОПРОС РЕШЕН

В Петербурге все — как при отъезде. Накаленные камни. Асфальтовый чад. Пыльные листья деревьев в садах и скверах. На Васильевском острове немолчный грохот колес по булыжной мостовой. К иностранным пароходам на Неве и в порту днем и ночью подвозили шерсть, лен, кожи, смолу и звонкие болванки красной меди. В кинематографах шли картины с Глупышкиным и Максом Линдером.

Газеты по-прежнему травили экспедицию: новой злобы дня не было. «Новое Время» лениво отругивалось. Седову сказали в редакции, что Балашов и Шульгин уехали надолго. Председатель комитета по снаряжению экспедиции теперь Суворин. Всеми делами ведает новый секретарь комитета — капитан второго ранга Белавенец. Он принимает в редакции по понедельникам и пятницам, а в остальные дни — на дому, Сергиевская, 65. Зовут Петр Иванович.

Георгий Яковлевич отправился по указанному адресу. На звонок вышла горничная, приняла фуражку и провела в богатую гостиную.

Минуту спустя вошел жирный, широкоплечий, подверженный одышке человек в расстегнутом белом кителе и в туфлях. Рубаха тонкого шелка. Туфли турецкие с золотом. Припомаженные волосы на барской холеной лысине лежат очень ровно. На височках следы тонкого гребня. Щеки тщательно выбриты, а кончики нафиксатуренных усов торчат ниточкой.

Белавенец, не пожимая, тронул мягкой ладонью седовскую руку, заговорил резким голосом с гортанными властными нотками:

— Присядьте. Очень хорошо, что зашли. Нам нужно быстро решить некоторые организационные вопросы. Надо поставить все на свое место.

Белавенец откинулся на спинку дивана, взял под руку вышитую подушку и, лизнув по усам, как лисичка, быстро, но внятно заговорил:

— Позвольте известить вас, Георгий Яковлевич, что со вчерашнего дня существует высочайше утвержденный комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и для исследования полярных стран. Комитет теперь официальная организация. Мне удалось провести это дело. По уставу, комитет организует экспедиции, занимается исследованием полярных стран и выявлением их богатств. В частности, он отправляет экспедицию к полюсу. Он снабжает экспедицию всем необходимым, обслуживает ее и после отплытия, использует добытые материалы, публикует отчеты и прочее.

Белавенец приостановил речь на секунду, опять лизнул усы, устроился на диване еще удобнее и продолжал:

— Вчера же состоялось первое заседание высочайше утвержденного комитета. На этом заседании принято решение: первое — организовать экспедицию к полюсу и второе — начальником ее назначить старшего лейтенанта Седова, то есть вас. Таким образом, комитет принял на себя ответственность за все предприятие, на вас же возложил обязанность командовать экспедицией, давать отчет комитету при всяком удобном случае, а по возвращении сдать ему же все материалы. Такова схема организации. Вы уловили? Комитет дает деньги, вы же готовите экспедицию и командуете ею. Короче говоря: мы — здесь, вы — там. Понятна моя мысль?

— Не вполне.

— Я объясню. — В голосе Белавенца металлические ноты зазвучали заметнее. — Существует законно действующая организация с юридическим лицом. Это высочайше утвержденный комитет. Комитет для осуществления своих целей выбирает подходящих людей. В частности, для осуществления экспедиции к полюсу он избирает вас. Теперь понятно?.. Если выразить отношение в юридической форме, комитет является нанимателем, начальник экспедиции — в данном случае вы — лицом нанимаемым... Нет, нет, дорогой!

Белавенец сразу погасил металлические нотки и заговорил совсем добродушно:

— Не торопитесь, пожалуйста, и, ради бога, не оскорбляйтесь! Тут ничего страшного и оскорбительного нет. Я объясню. Сию минуту!

Он снова лизнул усы.

— Просто дело требует одного хозяина. Это же ясно. Что это значит? Прежде всего с вас снимается половина забот. Вы больше не думаете ни о средствах, ни о платежах. Это не ваше дело. Это дело комитета. Вы знаете только свою экспедицию. Разве это плохо?.. Дальше. И вы, и участники экспедиции можете быть совершенно спокойны за свои семьи.

Есть кому подумать о них. Затем, представьте: с экспедицией что-нибудь случилось. На море все возможно! Ей понадобится помощь. Вот тут-то и выступит на сцену комитет. Он позаботится о посылке судна, добьется правительственной помощи... Ну, как же, дорогой!.. Все это яснее ясного.

Так в жизни бывает. Ты ходишь до какого-то времени с открытым сердцем. Ты веришь всем. Во всяком видишь хорошую душу. Но наступает минута — и все изменяется. Это случается после того, как однажды попадешь в западню. С этого времени ты не прежний доверчивый человек. Тебе всюду мерещатся подвохи. Нельзя быть таким! Что ж тут такого, если этот жирный малый — тоже морской офицер и капитан второго ранга? Совсем не обязательно, чтоб все капитаны второго ранга были агентами негласного морского генерального штаба. Нельзя быть таким подозрительным! Этот — делец. Видать птицу по полету, а молодца по хватке. Пальца в рот ему не клади! Но, в конце концов, он говорит вполне разумно. Вот что-то с результатами экспедиции не очень ясно, как их будут использовать... Но это потом. Сначала самое главное.

Георгий Яковлевич спросил:

— Хорошо! Самый существенный вопрос. Гарантирует ли комитет, что экспедиция отправится в этом году?

— Вот! Этого делового вопроса я и ожидал,— удовлетворенно откинулся на спинку Белавенец — Позвольте информировать вас о положении дел.

Он отбросил подушку, потянулся к серебряному портсигару и, закурив папиросу, поправил усы.

— Прежде всего — комитету высочайше разрешена всероссийская подписка на экспедицию к полюсу. Я служу при канцелярии его величества. Мне не составило труда добиться такого разрешения... Хорошо. Вы знаете, что такое всероссийская подписка?.. Это означает: десятки тысяч подписных листов будут разосланы по всем казенным учреждениям, по судам, по волостным правлениям, по управам и участкам, в благотворительные и спортивные общества — всюду. Как же собираются деньги?.. А вот как. Закончился, к примеру, суд. Судья отверг иск или присудил. Он читает приговор и заодно предлагает выигравшей стороне ознаменовать свой успех пожертвованием, вписать фамилию на страницу подписного листа. Разве тут откажешь? Так и везде. Всероссийская подписка дает в общей сумме не меньше десятков тысяч, случается и больше сотни. Комитет для помощи поморам собрал сто девяносто три тысячи! Теперь понимаете? Подписка — это капитал. Дело, обеспеченное подпиской, можно финансировать. И его финансируют.

Было жарко. Красное лицо Белавенца налилось, как помидор. Обтирая лицо платком, он продолжал:

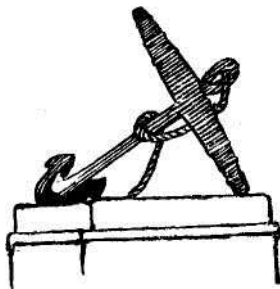
— Дело финансируют. Могу сообщить приятную новость. Наш уважаемый Михаил Алексеевич Суворин уже принял решение открыть кредит экспедиции, дать комитету необходимые суммы, конечно в разумных пределах. Сегодня я получил первые чеки. Вот деловой ответ на ваш вопрос.

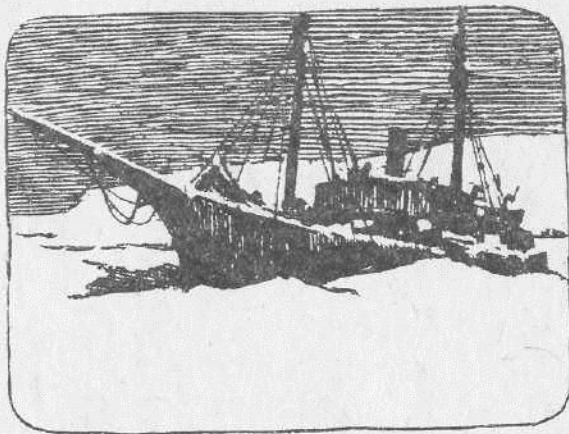
В лицо Седова ударила кровь. Он схватил руку Белавенца и стал ее трясти.

— Ну, ну, — не пожимая руки и стараясь освободиться, бормотал толстяк.— Я тут ни при чем. Просто сумел разъяснить Михаилу Алексеевичу то же самое, что разъяснил и вам. Вот и все... Я тоже рад. Теперь вы покойны?.. Там придется сделать небольшие формальности. Я обещал Михаилу Алексеевичу, кроме подписки, дать гарантию промыслом, который вы, несомненно, привезете с собой, — медвежьими шкурами, — имуществом экспедиции и прочим, а также вообще всеми результатами путешествия...

Это был счастливый день. По изумительному совпадению, в тот же самый день пришло известие, что старшему лейтенанту Седову разрешается отпуск по личным обстоятельствам на один год.

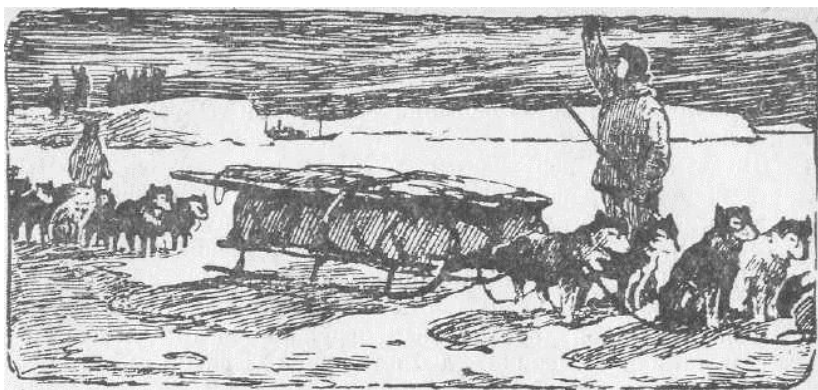
Вечером Георгий Яковлевич разослал телеграммы всем членам экспедиции, просил немедленно прибыть в Петербург, чтобы снаряжаться как можно быстрее.

Часть
ВТОРАЯ

ГЛАВА I В АРХАНГЕЛЬСКЕ

В середине июля весь состав экспедиции собрался в Петербурге. Съехались с разных концов: Визе — из глуши Кольского полуострова, Павел Григорьевич — из Ставрополя, художник — с Северной Двины.

Началась горячка. Георгий Яковлевич предоставил каждому из участников экспедиции полную свободу в снаряжении порученного отдела. Визе доставал инструменты и все необходимое для работ по метеорологии и гидрологии, он же подбирал научную библиотеку. Павлов закупал геологическое оборудование — микроскоп, станок для шлифов и реактивы, а также музыкальные инструменты. Художник занялся подбором фото- и киноаппаратуры, добывал оборудование для фотолаборатории, учился искусству киносъемки. Кушаков закупал посуду и все необходимое по хозяйству. Советы Бунге запали ему в голову, и он приобрел полное оборудование биологической лаборатории: микроскопы, лупы, автоклавы, термостаты, множество стеклянной посуды, спирт. В самом деле, нужно заняться наукой. Вот достиг же старый хрен такого положения! Ведь невесть кем Бунге был, когда отправился в первую экспедицию, теперь — тайный советник.

Седов часто ездил в Павловск, где под руководством профессора Дубинского совершенствовался в производстве магнитных наблюдений. Ему нередко сопутствовал Визе.

В конце июля все участники экспедиции переехали в Архангельск.

Двухэтажный деревянный домик в Соломбале, нанятый для экспедиции, ничем не отличался от других. Узнавали его по воротам, на столбах которых имелись грубо вытесанные изображения львов. Домик стоял рядом с двором, где девять лет назад готовилась экспедиция Циглера. Как и тогда, со двора разносился вой и лай множества собак, посаженных на цепь. У гнилой деревянной набережной, в том самом месте, где стояла «Америка», дымил трубой «Святой Фока».

В этом домике пришлось прожить почти месяц. Георгий Яковлевич и Вера Валериановна занимали две комнаты верхнего этажа, в остальных жили Визе, Павлов и Кушаков с супругой. Внизу находились кухня, помещение для команды и кладовая для инструментов. Художник ночевал в городе у родных.

Днем в доме оставались дежурный и повар. Седов целые дни проводил в городе. Он был занят бесконечными переговорами с властями и поставщиками, вел оживленную корреспонденцию с комитетом. Молодежь — Визе, Павлов и Пинегин — носилась по архангельским магазинам и складам в поисках недостающего снаряжения. В разгоне была и команда: принимала грузы на вокзале, в порту и на базаре.

Хотя с деньгами больших заминок не было, подготовка экспедиции шла туго, как на тормозах. Отплытие откладывалось то на неделю, то на два дня, то опять на несколько дней. Давно обрисовались друзья и враги экспедиции. И все же каждый день приходилось Седову узнавать о новом выводе врагов и о странных действиях «друзей».

Препятствия возникали на каждом шагу. Сколько трудов стоило достать радиотелеграфную аппаратуру, отыскать радиста, согласного пойти в экспедицию! В те времена специалистов по радио было очень мало. В конце концов радиста все же нашли в военном флоте, выхлопотали ему отпуск. Но за две недели до выхода экспедиции морское министерство аннулировало этот отпуск. Выписать иностранца? Нет, слишком поздно. Уже погруженную на корабль радиоаппаратуру пришлось выгрузить и оставить на берегу.

Сходясь по вечерам в соломбальском домике, Седов и его товарищи делились результатами дневных хлопот. Художник рассказывал про посещение лавки купца-грамотея, торговца гвоздями. Осилив по складам фельетон местных «Архангельских ведомостей» о ненормальной спешке в снаряжении

Г. Я. Седов. Архангельск. 1912 г.

экспедиции, купец, отвешивая гвозди, счёл нужным прочитать нотацию:

— Поздненько, поздненько собрались молодчики, гвозди-то покупать. Вот, говорят, Нансен за два года гвозди для экспедиции заказывать начал, а вы за два дня спохватились. Да ещё говорите, что дорого!

Георгий Яковлевич смеялся, но на душе скребло. Все жаловались на тупость и косность чиновников, непоборимый бюрократизм и бездушие.

Таможня заставляла пройти всю сложную процедуру отправления судна в заграничное плавание, требовала документы на предметы иностранного происхождения. Прибывшее из-за границы снаряжение было обложено невероятными пошлинами. Чиновники подвели пошлину на нансеновские сани под параграф налога, где значатся роскошные кареты и экипажи. Посланную вместе с лопарскими башмаками-финесками траву «сеннегрес» — обыкновенную норвежскую осоку для стелек в меховую обувь — требовали оплатить налогом, предусмотренным для дорогих лекарственных трав. Приходилось рассылать телеграммы в Главное управление таможенных сборов и в комитет.

А в это время назревал новый конфликт. На «Фоку» явился таможенный чиновник и предложил опечатать все предметы иностранного происхождения и среди них научные инструменты. При этом предупреждал: сорвете пломбы — при возвращении придется платить за них новую пошлину.

Выплыли на свет какие-то акцизные сборы.

Управление порта не выпускало на этот раз «Святого Фоку» без каких-то документов, хотя он плавал десятки лет и этих документов на борту никогда не бывало. Отказывали выпустить без указания порта, зарегистрированного в официальном списке.

— Укажите порт назначения, иначе не выпустим!

Требовали взять законный запас пресной воды, а когда загруженный «Фока» сел ниже ватерлинии, потребовали снять часть груза.

— Осадка судна незаконна. Сгрузите провизию! Ее у вас излишек против нормы.

Заставили Седова набрать многочисленную команду, совершенно излишнюю в предстоящем плавании. При этом требовали свидетельства о политической благонадежности.

Пока Седов сражался с портовыми властями, приходилось штопать прорехи спешного снаряжения. В последние минуты доставали кислую капусту и хрен, собак, гвозди, олово, пистоны для ружей, фуфайки, башлыки и перчатки, брезенты, смолу, тросы, сухари и шоколад. Все, кроме Павла Григорьевича, осунулись от непрерывной хлопотливой беготни.

Потом пришлось дожидаться страхового агента из Петербурга, который должен был застраховать жизнь всех участников экспедиции. Седов обратился в комитет с просьбой нанять сопровождающее судно с углем или послать вспомогательное судно на Землю Франца-Иосифа. Взять достаточный запас

угля на перегруженного «Фоку» было невозможно. В этой просьбе комитет, однако, отказал.

От комитета стали приходиться странные телеграммы. Казалось, там больше всего заботились, как бы Седов не ушел без письменного обязательства сдать комитету промысел и все добытое во время экспедиции.

Владелец, он же и капитан «Фоки», Дикин искал предлог затянуть выход экспедиции. А если она не отправится 28 августа, он, по условиям договора, должен был получить задаток и неустойку, превышающую сумму, которую он получил бы за фрахт. Дикин прислал письмо, в котором извещал, что кредиторы накладывают на судно арест. Другого выхода, как заплатить все долги владельца, не оставалось. Седов послал отчаянную телеграмму в комитет. В ответ он получил совет покончить дело миром вместе с напоминанием о необходимости отдать приказ по экспедиции, согласно которому все добытое во время экспедиции принадлежит комитету. Только после того как комитет получил копию приказа, деньги были высланы, и арест с судна снят. Тогда же владелец «Фоки» сделал последний ход: за три дня до договорного срока отказался вести судно и рассчитал всю команду. Он знал, что набор новой команды и оформление ее в порту займет почти неделю, Но Седов покончил с этим делом в один день.

26 августа члены экспедиции переселились на «Фоку». К шести часам вечера все были в сборе. Не хватало только Седова, задержавшегося на берегу. Наконец, Георгий Яковлевич показался у ворот со львами, бегом приблизился к берегу и легко прыгнул на палубу. Как всегда, он был подтянут, бодр и весел, хотя две последние сумбурные недели совсем согнали с лица живую краску, оно посерело и осунулось. Вбежав по трапу на мостик, он сразу сделался серьезным. Осмотревшись, взялся за проволоку гудка и потянул ее книзу.

С сипеньем и хрипом вырвался пар, далеко разнесся рев старого зверобойного судна. Громко, словно смакуя возможность отдать первую команду, во всю ширину груди Седов отчеканил привычные слова предотходного морского приказа:

— А-а-а-атдать носовые!

Звонок машинным телеграфом, стрелка поставлена на «малый». «Святой Фока» дрогнул и послушно стал отходить от берега. За кормой показалась желтая пена, со дна всплыли гнилые щепки. Развернув «Фоку» против течения, Седов направил его к городской пристани.

Неужели пошли? Неужели завтра этот неуклюжий ветеран даст прощальный гудок собравшимся на проводы? Не верится.

Может быть, еще сегодня ждет какой-нибудь новый сюрприз. Слишком много получилось шуму, слишком много врагов разбудил этот шум.

Тихоход «Фока» подошел к городской пристани часа через три. С трудом преодолевая течение реки, усиленное начавшимся отливом, он полз со скоростью двух километров в час. Когда судно добралось, наконец, до города, на набережной собралось сотни полторы зевак. Глазая на медленное приближение тяжело загруженного корабля, они на разные лады громко острили:

— Эх, полярные путешественники! Им до Белого моря в три месяца не доплыть!

— А что им не плыть-то? Куда торопиться! Жалованье, говорят, вперед за год получили; поплавают недельки две — и вернутся. Стрикулисты!

— Гляди, гляди, развалится ваша корзина!

— Господа, смотрите, ледовитоокеанский пакетбот! Прямой рейс к Северному полюсу!

— Им не к полюсу гулять, а в полагуньях из-за Двины молоко возить.

— Не доведут! Прокиснет, пока корабль до берега дойдет. На борту «Фоки» царило угрюмое молчание. Седов сам стоял за рулем и правил в тесноте между судами. Вывернувшись под кормой какого-то парусника, он ловко стал у пристани, хотя изрядно толкнул ее, даже кранец сломался.

Судя по выходкам бездельников, шатавшихся по пристани, можно было думать, что «Фока» отплывет под такие же насмешки. Но этого не случилось.

С утра 27 августа народ толпился на пристани. Говор заглушал лай и вой собак в клетках, стоявших на спардеке «Фоки». К двенадцати часам всю набережную заполнила толпа. Из собора показалась процессия священников во главе с архиереем. Приехал в коляске вице-губернатор. Начался молебен. Суетливые фотографы снимали со всех сторон вице-губернатора, Седова и группу членов экспедиции, стоявших позади отдельной кучкой. В пение церковного хора влетались парходные гудки и стрекот двух киноаппаратов. Кинооператоры — испанец Серрано и художник Николай Васильевич, в течение месяца обучавшийся у него искусству киноъемки.

— Ручку быстрее, быстрее вертите, — горячился испанец. — У вас попа будет бегать, как собако.

Вера Валериановна, в белом парадном платье, со строгим выражением лица принимала поздравления вице-губернатора. Незаметно следила, исполняет ли муж ее наставления, как держать себя в качестве начальника экспедиции. Георгий Яковлевич стоял как на официальном параде.

После молебна Георгий Яковлевич прочел приказ об отплытии экспедиции, о введении морского устава. В приказ была включена и фраза о правах комитета на все материалы экспедиции. Открыли бутылки с шампанским, наполнили бокалы. Вице-губернатор пожелал счастливого пути и достижения полюса. Заиграл оркестр.

Все это торжество было устроено против желания Георгия Яковлевича, по настоянию комитета. Седов предполагал отплыть из Соломбалы незаметно. Но комитет и «Новое Время» настаивали на торжестве, ради красочного описания его и демонстрации в кинематографах.

Около трех часов «Фока» отвалил от пристани и на буксире портового пароходика двинулся вниз по Двине. Играла музыка, неслись приветственные крики с пристани и с берегов. Какое-то поморское суденышко усердно салютовало из своей пушечки. Город уплывал назад, а с судов, стоявших на якоре, неслись приветы расцветченному флагам «Фоке».

В самом устье Двины, за баром, «Фока» стал на якорь. Здесь приняли с баржи остатки груза.

Утром 28 августа на портовом пароходике отбыли все близкие участники экспедиции. Георгий Яковлевич стоял, прислонившись к поручням, и смотрел в сторону уходящего пароходика. На минуту обернувшись, отдал команду поднять якорь. Пароходик превращался в маленькую точку. Георгий Яковлевич оторвал руки от поручней, закусил губу. Резко повернувшись, он быстрым шагом прошел к трапу и спустился в свою каюту.

ГЛАВА II

В ШИРОКОМ МОРЕ

Через три часа Георгий Яковлевич взошел на капитанский мостик сменить штурмана Сахарова. Ударил скляночный колокол. Медленно двигался перегруженный «Фока». На бледном небе тонкая паутина синеватых облаков. Море тихо. Далеко за кормой видна стрела слабых волн от бортов. На широком горизонте тонкие полосы ряби и паруса поморских шхун, почти стоящих на месте.

Привычными словами передал штурман капитанскую вахту:

— Курс норд, двадцать шесть к весту. Прошли недавно траверз Зимнегорского. Воды в трюме двенадцать дюймов. Ну, счастливо!

Приятно все — и привычные слова при сдаче вахты, и двойные удары скляночного колокола, и морская спокойная гладь. Чувствуешь ее как после бури. В самом деле, буря и была, даром

что на сухом берегу. Ее всю жизнь не забудешь. Казалось, все погибло. Нет, выгреб! Теперь идешь на желанный север до самого края. Все отрезано, все концы отданы, все осталось позади. Тому отдана половина жизни. Теперь впереди вторая. Назад не оглядываться! Началось настоящее дело.

К вечеру первого дня на «Святом Фоке» наладилась размеренная судовая жизнь. Но даже при первом взгляде на палубу видно, что в особенное плавание отправился корабль. На палубе и капитанском мостике необычный груз, всюду клетки, как в зверинце. Из клеток вой и лай восьмидесяти собак. К вантам принайтовлены черные лодочки — каяки — и низкие прочные нарты. На мостике — будка с метеорологическими инструментами, на корме — лебедки для измерения морских глубин. С инструментами в будке и лотом возится молодой ученый Владимир Юльевич Визе. Обучает порядку производства метеорологических и гидрологических наблюдений художника, геолога и доктора. По приказу Седова, географ, геолог, художник и доктор начали нести морские дежурства. Вначале они были практикантами при Седове, капитане и штурмане, вели все наблюдения над погодой, заносили события своих дежурств в судовой журнал и следили за прокладкой курсов. Первые дни новоиспеченные вахтенные начальники ходили по мостику с видом настоящих морских волков. Георгий Яковлевич посмеивался в ус: «Посмотрим, посмотрим, что будет в первый шторм».

Долго ждать не пришлось. На другой день, 30 августа, в горле Белого моря подул навстречу свежий ветер. Двое, Кушаков и Павлов, сразу вышли из строя. Впрочем, и из матросов чуть не половина укачалась, хотя ветер не дошел еще до силы шторма. Георгий Яковлевич с тревогой заметил, что «Фока» с его высоким рангоутом и слабой машиной, почти остановился и стал плохо слушаться руля. Пробовали поставить паруса и двигаться вперед ломаным курсом. Не тут-то было! Волны с силой ударяли в корпус и выбивали конопатку, усилилась течь. При сильной качке разбилась в трюме бочка машинного масла. Вода с маслом и трюмным мусором засорила паровой насос — донку. В трюме сразу скопилось около сорока дюймов воды.

Нет, не на такой посудине бороться со встречным ветром. Георгий Яковлевич решил переждать его где-нибудь под берегом. Спрятался в заливчике у Трех Островов.

Стоянка у Трех Островов беспокойна. Едва ветер стал потише, пошли к Городецкому маяку. Там занялись чисткой помп, конопаткой верхней части борта, съездили на маяк за бочкой машинного масла вместо разбитой.

— Эх, идут дни золотые! — твердил штурман Максимыч. — Время-то не к Петрову, а к Покрову. Недолго осталось плавать нам.

Г. Я. Седов на капитанском мостике. 1912 г.

1 сентября подул попутный ветерок. «Фока» оторвался, наконец, от берега. Седов решил на пути к Земле Франца-Иосифа зайти на Новую Землю, в Крестовую губу. Управление порта заставило взять лишних пять матросов. Их нужно было списать на берег. В населенное место на Мурмане Георгий Яковлевич боялся зайти: там есть телеграф.

До Новой Земли плыли три дня по спокойному и пустынному морю. Научная работа пошла полным ходом. Каждую четверть часа делали промеры лотом Клаузена, каждый час определяли соленость морской воды, ее температуру и цвет, каждые четыре часа — метеорологические наблюдения. Георгий Яковлевич с удовольствием замечал, как быстро заполняются научные журналы.

Полуденные астрономические наблюдения делали в два секстана Седов и Визе.

В ночь на 5 сентября погода резко изменилась. Опять подул встречный ветер, опять слабая машина не выгребала, и «Святой Фока» перестал слушаться руля. Георгий Яковлевич решил не тратить уголь, а переждать ветер в ближайшей бухте. Зашли в Белую губу в южной части Новой Земли. Стояли меньше суток. К следующему утру ветер стих, выглянуло солнце, и после недолгой тишины подул хороший ровный ветер с востока. Он наполнил все паруса, и «Фока», слегка склонившись на бок, стал разрезать форштевнем зеленатоватые волны.

Под вечер того же дня Седов заметил облако, висевшее без движения, несмотря на сильный ветер, над одной из белых вершин горной цепи Новой Земли. После летовки в Крестовой губе Седов хорошо знал, что предвещает появление таких облаков. Оно указывало на приближавшийся веток, или новоземельскую бору, — жестокий шторм, доходящий до силы урагана. Уходя с вахты, Георгий Яковлевич приказал крепко задрать люки и надежнее укрепить весь палубный груз.

Веток начался с утра и длился больше суток. Одновременно штормовая погода охватила все Баренцево море и Норвежское.

«Шторм был жестокий, даже страшный,— писал Георгий Яковлевич с Новой Земли жене.— Мы были от берега милях в 15, но приблизиться к нему не могли. Ветер был норд-остовый, встречный. Пошли против ветра на лавировку. Мало-помалу нас отбрасывало от берега все дальше, волна становилась крупнее. Наступила темная ночь. Что делать? Команду наполовину укачало. Судно дает большую течь. Часть воды попадает на палубу. Сначала хотел спуститься по ветру к Шпицбергену, потом решил бороться, пробиваться к берегу.

«Фоку» буквально всего покрывало водой. Я весь мокрый на мостике. Холод, снег бьет в лицо. Я твердо решил не сдаваться, пока не пробьюсь к берегу. «Фока» вел себя геройски...»

Шторм случился 8 сентября. На следующий день «Фока» при умеренном ветре быстро дошел до Крестовой губы и остановился поблизости от лагеря экспедиции 1910 года. Георгий Яковлевич опасался, что ужасная качка могла нарушить правильный ход хронометров. Поэтому он счел необходимым получить точное время на своем астрономическом пункте. После наблюдений «Фока» перешел к колонии и стал на якорь против нее.

Седов не предполагал задерживаться в Крестовой губе. Списать на берег пять лишних матросов из команды, испечь в колонии свежего хлеба — вот и все. Но неожиданно пришлось остаться на двое суток. Капитан Захаров, подходя к колонии, не учел нажимного ветра и посадил судно на мелкое место. Почти сутки не могли сняться с мели.

12 сентября распрощались с последним населенным местом. Не успел «Фока» выйти из залива, как поднялся шторм. Пришлось снова прятаться под берегом небольшого каменистого острова Врангеля. К утру следующего дня ветер стих. Пошли на север. Георгий Яковлевич решил идти вдоль Новой Земли пока будет возможно.

Льды встретились около семьдесят шестого градуса. Здесь они примыкали почти к самому берегу Новой Земли. Боясь попасть в мешок, Георгий Яковлевич решил пройти вдоль края льдов на запад. Все плававшие к Земле Франца-Иосифа находили наиболее проходимый лед западнее сорок пятого — сорок шестого меридиана. На следующий день «Святой Фока» вошел впервые в лед.

ИЗ ДНЕВНИКА ХУДОЖНИКА

«13 сентября. Мы во льдах. Весь вчерашний день шли вдоль кромки льда прямо на запад. Ночью кромка стала очень круто заворачивать на юг. Седов вошел в лед, чтобы не попасть в Архангельск. До сегодняшнего утра двигались на север знатно. Лед «парусный», легкопроходимый. Паруса не роняем и режем тонкие пластины льда, как корку зрелого арбуза.

Рассвет застал нас далеко от чистого моря.

Вечером. Идем узкими каналами. Если смотреть на лед с мостика, кажется, будто кто-то начертил чернилами линии по всем направлениям и понаставил клякс на перекрестках. Линии — это каналы, а кляксы чернильной воды — полыньи. Из наблюдательной бочки на фок-мачте белая площадь кажется шире, но получает еще более сходства с исчерканной бумагой.

Вид пути мало утешителен. На севере и востоке одинаково светлое «ледяное небо», а на западе и северо-западе малые клочки синих пятен «водяного неба» — отражения далеких полыней и каналов.

Надежды через несколько дней увидеть Землю Франца-Иосифа начинают таять. Но падать духом еще рано. Пусть время года позднее, пусть Пайер и Вейпрехт на «Тегетгофе» вмерзли в лед в это же самое время, — пока перед нами разбитый лед, нужно пробиваться до крайности.

«Фока» движется ходом ужа, проползая в самые узкие каналы и щели, поворачивается сразу на сто восемьдесят градусов, бьет, колет и режет — он в своей стихии. Мы «Фокой» восхищаемся — вот настоящее ледовое судно! У него есть свои «маленькие недостатки» — ветхость и солидная течь. Но их можно простить, взглянув, как он слушается руля в густом льду. Румпель вертится тогда то в одну, то в другую сторону, не переставая, как колесо хорошей самопрялки.

— Право на борт! — несется с вант команда Седова. Не успел румпель остановиться — новая команда:

— Лево на борт! Так держать!

— Есть так держать!

Мы делаем невероятную извилину и проходим там, где, казалось, неминуемо должны были застрять. Удары о лед с полного хода для нашего корабля — пустяки.

Рядом с моей каютой помещаются два механика — братья Зандер. После вахты слышал сквозь тонкую переборку сердитый диалог:

— Мартын, иди, иди, тебе говорю!

— Да мне еще рано на вахту.

— Иди! Я больше не могу! Не могу я больше! (Это задыхался старший из Зандеров — тучный Иван.)

— Иван...

— Я сорок восемь лет Иван. Не могу я крутить эту чёртову мельницу. Что за служба такая! На настоящем пароходе дашь пар и сидишь, а тут ни минутки покоя. Звон в машине, как в пасху. Только дашь ход — «стоп». Не успеешь остановиться — «полный вперед»! Потом — «полный назад». Опять — «вперед малый»... Опять — «назад полный»... Ведь это машина, а не заводная игрушка! Где же это видно, чтоб судном об лед колотить. Тут вахту через час нужно менять. Маховое колесо у кулисы — четыре пудика. Это не ручка от кофейной мельницы! Да и ту не по четыре часа крутят... Иди!

Целый день «Фока» двигался ломаными курсами по приблизительному направлению на северо-запад. Вечером пришлось остановиться. В сумерках трудно оценивать качество льда. Прикрепились к льдине «ледяным якорем» и заночевали.

Золотым освещением согреты сумерки. Контраст горячих красок на небе и лиловых пластов льда поразителен. Отдельные причудливо изваянные льдины останавливают взгляд.

Ничего, кроме льда, неба, моря и воздуха, прозрачного, как роса. Ни чаек, к которым уже успели привыкнуть, ни даже тюленей. Изредка лед приходит в движение. С тихим шуршанием наползают тогда льдины одна на другую...

16 сентября. В четыре часа я поднялся на мостик сменить Павлова. За ночь «Фока» вмерз посреди полыньи в новый, быстро образующийся лед. Тронулись, прорезая лед, как ледокол. Немного погода подул ветерок, замёрзшие каналы и полыньи начали очищаться, мы подняли паруса. Но это плохие помощники во льдах такого свойства. Двигались мы очень плохо. Лед сильно изменился, его характер совсем не тот, что раньше. Похоже, что это не лед Баренцова моря, а иной, вероятно, принесенный с севера Карского моря. Может быть, нам следовало еще с утра повернуть обратно и попытаться пробиться

на север где-нибудь в другом месте. Но Седов не хотел отступать, пока из наблюдательной бочки виднелись каналы. Через несколько часов и эти последние полосы воды стали выклиниваться. Седов еще раз поднялся в бочку. Спустился из нее по вантам молча, мрачный.

— Тут нужно собак запрягать, ехать на санях, а не на пароходе плыть!

Мы повернули на юг.

К полудню «Фока» выбрался из мощных торосистых льдов и оказался среди разбитых ледяных полей. Огибая по каналу открытой воды скопление сжатого льда, Георгий Яковлевич заметил вдаль на высоком торосе желтое пятнышко и поднес к глазам бинокль.

— Медведь!

Он стоял на высоком торосе, не обнаруживая никакой боязни.

Старательно принохивался, желая уловить запах странного предмета, повстречавшегося на плавучем льду. Когда Георгий Яковлевич направил судно в сторону зверя, его заметил и вахтенный на баке.

— Медведь! — закричал он во все горло.

Поднялась суматоха. И вахтенные, и отдыхавшие после вахты столпились на баке. Седов живо сбегал за винтовкой. С винтовками же выскочили штурман, я и Кушаков. Медведь стоял, покачиваясь и поворачивая голову на длинной шее. Вероятно, к нему можно было бы подойти вплотную. Но стрелков трепала охотничья лихорадка. Кто-то не выдержал — и поднялась беспорядочная стрельба. Никто не успел еще пристрелять винтовок. Все же чья-то шальная пуля попала. Медведь осел. Спустя минуту, получив еще пулю, он свалился с тороса и остался лежать без движения.

— Будет, не стреляйте! Шкуру испортим,— закричал Седов и, бросив винтовку, в одну минуту, с веревкой в руках, спустился по штормтрапу на первую попавшуюся льдину и побежал к медведю.

Огибая широкие разводья и перепрыгивая узкие, наполненные мелким льдом и шугой, легко перебегая, как в детстве, «по крыгам», Георгий Яковлевич быстро приближался к лежавшему зверю. Вся команда с изумлением смотрела, как смело движется по плавучему льду начальник.

И вдруг «убитый» медведь поднялся на ноги. Седов, убежав с одной веревкой, то приближался к зверю, то отскакивал. Трудно было разобрать, кто за кем охотится.

В моей винтовке оставалась еще пара патронов. В азарте я прыгнул за борт и, провалившись несколько раз сквозь рыхлый снег, мокрый по пояс, догнал, наконец, безоружного Седова

Положение его несколько улучшилось. Зверь бросился в воду и плавал в нешироком канале. Иногда он свирепо рычал, направлялся в сторону Седова, но каждый раз встречал ловко брошенный конец веревки. Медведь медленно со злым шипеньем отплывал. Я поднял винтовку, чтобы его прикончить. Заметив, что у меня есть с собой аппарат, Седов закричал: — Снимите его, снимите этого чёрта!

Зверь был исключительно велик. Когда, оскалив зубы, он поворачивался и высоко поднимал из воды могучую голову, она казалась чудовищной. Пока я снимал и прятал футляр, зверь плыл вдоль по каналу. Потом движения его замедлились. Он доплыл до небольшой льдины и скрылся за ней. Когда охотники подбежали, зверя не было. Видимо, медведь из последних сил нырнул под лед и там издох. Так неудачно окончилась первая охота на медведя.

17 с е н т я б р я . Следующий день судно все время шло к югу. Георгий Яковлевич за эти три дня оценил «Фоку» по-настоящему. Если бы не течь, которую легко можно было бы уничтожить после осмотра в сухом доке, судна лучше не найти. Какой шторм перенес корабль тогда у Новой Земли! А как работает во льду этот старичок! Как слушается руля, как берет ледяные перемычки! Врезается с полного хода, лезет на полкорпуса, режет бронированным носом и давит весом, как настоящий ледокол.

Ближе к вечеру показалась на небе синь — «водяное небо над открытой водой».

Вечером «Фока» освободился из льдов, а к ночи мы увидели Новую Землю. Седов решил воспользоваться свободным фарватером, виденным у ее берегов, чтобы пробиться возможно дальше на север. Он провел «Фоку» мимо острова Вильяма в пролив между островами Берха и Личутина и укрылся там ото льдов, подошедших к берегу.

18 с е н т я б р я . Ранним утром направились вдоль берегов Новой Земли. Берег к северу от губы Архангельской — почти сплошная стена льда. Он спускается с ледникового щита Новой Земли и обрывается в море стенами в сорок-пятьдесят метров высотой. В течение трех часов «Фока» плыл вдоль голубой ледяной стены. Георгий Яковлевич рассчитывал пройти значившимся на картах проливом между островами Панкратьева. При этом выяснилось, что ближайший к берегу остров есть на самом деле полуостров. Исправив на карте очертания берега и острова, Седов стал огибать полуостров, в надежде пройти между ним и островом. Однако пролив оказался непроходимым из-за небольшой глубины. Пришлось повернуть, чтобы обойти остров Панкратьева с моря. Минут через десять после поворота «Фока» сел на мель».

КАК СЛОЖИЛИСЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

На мель налетели совсем неожиданно. Почти одновременно с выкриком матроса, измерявшего глубину: «Тридцать пронесло!», «Фока» вздрогнул всем корпусом, качнулись верхушки мачт, заскрежетал грунт под днищем, и судно остановилось.

Измерили глубину вокруг всего судна. Под кормой она оказалась больше, но нос плотно сидел на каменистой банке, там было всего одиннадцать футов. Георгий Яковлевич не придавал большого значения этому событию. Погода тихая, грунт на банке ровный, сели почти на самой малой воде. Нужно облегчить нос, завести якорь, и во время прилива судно соскользнет с банки на глубину.

Он поручил капитану руководство работами по съёмке с мели, а сам решил съездить на берег Панкратьевского острова и определить астрономически его положение. Это было необходимо, чтобы точно положить на карту опасное место в проливе. Отправились на маленькой шлюпке Седов, Визе и Томиссар.

До берега около трех миль. Часа через полтора пристали к невысокому каменистому мысу. Над ним возвышалось ровное плоскогорье острова. На берегу было очень много плавника, виднелись следы песцов и белых медведей. Небо начинало покрываться облаками, но они не помешали взять высоты солнца.

Хотя манило побродить по острову, Георгий Яковлевич удержался от искушения. Поднимался ветерок с юго-юго-запада. Пока укладывали инструменты и шли к шлюпке, ветер усилился. Но гребцы — Визе и Юган — хорошо справлялись, шлюпка подвигалась вперед. До судна осталось не больше мили, когда налетел первый шквалистый порыв. Шлюпка остановилась.

Капитан распорядился отправить на помощь большой баркас с девятью гребцами. В это самое время на горизонте показались льды, которые двигались в пролив.

Сила ветра все нарастала. Когда баркас взял шлюпку на буксир, оказалось, что и одиннадцать пар рук бессильны против штормового ветра. Между тем льды грозной и плотной массой подходили ближе и ближе. С «Фоки» выбросили на длинном тросе буюк, но он не успел доплыть до баркаса и шлюпки. Льды окружили «Фоку». Несколько минут спустя лед подхватил шлюпки и понес куда-то в пролив.

Наступила ночь. В сгустившейся темноте скоро скрылись силуэты шлюпок. Пять человек, оставшихся на «Фоке», с тревогой

смотрели в сторону пролива, где исчезли товарищи, унесенные льдом неведомо куда, без провизии, одетые в летние пиджачки, чтобы было легче грести. На «Фоке» повесили на мачте фонарь — все, что можно было сделать.

Вскоре шлюпка ударилась бортом о торос, повернулась, тотчас же с другого борта ударила вторая льдина. Не прошло и трех минут, как шлюпка оказалась крепко зажатой во льдах. Тонкий фалинь от шлюпки на буксире порвало, как нитку; шлюпку понесло отдельно от баркаса.

Не оставалось иного, как вытащить шлюпку и баркас на льдину, чтоб их не раздавило. Пока возились с тяжелым баркасом, маленькую шлюпку отнесло и зажало во льдах.

Георгий Яковлевич и Юган, прыгая с льдины на льдину, пробрались к шлюпке и вытащили ее.

Когда Седов вернулся к команде, легко одетые матросы с посиневшими лицами жались к баркасу, стараясь за его бортом найти укрытие от пронизывающего ледяного ветра.

«Ладно! Шлюпки спасены. Лед, кажется, тише пошел. Наверное, дальше не унесет,— подумал Седов. — Теперь надо команду подбодрить».

— Как будто слегка прохладно становится. Как, Юган, небось хорошо бы у огонька погреться... Не вредно, как ты думаешь?

— Чего бы лучше, да вот печку с собой не захватили.

— Без печки обойдемся. Спички есть у кого-нибудь? Георгий Яковлевич достал из баркаса два запасных весла и велел Югану ломать их о торос. Скоро под бортом баркаса разгорелся костер. Зажарили утку, убитую днем Георгием Яковлевичем. Не евшие с утра Седов, Визе и Томиссар поделили эту утку. Костер догорел. К этому времени лед забил мелководную узость пролива и остановился. Когда он несколько сплотился, команда под предводительством Георгия Яковлевича направилась к судну. Узкие разводья, по примеру Седова, перепрыгивали, через широкие переправлялись при помощи доски, взятой из баркаса, подтягивая к себе льдины багром. Около полуночи добрались до судна.

В четыре часа Седов поднял всех на ноги, объявил аврал. Ветер несколько ослабел, но все же дул крепко. Начали с того, что выбросили, по приказанию Седова, дом, лежавший на палубе в разобранном виде. Затем стали перегружать уголь в бункера и освободить трюм, перенеся все грузы на корму, чтоб облегчить носовую часть судна. Георгий Яковлевич вместе с другими таскал тяжелые ящики, а вместо передышки помогал штурману чинить штуртрос, порванный вчера во время напора льдов.

К вечеру ветер стал стихать, пошел густой снег. Он покрыл

все снасти и палубу с наваленными на нее в беспорядке ящиками. На последней имевшейся шлюпке завезли шестидесятипудовый якорь, тянулись к нему паровой лебедкой, ставили паруса — ничто не помогало. Почти до полуночи работали не покладая рук. «Фока» стоял, как пригвожденный. Якорь скользил по каменистому дну. Попробовали завезти его на огромную льдину, тоже стоявшую на мели. Но вместо того, чтоб помочь, она подошла к судну во время полной воды и стала колотить в борт. Поздним вечером Седов прекратил все работы до следующей полной воды. Все отправились спать, кроме очередной вахты.

Ночь выдалась тревожная. Правда, ветер затих, но с моря подошла крупная зыбь. Находившиеся рядом с «Фокой» крупные льдины стали с силой ударять в его борта. Несомненно, другое, менее прочно построенное судно быстро получило бы пробоину. Но на дубовых метровой толщины бортах «Фоки» не оставалось даже заметных следов. Георгий Яковлевич постоянно выбегал наверх взглянуть, не грозит ли корпусу опасность. Нет. Ударами льдин отрывало только небольшие щепы наружной ледовой обшивки. Все же он распорядился повесить на борта защиту в виде ряда кранцев из бревен. — Обшивка еще нам пригодится!

Дело изменилось, когда подошла гигантская льдина и принялась бить ниже ватерлинии с силой, достаточной, чтоб сдвинуть с места скалу. Бить ритмически, настойчиво и упорно. Но что мог предпринять Георгий Яковлевич, кроме тех же подвесов из бревен!

Эта бурная ночь осталась в памяти у всех. Седов ясно сознавал опасность положения. Показавшаяся сперва пустяком посадка на мель осложнилась появлением льдов. Надо во что бы то ни стало сойти с мели! Все принятые меры для облегчения корабля не помогли. Можно еще сгрузить тяжелые ящики на лед, но команда крайне утомлена. В таком положении лучше отдохнуть, чтобы потом приняться за дело с новой силой. Он высказал эту мысль художнику, принявшему ночное дежурство, сошел в каюту и сразу уснул.

Художник стоял на мостике и думал о зависимости человека от стихии и о том, как море закаляет характеры. Вот это судно находится в опаснейшем положении, на нем нет даже шлюпок. Улучшить положение нет средств. И что же — все отправились спать! Спят чутко. Если их разбудят, встанут, будут делать все, что прикажут, что нужно; они готовы ко всему. Примутся, как муравьи, за спасение щепки, на которой пришли сюда, на которой живут, с которой связаны все их надежды на будущее, надежды на жизнь. И опасность закаляет их мужество.

Не так думал Кушаков, единственный из свободных от вахты, не сомкнувший глаз в эту ночь. Страшные удары льдины в борт недалеко от его каюты не давали уснуть. Впервые Павел Григорьевич начал думать, что его обмануло чутье. Было страшно тогда, вблизи Сухого Носа. Живо вспомнилось, с какой ужасной силой метало судно, как скрипели все суставы старого «Фоки», как что-то грохотало в глубине трюма. В снастях стоял тогда непрекращавшийся вой, слышался рев потоков воды, вливавшихся в недра корабля. И это ужасное ощущение, когда взглянешь в иллюминатор... Он погружается в волну. Секунда, другая, глубже и глубже, в каюте все зеленеет, темнеет все больше. Неужели конец?.. Вскваливал несколько раз с койки, чтобы спастись. Но сразу же ложился, понимал: если судно потонет, спасения нет. Был почти без сознания от ужасных приступов морской болезни. Все становилось безразлично от чувства тошноты, головной боли и пустоты во всем теле. Но то была стихия, Божье ниспослание. Человек не властен над ней. Можно молиться творцу и Николаю-угоднику, в руци Божии отдать свою жизнь.

Но теперь, с ясной головой, Павел Григорьевич прекрасно понимал положение. Гибель неминуема. Разве может судно долго противостоять таким ужасным ударам! Они скалу пробьют... Нужно все-таки помолиться. Павел Григорьевич пытался создать молитвенное настроение. Но молитва не облегчала чувства противной слабости, неясного сосания под ложечкой. Даже хуже стало ... Кто виноват? Конечно, все он, этот сумасшедший — вот привел Бог связаться! Злоба овладела Павлом Григорьевичем. Даже под ложечкой стало меньше сосать. Он взял дневник. Конечно, мы погибнем. Но, может быть, найдут наши останки, полузатопленного «Фоку» с замерзшими людьми, дневниками... Надо записать в дневник, кто виновник гибели.

Павел Григорьевич достал заветную тетрадку. Вот первые страницы. Как все было хорошо!

«Приехал в Архангельск в дом экспедиции. Поговорил с Георгием Яковлевичем. Осмотрев судно, я выбрал одну из кают, приказал очистить и ключ передать мне».

Вот дальше — пусть знают, какую Седов команду набрал. «Почти все мальчишки, сорванцы и разбойники... Такую характеристику дал бы любой, кто проплавал бы с ними хоть одни сутки... Про матросов скажу, что это какая-то банда... Добрых работников только четыре человека: Кизино, Пищухин, Лебедев и Катарин, и я думаю, что эти люди в критическую минуту будут мне оплотом».

Вот о шторме. Дальше о безумном молодецестве начальника, как он таранил судном лед, как судно все же осталось

целым. Вот начатое описание посадки на мель в Панкратьевском проливе.

Павел Григорьевич взял карандаш и записал: «Худшего положения даже при всем желании создать невозможно, а выхода прямого нет. Надежды на сохранение нашей жизни нет никакой. Уж одна поездка Седова на исследование острова в то время, как судно стояло на мели, была, по моему, одной из грубых и непростительных ошибок. И обидно, когда ошибка одного может стоить жизни всем... Вообще Седов не думает, что делает, и ни с кем не хочет считаться, все делает самостоятельно. Теперь мы все знаем, что он ни с кем не делится своими планами и на все идет очертя голову».

Начал писать о неумении Седова распоряжаться командой:

«Команда работает удивительно хладнокровно и лениво, совсем не считаясь с положением...»

Вдруг послышался резкий звон машинного телеграфа, потом затопали над головой на палубе. У Павла Григорьевича захолонуло сердце. Он торопливо сунул дневник в ящик стола и выбежал на палубу.

Седов был уже там. Он бегал от борта к борту с лотом в руках, и измерял глубину. Сомнения не было — «Фока» сошел с мели. Упрямая льдина столкнула его с банки. Уже светало. Ветер слабел, прояснилось. В туманной мгле белели ближайšie откосы на берегу.

Убедившись, что судно на плаву, Седов приказал поднять всех членов экспедиции и отпустил спать вахтенных матросов. Павла Григорьевича Седов заставил делать промер, остальные заменили матросов на руле, в кочегарке, на лебедке и у якоря. Они сделали все необходимое, чтобы перейти возможно ближе к шлюпкам и встать на якорь. Но поднять тяжелый баркас не хватило сил.

Павел Григорьевич сложил мокрый лотлинь и вытер руки. С приветливой улыбкой подошел к Седову.

— Позвольте вас поздравить. Но каковы у вас матросы, Георгий Яковлевич! Спят на здоровье, а офицеры за них все дело сделали.

Георгий Яковлевич молчал.

Павел Григорьевич вернулся в каюту. Он был растроган. Чудо совершилось. Встал на колени, прочитал молитву: «Благодарю тебя, Создатель». Запер в столике ящик с дневником, опять открыл. Перечитал последние строки. Добавил к характеристике команды: «Все они удивительно равнодушны к судьбе парохода. Иногда приходится работать вместо них». Потом блаженно потянулся, разделся и лег под мягкое, стеганное женой одеяло.

Утром Георгий Яковлевич проснулся от треска в трубах парового отопления. Выглянул в иллюминатор — ясно. Когда открыл дверь на палубу, пахло морозцем. Взглянул на термометр около штурвала — четырнадцать градусов холода. «Фока» стоял в середине полыньи, как ночью, а у края льда. За ночь между судном и шлюпками набило мелкого льду и шуги, мороз сковал эту кашу в одно целое. Георгий Яковлевич с досадой обругал себя за жалость к команде. Надо было тогда же поднять шлюпки. Как теперь до них добраться! Ничего нельзя откладывать до завтра.

С шлюпками пришлось провозиться больше суток. Работали авралом. Еле смерзшийся лед между шлюпками и судном не выдерживал тяжелого баркаса, но для судна был все же непроходим. При попытке тащить баркас по льду проваливались и попадали в ледяную воду и баркас, и люди. Не помогали и подложенные под киль жерди. Вечером люди вернулись мокрые до нитки, а баркас почти не сдвинулся с места. Только на другой день, при помощи длинных канатов и лебедки, измученные люди доставили его на судно. Пока возились с баркасом, лед смерзся крепче. Легкую шлюпку доставили без хлопот.

В эти два дня стояла довольно тихая морозная погода. За островом синело свободное море. Но едва успели водворить шлюпки на место, погода резко переменилась, по небу поползли низкие снеговые тучи. Юго-западный ветер усилился до степени шторма, а в пролив набилось множество льда.

Три дня — пока длился шторм — «Фока» стоял в проливе, окруженный сплоченным льдом.

Утром 25 сентября шторм стих. Целый день, не сходя с мостика, Георгий Яковлевич пробивался через лед. Он не жалел «Фоку», действовал им, как ледоколом. Ломал лед, протискивался из полыньи в полынью. К вечеру прошли полпути до открытой воды. За ночь «Фоку» продвинуло из пролива ближе к берегу Новой Земли. Утром как будто повезло: открылся канал, которым удалось пройти в большую полынью у полуострова Панкратьева. Но из полыньи выхода не оказалось. Пришлось встать на якорь в надежде, что лед передвинется и появится выход.

Но вечером начался страшный шторм со снегом и вьюгой, закрывшей все. Полынью зажало.

Шторм стих через сутки. Прояснилось. Но что оказалось вокруг!

Сплошной, смерзшийся лед закрывал все проливы и бухты. Только на самом горизонте, за Крестовыми островами, милях в пяти чернела полоска воды. Вокруг же — сплоченный наторошенный лед, в котором «Фока» был прочно закован.

ПЕРВЫЕ ДНИ В БУХТЕ «ФОКИ»

Палуба и капитанский мостик под снегом. Снег на планшире, на такелаже. Вокруг бесконечное белое поле смерзшегося льда. Уж много дней мороз не меньше восьми градусов. Неужели зимовка?

Зимовка! Слово это означает почти год жизни здесь, у неведомого берега вновь открытого полуострова. Год жизни! И полтора года ожидания заветного похода к полюсу.

В эти последние, решающие дни Георгий Яковлевич был в большом напряжении, почти не спал. Художник занес в свой дневник:

«1 октября. Седов очень нервничал все это время. И было от чего. Всем стало ясно, что в этом году нечего и думать о Земле Франца-Иосифа.

Как раз в те дни, когда мы были почти безнадежно затерты льдом, у Седова только и разговору было, как мы пойдем к желанной Земле Франца-Иосифа, какой путь выберем между ее островами, где станем на зимовку. Я не узнавал своего рассудительного спутника по летовке 1910 года. И в самом деле, в характере Седова есть много детского. Если он веселится, то всей душой — всем вокруг становится весело. Если что-нибудь не ладится, он настаивает по-детски страстно и упрямо — вынь да положь. Впрочем, быть может, это инстинктивное стремление возбудить энергию в минуты, когда действительно руки опускаются. Не так-то легко отказаться от мечты, рассыпающейся от одного порыва ветра.

На днях, уже тогда, когда «Фока» вмерз в лед окончательно, Седов говорил Визе о планах идти к полюсу отсюда, с Новой Земли. Тактичный Визе промолчал. Только позавчера, за утренним чаем, Георгий Яковлевич произнес в первый раз слово «зимовка». Да и то только на прямой вопрос механика, держать ли котел под паром для отопления. Видно было, как трудно это слово сошло с языка.

Он отметил: «Пар придется выпустить. На зимовке будем согреваться чугунными печками. Если лед вскрыется, пар поднять недолго». Через полчаса он с увлечением отдавал приказания заколачивать люки, заделывать ненужные на зимовке двери, устраивать по-домашнему кают-компанию, достать из трюма пианино. Таков он всегда. В нем нет нерешительности. Он идет напролом, пока не упирается в непреодолимое. Тогда мгновенно, без колебаний, принимает новое решение и с увлечением идет по новому пути...»

С 28 сентября на «Фоке» началась суэта. Устраивали по-зимнему

кают-компанию и каюты. Всюду мусор и стружки из раскупоренных ящиков со снаряжением, стук молотков и хлопанье дверей. Приводили в порядок индивидуальные каюты, прилаживали самодельную мебель и полки в «научные кабинеты» — метеорологический, геологический, фотолабораторию, — проверяли исправность научных приборов. Визе устанавливал на льду, в семидесяти метрах от судна, метеорологическую станцию. Георгий Яковлевич проверял магнитные приборы и подготавливал к работе дальномеры, мензулы и компасы.

В эти дни перевернули весь трюм, разыскивая нужные ящики. Кое-чего не нашли. Не оказалось походной кухни, походных чайников и кастрюль, фонарей. Выяснилось, что солонина в бочках и треска самого низкого качества. Солонина имеет серый цвет, и когда ее варят, из кухни несетя тяжелый, трупный запах. Теплой одежды — малиц и совиков — имеется только на пятнадцать человек. Для семерых зимней одежды нет.

29 сентября геологу и художнику удалось впервые пройти к берегу на лыжах. Они прошли до замерзшей речки в глубине бухточки, за кормой «Святого Фоки» и принесли радостную весть: этот берег Новой Земли очень богат выброшенным на берег лесом — плавником. Георгий Яковлевич весьма обрадовался этой вести: не нужно тратить угля, который целиком останется для будущего рейса на Землю Франца-Иосифа.

К 3 октября общие приготовления к зимовке окончились.

По этому случаю состоялось празднество. Седов произнес речь, был зачитан его приказ.

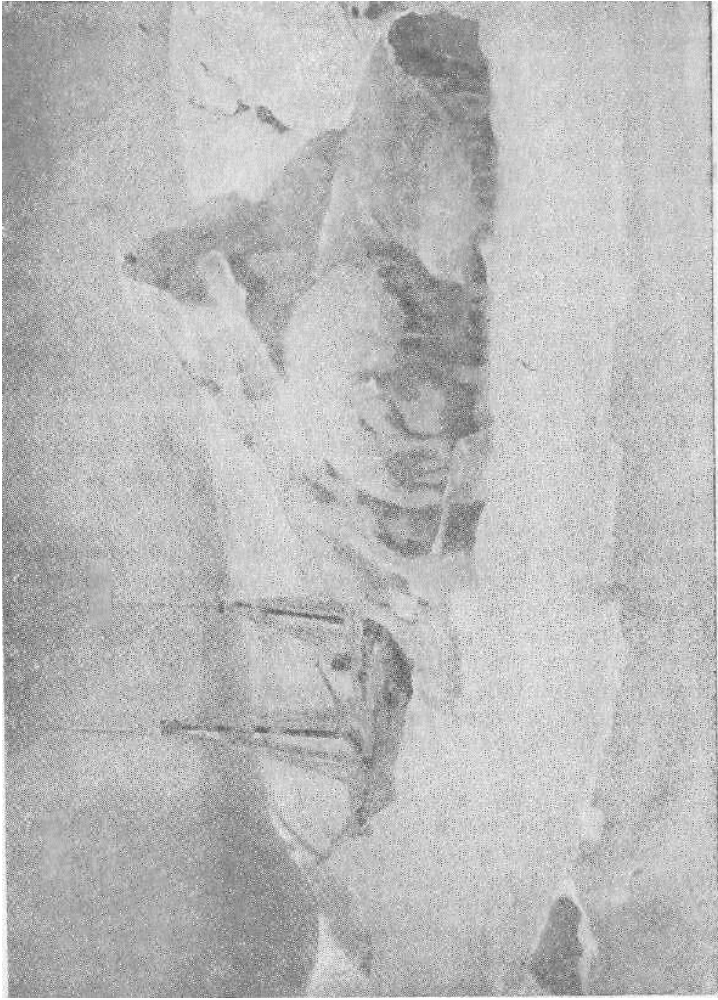
Время распределялось по-новому: вахтенные начальники сменялись не через четыре часа, а посуточно.

Некоторые, в дополнение к своим прямым обязанностям, получили новые: Визе — заведывать библиотекой, Кушаков — хозяйством, старший Зандер был назначен пожарным инспектором, художник — помощником Визе по метеорологической части и его заместителем на время отлучек.

Был приготовлен праздничный обед с вином. Вечером состоялся продолжительный концерт, на котором выступали солисты на пианино, пианоле и «на граммофоне». Визе оказался прекрасным пианистом.

С этого дня жизнь всей экспедиции потекла размеренным порядком, установленным приказом Седова.

Георгий Яковлевич был весел. Ну что ж! Были тяжелые дни. Не удалось перебороть стихию. Но будет время — все пойдет хорошо. Нет худа без добра. Новая Земля совершенно не исследована, очертания ее берега в районе зимовки лишь

Зимовка «Св. Фоки».
С картины худ. Н. В. Пивоварова.

смутно напоминают обозначенные на карте. Вот и работа! Хватит на всю экспедицию. Значит, надо первым делом составить карту окрестностей зимовки, определить точный астрономический пункт, потом произвести съемку, выполнить магнитные наблюдения и изучить приливо-отливы. И все дружно и горячо принялись за дело.

Вставали в восемь утра. Пили кофе, и сразу же за работу. В это время ни развлечений, ни шума, ни игры на музыкальных инструментах — запрещено. С часу дня собирались в кают-компаниях, веселые, бодрые. Один с мыса Обсерватории, где занимался астрономическими наблюдениями, другой с метеорологической станции, геолог с берега, художник со льда бухты, где писал этюды. Обтирая иней с усов и бороды, рассказывали, каждый про свое.

Павел Григорьевич присматривался к людям и к суровой природе, до этих пор неведомой ему и чуждой. Но он и вида не подавал, что все ему незнакомо.

В дневник записывал:

«Вечером готовили лыжи и натирали их воском. Натертые лыжи лучше скользят. После обеда пошли кататься на лыжах. Это была моя первая прогулка. Пройдя с полверсты, я почувствовал боль в ногах выше колена. При ходьбе на лыжах ног не сгибают, а приходится их выдвигать прямо вперед...»

Пришлось ему даже отправиться на охоту за белым медведем, хоть и боялся уходить далеко от судна. Ничего не подлаешь: назвался груздем — полезай в кузов! Надо оправдывать свою репутацию старого охотника.

Павел Григорьевич пробыл в этой охотничьей экспедиции пять дней. С ним были Шестаков и штурман Максимыч. К охотникам на близкое расстояние подходил медведь. Но Павел Григорьевич не решился выстрелить в него: поблизости медведя вертелись собаки... Вернулись на судно с пустыми руками.

Оказавшись в своей каюте, Павел Григорьевич записал: «Пять дней спали почти на голых камнях. Бока сильно болели, и моя постель в каюте показалась мне раем. Мне живо представилась обстановка уютной квартиры, где так удобно и тепло. Я устал от суеты, в особенности за последний переход, и теперь, когда переоделся и лег в постель, почувствовал счастье, которого, кажется, никогда не испытывал. Я невольно задал себе вопрос: где лучше? Здесь ли или дома, среди уюта и роскоши? Там не испытываешь лишений, но постоянно сталкиваешься с интригами и теряешь последний покой...»

Привычка проталкиваться вперед, стремление отхватить

свой кусок на жизненном пиру были у Павла Григорьевича почти инстинктивными.

На «Фоке» Павел Григорьевич с первых же дней был ласков и весел. Старался всем услужить, отстоять чужую ночную вахту, угостить хорошей папиросой, взятым с собой домашним вареньем. Похлопывал по животу при разговоре, подмигивал,— смотрите, какой я добродушный и славный.

Нельзя сказать, чтоб заигрывания эти были успешны. Поддавались только капитан, механик и штурман да четверо из команды. Студенты (студентами Павел Григорьевич называл Визе, Павлова и художника) отвечали любезно, но сухо и не смеялись над анекдотами о поротых мужиках-дураках и о денщиках.

Молодых ученых и художника Кушаков стал крепко недолюбливать.

Он записал в дневнике: «Все три студента атеисты, и даже обидно смотреть на них во время богослужения. Хотя бы кто из них перекрестился!»

Павлу Григорьевичу вначале казалось, что Седов принадлежит к числу покладистых. Но в Крестовой губе, когда все были на берегу, Кушаков зашел в каюту начальника за книгой приказов и не удержался быстренько просмотреть лежавший в незапертом ящике дневник Седова. Прочел там строки:

«Со мной на вахте К., надоел он мне своей развязной болтовней».

И тут же рядом:

«Мне очень нравится Визе. Он очень серьезный и знающий».

Павел Григорьевич был искренно обижен, но с тех пор стал окружать начальника большой заботой и в то же время присматриваться к нему. Заметил: Седов выделяет смелых людей и хороших работников. Эти бандиты — бывший военный матрос Томиссар и боцман Инютин — у него на первом счету. Павел Григорьевич стал на глазах Седова кидаться на всякую работу и даже помогать матросам. Чаше заводил разговор о Северном полюсе, вызвался первым отправиться на охоту.

И вот как будто стал Седов помягче. Начал подшучивать над подверженностью Кушакова морской болезни, над шестью пудами его веса.

Это признак хороший, когда начальник сам начинает шутить.

— Э, милые мои, ко всякому домику свой задний ход есть.

Понемногу Павел Григорьевич стал забирать власть над командой.

СЕМНАДЦАТЬ ЛЮДЕЙ И СЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ СОБАК

Место для астрономического пункта Седов выбрал на высоком мысу Панкратьевского полуострова, в километре от судна. Назвал его мысом Обсерватории. Оттуда хорошо видны все острова — Крестовые, Горбовы и Панкратьевский, а также матерый берег Новой Земли. Зимнее пристанище «Фоки» — бухта «Фоки» — как на ладони. Виден хорошо и сам он — усатая букашка, а на белой равнине фигурки с булавочную головку. Крошка-муха сидит около айсберга — это художник рисует. Вот другая на откосе у мыса с черным столбом — геолог исследует горные породы. У метеорологической станции тоже кто-то копошится — не то Визе, не то Лебедев, не рассмотреть.

Подъем к астрономическому пункту стал труден. Последние бури крепко прибили снег, нарисовав на нем длинные полосы заструг, над откосом надули карниз. Взберешься — весь в снегу. Самому-то не видно, а на спутника смешно смотреть. Штурман Максимыч весь белый, снег за воротник набрался и пар валит. Приятно подразнить Максимыча, смешно он по-поморски ругается и все сыплет прибаутками.

— А как, Николай Максимыч, еще не замерз?

— Заморозило у проруби Фотей, а он все кричит — потею.

Георгий Яковлевич смеется, потом становится серьезным: солнце выглянуло из-за туч. Берутся высоты — одна, другая, третья, восьмая. Николай Максимович уже знает: на работе Седов разговоров не любит. Он внимательно считает такты хронометра и вовремя отмечает момент. Еще нужно взять несколько высот, а солнце снова ушло за облака. Опять, скучая, спрашивает Седов Максимыча, не замерз ли. Штурман покрылся инеем, оледеневшие усы примерзли к воротнику, но держит марку. Говорит — «ничего», а зубы начинают дробь отбивать. Мерзнет и Седов. Пальцы застыли, почти потеряли чувствительность. Под конец наблюдений видит на пальцах кровь. Кожа примерзла к микрометрическому винту. Сняв перчатку, отогрел винты другой рукой. Две высоты взяли благополучно. Ну что ж, не у экватора работаем, у полюса! Зато как хорошо прибежать с мороза на судно в теплую кают-компанию! Заботливый Павел Григорьевич, наверно, чайку приготовил, пожалуй, с вареньем...

На мысе Обсерватории Георгий Яковлевич приказал поставить знак в виде креста с выжженной надписью. На островах Крестовых и на Панкратьевском тоже поставили знаки. Можно начинать съемку. Пора собак запрыгать. С собаками получилось не блестяще.

Астрономический пункт Г. Я. Седова на мысе Обсерватории.

ИЗ ДНЕВНИКА ХУДОЖНИКА

«11 октября ($-14^{\circ},8$, умеренный северный ветер). Вчера я и Седов пробовали на собаках новую упряжь. Над ней с неделю возились боцман и Линник. Упряжь вроде камчатской, но с некоторыми изменениями, придуманными Седовым. Два ряда собак впрягаются хомутиками между четырьмя постромками. Седов думает, что среди торосов такая упряжка будет удобней других.

Он боялся, что обские собаки, приученные к местной упряжи, не пойдут в запряжке, стесняющей свободу движений. Некоторые собаки тянули хорошо, но с большинством придется, по-видимому, позаниматься.

При пробе начало выясняться другое прискорбное обстоятельство. Собаки, купленные в Архангельске в качестве ездовых, не годятся никуда. По всей видимости, упряжь не только седовской системы, но всякая другая для них такая же новость, как если бы вместо хомутиков и постромок их одели во фраки.

Эти Шарик и Жучки не только не тянули саней, но и мешали. С полным непониманием, что мы хотим делать, псы покорно позволяли запрячь себя, даже с некоторым любопытством обнюхивали шлейки, недоуменно помахивая хвостами.

Но как только дело коснулось работы, началась потеха. В упряжи стояли белые сибирские собаки и пестрые архангельские. Седов сел на нарту и закричал: «П-р-р-р-р!» Большинство белых собак при этом крике поднялись, а некоторые даже сделали попытку тронуть сани с места. Но все остальные, как и раньше, лежали на снегу в полной неподвижности, очевидно, полагая, что ежели привязана, так и лежи на снегу без движения, покуда хозяин не отвяжет.

Я пробовал тянуть передних собак, чтобы сдвинуть с места остальных. Мы думали: может быть, собаки в незнакомой упряжи не понимают, что от них хотят, но лишь только увидят, как другие собаки работают, вспомнят и они. Не тут-то было! Я тянул изо всех сил, тянули и сибиряки, но все эти дворняги и не думали помочь. Они просто улеглись, как будто бы вся суматоха их совсем не касалась. Лежа, они бороздили снег, отнюдь не понимая, что такое происходит. Иные, впрочем, проявляли некоторую самостоятельность: они изо всех сил упирались. Мы до тех пор не добились движения нарты вперед, пока не отпрягли всех этих саботажников.

13 октября. Успех в дрессировке собак. Вместе с Седовым прокатились от берега до «Фоки». Расстояние около километра. Или мы не умеем выбрать хорошего передового, или такого нет вообще, но управлять упряжкой мы еще не можем. От судна собаки не бегут иначе, как на поводу. Зато обратно — полным ходом. В один из таких рейсов нарта налетела на ропак. Пассажиры посыпались с нее, запряжка же, сопровождаемая стаей свободных собак, подвывавших всеми голосами, понеслась дальше, как будто ничего не случилось. У судна всю эту компанию встретила стайка драчунов. Поднялась грызня и свалка такая, что, добежав, мы не знали, с какого конца разнимать. Пока мы их колотили, псы успели покусать какую-то слабенькую. Отняли еле живой. Это уже не первая».

Скоро выяснилось что такое вообще эти «архангельские лайки». Поставлял их некто фон-Вышомирский, человек без определенных занятий, не гнушавшийся никакими спекуляциями. Учитывая невозможность испробовать собак в Архангельске (не было упряжи), Вышомирский продал по пятьдесят рублей за голову сорок дворняжек, собранных в окрестностях города. Интересно отметить, что в Архангельске не нашлось человека, который предупредил бы Седова об этой афере, хотя весь город знал, что такое сам Вышомирский, а многие и про жульничество с поставкой собак.

Остальные собаки, поставленные Тронтгеймом из Тобольска, оказались хорошими и обошлись дешевле. Впоследствии Георгий Яковлевич жалел, что не решился сразу уничтожить всех

Г. Я. Седов на палубе «Св. Фоки».

архангельских псов. Среди них оказалось много первоклассных драчунов, которые загрызли стайей немало хороших тобольских собак. Три четверти архангельских дворняжек передохли в течение зимы. Они были не приспособлены к холоду, не умели спать, как сибирские, зарывшись в снег, худели во время морозов и не знали, как защитить свой кусок от чужих посягательств. Большая часть выживших приучилась ходить в упряжи. Но настоящей ездовой собаки из них не вышло ни одной.

Составив одну упряжку собак, Георгий Яковлевич около половины октября начал мензультную съемку окрестностей зимовки и всех ближайших островов. Выезжал обыкновенно на светлое время, ночевать возвращался на судно. С собой брал по очереди всех матросов. Учил управлять собачьей упряжкой, спускаться на тормозах с гор и находить дорогу между торосами.

Матросы возвращались уставшими. Но каждый рассказывал про начальника, как он умеет и собак запрячь, и топор

с пилой держать, и холоду не боится. Работает не то что наравне с товарищем, а больше. Вот это начальник! С таким не пропадешь. С ним будешь и сыт, и цел, и весел. Да, сразу видно, что наш командир не барин, а из простых.

Отправлялись на съемку, как только рассветало. Восход солнца заставал далеко от «Фоки». Одолевая подъемы по плотному снегу на перевалах, пробиваясь в торосах среди проливов, добирались до места, где прервалась съемка в предыдущий день. Георгий Яковлевич расставлял и ориентировал мензулу¹. Голыми руками тщательно прочерчивал на планшете линии и рисовал очертания гор, мысов, заливов и бухт. Если был ветер, через каждые четыре-пять минут приходилось бросать работу и совать руки под одежду, чтобы теплотой голого тела скорее согреть их. Замерзал окуляр кипрегеля², покрывались инеем планшеты. На однообразном белом просторе не разобрать очертаний берега, скрытого снегом. Нужно было напрягать внимание до крайности, чтобы не ошибиться. Труднее всего было брать отдаленные знаки. В облачную погоду их не рассмотришь. Приходилось приезжать вторично в солнечный день.

Солнце катится почти по горизонту. Лучи скользят по бесконечной равнине. Вспыхнет радужным огнем высокий торос, темно-синим пятном отметится теневая его сторона. И опять бегут лучи, не задевая ничего. При этом освещении — вокруг миражи. Берег дальнего невысокого острова кажется обрывистым, груда торосов — островком, а ледники на берегу Новой Земли похожи на высокие серебристые колоннады. Вот и зарисовывай их!

Но кончалась работа, и Георгий Яковлевич возвращался со съемки радостный. Забывал мучительное стояние у треноги, когда проклинал и мороз, и ветер, и миражи. Хохотал в кают-компании, оживленно описывал свои приключения, выставляя их в смешном виде.

Постепенно очертания берега стали вырисовываться на карте. С прежними картами новая совсем не вязалась. Если положишь астрономический пункт «Обсерватория» на старую карту, то выходило, что он находится не на берегу, а далеко в море. Вместо трех Панкратьевских островов оказался один. Очертаниями берега почти не напоминали прежние.

Если здесь, в местах, где работали Литке и Пахтусов, карта такова, то что же можно ожидать от карты более

¹ Мензула — инструмент для съемки местности, состоящий из штатива, подставки и доски (планшета) с наклеенной на ней бумагой, отвеса и компаса.

² Кипрегель — геодезический инструмент, состоящий из линейки со зрительной трубой и вертикальным кругом; служит для визирования и определения вертикальных углов, прочерчивания направлений и пр.

В. Лебедев у снежного домика.

северных местностей, где с XVI века, после Баренца, никто не делал серьезной съемки! И Георгий Яковлевич стал благодарить судьбу, которая заставила зазимовать на Новой Земле. Первая верная карта северной части Новой Земли! Это неплохой результат и для специальной экспедиции, а здесь он будет достигнут попутно, при продвижении к полюсу. Но мало того! Впервые здесь действует первоклассная метеорологическая станция, ведутся работы по геологии и биологии, будет привезена первая в мире кинокартина полярных стран. А сколько этюдов и фотографий успел сделать художник! Интересно, что скажут эти ученые, когда «спортивная» экспедиция вернется с такими результатами!

До начала полярной ночи Георгий Яковлевич закончил съемку полуострова Панкратьевского и острова того же наименования. Вычертил в черновике карту. Ранней весной предполагал положить на карту острова Крестовые и Горбовы. Жалел, что Визе и Павлову не удалось пройти далеко на юг. Почти за две недели дошли только до Архангельской губы, а предполагалось достичь полуострова Адмиралтейства. Ну, ничего, если собаки не подведут, весной времени будет много. Самое главное — в этих экскурсиях получили хороший опыт, научились жить на морозе в палатках, обращаться с собаками. Теперь все знают, как нужно поставить палатку, и не

возьются с ней по часу, как раньше, а ставят в несколько минут.

Все эти экскурсии и поездки на съемку хорошо показали Седову, что за люди собрались в экспедиции. Кушаков, конечно, неправ, что люди лодыри; он на море не бывал, не знает. Все работают. Есть просто молодцы!

Вот брал на съемку Линника. Он никогда не ходил с топографами, а сразу все понял. И в палатке с ним — одно удовольствие. Делает все быстро, без суеты, все у него на своем месте, ничего нужного не забудет, лишнего не возьмет. Но — любит самостоятельность, приказами от него ничего не добьешься. У команды — коновод. Идет у него борьба с боцманом Инютиным за влияние, за авторитет. Линник насмеяется над Инютиным: неделю по Фонтанке с кирпичами плавал, а такелажному делу учился, когда по деревьям с топором ходил, — и в боцманы попал. Кушаков утверждает, что Линник в Сибири набрался у ссыльных революционного духа и подрывает авторитет власти: ведь Инютин — боцман!

Инютин и сам не промах. За ним в работе трудно угнаться, а за словом в карман он тоже не полезет, ругается как заправский боцман.

А Шура Пустошный! Хороший, честный мальчик, добросовестный, великолепно знающий, что такое долг. Перед отъездом приходила его мать, молодая, просила побережь. А он один из самых смелых. Не задумается в полынью прыгнуть, если понадобится — на медведя с голыми руками пойдет.

А Лебедев! Уже пожилой и семейный, народный учитель. Как он просился в экспедицию! Визе очень его хвалит. Другого такого добросовестного наблюдателя метеорологической станции трудно сыскать. Экспедицию переживает романтически. Какие бы ни были трудности — он все будет восхищаться. На метеостанции у него целое хозяйство. Протянул к своим будкам поручни из каната, чтобы не плутать во время бурь. Недалеко от станции построил настоящие снежные дворцы. Там он и ленты меняет на самопишущих приборах, там и чайник на овечке греется, и диорама для услаждения души в снежной нише устроена: с помощью синих и лиловых чернил, клюквенного экстракта и сажи изображена деревня, мостик через речку, бабы идут с коромыслами, и ребята в школу торопятся...

А Кизино! В Новоземельской экспедиции он был прекрасным гребцом и футшточником, теперь заведует всеми кладовыми. Сам конфетки одной не возьмет. Все у него вовремя. Все хозяйство на нем. Настоящая ключница! Павел Григорьевич только приказывает.

Нет, на команду обижаться не приходится!

Коршунов, петербургский слесарь, взмолился, когда Кушаков хотел его списать на Новой Земле по слабости здоровья. В самом деле, на вид щуплый — в чем дух теплится, а как мужественно держится и в экскурсии каждый раз просится.

Плотник Коноплев — сероватый, неграмотный, но труженик, каких поискать. Постоянно смешит всех своим деревенским остроумием и сермяжной простотой.

Да и Ваня Пишухин, пекарь, хоть темен, а богомолен не по летам, — свое дело делает: и хлеб печет и стряпает по мере умения.

В общем же почти все люди обыкновенные. Но все работают на совесть, и дело идет.

Георгий Яковлевич не раз заходил в кубрик. Интересно было слушать разговоры ребят, особенно споры. В первое время споры обыкновенные. По два часа спорили, кто выше — земский или исправник, какая баба лучше — толстая или худая, кому живется легче всех. Но проходило время, возникали иные споры: как устроен термометр, почему в море вода то убывает, то прибывает, что написано в книге у начальника, по которой он предсказал затмение луны.

На неудобства жизни в кубрике никто не роптал. Больше всего было жалоб на плохую одежду — гнилые пиджаки и брюки, все время надо было чинить их. Мало было рукавиц, приходилось шить из чего ни попало самим. Начальника никто не винил: все знали, как ему пришлось снаряжать экспедицию. Бранили купцов-алтынников, у которых совесть, видно, в кармане зашита и которым все равно, на какое дело люди идут.

ГЛАВА VI

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ПЫТАЕТСЯ ВЗЯТЬ ВОЖЖИ

Полярная ночь на широте бухты «Фоки» продолжается девяносто шесть суток — с 4 ноября до 10 февраля. В действительности солнца же не видели дольше: в дни его ухода и первого появления держалась пасмурная погода. Полярная ночь подкрадывалась незаметно. И после исчезновения солнца еще долго можно было работать около полдня при свете зари.

В это время художник успевал даже запечатлеть в своих этюдах окрестности зимовки. Он больше всех следил за наступлением полярной ночи. 7 октября он записал:

«Как темнеет с каждым днем. Около восьми, когда просыпаюсь, ночь еще глубока. Только в десять начинает немного светать. Удивительный рассвет! Весь воздух насыщен темнотой.

Рассвет силится прогнать ее и не может. Окрашиваются торосы с южной стороны, но в угрюмой тени отражено ночное темное небо. Даже затмение радостнее такого бессильного рассвета.

8 ноября. Вчера и сегодня время рассвета провел на воздухе. О, какая симфония красок! Вся красота ее в неопределенности. Нет ни одного кричащего или яркого пятна, все тонет в нежном полусвете — полумгле. На здешней палитре нет борисовских красок — черно-лиловых и кроваво-красных. Краски нежны и неопределенны. Синий купол неба с крупными звездами, с луной. Одновременно свет зари на выдающихся льдинах и отсвет оранжевой луны в тенях. Когда хочешь передать красками это освещение, не знаешь, за что принять отсвет оранжевой луны — за свет или за тень. Где граница света и тени, — она неуловима.

Писать возможно только до обеда, а обедаем мы в час. После обеда — жалкие остатки света, при них можно только прогуляться или съездить на собаках за плавником.

12 ноября. Пасмурно. Рассвет очень слаб. Все тонет в однообразной молочной мгле. Уходит, уходит свет! Скоро и я должен буду прекратить работу на воздухе. Тьма побеждает. Мало-помалу мы сгруживаемся на корабле; уходим далеко от судна только на прогулки. Один Седов продолжает астрономические наблюдения и ночью, всякий раз, как небо очищается от облаков. У нас нет дорогого пассажного инструмента для определения астрономических пунктов высокой точности. Седов своими многочисленными наблюдениями при помощи обыкновенного секстана надеется в известной мере восполнить этот недостаток. Средний вывод из многочисленных наблюдений должен дать довольно точные координаты нашей зимовки. Такой прием — в характере Седова. Отсутствие техники он стремится преодолеть личными усилиями.

Так вот какова она, полярная ночь!

Тьмы настоящей нет, перед глазами не черно. Впереди и всюду — серо-голубая завеса. Сколько ни идешь, она отодвигается, но из себя не выпускает. С невольной настойчивостью в душе идешь в ее глубину и ощущаешь и тесноту этого мрака, и его бесконечность.

Сколько ни иди — не будет конца мгле и безмолвию. Даже при ясном небе не исчезает чувство неизменяемости. Горят ли в небе ясные крупные звезды или разворачиваются над головою роскошные занавесы северного сияния — ты от полярной ночи не уйдешь. С тобой движется все то же небо, а под ногами бесконечно однообразная поверхность моря или земля — закованные льдом, закрытые снегом. Таково ощущение бесконечности и плена».

Георгий Яковлевич не любил бродить полярной ночью в одиночестве. Гулял всегда с компанией, распевая веселые песни, шутил, смеялся, катался на санях с гор. Один гулял, когда приходило желание остаться с задушевными своими мыслями. Тишина и серая мгла помогали сосредоточиться, приобрести полную ясность мысли. Достигнув этой ясности, Георгий Яковлевич поворачивал и шел к судну, к жизни, к людям.

Как все меняется, когда после двух или трех часов прогулки с глазами, занавешенными мглой, завидишь просвет — золотую искру огня на «Фоке». Всем сердцем стремишься к родному огоньку и думаешь о том, как много значит для всех старый ветеран «Фока».

Да, старик, с тобой сжились, тебя полюбили! Ты замечательно боролся с волной и со льдами. Теперь дал всем приют, тепло и покой. Ты хранишь в себе все, чем живы здесь люди: одежду, еду, запасы топлива, все орудия и инструменты. Ты — обжитой дом, милый и уютный. В этом доме живет дружная семья людей. Они еще недавно не знали друг друга. Теперь сроднились. Среди этой горстки людей нет тунеядцев и бездельников. Каждый делает свое маленькое дело. И из всех этих маленьких дел составляется одно большое.

Хорошо знаком милый дом! Каждый угол в нем изучен, всюду можно пройти с закрытыми глазами. Вот крайний огонек в иллюминаторе — это каюта художника. Не надо заходить, чтобы представить его: папироска в углу рта, пепел валится на коричневую блузу, но полярный Айвазовский не замечает. Он за работой, сосредоточенно сопит.левой рукой с торчащим пальцем откинет прядь волос от глаз и снова за дело. Горяч на работу! Всегда к обеду придет с опозданием.

А вот соседний огонек — у Павлова. В бывшей судовой кладовке — «геологический кабинет». Геолог сосредоточенно серьезен. Когда он смотрит в микроскоп или в лупу, у него совсем профессорский вид. С таким же ученым видом он читает свои смешные стишки про «Фоку», которые строчит в свободное время.

Вот еще светлое пятнышко в иллюминаторе. Это геофизический кабинет — владения Визе. Наверное, и он тут же, в кожаной куртке, светловолосый, с виду совсем юный, мальчик. У этого человека все в замечательном порядке; экспедиция многим обязана ему в части научного снаряжения. Этот не скажет необдуманного слова и едва ли может с кем-нибудь поссориться всерьез. С геологом они друзья и даже поселились в одной каюте, чтобы хватило места для научных кабинетов.

Рядом Максимыч в своей маленькой каюте-норке.

Геологический кабинет М. А. Павлова
на «Св. Фоке». Зима 1912/1913 г.

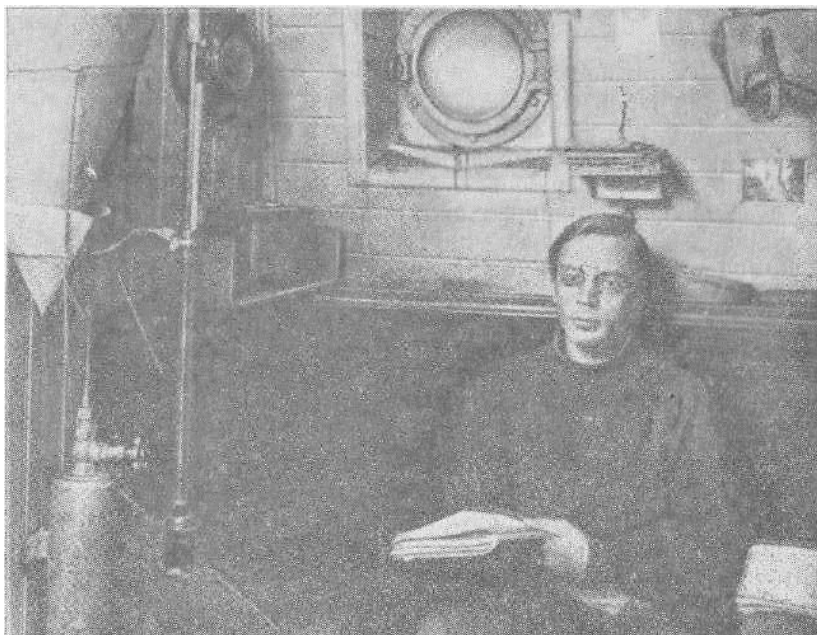
Надымил — едва лампочка видна. Орудует парусной иглой и клевантом, мычит под нос поморскую песенку. Ах, друзья-товарищи! Скучновато на зимовке, но все же жизнь неплоха. Как, например, веселятся все в праздники! Совсем домашнему, словно собралась дружная студенческая компания.

После колющего ветра и раздражающей неясной мглы приятно ступить ногой на палубу, распахнуть дверь, ведущую в ют. Пахнет теплом и чем-то вкусным. Наверное, Ваня-повар пирожки готовит. В кают-компании, конечно, дуются в шахматы толстый смешной механик Иван Андреевич Зандер и капитан. Механик злится, а капитан его поддразнивает.

— Можно к вам, Георгий Яковлевич? Я не помешаю?

— Пожалуйста, пожалуйста, Павел Григорьевич.

— Как прогулялись?.. Мишкиных следов не видели?.. Удивляюсь я на вас, гуляете в легкой бобриковой блузе. Смотрите, простудитесь! Предупреждаю как доктор.

Ю. Визе в геофизическом кабинете на «Св. Фоке». Зима 1912/1913 г.

— Здесь простуд не бывает. Нужно закалять себя.

— Да, понимаю, понимаю...

Лицо Павла Григорьевича добродушно, у уголков глаз морщинки, розовая кожа на щеках лоснится и отражает свет лампы. Но под широкими бровями, в глубине маленьких глаз, настороженные охотничьи огоньки. Павел Григорьевич расправляет плечи, набирает воздух в широкую грудь, словно хочет кинуться в глубокий омут.

— Георгий Яковлевич... Я восхищался вами с того самого времени, как прочел впервые ваше имя в газете... Верьте мне... право... И поэтому особенно больно... Георгий Яковлевич! Разрешите кое-что сказать... Я лучше закрою дверь...

Павел Григорьевич прикрыл дверь в кают-компанию, присел и быстро-быстро зашептал:

— Я понимаю... Ну как же, я прекрасно понимаю... все ваши думы о великой патриотической задаче. И я думаю о ней день и ночь... Великая задача! Я понимаю, вы не обращаете внимания на мелочи. Да так и нужно... Но я-то не могу, у меня сердце болит.

Георгий Яковлевич с удивлением посмотрел на Кушакова. Лицо по-прежнему лоснилось заискивающей улыбкой.

— В чем дело, Павел Григорьевич? — спросил он серьезно и участливо.

— Ах, Георгий Яковлевич! Ведь мне, как заведующему хозяйством, приходится вникать во все. Я вижу все, что делается. Я все, все записываю. Вот в этой тетради... Вы заняты своей работой и подготовкой к великому русскому делу. А я слежу. И сердце кровью обливается, когда посмотришь... Команда не дисциплинирована, распушена ужасно. Вам это не видно, а мне каждую минуту... Все тащат, грубят. Никто за командой не следит. Капитан чувствует себя здесь гостем, взятым напрокат вместе с дипломом. Пьянчужку штурмана никто не признает. Вы старались установить известный режим. Я помогаю всеми силами. Но во мне, в заведующем хозяйством, никто не хочет признавать вашего помощника...

Павел Григорьевич быстро взглянул на Седова, как он реагирует, и торопливо добавил:

— ...по хозяйственной части. Ну как же, как же, я помогаю вам. Ведь я снимаю с вас обязанность вникать во все мелочи, различные неприятности, чтобы дать вам покой. Я пришел вам сказать, Георгий Яковлевич, что надо обратить внимание на команду. Вы сами говорили, что в единении наша сила и успех. А для единения должна быть дисциплина. Вы ввели в действие морской устав, но он не соблюдается, всюду расхлябанность...

Слова доктора начинали нервировать.

«О какой расхлябанности он толкует? Что он понимает в жизни корабля? Никто еще ни разу не жаловался на непослушание команды. Все работают по мере сил. Сам видел, что матросы и в экскурсиях, и на корабле с радостью кидались исполнять приказания. Что-то путает доктор!»

— Павел Григорьевич, мне кажется, вы преувеличиваете. Матросы работают в общем ничего, с ними ладить можно. Во всякой команде бывают прилежные и ленивые, строптивые и послушные, смелые и трусы. Конечно, должен быть порядок, и он у нас существует. Вот в этой книжечке — морском уставе — все предусмотрено.

— Георгий Яковлевич, дорогой! С уставом я хорошо ознакомился. Но ведь он не соблюдается! Мне-то лучше видно. Я уверяю вас, честное, благородное слово, — торопливо добавил Павел Григорьевич, заметив гневную морщину на лбу Седова. — Уж я-то это дело знаю! В конно-полицейской страже я сводной ротой командовал — и фельдшера, и кузнецы, и вы водные... По струнке ходили, смотрели в рот...

— Павел Григорьевич, — перебил Седов. — Я не могу слушать неопределенные разговоры об отсутствии дисциплины. Если были случаи, о них и нужно говорить. Если кто-нибудь

провинился, нужно дело разобрать, наказать, если виновен. Укажите мне факты.

— Факты... Ах, боже мой! Да их слишком много. Вот здесь в тетрадочке. Смотрите — целые страницы. Уж не стану слишком утруждать. Смотрите, только за последние две недели. Вот: первого — боцман Инютин обругал штурмана скверными словами; второго, когда Пищухин обнаружил в трюме вскрытый ящик с фруктовыми консервами, Кузнецов пообещал ему, если расскажет, сделать в кубрике темную; третьего, когда я вешал в кают-компании портрет его величества государя императора, художник сказал, что будет противно всю зиму смотреть на эту стену; четвертого у Визе горел огонь до половины первого, а полагается, по вашему приказу, тушить в двенадцать ночи. В этот же день, в ваше отсутствие, капитан говорил старшему механику, что как только вскрыется лед, вы повернете в Архангельск. Того же числа я был вахтенным начальником и велел боцману Инютину исправить дверцу, и он повиновался только после двукратного приказа и все ворчал: «Много здесь развелось вахтенных начальников, а я знаю только одного настоящего начальника!» По военно-морскому уставу за недисциплинированное поведение полагается строгое наказание. А здесь боцман первый подает пример неповиновения. Вахтенные начальники не следят за исполнением Ваших приказав. Позавчера матросы в кубрике играли до часу ночи на сахар в двадцать одно. Вчера у капитана горел огонь почти до часу ночи. Вахтенный начальник Павлов не сказал ему ни слова. Вот как исполняется устав! У меня болит сердце. Что будет, когда вы отправитесь в продолжительное путешествие! Дисциплина совсем упадет. Кто тогда будет следить? И представить боюсь... Вот и решил поговорить...

— Хорошо. Я разберу это дело с Инютиним. Если подтвердится — отдам приказ, на первый раз выговор.

— Что ему выговор! По морскому уставу разве выговор полагается за оскорбление вахтенного начальника?

— Павел Григорьевич, у нас все-таки не военное судно. Здесь все добровольцы. И в общем устав соблюдается.

— Не соблюдается, Георгий Яковлевич, не соблюдается! Смотрите, что здесь сказано: полагается ежедневно утром и вечером собираться на общую молитву. А по двенадцатым праздникам и в дни тезоименитств их императорских величеств Государя императора и Государыни императрицы служить обедни.

— Да как же мы будем служить, — засмеялся Георгий Яковлевич, — когда у нас нет ни попов, ни дьяконов, и службы никто не знает.

О, Павел Григорьевич этого вопроса только и ждал: вот он сейчас покажет, как Кушаков в экспедицию собирался.

Павел Григорьевич вытащил из кармана объемистую книжечку с крестом на переплете.

— Вот требник святых православных церкви. В нем все, что нужно: молитвы утренние и вечерние, тропари и кондаки, антифоны, литургия святого Иоанна Златоуста, акафисты и молебны. По этому требнику любой обедню отслужит. А про обеденку в морском уставе сказано: в случае отсутствия на корабле священника походную обеденку служит командир или один из офицеров.

Павел Григорьевич еще долго говорил о нравственном воспитании матросов, о духовной жажде религиозных, о необходимости и здесь, на русском корабле, стоящем во льдах, поддерживать те исконные начала, на коих незыблемо держится святая Русь.

Еле отделался от него Георгий Яковлевич к вечернему чаю.

Исконные начала!.. Морской устав!.. Слежка за всеми... Записи в книжечку... Вот он каков, наш приветливый доктор! Такие в моде теперь. Не воображай, что, оторвавшись от последнего берега, ты стал свободным в своих поступках и образе жизни. Есть нити тягучие и липко-клейкие, как нить паука. Они тянутся вслед за тобой. Нить тонка, но ее не разорвать. Ты взял с собой паука, и он плетет свою паутину. Чего он хочет?..

На следующее утро Георгий Яковлевич вызвал боцмана, пробрал за дерзость штурману. Объявил в приказе выговор. Вахтенным начальникам приказал следить за выходом на работу и окончанием ее.

ГЛАВА VII

СЕКСТАН ВВЕРХ ЛИМБОМ

Приятно пожинать плоды. Павлу Григорьевичу доставил большое удовольствие приказ Седова с выговором боцману. Он благодушно рассказывал на кухне повару Пищухину и Кизино, что приказ был отдан по его совету. Теперь сам решил смотреть за командой. Чуть что — приказ Седова, да по морскому уставу, знаете как? Под ружье на мороз на две вахты с полной выкладкой, в холодный карцер, штраф, а то и военному суду можно предать. Начальнику некогда самому за всеми смотреть. И нечего лезть к нему с мелочами. Пусть обращаются ко мне, я разберу. Найду и правого и виноватого.

Кизино и Пищухин, конечно, рассказали в кубрике обо всем, что говорилось на кухне. Матросы стали при приближении

прекращать разговоры. Этого и хотел Кушаков. Вот и хорошо! Пора знать, что есть на свете Павел Григорьевич Кушаков! В дневнике он записал:

«После нашего разговора Седов написал два приказа: один о том, чтобы утром и вечером производилась в кубрике молитва с обязательным присутствием вахтенного начальника, а другой — о распределении рабочего времени вместе с предписанием членам экспедиции следить, чтоб на судне все шло по заведенному порядку.

21 декабря. В день казанской божьей матери служили в кают-компании обеденку. Команда просила, чтобы и сегодня отслужили. Но Седов отказал и заявил, что таковая будет служить только по самым большим праздникам. Особенно хлопотал и заботился об обеденке матрос Томиссар — эстонец и атеист. Когда я спросил, почему он хлопочет, Томиссар ответил: «В прошлый раз после обеденки водку давали».

23 декабря. Сегодня чувствовалась жизнь на судне. Вахтенный матрос бил склянки. Жизнь теперь пойдет регулярно. Остается немного дисциплинировать членов кают-компании, поместить их в известные рамки. Если Седов их не подтянет, все пойдет по-старому... Но вообще — мир и тишина. Но когда нужно будет, я замолвлю словечко и выдвину свое я».

Административная суета Павла Григорьевича совпала с самым неприятным временем полярной ночи. Полуденный рассвет стал незаметен. В совсем ясные дни на юге еще горела неяркая заря. Зато когда небо бывало, закрыто тучами, дня не было видно совсем. Постоянно налетали штормы и веток ураганной силы. Однажды художник после наблюдений на метеорологической станции отбилса от каната, протянутого от судна до станции, и среди рева бури и вихрей, обрушивавшихся с гор, долго не мог найти судна. Вернулся с плотной снежной маской на лице. Палуба «Фоки» сравнялась со снежным покровом на льду. Иногда по нескольку дней никто не отходил от судна даже на десять метров. Только наблюдатели метеорологической станции — Визе, художник, Лебедев и Пустошный — каждые два часа отправлялись на станцию и возвращались залепленные снегом.

Нельзя сказать, что члены экспедиции скучали в это суровое время года. Геолог целыми днями изучал собранные образцы горных пород. Визе не хватало времени для приведения в готовый вид метеорологических наблюдений. Художник не оставлял фотографии и в эту пору, снимал и при луне и при магнии, и даже сделал снимок при свете звезд, посменно дежурил на метеостанции. Георгий Яковлевич продолжал наблюдения на астрономическом пункте, читал для членов экспедиции

лекции по навигации. На «Фоке» скучали от безделья только капитан, механик и отчасти Павел Григорьевич, — в дни, когда он не был вахтенным начальником. В эти дни он надоедал матросам посещением кубрика, разговорами в «религиозно-нравственном духе» и выведыванием подноготной про каждого. С особенной ревностью следил, на ногах ли вахтенный начальник ровно в восемь утра, не горят ли огни в каютах после двенадцати ночи.

В начале зимовки Павел Григорьевич, зондируя характеры, пробовал оставлять без обеда ученых, задержавшихся на воздухе за наблюдениями, или художника, не успевшего к обеду закончить этюд. Кушаков был не прочь показать, что в его власти дать или не дать уходящему на целый день плитку шоколада. Однако никаких столкновений из-за таких пустяков не бывало. Оставленный без обеда шел на кухню к повару Ване, добывал кусок хлеба с маслом или остатки пирога, — тем дело и кончалось. Порядок должен соблюдаться, ничего не поделаешь...

В общем, суета Павла Григорьевича была прозрачной. Ну, метит честолобивый ветеринар в заместители Седова! Будет потом рассказывать, что был помощником начальника экспедиции. Кому что! Одному — наука, другому — административные лавры.

Но раздражение накоплялось. К середине зимы Павла Григорьевича ненавидели и команда, и члены экспедиции. Стало ясным стремление ветеринара превратить экспедицию в показательное черносотенно-патриотическое предприятие. За его каютой прочно утвердилось название «полицейский участок». Ненавидели развязность, угодливость, показную набожность, квадратную бородку, голос, рассыпчатый смехок. Даже его специальность — гельминтология, почтенная и нужная наука о паразитах — становилась противной и вызывала отвращение, стоило лишь посмотреть, с каким удовольствием он вспарывал кишечный тракт медведей и издохших собак. Не испытывая, видимо, никакого чувства брезгливости, он, как стервятник, копошился в кровавой массе и с удовольствием вытягивал пальцами членики различных глистов.

С самого начала экспедиции на «Фоке» существовали журналы: «Кают-компания» и «Кубрик». В них изредка появлялись стишки, коротенькие сатирические заметки. Павлов после жестокого шторма у Новой Земли разразился одой в честь «Святого Фоки». Она кончалась стихами:

Но скажу теперь врагам,
Ненавистным дуракам:

«Фока, мученик святой»
С гордо поднятой кормой
Крепок, мчится в ураганы.
Ходит в льды и океаны,
Не боится ничего,
С видом — чорт возьми его.

Раза два художник помещал карикатуры. Один раз изобразил всех участников экспедиции в походе на снегу. Впереди шли легкие разведчики — Визе, Павлов, художник, за ними пехота — Седов и его постоянные спутники из команды, дальше — тяжелая артиллерия, то есть толстяки: весь обвешанный оружием Кушаков и механик Зандер, а позади всех обоз на санях — капитан.

В то самое время, когда Кушаков, казалось, торжествовал полную победу и даже намекал за столом, что на «Фоке», противно военно-морскому уставу, нет старшего офицера, появилась в журнале новая и очень злая карикатура. В разработке ее идеи художнику помогли Павлов и другие. Художник изобразил Кушакова в его обычной серой фуфайке, облегающей объемистые спину и животик ветеринара. Он смотрит в секстан, окуляр которого обращен к небу. Рядом искусственный горизонт, ртуть из него пролилась на снег. Но «кастроном» того не замечает. Он наводит перевернутый лимбом вверх секстан на небесные светила. А светила — звезды, ордена российской империи: Анны, Владимира, Станислава. Тут же знак астрономического пункта в виде креста, поставленного Кушаковым на острове Панкратьева с подлинной надписью: «Сей крест поставлен охотничьей командой под командой П. Кушакова».

Перед вечерним чаем художник оставил журнал с карикатурой открытым на столе в кают-компани. Скоро он услышал из своей каюты все усиливающийся хохот. К нему присоединился было и тоненький смешок Павла Григорьевича, но тотчас же стих. Хлопнула дверь в его каюту. Хохот усилился еще больше. Когда появился художник, Седов, нахохотавшись, сказал автору рисунка:

— Ну, это не в бровь, а в глаз. Замечательно! Только на вашем месте я оставил бы этот рисунок у себя. Друзьям можно показать и в каюте. А теперь вы нажили себе лютого врага.

Павел Григорьевич не вышел из каюты ни к чаю, ни к ужину. Он был взбешен до крайности. Этот мальчишка, посмел! И кого — столп экспедиции! А все остальные! Ржут, как лошади, идиоты. Тоже и начальник экспедиции хорош. Вместо того чтоб высказать возмущение, он хохочет со всеми, да еще говорит: «Не в бровь, а в глаз».

На свинью-художника, подрывающего корни у дуба с желудями, Кушаков начал было сам рисовать карикатуру, но ничего не получалось. Сел сочинять басню, которая удалась лучше. Не очень складно, но ладно. Сам Павел Григорьевич был доволен.

Стоял в пустыне дуб-великан,
Велик и силен его был стан.
Под тенью дуба паслись стада
И беспечно кормились всегда.
Но вот в тени легла
Одна свинья,
На корни дуба
Вдруг посягла.

Басня вышла довольно длинная. По ней получалось, что свинья-художник не понимает, что подрывает, самые нужные корни — авторитет Павла Григорьевича, который дает и еду, и одежду.

И ты того не понимаешь,
Презренная невежда,
Что хлеб казенный ешь,
Что на тебе казенная одежда.

Засиделся, сочиняя, до поздней ночи. Переписал в журнал и оставил в кают-компани. Пусть с утра закусит, голубчик!

Проснулся рано, ждал такого же смеха, как вчера. Вышел к чаю. Художник не здороваётся. Ага, не понравилось! Ничего, ничего. Это полезно. После чая, когда все разошлись, взял в руки журнал, чтоб еще раз рассмотреть как следует рисунок и свой остроумный ответ. А в журнале под стихами за подписью «Недоумевающий читатель» еще новость — рецензия экспромтом, написанная рукой Павлова:

Наш эскулап художника
Свиньей обозвал,
Себя же он нечаянно
Дубиною признал.

Павел Григорьевич хотел было объясниться с Седовым, но раздумал. Просидел у себя в каюте до обеда: стал готовить еще стихотворение — сатиру на всех «студентов». Когда собрался вечером переписать ее, оказалось, что обе страницы в журнале с карикатурой, басней и экспромтом вырваны.

Ссора между Кушаковым и художником была неприятна Георгию Яковлевичу. Конечно, нужно было немного осадить этого назойливого доктора, но все-таки надо было как-то иначе, без ссоры. Проще — придти и поговорить. Почему-то

все думают, что начальник на стороне этого пронырливого толстяка и находится под его влиянием. Но он прекрасно понимает, к чему стремится Кушаков. Все же — нет худа без добра. В истории с карикатурой обрисовались отношения. Все живут дружно, исключая одного. Карикатура — урок. Может быть, и Кушаков поймет свое настоящее место. Человек он, в общем, неглупый.

Художник и Кушаков не говорили между собой недели две. Затем вспыхнула ссора за столом. Сторону художника приняли все, наговорили Кушакову порядочно неприятных слов. Георгий Яковлевич вспылил, пообещал зачинщика ссор отправить на собаках в ближайший населенный пункт — в Крестовую губу. Эти слова оказались замечательное действие. В ту же минуту Павел Григорьевич сдал все позиции, начал просить у художника прощения за ругань в басне. Расчувствовался.

— Я горяч. Ужасно горяч! Когда меня обидят, не помню себя. Но вы напрасно, я неплохой человек. Я всех люблю. Всем желаю добра. Каждому готов оказать услугу. Ну, слава богу, теперь все позади. Теперь мы заживем друзьями. Нужно выпить по этому случаю!

И он побежал в кладовую за коньяком. За художником ухаживал больше всех, предлагал сотню лучших папирос, уговаривался нести завтра тяжелый штатив, когда художник пойдет снимать при луне большой снежный коридор, образовавшийся у мыса Столбового. Просил принять участие в следующих праздниках, лез целоваться.

Позднее Павел Григорьевич долго сидел в каюте за своим дневником, перечитываял его страницы.

«Вот где таится вся тяжесть положения и пребывания в среде, чужой и твоим взглядам, и общественному положению, в среде людей, созданных только разрушать!»

Так окончились на первый раз хлопоты Павла Григорьевича.

От вынужденной ли неподвижности или от однообразного питания, кое-кто стал жаловаться на недомогание. Георгий Яковлевич, заметив эти признаки и опасаясь цинги, стал посылать команду на прогулки и решил поднять настроение праздником. Он поговорил по секрету с художником и с Павловым и назначил в дни зимнего солнцестояния великий морской праздник.

Георгий Яковлевич вспомнил про шуточные обряды при переходе через экватор и решил приурочить их к полярному кругу. Павлов получил от него заказ: написать коротенькую интермедию о приходе морского царя за данью и для крещения не бывавших за полярным кругом. Бутафорскую часть взял на себя художник. Хлопоты с изготовлением костюмов,

бутафории и тайные репетиции начались недели за три. В последние дни и Павел Григорьевич принял в них самое деятельное участие, помогал клеить фонарики, шушукался с поваром о каких-то изумительных блюдах.

Праздник состоялся 19 декабря. Программа дня: иллюминация, салют из китобойных пушек, интермедия и обед. Кают-компания и кубрик до неузнаваемости изукрашены гирляндами бумажных флажков и разноцветных фонариков.

Сразу после завтрака зажгли на палубе огни. Горящие плашки из медвежьего жира всюду по бортам, на мачтах и на вантах. У сходней — пылающие бочки из-под керосина. Георгий Яковлевич по-детски веселился, отбегал от корабля, чтобы взглянуть на иллюминацию издали, вместе с художником любовался, как отблески огня скользят по снегу, изборозженному бурями, и превращают береговой откос в мраморную стену.

Главные действующие лица интермедии: капитан, начальник экспедиции — Седов, морской царь — Линник, его герольд — Лебедев, царица, потрепанная молодящаяся баба — Коноплев, царица — Пустошный, двое чертей — Коршунов и Кузнецов, вахтенный матрос «Фоки» — Шестаков.

После пушечного удара свободная часть экипажа могла наблюдать, как из-за борта «Фоки» показались черти, герольд и морская царская фамилия. Все в рогожных костюмах, в кудельных париках и бородах. Лица загримированы до неузнаваемости. После напыщенного предисловия герольд представил действующих лиц, провозгласил полный титул морского царя:

Царь Нептун полярный,
Повелитель вод арктических,
Князь Карский, Беломорский,
Президент американских всех морей...

Царь играл подобающе сану, с величием и рыканием в голосе. Он потребовал начальника и учинил ему допрос:

Царь. Кто ты такой? Как зовется судно?

Н а ч а л ь н и к . «Святой мученик Фока».

Царь. Слышал, слышал. Не раз я мял ему бока.

Царь предъявил начальнику обвинение:

С некрещеною командою,
Злой, разбойничьею бандою,
Не спросивши разрешения,
Вторгся ты в мои владения.
Двух медведей ты убил.
Зря в воде их потопил.

Дерзок на море ты больно.
Я терпел уже довольно...

В результате Нептун потребовал:

По законам моим и полярного царства,
Великого морского государства,
Обязан мне дань уплатить
Провизией, водкой. Больше отпустить!
Людей же твоих я должен крестить.

Царю вручен был список не бывавших еще за полярным кругом.

Началась центральная часть праздника — крещение.

Первым попался в руки чертей капитан, следующим — Павел Григорьевич. При хохоте и криках актеров и зрителей каждый проходивший крещение получал за ворот ковшик смеси из снега с морской водой, а в лицо — мазок сажей. Не спасали никакие отговорки.

Седов заливался смехом, как в давние годы, когда крестили на Кривой Косе провинившихся перед ватажкой ребят. Ежась от таящего льда на спине, вымазанный сажей, тоненько смеялся Павел Григорьевич.

За обедом раскрылись все тайнства приготовлений Кушакова. Он сам принес из кухни и с торжеством поставил на стол дымящееся блюдо пельменей. «Собственное изобретение — пельмени из сушеного мяса, тушенного с салом».

Павел Григорьевич собственноручно угощал каждого и пельменями, и пирожками, и селянкой из консервированных овощей и мяса. Подливая компота, следил за рюмками... Ах, друзья, как вы ошибались, думая плохо о Павле Григорьевиче! Он Прекрасный человек, смею уверить. Всем и каждому готов он угодить...

Но, подливая другим, Павел Григорьевич сам почти не пил. Внимательно вслушивался в излияния подвыпившей компании.

На другой день после праздничной пирушки Павел Григорьевич с веселой улыбкой вошел в каюту Седова.

— Ну, как, головка не болит? Прекрасный получился праздник! И как подняли дух и представление, и эта милая пирушка. Мне это напомнило дружную кутящую студенческую компанию. В такой всегда бывает больше шума и оживления, чем пьяного дела... Ах, блаженные годы!.. А вот команде надо бы поменьше давать. Я послушал с палубы, о чем там в кубрике галдят. Над боцманом издевались. Нехорошо это! Все-таки боцман первое начальство. И все Линник коноводит. Революционно настроенный элемент! Нет, я только так, для сведения...

ГЛАВА VIII
НОЧНОЙ ПОХОД

Подвижная и кипучая натура Седова с трудом выносила навязанную бездеятельность на зимовке. Он решил предпринять небольшое путешествие на север, не дожидаясь конца полярной ночи. Целью этого похода было определить с возможной тщательностью положение мыса Литке, отстоявшего от зимовки километров на пятьдесят.

Седов вышел 21 декабря, выбрав себе в спутники Югана Томиссара. Продовольствия взял на две недели.

При отправлении было тихо. Собаки везли хорошо. Вьюги отлично утрамбовали снежный покров на Панкратьевском полуострове. Любо было глядеть, как по залитой лунным светом равнине бежали провожавшие, стараясь не отстать от собак. Провожали почти все до последнего мыса на Панкратьевском полуострове. Потом повернули назад, к своим теплым каютам, а нарта с двумя путниками спустилась на морской торосистый лед.

Лунный свет в полярных странах ярче, чем где-либо. При нем можно читать. Отчетливо видна мушка на дуле ружья. Художник пробовал даже фотографировать при свете полной луны и получил прекрасные результаты. Находить дорогу не представляло никакого труда. На горизонте появились не виденные с осени горы, ясно вырисовывались скульптурные группы фантастических торосов. Отчетливо был виден каждый выступ, каждая щель.

При ярком свете луны Георгий Яковлевич успел дойти до какого-то берега. Вероятно, это был входной мыс неизвестного обширного залива, рядом с Панкратьевским полуостровом. Берег был свободен от льда. Среди прибрежных торосов торчали бревна плавника. Но не успел Георгий Яковлевич оглядеться как следует и решить, куда направиться дальше, как луна закрылась облаками. Слабый ветерок стал крепчать. Пока ставили палатку и распрягали собак, налетела свирепая вьюга. Она бушевала около полусуток.

Как только вьюга стала стихать, Седов и Томиссар начали собираться в дальнейший путь, хотя луны еще не было. Ее присутствие обозначалось слабо различимым световым пятном на небе.

Шли возле берега. Георгий Яковлевич напряженно всматривался, чтобы не оторваться от берега в таком раздражающем полусвете без теней. Ищи его потом, если луна совсем закроется!

¹ Впоследствии этот мыс был назван Седовым мысом Прощания.

Идти пришлось недолго. Вьюга снова завывала, скрывая и берег, и небо, и морские торосы. Снова поставили палатку.

Наконец, пришли к какому-то мысу на невысоком берегу. Направо находился глубоко вдавшийся узкий залив, впереди при свете луны был виден еще какой-то мыс. Вероятно, это и есть желанный мыс Литке. Небо над ним казалось черным. За ним, всего в полукилометре, плескалось совсем открытое море, отделенное от берега только неширокой полоской молодого льда.

Расположились лагерем на этом мысу. Ветер стих. Ярко светила луна. Не теряя времени, Седов принялся за наблюдения звезд. Наблюдения удалась прекрасно. Остаток дня употребили на устройство лагеря и постройку снежной хижины для магнитных наблюдений. Получилось настоящее эскимосское иглу с куполообразным сводом. Огонек свечи, внесенной в хижину, отражался блестящими кирпичами ослепительно белого снега, словно зажгли не жалкий огарок, а сильную электрическую лампу.

Построив хижину, покормили галетами собак и забрались в палатку, утомленные последним переходом. Разожгли примус. Георгий Яковлевич поставил на него чайник, наполненный снегом. В палатке стало тепло... Отрезая время от времени куски плотного снега и подкладывая их в чайник, Георгий Яковлевич при свете свечи принялся за вычисления, Юган сидел, как всегда, мрачный и сушил рукавицы.

Но вот чайник вскипел, и Георгий Яковлевич захлопнул тетрадь. Влил кипяток в кастрюлю, положил сушеного мяса, щепотку овощей и горсточку сухого картофеля. Достал заветную флягу.

Он налил Югану почти полчашки спирта.

— Сегодня с устатку, по случаю благополучного прихода. Держи!

Мрачность Югана исчезла без следа. Георгий Яковлевич развел немного спирта и выпил сам. Правда, как хорошо, устав, придти в палатку, сидеть у синего примусного огонька и наслаждаться его теплотой. А тут еще горячая струйка спирта — она прошла по всему телу.

Поели супу из одного котелка деревянными ложками, выпили по кружке какао. Сняли полушубки, положили их под голову, натянули малицы. Примус потушен. В палатке темно. Сначала холодно. Но малица быстро наполняется теплом.

Рядом уже слышен богатырский храп. Юган уснул. Георгий Яковлевич закрыл плотнее шапкой уши и тоже быстро погрузился в сон. Приснилась Соломбала и двор, полный собак. Началась драка. Вся стая собак сбилась в невообразимый клубок перепутанных тел. Но вот из нее, как при драках

в бухте «Фоки», вырвалось несколько, за ними понеслись остальные. Вот окружают, сбивают с ног. Всюду оскаленные морды, лай, взвизгивания...

Георгий Яковлевич проснулся.

Тот же ужасный лай продолжался. В темноте ничего, не разобрать и не понять. Скинул малицу.

— Юган, вставай!

— Что такой, что такой?..

Опрокинув примус, Георгий Яковлевич бросился к выходу из палатки. Ощупью расстегнул две застёжки.

При ярком свете луны увидел шагах в тридцати кучку собак. Казалось, они дрались. Внезапно собаки разбежались и стали кольцом. В середине кольца стоял огромный медведь. Собаки норовили броситься на него, но зверь проворно поворачивался, занося огромную голову на длинной шее. Лютее всего на медведя кидались Варнак, признанный вожак собачьей стаи, Разбойник, Весельчак и Пират. Остальные, видимо, трусили, стараясь держаться подальше.

Георгий Яковлевич втянул голову в палатку и стал шарить, где винтовка.

Она оказалась в углу среди штативов. К счастью, винтовка была заряжена пятью патронами.

В одной блузе и без рукавиц Георгий Яковлевич вылез из палатки.

— Юган, бери топор! Держись сзади в пяти шагах. Быстрыми шагами Седов направился к медведю. Как раз в эту минуту медведь присел по-собачьи на снег и собирался сделать прыжок. Но в самый момент прыжка на спине его оказался Пират, сзади вцепился Варнак, на шее повис Разбойник. Все попадали. Встав на ноги, медведь загреб лапой Пирата. Казалось, псу пришел конец, но выручили другие собаки, которые остервенело стали теребить живот и зад огромного зверя.

Георгий Яковлевич остановился в двух шагах от медведя и выпустил пулю почти в упор в его треугольную голову. Медведь рухнул и не сделал ни одного движения. Собаки всей стаей набросились рвать убитого.

Георгий Яковлевич обернулся. Юган стоял шагах в пятнадцати, но в самой воинственной позе, с занесенным на плечо топором.

— Готов!

Не снимая топора с плеча, Юган подошел и опасно пнул медведя носком.

Отогнали собак. Только теперь Георгий Яковлевич заметил, что держит ствол ружья голой рукой. Сталь прилипла к ладони и обожгла ее во всю длину.

Надели полушубки. Долго возились со съемкой шкуры. Кормили внутренностями собак. Тушу и шкуру спрятали в снежном домике, чтоб не изгрызли собаки. Потом жарили медвежьи бифштексы.

— Ну и спишь же ты, Юган! Такой гвалт стоял, а он почивает, как невинный младенец.

— После чарки я сплю, как мертвый. Во флоте один раз артиллерийское ученье проспал. Стреляли из шестидюймовых пушек тут же, на батарейной палубе. Боцман линьком хватил — тогда услышал!

— А почему ты стоял так далеко? Я приказал тебе держаться в пяти шагах. А если б винтовка не выстрелила? Мне за тобой бежать, показывать медведю зад? Так и задрал бы нас медведь поодиночке! Медведь трусов не любит.

— Виноват, Георгий Яковлевич!

— А я хотел тебя к полюсу взять! Теперь боюсь. К полюсу должны идти надежные товарищи. Юган молчал.

Знал, что Юган непрочь полениться, но когда нужно, способен был развить огромную энергию. Тогда он становился восторженным в работе и заражал всех. Вот за эту восторженность и любил Седов Югана. В Крестовой губе он не раз выручал во время шторма.

Второй медведь пришел на следующее утро. Он разломал магнитную хижину и начал пожирать мясо сородича. Георгий Яковлевич выбежал из палатки, когда на месте бывшей магнитной хижины происходила дикая пляска медведя и обзленных псов. Было темно, луна исчезла за густыми тучами. Георгий Яковлевич едва рассмотрел среди копошащихся во мраке животных большой серый комок. Подошел очень близко, выстрелил. На этот раз медведь не упал, но, подпрыгнув, взревел и понесся по направлению открытого моря. Седов побежал следом за ним. На бегу, меняя патрон в магазине винтовки, выстрелил два раза, еще раз ранил зверя. Медведь упал, но, ковыляя, добрался до края ледяного припая и бросился в воду. Несколько секунд была видна его треугольная голова, потом она скрылась.

Седов вернулся на судно 1 января. Он весь обмерз. Юган обморозил запястье, на котором образовалась глубокая гноящаяся рана. Последние три дня путники питались сухомятку, так как керосин вышел. Все намеченные наблюдения Георгий Яковлевич сделал.

Впоследствии, во время весеннего похода Седова к мысу Желания, оказалось, что мыс, где он разбил свой лагерь и сражался с медведями, расположен не на самой Новой Земле, а на небольшом острове.

ГЛАВА IX

НАСТУПИЛ ДЕНЬ

В конце января ударили сильные морозы, 27-го температура опустилась до $-50^{\circ},2$.

Седов вычислил, что солнце должно будет перейти горизонт в полночь 9 февраля. Конец полярной ночи был отмечен процессией, отправившейся встречать солнце на гору Панкратьевского полуострова. Седов шел впереди с полюсным флагом, за ним другие. В руках у Павлова было знамя и кусочек лапландского нефелина, Визе нес плакат с надписью « $-50^{\circ},2$ » — самая низкая температура, когда-либо отмеченная на Новой Земле.

Процессия остановилась у заранее раскинутой палатки с яствами. В полдень горела яркая заря, небосклон был чист. Всех манила надежда увидеть солнце. Около двенадцати часов поднялся на небе красный столб — отблеск восходящего солнца, но оно не поднялось настолько высоко, чтобы показаться из-за новоземельских гор.

В последующие дни почти непрерывно свирепствовала вьюга. Только 19 февраля над горами впервые показалось долгожданное светило.

— Солнце, солнце! — закричали на палубе.

Все бросили работу, закричали «ура». Кто-то выстрелил из ружья, потом ударила пушка.

Седов и его спутники смотрели на солнце, медленно высвобождавшееся из снежного тумана. Наконец-то дождались настоящего дня!

Солнце принесло с собой радостную перемену и в природе и в жизни зимовщиков. При свете дня выступили почти забытые подробности окружающего пейзажа. Все казалось новым. На горах почти не осталось темных пятен — они поднимались к небу белыми привидениями. На льду, там, где раньше стояли высокие торосы, расстилалась волнистая пелена снега, изрытого застругами. На скалистых обрывах гор повисли узорами лавины, а у подошвы каменных стен образовались глубокие снежные коридоры. «Фока» тоже закутался: из снежной одежды видны только стройные мачты. Не было необходимости пользоваться сходнями — прямо с борта шагали на снежную равнину.

Все сияло белизной и радостью. Но жилые помещения на корабле при свете дня казались еще мрачнее. Когда в первый раз золотой солнечный луч ворвался в иллюминаторы и заиграл в темноте кают, стало видно, сколько копоти накопилось за зиму; при искусственном свете было незаметно, что стены стали серыми от табачного дыма и сутками горящих ламп.

Но теперь не было необходимости сидеть в каютах целыми днями.

Все разбредались на работу по съемке окрестностей по исследованию ледников или занимались очередной работой у корабля.

13 марта Седов возвратился из экскурсии на Южно-Крестовые острова с прелестным пушистым медвежонком за спиной. Варнак и Разбойник отыскали на острове берлогу и выгнали из нее медведицу с двумя медвежатами. Седов застрелил мать на расстоянии пятнадцати шагов. Одного медвежонка загрызли собаки. Варнак перервал ему горло одним ударом зубов, волчьей хваткой закинул детеныша на спину и стал рвать и терзать свою добычу. Седов едва спас другого.

Звереныш за дорогу от берлоги превратил в лохмотья пиджак Седова. Его укус крепче собачьего, а удар лапки полутора-двухнедельного детеныша дает понятие, что за сила должна быть у взрослого.

На следующий день Линник, ездивший с Кушаковым за матерью медвежонка, убил рогатиной еще одну медведицу и тоже привез на «Фоку» ее детеныша.

Медвежонок, принесенный Седовым, стал привыкать к людям. Сначала он упорно отказывался от еды и немилосердно шипел и ворчал на приближавшихся к нему людей. Вместо того чтобы брать соску, наскоро состряпанную местными химиками из лабораторной пипетки, он норовил вцепиться в руку. Кому-то пришла мысль просунуть соску в кусок медвежьей шкуры и уже в таком виде преподнести ее капризному младенцу. Дело пошло на лад: Мишка стал хорошо тянуть из соски разведенное молоко Нестле, уминая, как котенок, лапами шкуру и издавая звуки удовольствия, напоминающие пыхтенье автомобиля на тихом ходу. Питомец был окружен нежностью людей, которую им, видно, некуда было девать. Усердные няньки, не обращая внимания на исцарапанные руки и порванные брюки, возились с Мишенькой. Другой питомец, привезенный Линником, — Васька пользовалась меньшим вниманием из-за своего тяжелого характера. Это был злющий звереныш!

Через несколько дней Седов снова отправился на Южно-Крестовые острова, чтобы закончить их топографическую съемку. Сопровождал его художник. Один остров Седов назвал островом Назимова, а другой в честь спутника — островом Пинегина.

При посещении острова Пинегина художник отделился от саней, чтобы измерить anerоидом высоту горы. В это время сопровождавшие его собаки Варнак и Разбойник вдруг что-то почуяли и во весь опор побежали к склону горы шагах в

Лагерь Седова на острове Пинегина.

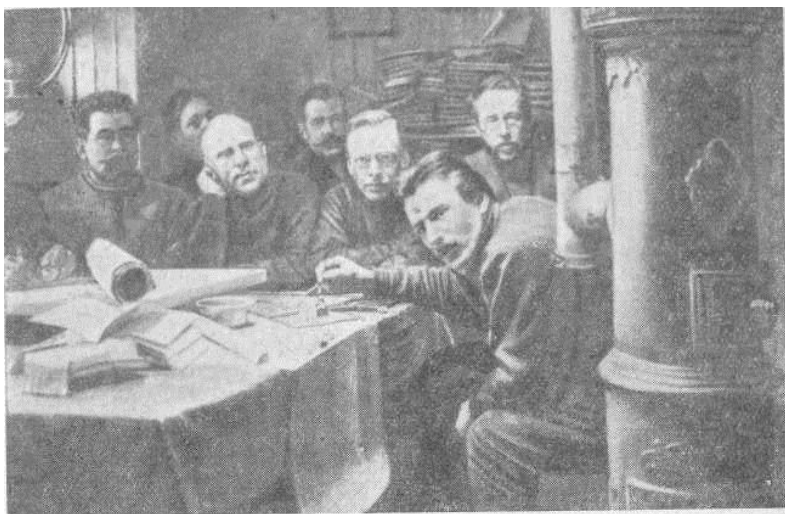
двухстах. Собаки в упряжке тоже взбесились и, завывая, понесли перевернувшуюся нарту. С трудом остановив упряжку, Седов взялся за ружье.

Под самым обрывом чернело отверстие, дымящееся паром, а оттуда, свирепо щелкая зубами, ревела огромная медвежья морда.

Собаки рвались в берлогу, но вход заграждала страшная лапа и могучая пасть.

Седов не торопился заканчивать охоту, с пяти шагов долго рассматривал медвежий дом и его хозяина, а в это время ярый охотник Фрам, вырвавшийся из оставленной позади упряжки, стрелой пронесся мимо и с разбега нырнул прямо в берлогу. Медвежья морда исчезла, из берлоги донеслись глухой рев, рычание, дикий визг собаки. Георгий Яковлевич считал, что с Фрамом уже покончено. Но вот прошло секунд пять-десять, показалась в отверстии фрамова голова, опять исчезла задним ходом, а в следующее мгновение Фрам вылетел сильно измятым.

Двумя выстрелами почти в упор окончили охоту. Еле-еле вытащили медведицу. Пинегин, с револьвером в руке, отправился исследовать берлогу.

Члены экспедиции: П. Г. Кушаков, М. А. Зандер, Г. Я. Седов,
Н. М. Сахаров, В. Ю. Визе, Н. В. Пинегин, М. А. Павлов.

В логовище вел тесный полутемный коридор длиной метров шесть. Сама берлога — просторная пещера в рост человека вышиной и диаметром метра в три. При голубоватом свете, проникавшем сюда, были видны два медвежонка, притаившиеся в углу. Бедняги! Они с ужасом смотрели на вторгшееся черное существо.

Седов пробыл на Южно-Крестовых островах шесть дней. Затем он хотел перебраться на Северный Крестовый остров. Однако последний был окружен водой, на что художник и обратил внимание Георгия Яковлевича. Но, как отмечено в эти дни в дневнике художника, «Седов упрям ужасно. Ему можно говорить что угодно, только не противное только что сказанному им».

— Я рассчитываю, что до острова лед. Если вам не хочется, я один пойду.

Разубедить Седова в возможности дойти по льду до Северного Крестового острова нельзя было, и он отправился в путь. Но уже на следующее утро ему пришлось повернуть. Льдину, на которой Седов ночевал, разломало, и он еле добрался до своей базы на Южно-Крестовых островах.

Еще зимой Седов разработал план исследования северной части Новой Земли. Обследовать внутреннюю часть острова взяли Павлов и Визе. Последний, кроме того, должен был

произвести опись части Карского побережья. Самый большой и самый важный в гидрографическом отношении участок — от Панкратьевского полуострова до мыса Желания — достался Седову. Ему предстояло пройти в два конца около семисот километров по трудному пути. Только в заливах можно было ожидать ровного, спокойно замерзшего льда, но заливов в северной части Новой Земли на картах значилось всего два, да и те, очевидно, подвергались напору льдов с моря. Остальная часть пути пролежала по торосам. Больше пятнадцати-двадцати километров в сутки, считая в среднем, по такому пути не пройдешь. Георгий Яковлевич решил взять провизии на полтора месяца. Запас в расчете на двух человек состоял из следующих продуктов (в килограммах):

Мясо сушеное	11,6	Лук сушеный.	0,4
Сухари.....	20	Фрукты сушеные	0,8
Сушки.....	4	Шоколад	4
Печенье мясное	1,6	Какао.....	2
Масло.....	8	Молоко консерви-	
Картофель суше		рованное	1,6
ный	2	Кофе.....	0,2
Зелень сушеная	0,8	Леденцы	0,8
		Керосин.....	16

У людей на «Фоке» постепенно вырабатывались навыки санных путешествий и жизни в палатке. Все побывавшие в экскурсиях делились своим опытом, хвастались усовершенствованиями. Бывало много споров о том, как распределить работу, чтобы сократить время разбивки лагеря и утренние сборы в дальнейший путь, или в каком порядке складывать на нартах провизию, палатку, спальные мешки, «расходный ящик», собачий провиант. В результате этих споров и накопленного опыта выработались общие приемы укладки, укупорки, палаточного обихода.

Никто больше не спорил, что провизию нужно упаковывать в небольшие матерчатые мешочки, которые пригодятся впоследствии для образцов горных пород, а эти мешочки укладывать в фанерные ящики или большие мешки. Все, что требуется на каждой остановке, разумеется, должно быть помещено на санях поверх всего и в строгом соответствии с порядком разбивки лагеря. Укупоркой саней, действительно, можно было гордиться. К двум боковым планкам и к задней и передней поперечинам, как клапаны у конверта, были намертво пришиты брезентовые полосы. Когда груз на нарте был уложен, закидывали сначала передний и задний клапаны, потом боковые. Получался плотный конверт, из него не выпала бы даже иголка. Теперь предстояло увязать его, да так, чтобы тратить на развязывание и новое завязывание всего

одну-две минуты. Достигалось это применением принципа, казалось бы, совсем неожиданного. Увязка саней осуществлялась по способу шнуровки дамского корсета — веревку продевали в боковые петли и завязывали одним узлом. Специальный провизионный ящик напоминал дорожный несессер. В нем хранилась посуда, двух-трехдневный запас провизии, походная аптечка, швейные принадлежности. Каждый предмет имел свое место в разделенном переборками ящике.

Седов покинул бухту «Фоки» 1 апреля. Вместе с ним шел боцман Инютин. Целью похода была опись северо-западного берега Новой Земли от Панкратьевского полуострова до мыса Желания.

До мыса Утешения дорога была мало интересной. Не доходя до этого мыса, путники натолкнулись на медведицу с двумя большими медвежатами. Спустили собак, завязалась драка. Медвежата убежали в торосы, а медведица стала защищаться. После пяти пуль сдалась.

«Сражалась она великолепно,— записано в дневнике Седова.— Из десяти собак пять оказались израненными. Нашли и медвежат. Они далеко не убежали и наблюдали, спрятавшись за торосами, как мать борется с врагами. Убили и их.

Жалко было, но что же делать, мы были голодны и боролись за свое существование! Медвежье мясо частью съели, часть забрали с собой».

На мысе Утешения Седов пробыл несколько дней, ожидая ясной погоды для астрономических наблюдений.

На месте астрономического пункта путешественники поставили знак.

Во время перехода от мыса Утешения до горы Астрономической погода стояла хорошая и теплая. Для съемки создались великолепные условия. Седов любовался хребтом, названным им хребтом Ломоносова. Вершины его выступали среди ледников и блистали на солнце, выделяясь розовыми зубцами на темном небе. Путь к северу от горы Астрономической был гораздо труднее. И погода, и дорога испортились. На всем пути справа виднелся огромный ледник. Съемка однообразных ледяных берегов трудна, особенно же много трудностей представляет передвижение по морскому льду вдоль ледника. Поверхность льда здесь всегда отвратительна. Со стороны моря — страшные нагромождения торосов или открытая вода, обойти которую возможно, только поднявшись на ледник. Наиболее же неприятная из дорог — там, где ледяные стены опоясываются полосой недавно образовавшегося льда, иногда столь тонкого, что от движения саней расходятся круги, как по воде. Поверхность молодого

льда всегда покрыта слоем выкристаллизовавшихся морских солей. Сани и лыжи по такому льду скользят не лучше, чем по песку.

До намеченного пункта оставалось совсем немного. Мыс Желания находился уже в виду. Скалистые пятнышки на северо-запад от него — конечно, Оранские острова. Прежде чем вступить в гряды прибрежных торосов, Георгий Яковлевич подошел к голубому, довольно большому айсбергу. Хотел с его вершины рассмотреть, где лучший путь. Подошел вплотную, высматривая, где бы удобнее подняться. Вдруг в зеркальной стене увидел отражение человеческой фигуры. Всмотрелся. Какой-то грязный мужик в засаленном полушубке повторял движения. Георгий Яковлевич подвинулся ближе. В айсберге отражалось черное, похудевшее, с обтянутыми скулами и челюстями лицо, заросшее бородкой. Не узнавал себя. Что-то мучительно знакомое было в этом отраженном облике. Что же? Вспомнил! Такие же обтянутые кожей скулы и зубы видел в детстве, когда пришли с плавучего льда скитальцы-рыбаки из ватаги погибшего атамана...

К мысу Желания Седов добрался 20 апреля. Он был первым, достигшим этого пункта пешим путем. На морских судах русские доходили сюда встарину нередко. Об этом свидетельствовал обнаруженный Седовым на мысе Желания древний русский крест.

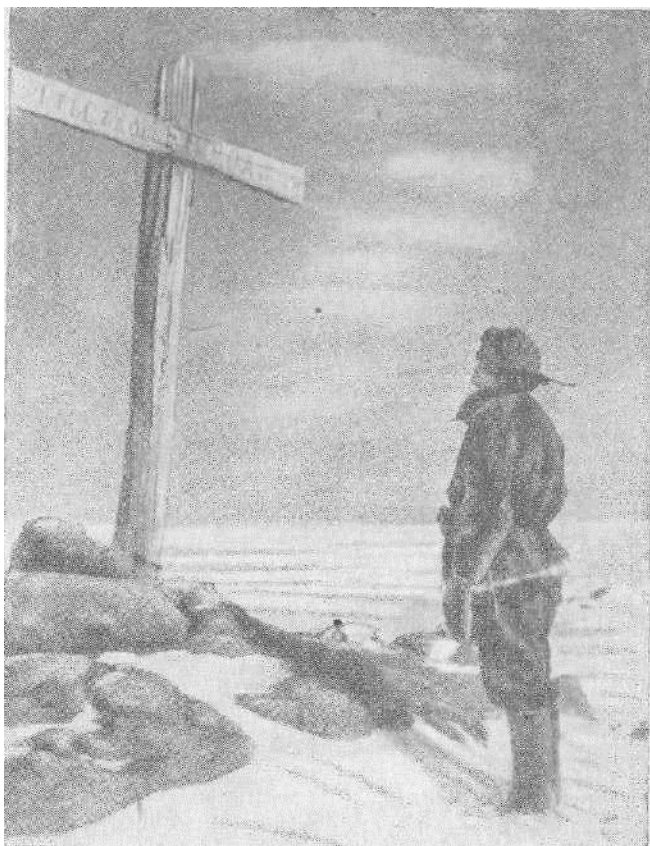
Определив на мысе Желания астрономический пункт, Георгий Яковлевич прошел еще верст тридцать по Карскому побережью до мыса Флиссингенского, после чего вернулся на мыс Желания.

На мысе Желания случилось происшествие, которое могло стоить жизни Инютину. Лагерь навестил очень предприимчивый белый медведь. Седов в то время работал верстах в пятнадцати от лагеря. Загнав безоружного Инютину на скалы, медведь направился к палатке, бесцеремонно разорвал ее и принялся хозяйничать. Раскидал имущество и инструменты и, добравшись до продуктов, начал их уничтожать. Инютин, видя, что дело может кончиться плохо, набрался мужества, слез со скалы и под прикрытием палатки, в которой сопел и ворочался медведь, подкрался к нарте, осторожно вытянул заряженную винтовку и выпалил в медведя в упор. Раненый зверь бросился бежать, собаки его преследовали, но он скрылся в торосах.

О пути с мыса Желания к бухте «Фоки» Седов записал в дневнике:

«На обратном пути жизнь наша была трудна, больше того — мучительна, ужасна.

Я опишу одно происшествие.

Астрономический знак, поставленный Г. Я. Седовым
на мысе Желания в 1913 г.

Сильным ветром оторвало от берега лед и унесло в море. Образовалась огромная полынья. Под влиянием мороза она покрылась тонким слоем льда в $1\frac{1}{2}$ — 2 вершка. Так как нам деваться было некуда — направо открытое море, налево неприступные обрывы ледника, — я решил идти вперед по этому тонкому льду. Приказал матросу с собаками идти точно по моим следам.

Медленно и осторожно я пошел, следя, как расходитя по кругам тонкий лед.

Уже перешел самое опасное место, вдруг слышу крик. Вижу — матрос провалился около нарты и барахтается, ломая лед. Я пополз к нарте по льду, чтоб снять хронометры,

документы с дневниками и ружье с патронами, но тоже провалился.

Дул резкий ветер. Подобравшись к собакам, мы вцепились в постромки, я крикнул «п-р-р-р!» — и нарта вышла на лед. Мы имели вид сосулек. Бегом пустились в путь. Пока добрались до мыса Медвежьего, окоченели совершенно.

Два дня сушили одежду, провизию и снаряжение. Подмокли остатки сухарей, растаял сахар, погибли все фотопластишки, как снятые, так и неиспользованные.

Катастрофа случилась потому, что Инютин не пошел, как было приказано, по моему следу».

Ледник, около которого Седов едва не погиб, он назвал в честь своей жены ледником Веры.

Открытая вода принесла не одни неприятности. Стали встречаться медведи.

За все путешествие Седов убил трех. Не будь медведей, положение его оказалось бы трагическим: главные запасы провианта иссякли еще до 15 мая. Последние две недели путники питались исключительно мясом, поджаривая его на медвежьем жире.

Седов вернулся на «Фоку» в ночь на 27 мая. Его было трудно узнать — так изменился он за два месяца.

В прокопченной одежде, с заросшим бородой, черным, как у мулата, лицом, невероятно похудевший, Седов выглядел настоящим дикарем. За время путешествия он потерял больше четырнадцати килограммов веса. На еду набросился голодным волком.

Отмыв слои копти и грязи и отчасти возвратив свой прежний облик, Георгий Яковлевич принялся рассказывать.

Выяснилось, что очертания северной части Новой Земли совсем не таковы, какими они показаны на картах.

Изгибы берега нигде не совпадают с изображавшимися до сих пор.

Седов часто разводил руками: как сохранить существующие названия, если их оказывается в одном месте несколько? Как закрепить названия мысов, заливов и островов, если в действительности их не существует?

К концу путешествия Седов пришел к выводу, что больше всего надо доверять самой старой карте — Баренца.

Но в местности у Большого и Малого Ледяных мысов береговая черта не сходится и с баренцовской картой. Впрочем, те мысы не что иное, как выступы ледников, спускающихся в море обрывами в пятьдесят-шестьдесят метров высотой.

Вполне допустимо, что во времена Баренца, триста лет назад, очертания ледяного берега в общем совпадали с изображенными на его карте.

Возвращение Г. Я. Седова и А. Инютина с мыса Желания.

ГЛАВА X

КАПИТАН ЗАХАРОВ

Когда Седов отправился в большое путешествие к мысу Желания, он вручил власть начальника экспедиции капитану Захарову. Рекомендовал подготовить судно к плаванию, но новых порядков просил не заводить. Одновременно с Седовым ушли Визе и Павлов. Из членов экспедиции остались только Пинегин, который уходил на целые дни рисовать или фотографировать, и Кушаков.

Капитан, оставшись на корабле полномочным командиром, начал с того, что освободил штурмана от экспедиционных вахт и свалил на него заботу о приведении судна в порядок.

Николая Петровича Захарова никто из его знакомых не считал плохим человеком. Напротив, слыл он очень любезным и культурным моряком. Любил Николай Петрович почитать либеральную газету, поговорить о высоких материях. Знаком был с сочинениями графа Льва Николаевича Толстого и весьма его чтит. По службе Николай Петрович шел ровненько: сначала третьим помощником, потом вторым и к первой седине дотянулся до капитанской должности на пароходике, перевозившем богомольцев на Соловки.

На «Святого Фоку» Захаров попал случайно. Соблазнился возможностью заработать хорошие деньги. Когда Седову понадобилось найти в один-два дня капитана для «Фоки», Захаров заявил о своих условиях — три тысячи золотом в год на всем готовом. Седов согласился. Захаров рассчитал, что денежки эти останутся почти целиком. Можно после возвращения внести залог в артель кассиров, и начать спокойную жизнь на берегу.

Моря Николай Петрович не любил. На неожиданное полярное путешествие смотрел как на долгую, скучную, но выгодную службу. Тоскливо, слов нет. Но дни бегут беспрерывно. И каждые сутки, как часовая стрелка перейдет полночь, на собственном личном счете в Азовско-Донском банке — щелк! — выскакивает новый итог на 8 рублей 33 с третью копейки больше вчерашнего. Щелк, щелк! — за десять дней 83 рубля 33 копейки, а за сто — 833 рубля плюс процентики, — это уже капиталец!

Опасностей путешествия к полюсу Николай Петрович не очень страшился. Не потому, что был храбрецом, — нет! Он просто не верил в серьезность намерений Седова. Самое дальнее, куда рассчитывал попасть Николай Петрович, — это на Новую Землю. Думал он, как и все его приятели, что все путешествие на «Фоке» — рекламная лавочка. Продаст Суворин миллионов пять-шесть лишних экземпляров своей газеты, а Седов получит жалованье за всю экспедицию, — и все будет в порядке. Ведь известно, что на Землю Франца-Иосифа пробраться почти невозможно. А если бы и оказалось возможным — поди проверь! При первом свидании с Седовым Захаров даже намекнул Седову, что в оценке состояния льдов он всегда присоединится к мнению начальника. Но Седов намека не заметил.

В общем же это свидание еще больше укрепило в убеждении, что Седов на полюс не пойдет. Не может быть, чтоб такой солидный и здраво рассуждающий человек стал заниматься пустыми мечтаниями о недостижимом и никому не нужном полюсе.

«Кому нужен полюс?.. Мне? Вам?.. Или Ивану Сергеевичу? Не нужен он никому! Ни Седову, ни мне, ни команде! Нужна Суворину прибыль от продажи газет — это ясно. Седову нужна слава полярного путешественника и жалованье. Мне — одно жалованье. Команде — жратва».

Так рассуждал «положительный» и «симпатичный» Николай Петрович Захаров.

Капитаном Николай Петрович был неважным, но со службой справлялся. Он считал главной задачей командира — поддержание дисциплины. А для всего остального есть помощники.

Капитанское дело — выйти на мостик, окинуть палубу хозяйским глазом. Пусть там полный порядок. Все же не мешает придраться к какому-нибудь пустяку и распечь матроса или боцмана. Нужно, чтобы команда и помощники чувствовали строгий капитанский глаз, понимали дисциплину. В вождении корабля Захаров полагался на помощников, сам был не силен. Помощников выбирал себе надежных. Они делали капитанское дело, команда исполняла приказания, Николай Петрович поддерживал дисциплину и подписывал бумаги. При таких порядках и работать нетрудно и неприятностей по службе не случается.

На «Фоке» пошло иначе. Прежде всего не удалось установить собственных порядков. В первые же дни Николай Петрович почувствовал, что поддерживать дисциплину на экспедиционном судне не так-то просто. Чем запугаешь этих головорезов, если они ничего не боятся? Без отпуска не оставишь! Прогнать — невозможно! Даже оштрафовать очень сложно: жалованье матросы на судне не получают. А главное, кроме капитанской, имеется еще власть начальника экспедиции. Ему все подчиняются с охотой. Все, даже матросы, понимают: Седов взял на должность капитана человека лишнего, уступив требованию портовых властей.

А тут случились еще на самых первых порах досадные промахи. Однажды при парусных маневрах Николай Петрович перепутал названия снастей. Их, впрочем, твердо не знал никогда. Скомандовал: «Подбери брасы», когда нужно было сказать — «герты». На другой день художник, приняв вахту, обнаружил непростительную ошибку. Капитан в течение четырех часов вел судно не на север, а на северо-восток. Причина ошибки — отклонение магнитной стрелки на путевом компасе под влиянием приблизившегося на опасное расстояние гика с железной оковкой. Капитан за всю вахту не взглянул ни разу на главный компас. Не заметил даже ненормального положения судна по отношению к солнцу, не заинтересовался, почему оно на северном курсе светит в глаза.

После этих случаев Захаров потерял капитанский авторитет в глазах команды и участников экспедиции. И вернуть его не было средств.

Ошибся Николай Петрович и в характере экспедиции. Оказалось, Седов и его товарищи всерьез собираются осуществить путешествие к полюсу. Они мечтают совсем не о доме, не о получке условленных денег. Только и разговоров, что о полюсе, и чем дальше, тем больше.

Убедившись в серьезности намерений экспедиции, Николай Петрович огорчился, но в возможность удачи не поверил и своего поведения не изменил: «Видно, Седов птица широкого

полета. Хочет большую карьеру сделать... Но извините, дорогой Георгий Яковлевич, здесь нам совсем не по пути! Мы люди маленькие, за большим не гонимся. Собственную голову ради чужой карьеры ломать не согласны. Конечно, делать нечего: назвался груздем — полезай в кузов. Назад пока не повернешь. Мне нужно заработать денежки — больше ничего. Если звание полярного капитана и известность экспедиции помогут получить тепленькое местечко — хорошо. Не выйдет — не надо. Мне эта авантюра ни к чему... Скитаться по льду — благодарю покорно!»

В самом начале зимовки на Новой Земле он познакомился с хождением по льдам, когда провожал экскурсию Визе. Пройдя километров десять по убродному снегу, капитан обессилел и лег. Пришлось посылать за ним нарту с собаками. Седов пытался вовлечь капитана в научную работу, но у Николая Петровича созрело твердое решение выходить из каюты только на прогулку. «Место капитана на корабле, — говорил он механику. — Нет такого закона, чтобы капитан месил ногами снег, мерз днем на морозище, а ночью ляскал зубами в палатке. Я нанимался вести судно, а не заниматься исследовательской работой».

Николай Петрович на зимовке оказался без дела. Первое время он призывал к себе в каюту боцмана, приказывал докладывать о состоянии судна.

— Ты давно измерял воду в трюме?

— Да как ее мерять, если там все замерзло!

— Замерзло?

— Да.

— А течь не увеличивается?

— Нет, не увеличивается. Говорю, все судно промерзло.

— Хм... А такелаж смотрел? Не попреет он?

— Как же ему попреть, когда такой морозище!

— Значит все благополучно?

— Благополучно.

— Ну, ладно. Иди!

Скоро надоели и эти разговоры. Капитан целыми днями слонялся без дела, зазывал всех в кают-компанию сыграть партию в шахматы: «Хотите, пришью?»

В конце концов, он приспособился к скучной жизни. Утром после завтрака, если погода позволяет, прогулка по воздуху. До обеда три-четыре партии в шахматы, чтение. Затем обед. После обеда поспать часика два, а там и вечер. В кают-компании вечеромлюднее, можно и в картишки сыграть. Скучно, в общем, слов нет... Но время идет... А там, в Азовско-Донском — шелк, шелк, шелк! — все каплет и каплет по восемь тридцать три...

Вскоре после возвращения Седова погода изменилась. Холода ослабели, все чаще наползали низкие, серые туманы; когда их пробивало солнце, становилось теплее. Весна наступила и в Арктике.

Впрочем, пришлось скоро разочароваться в полярной весне. Не радостная игра солнца, но слизь постоянных туманов сопровождала эту весну. Не шум быстрых ручьев слышался, а вой ветров. Не новые проталинки являлись каждый день — шло медленное разрыхление и оседание снегов.

Но какова бы ни была полярная весна, она несла с собой тепло и радость. Окрестностей зимовки — не узнать. «Фока» покрашен и прибран. Сугробов, закрывавших его борта, как не бывало. На палубе сновали люди в легких одеждах, кипела жизнь. «А давно ли,— вспоминал Георгий Яковлевич,— вылезали из-под снега бледные, угрюмые люди, торопливо бежали куда-то и опять ныряли под палубу-сугроб. Весь откос полуострова обнажился. Там — веселые ручейки. Давно ли он высылся белочеканной стеной, а отблеск северного сияния серебрил затянутые льдом камни? Где навесы лавин?..»

Да, начиналась весна. Узнав от Павлова и Пинегина о том, что они видели вблизи островов Верха и Заячьего открытое море, Седов решил послать на юг, в Крестовую губу, шлюпку, которая доставит к первому пароходу копии всех работ, исполненных экспедицией. Но главная задача посылки шлюпки — не эта. Самое важное — дать весть об экспедиции. В комитете должны узнать, что в прошедшем году «Фоке» не удалось пробиться на Землю Франца-Иосифа, что больше половины собак оказались негодными и погибли, что угля осталось ничтожное количество. С такими средствами достижение полюса маловероятно. Необходима помощь — посылка судна на Землю Франца-Иосифа с углем и собаками.

С материалами Седов решил послать капитана Захарова, в бесполезности которого в экспедиции уже давно убедился. К сожалению, беспомощного капитана нельзя было отправить одного. Пришлось отобрать надежных людей. С Захаровым Седов решил отправить матросов — Томиссара, Катарина, Карзина — и помощника механика Зандера. У Томиссара во вторую половину зимы появились признаки цинги, которые, правда, весной исчезли; Катарин почти непрерывно ходил с флюсом. Карзин и М. А. Зандер были совершенно здоровы.

3 июля партию отправили на остров Заячий. Шлюпку, поставленную на две нарты, легко повезли тридцать собак. На третьей нарте ехал капитан. Седов сам следил за снаряжением партии. Провианта было взято с расчетом на три месяца. Уезжающих снабдили палаткой, картами, шлюпочным спиртовым компасом, мореходными инструментами, таблицами, винтовками

Собака Пан. Медвежата Васька, Мишка, Торос и Полынья.

и дробовым ружьем, даже теплой одеждой — на случай задержки в пути или непредвиденной зимовки. Копии всех научных работ экспедиции и киноленты вручили капитану запаянными в два цинковых ящика, заделанных в дерево.

Седов очень ласково простился с капитаном.

Перед прощальным обедом он вручил Захарову приказ и инструкцию.

ГЛАВА XI

В ОЖИДАНИИ

После отъезда Захарова основная работа экспедиции заключалась в приготовлении к плаванию. Седов жил ожиданием вскрытия льда. Наступило полярное лето. Сошел весь снег на Панкратьевском полуострове, стали освобождаться даже высокие горы на матером берегу. Снег оставался только в горных ущельях, оврагах и на ледяном покрове. Морской лед в бухте весь затопило, на нем всюду появились озера и лужи, образовавшиеся от стаявшего снега и часто выпадавших дождей.

Обучение медвежат.

Нагреваясь на солнце, вода растапливала понемногу лед, особенно в местах спайки старых льдин, где он сравнительно тоньше и пропитан кристаллами солей. Дожди и талая вода быстро растворили их; лед, становясь рыхлым и пористым, легко распадался. Но в целом он был еще достаточно крепок и не выпускал «Фоку». Все море за островами Панкратьева и Крестовыми было закрыто густым плавучим льдом, и небо на горизонте было светлое — «ледяное».

Надо было ждать, а пока жизнь шла своим чередом. В свободное время занимались медвежатами. Они за лето подросли и стали очень сообразительными. Знали час еды и своего благодетеля Ваню-повара. Сломя голову бежали на клочки — Полынья, Торос и Васька. Задолго до обеда они собирались перед дверью, ведущей в камбуз — судовую кухню. В это время с палубы их не прогнать, а для штурмана Максими́ча палуба — священное место. Он часто швырял нечистоплотных медвежат за борт, Георгий Яковлевич любил играть с сообразительными питомцами в минуты отдыха.

В конце июля мирная жизнь медвежьего питомника была нарушена. Заметив понятливость медвежат, Седов решил приучить их к упряжке.

— Что они, в самом деле, дармоедствуют. На «Фоке» не должно быть дармоедов. Будут они у меня дрова возить!

Взялся рьяно за дело.

Бедные медведи сначала ничего не поняли. Тогда Седов

пустил в дело кнут. Достаточно поревев во всю силу медвежьих легких, они сообразили, что нужно делать для избежания ударов плетки. В конце первого урока Полярники и Торос уже не упирались, а тянули нарту, но только по направлению судна. Однако уроки упряжной езды очень напугали их. На человека стали смотреть подозрительно. Больше не бежали сломя голову, когда кто-нибудь подзывал. Но в беде держались вместе.

Когда одного запрягали, остальные присутствовали обязательно, шли рядом. Когда запряженного били плеткой, ревели все три медвежьих глотки. Везущий сани ревел от боли, остальные — из сочувствия беде товарища.

Охотились на нерп, в изобилии появившихся в бухте «Фоки».

Нерпы любят, выбравшись на лед через лунку, продутую своим дыханием, понежиться на льду. Охотились на них чаще всего на льду во время лежки. Для такой охоты необходимо большое терпение, ибо эти животные очень чутки и редко подпускают к себе ближе двухсот пятидесяти — трехсот шагов. Приходится целыми часами красться под прикрытием торосов, а если идешь по открытому месту, то надо пользоваться моментами, когда животное опускает голову и дремлет. Подобравшись возможно ближе, охотник должен сделать очень точный выстрел в самую голову, иначе случается, что даже тяжело раненный зверь скатывается в свою лунку и тонет.

Охотой на нерп занимались Седов, Пинегин и Кушаков. Не раз они возвращались мокрыми с головы до ног после внезапной ванны, которую случалось принять в горячке охоты, когда нога попадала на сильно разрыхленный лед. За лето убили десятка три нерп, одного морского зайца, пять взрослых медведей и двух больших медвежат.

Находясь в постоянном ожидании начала плавания, Седов не забывал и научной работы. Он сделал серию магнитных и астрономических наблюдений на мысе Обсерватории и внес большие дополнения в съемку окрестностей зимовки. Кроме того, он обошел все Горбовы острова и губу Архангельскую и, определив астрономические пункты, составил в крупном масштабе новую карту всего района от губы Архангельской до северо-восточной части Панкратьевского полуострова. Другие участники экспедиции также напряженно работали, пользуясь каждым хорошим днем. Визе, кроме своей постоянной работы на метеостанции, занялся гляциологией и топографией; определил скорость течения ледников и сделал съемку ледника Таисия. Павлов, пользуясь отсутствием снега, целые дни проводил за изучением геологического строения Панкратьевского полуострова и ближайшей к нему части коренного берега.

Пинегин написал много этюдов и запечатлел на киноленту и фотопластинки много интересных моментов из жизни экспедиции и пробуждения полярной природы.

При посещении Горбовых островов Седов с удивлением и досадой обнаружил, что капитан Захаров находится еще в норвежской избушке на острове Заячьем. При встрече капитан оправдывал свою нерешительность невозможностью доставить шлюпку к границе невзломанных льдов, которая была всего в шести километрах от избушки. Матросы, как выяснилось, несколько раз предлагали тронуться в путь. Они не сомневались в том, что четыре человека, поставив шлюпку на обитый сталью киль, легко покатают ее по освободившемуся от снега ровному льду и в день или два доставят шлюпку к открытой воде. Когда Седов выразил свое возмущение, капитан стал говорить, что в ожидании потрачено много провизии; он просил дополнительного продовольствия с очевидным расчетом еще оттянуть момент отправления.

Сразу после возвращения на «Фоку» Седов отправил с Павловым дополнительную провизию для капитана. Павлов получил инструкцию поупрекнуть капитана, рассказать, что лед в бухте «Фоки» очень ослабел и экспедиция в один из ближайших дней намерена отправиться в плавание. Вернувшись через два дня, Павлов сообщил, что капитан никак не может набраться мужества и, по-видимому, собирается ждать, пока открытая вода не подойдет к самой избушке, где он живет, а если этого не случится — вернуться на «Фоку». Седов, возмущенный нерешительностью капитана, направил Визе с приказом привезти капитана на «Фоку», а вместо него оставить штурмана Сахарова. Штурман и Визе отправились. Однако капитана в избушке не застали. Он все-таки решился отправиться в путь.

«Вышел 20 августа» — так гласил плакат на стене избушки. Визе и штурман прошли до Архангельской губы, видели еще дымящийся костер на месте остановки капитана, но партию не догнали.

В половине августа Седов сделал попытку пропилить широкий канал, в расчете, что он поможет освободить «Фоку». На «Фоке» имелись специальные пилы для морского льда, петли и ломы. Работали всем составом экспедиции долго и упорно. Сначала дело пошло хорошо, пропилили канал длиной метров триста — триста пятьдесят. Однако в конце августа Седов был вынужден оставить эту затею — начались заморозки. Пресная вода, стекая в пропиленную щель, быстро смерзлась и снова сковывала лед в одно целое. За день успевали удлинить канал не больше чем на десять метров. Оставалась одна надежда на крепкий ветер.

29 августа на «Фоке» праздновали годовщину выхода экспедиции, точнее — день, когда «Фока» начал свое плавание к северу от устья Двины. Торжество было отмечено приказом по экспедиции — его прочел вахтенный начальник — и речью Седова.

В своей речи Седов, развивая взгляды на экспедицию как на единый организм, указывал, что и незаметная работа каждого в своем деле становится видной в общем результате. Результаты же работы за год таковы, что ими могла бы гордиться большая экспедиция, специально снаряженная для изучения Новой Земли. И в этом заслуга не только ученых, но и всех участников экспедиции.

Наступил сентябрь. Этот месяц на Новой Земле может считаться порой поздней. В конце его наступает зима.

Давно прекратилось таяние морского льда, все лужицы на нем замерзли. Седов сознавал ясно: если в течение двух ближайших недель бухта не вскроется,— предстоит вторая зимовка на том же месте.

3 сентября с моря подошла крупная зыбь и поломала лед. Седов приказал поднять руль. Вечером того же дня «Фока» тронулся с места, но в сплоченном льду прошли всего около мили. Только через три дня, вечером 6 сентября, когда подул с берега крепкий ветер и лед стало относить от берегов, «Фока» снова пришел в движение. К несчастью, льды, зажавшие «Фоку», несли его не к открытой воде, а к месту зимовки. Вскоре судно оказалось в опасной близости с подводными камнями у мыса Обсерватории. Седов с замиранием сердца ждал катастрофы. Еще несколько десятков метров — и «Фоку» выбросит на камни. Выбрав момент, когда у носовой части судна образовались разводья, он приказал отдать якорь. Минут пять судно с утянутым книзу носом дрожало под напором крупных ледяных полей. Затем последовал страшный толчок, и нос корабля взмыл вверх, что-то затрещало в брашпилье. Штурман Сахаров отпрянул в сторону, как ужаленный, предполагая, что якорная цепь через секунду выдерет брашпиль вместе с палубой.

Донесся голос вахтенного матроса с кормы:

— Под рулем два фута.

Лицо Седова потемнело. Только что вышедший на мостик Павлов, покачнувшись, но, не осознав, что происходит, произнес:

— Кажется, волнение начинается, Георгий Яковлевич? Седов ничего не ответил, только глазами сверкнул, но в ту же минуту он вздохнул с облегчением. Якорь снова взялся крепко за грунт, а брашпиль выдержал. Ледяное поле, давившее на «Фоку», треснуло, подалось и стало разворачиваться.

Минут через пять, выбирая якорь и работая машиной, «Фока» отошел от опасного места.

Хотя лед продолжал оставаться очень сплоченным, Седову не терпелось, он хотел сейчас же пробиваться дальше, но механику удалось уговорить его не тратить уголь понапрасну, а подождать, когда начнут появляться разводья.

В самом деле, дня через четыре лед слегка развело, и «Фока» под парами и всеми парусами освободился из ледового плена.

Куда же идти? Седов предполагал оставить на случай возвращения капитана склад провианта и копии карт около знака на Панкратьевском острове и забрать там же поленницу дров, заготовленную еще зимой.

Однако подойти к Панкратьевскому острову помешали густые льды.

Седов решил пойти на остров Заячий, устроить там склад провизии и, обогнув льды с юга, пройти на пятидесятый меридиан, по которому и пробиваться к мысу Флора на Земле Франца-Иосифа.

Устроив 7 сентября склад на Заячем острове, Седов повел «Фоку» на юг, огибая льды, которые в тот год тянулись языком до полуострова Адмиралтейства. Весь день 8-го он шел курсом на запад и к северу повернул только утром следующего дня.

ГЛАВА XII

«ПОДВИГ» КАПИТАНА ЗАХАРОВА

В то время когда Седов, отправив Захарова, готовился плыть на Землю Франца-Иосифа, интерес к его экспедиции в России значительно повысился. Газеты помешали сенсационные выдумки о ее гибели. В начале зимы распространился слух о шести трупах, которые якобы видел во льдах какой-то норвежский капитан около «Фоки», покинутого экипажем. Появлялись в газетах разоблачения деятельности седовского комитета, ничуть не помышлявшего о снабжении экспедиции углем и провизией. Все настойчивее становились требования снарядить поисковую экспедицию. Каждый слух подхватывался и повторялся газетами. В совет министров было внесено предложение принять меры к спасению экспедиции Седова и экспедиций Русанова и Брусилова.

Если бы Захаров приехал в Крестовую губу вовремя, к прибытию первого рейсового парохода, корреспондентам было бы чем угостить читателей, но Захаров со своей нерешительностью добрался до становища в Маточкином Шаре только в

конце навигации и вернулся в Архангельск со вторым рейсовым пароходом.

Один из пассажиров парохода «Онега» описывает встречу с Захаровым как большое событие:

«Погода разгулялась. Свежий норд-ост развеял волнение, туман и снежные вихри скрывали берег. К полдню показались берега, белой полосой выделяющиеся из-за свинцовых туч и моря. Наконец, на белом покрове прибрежных скал вырисовались опознавательные знаки. Мы отдали якорь в двух милях от становища Маточкин Шар. Бухта тут мелкая, волнение большое, ближе подходить опасно.

Высоко поднятый флаг, еле заметные фигурки людей, перебегающие с места на место, свидетельствовали об оживлении, охватившем поселок. Приход парохода — великий праздник. От берега отвалил карбас. Долго бились гребцы, пока добрались до парохода. Они вошли на трап совсем мокрые, но оживленные.

— Седов жив! — крикнул колонист Князев.

— Как, почему знаешь?

— У нас седовский капитан и четыре человека из его команды, на шлюпке приехали, две недели живут... Только команда больна, а капитан здоров.

Сообщение с берегом трудно, большой прибор. Но немедленно спущена шлюпка, и лучшие гребцы под командой штурмана понеслись легкой птицей к берегу за измученными путешественниками. Томительно долго добирались до берега и еще дольше обратно. Наконец, среди снежной пыли ясно обрисовалась шлюпка. Мы все у трапа. Первым входит на борт капитан «Фоки» Захаров.

— Седов и спутники его бодры и здоровы! Шлют родным и знакомым привет.

Какие радостные слова! Осторожно, под руки, ведут второго механика, М. А. Зандера. За ним входят три матроса. Идут сами, но с трудом. Механик и один матрос больны цингой, другой — запущенным воспалением правого легкого. Я, давно оставивший врачебную практику, превращаюсь в судового врача. Захаров имеет утомленный вид, но здоров. Досталось же ему в этот вечер, да простит он наше любопытство! Мы с жадностью ловили его слова, переживали его впечатления...»

«Седов отыскался!», «Седов жив!», «Новости о Седове!» выкрикивали по городам газетчики. «Подробности зимовки на Новой Земле», «Письма Седова!» — выкрикивали на другой день. — «Интервью с капитаном Захаровым»...

Капитан Захаров сделался героем дня. Сам он держался, как подобает герою, с достоинством; чувствовалось, что

человек этот совершил важную миссию. В самом деле, ведь он приплыл на шлюпке из царства вечных льдов. Он привез документы и письма знаменитой экспедиции. В беседах он охотно рассказывал корреспондентам газет о пережитых трудах и лишениях, но не забывал упомянуть и о своей готовности к дальнейшим подвигам. «Вот отдохну немного, нужно будет идти на помощь Седову, об этом следует помнить. Таких людей, как Георгий Яковлевич, нельзя забывать!» И тут же почтенный моряк высказывал сожаление: «Вот жаль — нет у нас капитанов, которым можно было бы поручить руководство вспомогательной экспедицией. Я же, правда сказать, устал. Впрочем, надеюсь, к навигации отдохну». Триумф капитана длился недолго. Из рассказов спутников Захарова скоро выяснилось, что это по его вине отправленная Седовым почта не попала к первому новоземельскому пароходу и пришла в Петербург в конце арктической навигации, когда уже поздно было посылать Седову уголь и собак. По вине капитана Захарова его спутники, покинув Панкратьевский полуостров здоровыми, приехали в Маточкин Шар инвалидами — все они заболели по пути цингой. И немудрено: капитан кормил команду впроголодь. Совсем молодой, красивый Катарин, ничем, кроме флюсов, не болевший на «Фоке», в пути получил воспаление легких, плеврит и цингу. Вскоре после возвращения на родину он умер. Та же участь постигла и М. А. Зандера. Капитан занимал на остановках большую палатку, рассчитанную на пять-шесть человек, и не пускал в нее даже больных. В шторм, дождь и туман матросы оставались под открытым небом, сгрудившись у перевернутой шлюпки.

Несомненно, Захарову не приходило в голову, что в будущем спутники могут о нем рассказать кое-что. В отчете о путешествии с Панкратьевского острова, напечатанном в газете «Новое Время», капитан повествовал о своих приключениях: как он от Заячьего острова тащил шлюпку двенадцать верст по льду, как прокладывал курсы с негодным компасом, которым снабдил его Седов, как устанавливал для отдыха палатку, рассчитанную только на двух человек, и как несчастливио вышло, что Крестовую губу прошел в тумане. Вернувшись в Архангельск, он якобы поместил матросов в гостинице, а одного в больницу. Всюду и везде выставлял он себя героем, командиром шлюпки, проплывшей по Ледовитому океану. Он надеялся, что матросы, боясь суда и неприятностей с начальником, не будут рассказывать, а если и будут — матросским рассказам никто не поверит. Но капитан ошибся.

После одного из выступлений в газете Архангельска появилось письмо, подписанное всеми его спутниками. В письме рассказывалось о роли Захарова в седовской экспедиции, о

его поведении в пути к Крестовой губе, а также высказывалось мнение о невозможности участия Захарова в будущей поисковой экспедиции.

«Когда мы с Захаровым переселялись 28 июня на Заячий остров, между Захаровым и нами пошли разногласия относительно того — ехать сразу же дальше или не ехать. Мы стремились в путь, чтобы выполнить задание Седова, а с другой стороны, всем хотелось скорей добраться до жилья, а оттуда — в Архангельск. Мы много раз предлагали тащить шлюпку по льду, но Захаров упорствовал, говоря, что придет «Бакан»¹ или другой пароход. Наконец, стала наступать осень, Захаров все не соглашался ехать и даже высказывался за то, чтоб зимовать на Заячьих островах. Наконец, наше терпение истощилось, и мы заявили, что если он не уедет, то мы пойдем одни. Заявление подействовало. Захаров стал сговорчивее. 20 августа мы тронулись в путь. Перетащили лодку на берег Новой Земли, здесь отдыхали три дня, все время уговаривали продолжать путь. И так было дальше — на каждой остановке, каждый раз приходилось твердить капитану: нужно двигаться!

Каков моряк Захаров, можно видеть по следующему факту. Седов при прощании снабдил нас хорошим спиртовым компасом. Капитан, открыв в пути ящик с компасом, выругал нас: «Зачем, дураки, налили воды?» — и с этими словами вылил из компаса весь спирт. Конечно, компас испортился.

Заявление Захарова: «Значит, мы в туман проскочили Крестовую губу верст на семьдесят к югу» — не что иное, как вымысел. Когда мы проходили эту губу, была ясная, светлая погода. При входе в Крестовую губу мы ночевали, и все в один голос доказывали, что находимся в преддверии ее. Матрос Томиссар прожил в Крестовой губе целое лето, сам строил опознавательные знаки. Но Захарова нельзя было убедить, он уперся на своем: «Я плаваю капитаном двадцать пять лет и ошибаться не могу».

Захаров говорил в отчете, что при ночлегах разбивалась палатка, что она была рассчитана на двух человек, в действительности же палатка могла вместить всех пятерых, но Захаров не впускал в нее никого.

Далее в рапорте Захарова говорится, что он поместил больных матросов в меблированных комнатах «Московские номера», а Катарина в больницу призрения.

Такое заявление Захарова считаем, по меньшей мере, недобросовестным. По приезде в Архангельск мы были оставлены Захаровым без копейки денег и без одежды, в той, в которой приехали, на произвол судьбы.

В меблированные комнаты были помещены частными лицами,

¹ Военное сторожевое судно.

от них же получили немного денег — на первое время. Капитан Захаров ни разу не навестил нас, даже не осведомился, как мы устроились. Больной Василий Катарин был помещен в больницу тоже частным лицом. И о том, что Катарин в больнице, Захаров узнал только из газет. Все эти мелочи дают яркую характеристику Захарова. По нашему мнению, было бы большой ошибкой поручить ему командование новой поисковой экспедицией, проектируемой в 1914 году.

М. Карзин, И. Томиссар, М. Зандер, В. Катарин»

Многие газеты перепечатали это письмо. Захарову нечего было ответить. Мечты о карьере полярного капитана рушились. Позже, при организации поисковой экспедиции для помощи Седову, имя Захарова не появлялось.

Конечно, Захаров был виноват, что не доставил вовремя почту. Но если бы почта была доставлена к сроку, получил бы в таком случае помощь Седов? Едва ли!

Комитет в это время почти не подавал никаких признаков жизни. Всеми его делами бесконтрольно распоряжался капитан второго ранга Белавенец. В его руки шли деньги с всероссийской подписки, случайные пожертвования и доходы. Генерал-лейтенант Варнек, профессор Глазенап, геолог Толмачев, композитор Иванов, редактор газеты «Тайме» Р. Вильтон ушли из комитета совсем. Суворин и националисты Балашов, Бобринский и Шульгин не принимали никакого участия в его работе.

К 1913 году в комитете, кроме Белавенца, остались пять человек: в качестве председателя — А. Л. Горязин, дворянин, бывший офицер, без определенных занятий, бульварный литератор Васильковский, вице-адмирал Коландс, мичман Серебренников, хорошо известный всему флоту дикими, пьяными дебошами, купец Рубахин и издатель Сытин.

Денег в кассе никогда не было, хотя пожертвования на экспедицию регулярно поступали со всех концов России по разрешенной всероссийской правительственной подписке.

Между тем после доставки Захаровым копий научных работ Седова и его товарищей, особенно результатов путешествия к мысу Желания, общественное мнение стало проникаться симпатией к Седову и его героическому предприятию. Фритьоф Нансен, ознакомившись с доставленными Захаровым материалами, признал их весьма ценными. «Если бы даже, — сказал он, — Седову и не удалось достичь Земли Франца-Иосифа и полюса, то и в таком случае собранный им научный материал достаточен, чтобы считать результаты экспедиции очень и очень полезными».

Все чаще стали раздаваться голоса об оказании Седову

помощи. Из его отчетов было ясно, что будущее экспедиции не блестяще: угля на судне нет.

Седовский комитет, учитывая эти настроения, возбудил ходатайство об отпуске правительственных средств для снаряжения вспомогательной экспедиции. В июне 1913 года комиссия Государственной думы признала желательным «законоустановить предположение» об отпуске средств на снаряжение дополнительной экспедиции для розысков Седова.

Но отношение кадровых моряков к Седову оставалось неизменно враждебным. Новый начальник Гидрографического управления Жданко в письме на имя начальника Морского генерального штаба писал:

«В заключение считаю долгом сказать, что из сношений с нашими морскими офицерами я не мог не видеть, насколько непопулярен, если не сказать больше, Седов среди них, и я очень сомневаюсь, чтоб нашелся русский моряк-офицер, который по доброй воле отправился бы на розыски Седова».

В частности, не согласился занять пост начальника экспедиции для помощи Седову капитан Колчак, участник комиссии, рассматривавшей в 1912 году проект Седова. Он находил все предприятие Седова абсурдным.

Как бы то ни было, вследствие позднего прибытия капитана Захарова на материк время для отправки вспомогательной экспедиции с углем, продовольствием и собаками было упущено. Раньше лета 1914 года оказать помощь Седову никто не мог.

ГЛАВА XIII

К НОВЫМ БЕРЕГАМ

Вступив 9 сентября в лед на пятидесятом меридиане в широте около 75°20', «Фока» шел до позднего вечера почти без задержек.

На ночь пришлось остановиться. На следующий день с утра пробивались довольно успешно — лед был не очень сплочен. Но чем дальше на север, все плотней и толще становились пластины льда и выше торосы. Начались небольшие морозы. Каналы стали покрываться плотной коркой молодого льда; прорезая ее, «Фока» полз подобно мухе, попавшей в соус. Слышались выкрики команды да непрерывные звонки в машину: «Назад — вперед — назад».

Ледяной пояс только начинался, а топливо подходило к концу. Уже резали на дрова баню; ее вместе с плавником могло хватить на трое суток. «Фока», пробыв во льду чуть не двое суток, не достиг еще и прошлогодней широты. Но

так же как и в прошлом году, отдельные пластины смерзались в ледяные поля, оставляя все меньше каналов. Куда ни взгляни — одна картина. По горизонту — марево белой безбрежной пустыни, в сеть редких каналов вкраплены лужицы и полыньи. Вблизи — горы изумрудно-белых чудовищ-льдин. Выбиваясь из сил, коптя последним мелким углем, «Фока» вырывался из одного канала, чтобы застрять в другом.

12 сентября подул ветер, слегка расширил каналы, но настроение на корабле было угнетенное. Топки сожрали, наконец, и баню. В ход пошли разные доски и иной горючий хлам; принялись за ворвань медведей и нерп. Ворвань, если ее смешать с еще неостывшей золой, горит чудесно! Матросы тащили последние поленья, доски и всякий мусор. Трудно было удержаться от мыслей о будущем.

Под вечер ветер стал крепчать. Полыньи, очистившись от сала, стали проходимей. Люди повеселели. Вплоть до темноты шли отлично под парусами. В последний час лаг показал семь узлов.

13 сентября художник проснулся от возбужденных разговоров в кают-компании. Уж не землю ли увидели, не идет ли «Фока» открытым морем? Едва он спустил ноги с койки, сильный толчок повалил его обратно. Посыпались книги, зазвенело рядом в буфете, а в коридоре кто-то раздраженно заворчал: «Вот бьют! Так без головы останешься!»

Нет, об открытой воде говорить не приходится. Но за льдами видна, не больше как в семидесяти милях, долгожданная земля.

Вечером того же дня были у Земли Франца-Иосифа. Невольно вспоминались слова Нансена: «Так вот какая она! Сколько раз представлялась она мне в мечтаниях, и все-таки, когда ее увидел, она оказалась совсем иной». И Георгий Яковлевич ожидал увидеть нечто, похожее на Новую Землю, но Земля Франца-Иосифа оказалась не похожей ни на что виденное раньше. Она открылась в тумане-дымке. Георгий Яковлевич долго не мог определить — облако ли застыло или высокие пологие горы поднялись за горизонтом над свободной водой. Наконец, выделилось нечто, похожее на белый перевернутый таз, а сзади него — белые горы с темными горизонтальными полосками у вершин. К вечеру Седов хорошо опознал очертания берегов по карте.

Все внимание поглощала показавшаяся земля. Наконец, сильный всплеск под бортом и какое-то хрюканье заставили посмотреть вниз. Из чернильно-зеленого моря высовывались безобразные головы, вооруженные клыками. Большое стадо моржей, окружив корабль, сопровождало его. По временам пасти чудовищ открывались; тогда с брызгами воды и пара

вылетали мычание и хрип, похожий на хрюканье. Казалось, моржи негодовали на появление дерзкого пришельца в заповедных местах.

— Еще две охапки рубленых канатов под котлы, еще полбочки ворвани!

— Верти, верти, Иван Андреевич, догребай до берега!— кричал в машинное отделение штурман. — Близко, близко!

Спускалась темнота, с гор дул крепкий ветер. На берег ехать нельзя. Бросили два якоря.

«Было или нет русское судно? Получим ли уголь?» спрашивали друг друга.

14 сентября был пасмурный, немного мгlistый день. Летали одиночки чистики и стайки запоздалых чаек.

Скольким отважным людям мыс Флора казался первой ступенью к осуществлению мечты о полюсе! И сколько неожиданных препятствий, бед и разочарований встретило их на этом пути!

Кто только тут не побывал! Пайер, Ли-Смит, Джексон, Уэлман, Болдуин, Фиала. Здесь был Макаров со своим «Ермаком». Тут развалины жалкой избушки Ли-Смита и место замечательной встречи Нансена с Джексонном...

Ранним утром 14 сентября от борта «Фоки» отвалил карбас, переполненный людьми. На берег поехали все, за исключением штурмана и очередной вахты. Оставив шлюпку среди оледенелых камней, поднялись по невысокому прибрежному откосу на плоскую равнину, которая замыкалась с севера гористой частью острова — крутым скатом с отвесной стеной базальтовых утесов наверху.

Весь берег и горы были под глубоким снегом. Всюду виднелись медвежьи следы.

Седов быстрыми шагами направился к постройкам по ту сторону небольшого замерзшего озера. Теперь должно выясниться, прав ли он был, стремясь к мысу Флора. Если судно приходило, должны быть следы его пребывания. Нужно искать их где-нибудь на видном месте или внутри дома. Если уголь из-за плавучих льдов не удалось выгрузить на мысе Флора, то записку все-таки должны были оставить.

Около построек ничего похожего на знак с запиской не оказалось. Не было видно и угольного склада. Снег истоптан медведями, но человеческих следов — ни одного. Седов вошел в первую постройку — жилой дом Джексона. Он выглядел вполне сохранившимся, но двери полуоткрыты, окна выломаны медведями... Еле протиснувшись в дверь, через обледенелые сени проникли в жилое помещение. Какой хаос! На полу слой грязного льда в три четверти метра, по стенам наспех сколоченные койки в два яруса, посередине торчит кусок

прогоревшей печи, на койках — спальные прогнившие мешки, бутылочки с лекарствами и грязная посуда. Но никакой записки нет. Заглянули в небольшой сарайчик, служивший Джексоны для хранения угля. Он был пуст, если не считать мелких крошек и угольной пыли. В амбаре много разного добра, бочки, бидоны с керосином, пеммикан, каяки, но ни крошки угля. В циркообразном домике — то же.

Где же макаровский уголь? Не там ли, в хижине с бамбуковой оградой? Направились туда. Хижина оказалась судовой рубкой. Ее стены были окружены плотным рядом бамбуковых палок, переплетенных проволокой, промежутков между палками и рубкой завален торфом и мхом. Рядом с хижиной стоял столб с прибитой к нему дощечкой, на ней написано: «Ermak passed here, 1901»¹.

Осмотрели подробно весь берег. Всюду разбросано множество вещей из обихода полярных экспедиций, но среди них топлива не было. Только около восточной стены амбара оказалась небольшая кучка — мешка два или три — полурассыпавшегося угля, как раз в том месте, где на стене были следы лежавшей здесь большой груды. Очевидно, все топливо, оставленное Джексоном и Абруцким, и макаровский уголь использованы зимовавшей здесь американской экспедицией Фиала. На бедственное положение этой экспедиции и на отсутствие дисциплины указывали беспорядок и неряшливость в жилом доме и особенно дневник, принадлежавший Коффину, капитану судна «Америка». «Ищите, ищите как следует,— обратился Георгий Яковлевич к матросам,— быть может, тут есть и труп. С такими документами не растаются». Но на койке ничего, кроме истлевшего спального мешка и прогнивших кусков одежды, не оказалось.

Пока рассматривали дневник, один из матросов принес винтовку незнакомой системы и хорошо сохранившуюся просторную рубаху с капюшоном. На прикладе винтовки была выжжена надпись «In hoc signo vinces»².

— Экспедиция Циглера — Фиала! — сказал Седов.— Эту экспедицию я видел в Архангельске. У нее было прекрасное судно, множество всякого добра...

На равнине перед домом валялось множество разбитых ящиков, порожних банок из-под консервов, обрывки собачьих упряжек и поломанные нарты. Недалеко от джексоновских построек увидели возвышение; оно оказалось могилой Мюатта, одного из матросов джексоновского корабля «Уиндворт». Поправив крест, сломанный и поваленный бурями, направились

¹ «Здесь прошел «Ермак», 1901».

² «Сим победишь».

дальше на восток к обелиску, высеченному из крупнозернистого мрамора. На памятнике надпись: «Requiem F. Querini, H. Stökken, P. Ollier, «Stella Polare», 1900», указывающая, что обелиск поставлен герцогом Абрुцским в память трех участников его экспедиции, пропавших без вести во время путешествия к полюсу.

Осмотрели подробно весь берег. Угля не было. Плавника тоже нет. Впереди зимовка без топлива — вот что выяснилось в этот день. Просьба о присылке угля не исполнена. Экспедиция предоставлена собственной судьбе.

Под вечер первого дня Седов, художник и штурман пробовали охотиться на моржей. Охота на моржей, плавающих стадами, считается опасной. Если исключить из рассказов о приключениях норвежских промышленников все преувеличения, одна опасность остается несомненной — это постоянная угроза внезапно очутиться в холодной воде среди моржей. Удача охоты всецело зависит от искусства гарпунера.

Первое стадо встретилось недалеко от корабля. Седов направил шлюпку в самую гущу голов. Вся орда, разбрасывая пену, плавала от мыса к мысу, ныряла под небольшую лодочку и с шумом дышала; крошечные глазки блестели зло, недружелюбно. Если шлюпку не слишком швыряют волны, убить одного из стада не трудно, значительно труднее вонзить в добычу гарпун. Художник выстрелил в ближайшего моржа почти в упор, — тот потонул настолько быстро, что не успели даже замахнуться гарпуном. Со вторым сблизилась на два метра; стрелок выпустил заряд, а Седов бросил гарпун. Но, очевидно, для этих толстокожих обыкновенный железный гарпун совсем не годен, — он, не пробив полудюймовой кожи, погнулся и выпал. Что-то дико-жалобное послышалось в крике моржа, когда вонзился гарпун, брошенный вторично. После третьего удара морж, казалось, с отчаянием обернулся к шлюпке и, широко раскрыв безобразную пасть, взревел во всю силу легких. Каскад кровавой пены и брызг хлынул в лицо Седову. В то время как раненый морж рычал и метался по волнам, к нему стали собираться остальные. Животные, окружив шлюпку тесным кольцом, бессмысленно смотрели на раненого и на шлюпку.

На следующий день охота продолжалась. Моржей было множество. На припае и ближних льдинах Седов насчитал более сотни; вдали же повсюду тоже виднелись стада и отдельные туши с подобранными под брюхо лапами. Шагах в тридцати-сорока от одного из стад в двадцать-двадцать пять голов баркас пристал к льдине. Художник выгрузил киноаппарат и начал снимать; моржи лежали не шевелясь, как груди сосисок на блюде. Пропустив несколько метров пленки,

Пинегин попросил Седова выстрелить, чтобы вспугнуть стадо. Один из моржей был убит.

Удивительно: это не произвело на животных никакого впечатления!

Кушаков, не совладав со своим охотничьим пылом, тоже выстрелил в стадо и угодил так удачно, что клык самого большого самца разлетелся вдребезги. Осколки задели рядом лежавших, — поднялась суматоха. Два-три шлепнулись в воду, остальные собирались последовать за ними. Опасаясь, что моржи уйдут, и тогда для пополнения запасов мяса придется искать другое стадо, от «Фоки» более отдаленное, охотники открыли стрельбу. Первые выстрелы уложили ближайших к воде, остальные, заключенные в кольцо убитых, не могли броситься в море иным путем, как только через трупы товарищей, а тут их и настигали пули.

Седов решил, что следует добыть еще несколько животных; он надеялся погрузить на «Фоку» до двадцати пяти моржей. Неизвестно, найдется ли еще столь удобный случай получить жир для топок и сделать годовой запас пищи для собак! Недалеко, на низком береговом льду, незаметно переходившем в ледник, лежало другое стадо. Художник, с кинематографом в руках, осторожно подошел к стаду на расстояние четырех метров и стал устанавливать аппарат. Моржи сладко дремали. Только один старый самец, приоткрыв ненадолго глаза, посмотрел, как вставляют кассеты, и недовольно захрюкал. Впрочем, он тотчас же закрыл глаза и, блаженно почесав за ухом ластом, почавкал, повернулся удобнее и, густо собрав жирные складки у шеи, уснул. Он даже не любопытствовал внимательнее рассмотреть живое существо, едва ли виденное раньше.

Кинооператор приготовился начать съемку при первом же движении животных. Однако проходили десятки минут — моржи не двигались. Вся масса живого мяса и жира наперебой пыхтела, сопела на разные лады, но не шевелилась. У стада собралась вся команда баркаса.

— Григорий, смотри-ка, у него бородавки-то больше, чем у соборного попа, и волосы такие же рыжие!

— А вон тот — отец; клыки-то больше аршина, сам пудов, чать, триста будет!

— Ну, сказал — триста. И ста не вытянет!

— Ну и житье им, братцы! Наелся — и спи, не боятся никого.

По предложению кинооператора стали бросать в моржей снежками, но моржи даже глаз не открыли. Эти ленивцы умеют сладко спать! Тогда был послан Лебедев потревожить их палкой. Лебедев принялся, как цепом, колотить ручкой

багра направо и налево, — тоже почти без результата. Наконец, перевернув багор, он изо всей силы стал колотить моржей его острием. Только тогда стадо слегка зашевелилось. Получивший первый укол приподнялся и крепко, до крови всадил клыки в спину соседа. Тот приподнялся на лапах, разбудил движением другого и, уставясь на людей, долго смотрел заплывшими глазками. Не сообразив ничего своими маленькими мозгами, он еще раз беспомощно оглянулся и свалился спать. Все движения длились не больше минуты; на том съемка и закончилась. Из этого стада были убиты три больших самца, остальных прогнали в море.

Еще одно стадо расположилось высоко над морем. К месту лежки вела широкая и грязная дорога, проторенная по пологому подъему ледника, который опускался к морю незаметным скатом снега. Моржи спали крепко и дружно сопели. На приближавшихся людей даже не посмотрели. Убивать их не было нужды. Но на ленте, запечатлевшей движения моржей в воде и на суше, поодиночке и стадами, оставалось немного свободного места. Георгий Яковлевич предложил снять моржей, ползающих на суше.

Матросы погнали все стадо к морю. Очень не хотелось животным оставлять покойное ложе, но нападение велось энергично, и стадо покорилося. С трудом, приподнимаясь на лапах, моржи поползли. Лишь один огромный старый и лысый самец, корявый от рубцов, шишек, морщин и клочков рыжей шерсти, не подчинился. Свирепо двигая клыками, он двинулся на преследующих.

— Вот этот — настоящий папаша, защищает семейство. Молодец старик!

«Папаша» и в самом деле будто прикрывал отступление. В стаде, среди взрослых самцов, были и самки без клыков и молодые моржи. Вожак, угрожая бивнями и сотрясая воздух ревом, дал стаду отползти и попятился сам. К сожалению, кинематографическая пленка кончилась как раз к моменту, когда стадо подползло к краю ледника. Стоило посмотреть, как туши в тонну и больше весом стали плюхаться в воду. Очнувшись в родной стихии, моржи дали волю негодованию. Поджидая вожака, они вспенивали тихое море и ревели хором, как заводские гудки поутру.

С «папашей» же случилось несчастье. Прикрывая отступление, он пятился задом. На пути попала узкая трещина, которую стадо переползло без затруднений, но он, очевидно, по привычному ощущению принял ее за край льда и, спустив туда задние лапы, соскользнул. Он скоро понял ошибку и, глубоко вонзив в лед могучие бивни, пытался освободиться. Но — поздно. Тяжелая туша уже ушла в трещину и заклинилась

там. Старый морж в отчаянии ревел и бил клыками в края, осколки льда фонтанами сыпались вокруг. Спасения не было. Каждое движение только глубже втискивало тело в глубокую расщелину льда. Пришлось его пристрелить.

С большим трудом, погрузив одного из моржей на баркас, охотники под вечер вернулись на судно.

На следующий день собирались грузить убитых моржей, но поднялся сильный ветер, пришлось положить оба якоря и вытравить побольше цепи. Береговой ветер сразу сменился штормом с южной стороны; на горизонте показались белой полоской льды, всегда страшные для корабля, стоящего у открытого берега. Корабль Ли-Смита «Эйра» был раздавлен при подобных обстоятельствах почти в том же месте, где стоял «Фока». Льдину с убитыми моржами береговым штормом унесло в море; из всей добычи осталось десять штук.

Вечером 17 сентября была погружена последняя туша. Тотчас же подняли якорь. Внезапно стих ветер, успокоилась узкая полоска моря. Судно поплыло по гладко-зеркальной воде. Как-то вдруг стало заметно, что на этих островах давно зима. Не стало чаек, улетели последние чистики, даже моржи исчезли куда-то.

Обогнув западный мысок острова Нордбрук, Седов направил судно на север. Пролив Миерса был чист.

Когда «Фока» проходил мимо памятника погибшим итальянцам, Георгий Яковлевич отдал приказание произвести салют из пушек. Выстрел за выстрелом разносился у пустынных островов. Гулкое эхо громом вторило салюту. Весь экипаж, сняв головные уборы, стоял в молчании. Вахтенный Визе видел на глазах Седова слезы.

Мертвые земли открылись, когда «Фока» вошел в проливы между островами. Нужно войти в них, чтоб увидеть Землю Франца-Иосифа такой, как она есть. Белая, оледенелая земля! Остров Брюса невысок, но почти весь под льдом. Земля Александры выше, но и на ней не увидеть черного пятна. Правда, остров Нордбрук и дальше за ним кое-какие земли чуть пестрят редкими темными пятнышками и черточками, но как ничтожно малы эти пятна на широком горизонте!

Айсберги, постоянно встречающиеся кораблю, и цветом и формой отличаются от плавающих около Новой Земли. Эти — матовы, пористы, большинство их напоминает стел, накрытый белой скатертью. Среди встретившихся в этот вечер попадались горы значительной величины. В сумерках «Фока» разошелся с айсбергом длиной не меньше четверти километра. Стоявшие на мостике приняли его сначала за

островок, не нанесенный на карту, и, только подойдя ближе, заметили, что ледяной островок плывет.

Ночью «Фоке» из-за скопления льда и темноты пришлось остановиться в Британском канале. На рассвете, с помощью сильного приливо-отливного течения, «Фока» легко одолел ледяное препятствие. С утра 18 сентября встречался лед, легкопроходимый. Около полудня прошли мыс Муррея, позднее миновали северо-восточную оконечность Земли принца Георга. Казалось, еще немного — и восемьдесят первый градус будет позади, а «Фока» поплывет по морю Виктории.

Увы, как раз в том месте, где Седов ждал окончания затруднений со льдами, встретился плотный, непроходимый лед. Путь на север закрыт!

Георгий Яковлевич не хотел верить, что на пространстве двадцати миль не найдется ни одной лазейки на север. Он повернул «Фоку» по кромке льда на восток. Нет, кромка невзломанного льда, приведя к острову Кетлица, решительно завернула на юг. Седов не хотел сдаваться. Может быть, другие проливы свободны? Нельзя ли пройти на север проливом Австрийским?

При входе в пролив Аллена Юнга настигла ночь. Остановились вблизи острова Скотт-Кельти.

Началась раздача корма собакам и медведям. Механик Зандер поднялся на мостик и доложил Седову:

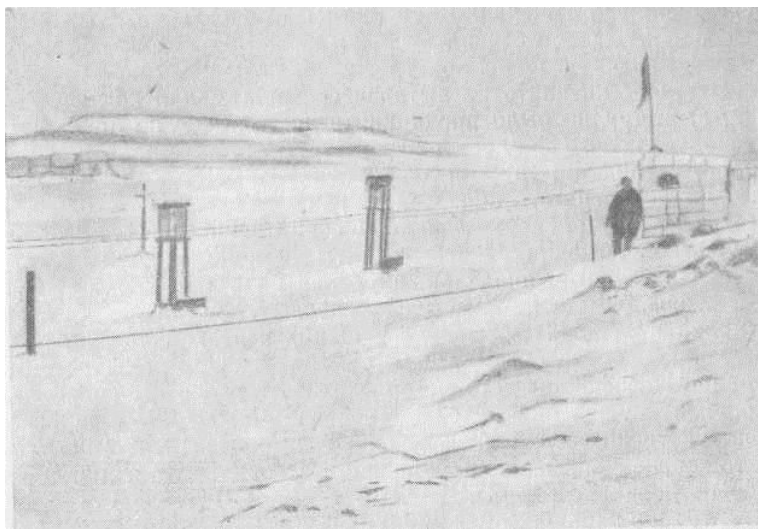
— Я подсчитал топливо: его не хватит на весь завтрашний день.

Седов задумался и долго молчал. Потом на немой вопрос вахтенного сказал:

— Будем зимовать где-нибудь поблизости. Что поделаешь! Сто лишних километров до полюса!

Ранним утром 19 сентября поплыли на поиски спокойного зимовья. Недалеко нашлась бухточка острова Гукера. У самого берега Седов нашел подходящую глубину: ему хотелось поставить «Фоку» килем прямо на грунт, чтоб избежать необходимости откачивать воду. Тут же оказался айсберг для питьевой воды и берег, свободный ото льда. Седов назвал бухту Тихой.

Клочок земли, близ которого стоял в этом году «Фока», невелик. Наверху горы, недалеко от каменного обрыва, венчающего откос, незаметным подъемом начинается лед; в глубину бухты спускается пологий ледник; со стороны Британского канала тоже ледничок. Лед закрыл весь остров, — свободны только высокие мысы. Даже в местах, где ледников

Метеорологическая станция экспедиции Г. Я. Седова в бухте Тихой.
На заднем плане остров Скотт-Кельти.

нет, вечный снег слежался по лощинам так плотно, что и они выглядят маленькими ледниками. Если от пристани «Фоки» перевести взгляд на юг, там огромная скала — полуостров Рубини-Рок (скала Рубини). Его двухсотметровые обрывы, кроме восточной части, неприступны. На западе в трех километрах лежит островок Скотт-Кельти. И он и Рубини-Рок свободны ото льда.

Сравнивая местность первой зимовки и второй, Седов был доволен последней во всех отношениях. Но... «Если бы сюда еще десятую долю новоземельских запасов плавника!» мечтали все. Впереди — зимовка без топлива. При окончательном подсчете оказалось, что на «Фоке» имеются две-три покрытые салом моржовые шкуры, сотни три килограммов каменного угля, рассыпавшегося в порошок, да еще остатки порожних ящиков и бочек — вот и все.

Нужно сжаться и хранить тепло. Всякая мера, способная тому помочь, приемлема.

На «Фоке» произошли перемещения. Кубрик был упразднен. Пришлось потесниться, но в результате всех перемещений каждый матрос получил койку в кормовом помещении, куда собрались все. Разобранное помещение кубрика сразу удвоило запасы топлива. Особенно тщательно было закупорено

жилое помещение. Достаточно сказать: чтобы выйти на волю, приходилось отворять каждый раз три двери, ибо к жилому помещению были пристроены полотняные сени.

В эту осень никто не пытался совершать далеких экскурсий, да и трудно было предпринять их — везде по проливам носились льды. Спаялись они только во второй половине октября, когда уже спустилась полярная тьма. Но даже если бы лед не препятствовал, Седов не позволил бы расходовать запас легкого провианта, сильно сократившийся после новоземельской зимовки. Около трех тысяч километров изъезжено там на санях и проделана большая работа. Но здесь главной задачей было путешествие к полюсу. Земли поблизости зимовки исследовались только в общих чертах. Из-за небольших поправок, которые внесли бы картографы в карту Земли Франца-Иосифа, не стоило расходовать ценный провиант. Провиант нужен для похода к полюсу. Небольшие однодневные экскурсии совершались всякий раз, как позволяла погода. Были обследованы ледяной покров острова Гукера, ближайшиe острова и глетчеры.

Лед в ближайших проливах смерзся к 8 октября, но в Британском канале полыньи виднелись вплоть до самой темноты.

С начала зимовки долго не видели живых существ, даже песцовых следов не встречали ни разу. Только два медведя посетили зимовье. С первым — старым самцом — повстречался штурман. Сошлись недалеко от зимовки, заметив друг друга одновременно. Старик потянул носом и скорым шагом направился на безоружного Максими́ча. Тому осталось одно: поспешно отступить. Сохраняя по возможности свое капитанское достоинство, он стал пятиться, давая весьма выразительные знаки Павлову на откосе горы: за спиной геолога торчала винтовка. Однако ученый, погруженный в рассмотрение горных пород, не оглядывался. Винтовка за спиной кивала Максими́чу мирно и приветливо, — помощи не было! Тогда Максими́ч, оставив свое капитанское достоинство для более подходящих случаев, «дал полный вперед» и большими прыжками влетел на «Фоку».

Седов и художник открыли стрельбу, когда медведь был шагах в трехстах. Одна пуля пронзила его туловище во всю длину; однако он, смертельно раненный, собрав силы, сделал еще прыжок с крутого берега в воду, покрытую шугой, и даже отплыл, но издох, оставаясь на поверхности.

Второго зверя застрелил Седов в километре от корабля. То была молодая медведица. Собаки загнали ее на самый верх крутого снежного откоса, где ее и настигла пуля.

Еще одну медведицу убил Пинегин в берлоге при первом посещении острова Скотт-Кельти.

ВТОРАЯ ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Место для зимовки Седов выбрал очень хорошее. «Фоке» не грозили ни напор льдов, ни возможность быть вынесенным со льдом в открытое море, как случилось с судном «Америка» экспедиции Фиала. Георгий Яковлевич поставил «Фоку» на мелком месте, вблизи берега, чтоб не было надобности откачивать из корпуса воду, когда перестанет работать паровой насос — донка. Киль судна касался дна. На берег были заведены канаты с борта и мачт. Тут была действительно тихая, спокойная стоянка.

Но положение судна и всей экспедиции нельзя было назвать блестящим. Топлива нет. На Земле Франца-Иосифа плавника почти не имеется. Не было горючего не только на обратный путь, но и для отопления жилых помещений. Все, что можно было набрать, уже израсходовано по пути к Земле Франца-Иосифа и по ее проливам. Все знали хорошо, что придется порядочно померзнуть зимой.

Впрочем, о будущем никто особенно не задумывался. За прошедший год люди научились многому. Недаром прожили год в полярной стране, где без всегдашней готовности к решительным действиям шагу не ступить. Седов приучил всех бодро смотреть вперед.

До захода солнца на долгую зимнюю ночь все чувствовали себя вполне хорошо. В каютах было прохладно, мешала теснота. Но никто и не рассчитывал на особые удобства зимовки на восемьдесят первом градусе. В хорошую погоду совершали экскурсии, знакомясь с окрестностями бухты Тихой. 26 октября Седов с Пинегиным отправились на собаках на остров Скотт-Кельти. На обратном пути Седов провалился в трещину небольшого навешанного ледника и повис на руках. Пока Пинегин подводил сани, чтобы с них спустить веревку, Седов выбрался сам, упираясь в неровности льда и снега.

После захода солнца пронеслось несколько бурь, Впрочем, не столь бешеных, как на Новой Земле. Потом начались морозы. Художник, аккуратно заполнявший свой дневник и на Земле Франца-Иосифа, отметил 6 ноября:

«Стоят морозы, для такого времени весьма основательные: минимум вчерашней ночи — 33°Ц.

Холода очень некстати. Пока была умеренная погода, жилось сносно; теперь при первых же морозах резко сказываются все неудобства, связанные с отсутствием топлива. Дров нет совсем. Печи разжигаются обломками ящиков и досок. Сверху посыпается немного каменного угля в порошок или бросается кусок моржового сала. И уголь, и сало приходят

к концу. С холодом примириться можно бы; значительно неприятней полное отсутствие вентиляции. Каждая частица тепла бережется, — нельзя открывать иллюминатор так часто, как в прошлом году. С утра вместе с запахами кухни распространяются все испарения растопляемого льда и кипящего супа. Во всех каютах очень сыро. Нам приходится по нескольку раз в день обтирать полочки и стенки, иначе влага, собираясь каплями, струится на пол. Механик выжимаемую из тряпки воду измеряет консервными жестянками. Он называет это занятие: «мерить потовую воду». Позавчера заявил: «Сегодня, знаете, набрал три с половиной банки».

Последние дни испарения стали осаждаться льдом. Иллюминатор моей каюты погребен под слоем льда больше двух сантиметров. У края матраца, примыкающего к стенке, образовался ледничок; спаяв матрац с деревом, он плывет длинным языком вниз к умывальнику. То же самое и в других каютах.

13 ноября. Последствия сырости и недостатков в питании начинают сказываться: штурман жалуется, что десны распухли и зубы шатаются,— бедняга может жевать только мягкое. На то же жалуется повар Иван. Сегодня на прием к Кушакову явился механик, просит спирту.

— Для чего?

— Зубы болят.

Кушаков заглянул в рот, а там все десны полопались, от них идет тяжелый запах. Однако слово «цинга» у нас не произносится. Седов много раз категорически заявлял, что цинги у нас не может быть и не будет. Мне хочется заметить, что все воздерживающиеся от солонины, то есть Визе, Павлов и я, чувствуют себя вполне здоровыми.

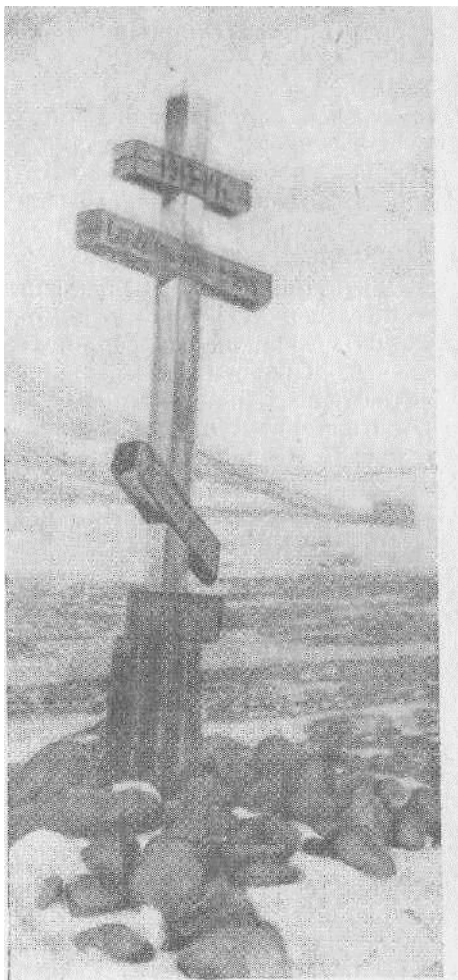
25 ноября. Проходят дни и недели, монотонные, темные. Наш быт осложнился заботами, которых не знали раньше. Нужно следить за экономным расходом топлива,— теперь жгутся остатки кладовой, принимаемся разбирать грузовую палубу. Одолевает сырость,— нужно держать свое помещение сухим. Поизносились одежда и обувь,— изобретаем способы починки. Коноплев смастерил на днях веретено и прялку; теперь, очистив кудель, взятую для конопатки, ловко сучит нитки на дратву. Геолог из подкладки пожертвованного кинооператором футляра мастерит новые рукавицы. Кожа пойдет на подошвы. Художник, засучив рукава, мнет тюленью шкуру, предварительно обработав ее щелочами, — опыт выработки шкур для широкого производства обуви. Открыли кузницу, чтобы вовремя заготовить побольше кирок: они пригодятся, когда настанет пора освобождать «Фоку».

5 декабря. По настоянию Седова, питание улучшено: едим бульон из сушеного мяса и винегреты из сушеных овощей. За несколько дней такое питание оказало благотворное действие. Только Инютин плох. Сегодня снаряжал его гулять. Вид больного нехорош: опухшее лицо, багрово-синие мешки под глазами, полураскрытые губы обнажают клочки кровавых десен и почернелые зубы. Из рта тяжелый, трупный запах. Это настоящая цинга.

Сидеть, сложа руки, когда на судне несколько больных, нельзя. Нужно что-нибудь предпринять, иначе дело развалится.

Единственное средство от цинги, особенно в первой стадии ее, — свежее мясо. В трюме лежали горы моржового мяса, но за его свежесть нельзя поручиться: при торопливом отходе с мыса Флора — в то время как приближались льды — моржей свалили в теплый трюм. В промежуток времени, пока мы, плыли до бухты Тихой, мясо тронулось гниением. Оно было еще хорошо для собак и медведей, но для цинготных такое мясо не лучше солонины.

Нельзя ли добыть медведя? Из описаний зимовавших на этой земле мы знали, что медведи всю зиму бродят у открытой воды. Нет ли поблизости свободного моря? Нужно добыть хотя бы одного медведя, — тогда мы захватим болезнь в самом начале.

Астрономический знак, поставленный Г. Я. Седовым в бухте Тихой. Зима 1913/1914 г.

Посоветовавшись, Седов и я решили сделать попытку дойти до открытого моря или полыньи и поискать берлог на южном берегу острова Гукера.

10 декабря. Лунные дни. Отрадно видеть над этой темной землей хоть призрак света. Идешь во мраке... Вдруг замечаешь: небо с одной стороны закраснелось. Новый свет начинает спорить со слабым отблеском сияния, пересиливает, и вдруг за гранью ледяного покрова блеснет искорка народившегося месяца. Все переменится. Все озарится розовым светом. Очертятся края заструг и ледяной коры на камнях.

Опять тишина и ею рожденные мысли.

Здесь каждую минуту помнишь о могуществе природы, ценишь всякое ничтожное орудие для борьбы с нею, радуешься малейшей победе и учишься в поражениях.

Мы еще сохранили многое из орудий, но, может случиться, останемся с голыми руками. Мы ездим на собаках, но главная надежда на собственные ноги. Едим старые привезенные запасы, добытые чужими руками, но если хотим верной победы в борьбе за жизнь, пищу нужно уметь при нужде добыть голыми руками».

Утром 15 декабря охотничья партия отправилась к югу. Стояла хорошая погода с морозцем градусов в двадцать. Полная луна часто выходила из облаков, помогая находить правильный путь. Луна спряталась, когда огибали южный мыс острова Гукера. Потом тучи рассеялись, показали большие полыньи в проливе Де-Брюйне.

Южная сторона горизонта даже при луне казалась более темной; можно было предположить, что полынья соединяется с большим пространством открытой воды на юге. Пройдя еще километров пять, недалеко от полыньи охотники заметили след большого медведя, настолько свежий, что бороздки, проведенные волосками лапы, еще не стерлись. На некотором расстоянии встретились еще два следа, более старые. Было решено расположиться лагерем на медвежьей тропе и подождать, не подойдет ли медведь к палатке.

Прошло около суток. Медведей не было. Оставив в палатке Пустошного с ружьем и собаками, Седов и Пинегин отправились на южный берег Гукера искать берлоги. Они мало верили в возможность найти берлогу в это время года, тем более что специалист по берлогам — Разбойник — отстал в начале пути. Но все же попытаться необходимо. Они дошли до мыса Сесиль Хармсворт, — оттуда берег поворачивает на север. Показался откос какой-то горы, последней перед бесконечной ледяной стеной, уходившей на север. Ни тут, ни в других свободных от льда местах берлог не оказалось. После полусуточного скитания во тьме пришлось вернуться к палатке.

После отдыха внимательно обследовали края полыньи, насколько позволял тонкий лед у воды. Новых медвежьих следов нигде не оказалось. Решено было в следующую ночь отправиться в обратный путь. Едва успели разрушить лагерь, все небо заволочилось густыми тучами, луна исчезла, поднялся ветер с вьюгой. Идти пришлось в темноте.

Трудно передать ощущение путешественника по неизвестной стране в темноте. Это скитание с завязанными глазами. Человек не знает, где он идет — по земле или по морскому льду. Под ногами мутно, не разобрать. Вспыхнет спичка, осветит компас. Видно — стрелка отклонилась от взятого курса. Но можно ли верить компасу? На Земле Франца-Иосифа, поблизости от базальтовых скал, компасная стрелка меняет иногда склонение на двадцать-тридцать градусов. Однако, если отклонись хотя бы на пятнадцать градусов от принятого курса, домой не попадешь и в темноте уйдешь в совсем незнакомый пролив. Там можно блуждать без конца среди берегов, нанесенных на карту только приблизительно.

Идти приходилось медленно. Крепкий ветер ежеминутно гасил фонарь. Сильно ущербленная луна только изредка показывалась среди мчащихся облаков. Идущий впереди все время падал: то на покато́й поверхности тороса, то в расщелину между льдинами. Иногда натыкались на стену. Что это? Айсберг, стоящий в море или береговой обрыв? Начинали ощупывать рукой и палкой. Да, это обрыв ледника. Как свернули к берегу, того не заметив?

Проблуждав часов пять, охотники вышли на землю. Заметен был слабый подъем. Решили, что пересекают выдающийся мыс, но скоро поняли свою ошибку. Подъем продолжался. Собаки тянули сани на ледяной покров острова Гукера. Седов знал, что дальше к северо-востоку обрыв берегового льда становится выше и выше — до семидесяти метров. Оказаться сразу на краю его, в этой тьме?!

Свернули налево. Стали попадаться камни. Остановив нарту, осветили фонарем карту и обсудили положение. Сошлись на предположении, что вышли на мыс Дэнди-пойнт. При луне видели, что мыс этот низок, покрыт камнями.

Седов и Пинегин стояли у карты и чертили на снегу линии берега, виденного при луне. Да, это мыс Дэнди-пойнт. Ледяной покров должен кончиться, и сани по положому берегу сойдут в пролив.

Художник отправился вперед — прокладывать путь. Он шел очень медленно, но без обычных предосторожностей, принимаемых при ходьбе по ледникам. И Седов спокойно отмеривал шаги, смотря под ноги. Внезапно сани остановились. Георгий Яковлевич поднял голову. В груди что-то сжалось. Что

случилось? Собаки и художник впереди исчезли. Вместо длинного цуга собак в сани впряжены только две пары собак, и те не идут вперед, а упираются ногами. Седов и Пустошный стояли, боясь обменяться словами. Вдруг откуда-то снизу послышался слабый крик. Георгий Яковлевич облегченно вздохнул.

Это кричал художник. Минуту назад он почувствовал, что под ногами что-то обломилось и он летит куда-то в бездну. Не успел опомниться, как почувствовал глухой удар в бок. Полет прекратился. Но вдруг новый тяжкий удар обрушился на плечо и голову: придавила глыба снега. Освободившись от нее и подняв голову, он увидел стену ледника и в верхней части его, едва различимой, заметил повисшую упряжку собак. Шесть псов болтались на цепочках, прикрепленных к ошейникам, и, задыхаясь, хрипели. Он стал кричать:

— Отстегните ошейники, собаки задохнутся!

Этот крик и услышали Седов с Пустошным. Пустошный подполз ощупью к краю обрыва и отрезал постромки. Собаки упали вблизи художника. Полузадохшиеся псы лежали несчастной, перепутанной ремнями кучкой и тихонько повизгивали. Бедняги не понимали, что с ними происходит.

Сверху спустили на веревках груз, двух оставшихся собак и нарту, побросали мелочь. Оставалось спуститься самим. Прыгнули и люди. Седов свалился вместе с лавиной, которая не выдержала его тяжести.

Все кончилось счастливо. Пока втроем распутывали собак и приводили в порядок нарту, разыгралась вьюга. Ветер, скатываясь с ледяного покрова, шипел, свистел, забрасывал кучами снега. Когда все было готово, тронулись в путь. Но за час не прошли и сотни метров, и те не по верному направлению, — поднялась буря. Пришлось поставить палатку и спрятаться в ней.

Охотники улеглись спать.

Этот сон не дал отдыха. Палатка, поставленная наспех, колотила в бока, как злая нянька. Иногда Седов забывался дремотой, начинало казаться: кто-то будит.

Так лежали часов двенадцать. Стало как будто утихать. Стенки палатки больше не колебались, ее заносило снегом. Все уснули.

Художник проснулся от ощущения сырости. Желая устроиться поудобнее, он повернулся на другой бок и почувствовал, что лег в ледяную воду. Когда, просунув руку под спальный мешок, стал исследовать причину сырости, понял: палатка опускается в воду. Молодой лед не выдержал тяжести-сугроба и людей, прогнулся и с каждой минутой оседает все больше. Пинегин поспешно вылез из мешка и разбудил

товарищей. Одежда и рукавицы, сложенные в изголовье вместо подушек, успели вымокнуть.

Нужно было торопиться, пока лед не проломился. Когда подняли спальные мешки, вода была уже по щиколотку, все вещи плавали. Раскопав выход, начали выбрасывать вещи. Палатку вытаскивали из снега, стоя почти по колено в воде.

Свирепствовала по-прежнему буря. Теперь от нее негде было спрятаться. Можно было поставить палатку в другом, более надежном месте. Но спальные мешки промокли насквозь, промокла и верхняя одежда. Отсырела последняя коробка спичек, вода проникла даже в бензиновое огниво. Нельзя развести огня, чтоб хоть немного подсушить одежду. Лежать же во вьюгу мокрым — значило обратиться в ледяную сосульку. Волей-неволей пришлось идти. На ходу люди не замерзают.

Началось новое блуждание во тьме. Шли в оледенелых одеждах, со снежной маской на лицах. Луна ушла за горизонт, двигались наугад, было так темно, что глаз не различал компасной стрелки. Через девять часов Седов набрел на какой-то высокий мыс. Предположив, что это мыс в проливе Мелениуса, Седов направился к востоку. Часа через два обрисовались высокие стены знакомой скалы Рубини-Рок. Еще через полчаса измученные собаки остановились у борта «Фоки».

ГЛАВА XV

НОВЫЙ ГОД

Полгода страшного напряжения перед экспедицией, борьба с холодным, чиновничьим равнодушием и прямой враждебностью, неустанные хлопоты и бессонные ночи — все это не прошло даром для Седова.

Он не жалел ни душевных, ни физических сил, когда дело шло о том: быть или не быть экспедиции к полюсу. Он не жалел себя и в самой экспедиции: на Новой Земле, на Земле Франца-Иосифа, в походе к мысу Желания. Брал на себя всегда самое трудное, преодолевал все препятствия, чтобы поставленные задачи были выполнены безукоризненно.

Воля человека беспредельна. Но его физические силы, к сожалению, имеют предел. Здоровье Седова оказалось расшатанным напряжением и трудами последних полутора лет.

Велика была выносливость этого человека. Седов горячо и с большой охотой исполнял любую физическую работу. И вдруг во время последнего похода спутники заметили, что Георгий Яковлевич теряет инициативу в походной жизни, не берется первым, как всегда, за сани и топор. Устает даже

в начале походного дня и не торопит трогаться в путь. С трудом совершает большие переходы.

19 декабря у Седова обнаружили признаки цинги — распухли десны а на ногах появилась сыпь.

Художник в эти дни писал:

«25 декабря. Монотонность и тьма. На Новой Земле даже в самые дни солнцеворота слегка светало. Здесь рассвета нет. При ясном небе на юге в полдень слегка сереет. Но это не зря: серый оттенок не освещает, ночь темна по-прежнему.

В нашем жилище уныние. Здоровье всех, за малыми исключениями, пошатнулось. Седов еще до экскурсии жаловался на слабость десен; в эти дни они сильно распухли. Признак цинги у такого крепкого человека тревожит всех.

27 декабря. Тихий день — 24°C. После обеда вышел прогуляться. Поднявшийся ветерок пронизывал заслуженную куртку, малица пригоднее для таких температур. Я навестил медвежат и побрел в свою каюту.

Медвежата сейчас на привязи. На днях они начали озорничать на метеостанции — «производить метеорологические наблюдения» — и сломали один из лучших термометров. Седов приказал посадить проказников на цепь. Узники привыкли к тому, что я выношу им каждый день сладенький кусочек. При моем приближении они издают веселое ворчание, становятся на задние лапы, чтобы рассмотреть, что у меня припасено, шарят по карманам, забираются лапой за пазуху и тщательно обнюхивают, не спрятан ли где-нибудь сахар или монпансье. Я люблю чувствовать на руке их теплые мягкие губы — как будто любимая лошадь берет трепещущими губами кусок посоленного хлеба. Иногда мы боремся, — только не с Васькой, его характер слишком сумрачен для игр. Кормим их теперь только раз в неделю, не до медвежьего отвала.

Вечером роскошное северное сияние. На Новой Земле оно не достигало никогда подобной силы игры и красок.

1 января 1914 года. Болезни на «Фоке» усиливаются. Утром Зандер почувствовал, что ему плохо, температура поднялась до 40°. Слег Коноплев. Десны Седова кровоточат; распухли ноги, одышка, сонливость и слабость. Вполне здоровых на судне только семь человек: я, Визе, Павлов, Сахаров, Лебедев, Пустошный и Линник. У Кушакова тоже распухли десны. Кушаков убежден, что все больны «пятнистым ревматизмом» (очень редкая и малоисследованная болезнь); об этой болезни он прочел в имевшемся на судне «Домашнем лечебнике». Оставшиеся здоровыми — все на подбор воздерживающиеся от солонины — относятся к определению нашего

ветеринара и ко всей его врачебной деятельности с большим недоверием. Беда в том, что лечение цинги и пятнистого ревматизма противоположно. Наши больные вместо свежего воздуха и подходящего питания получают огромные, лошадиные порции хлорида натрия.

Мы, здоровые, пока духом не падали. Распределив работу, лежавшую на больных, подбадриваем друг друга. Струн спускать не хотим. Готовится большой номер нашего журнала. Ежедневно для сохранения здоровья гуляем не меньше двух часов.

4 января. Инютин, Кизино и Пищухин поправляются. Продолжительные прогулки по воздуху оказывают хорошее действие. Седову тоже лучше. После обеда он высунулся из каюты и спросил меня, в исправности ли моя винтовка: собаки что-то подозрительно воют. Минуты через три вернулся с прогулки Инютин и сказал, что несколько собак, отбежав к айсбергу, подняли сильный лай. Я и Седов, захватив ружья, вышли посмотреть, в чем дело. Нас скоро догнал штурман с фонарем. Седов шел медленно и задыхался.

Около айсберга, в полукилометре от судна, темными пятнышками копошились собаки вокруг медведя. Шагах в двадцати Седов выстрелил, я — тотчас же за ним. Медведь взревел и бросился бежать с быстротой оленя, — мы не видели еще такого быстрого. Когда собаки вцепились в него на ходу, зверь стал вертеться и прыгать, как рассерженная кошка. Я дал по нему выстрел наугад, не видя мушки, — конечно, не попал, ибо медведь бросился бежать еще резвей.

Седов бросился вслед, я же побежал отрезать дорогу с противоположной стены айсберга, крича в то же время идущим от корабля зрителям, что зверь идет на них. Мишка, завидев ряд фонарей, предпочел повернуть и влезть на айсберг в том месте, где был он пониже, около двух метров обрыва, а дальше наклонная плоскость. Спустя секунду, по неровностям льда взобрались на айсберг несколько собак. Начался бой на ледяной наклонной и скользкой плоскости. В несколько секунд медведь подмял собаку, другая с визгом скатилась с обрыва. Седов выстрелил. Медведь спрыгнул с обрыва, но, встретив внизу новых собак, опять взлетел на айсберг и снова смял собаку. Я подошел к самому обрыву и выстрелил два раза. Последний выстрел оказался удачным: штурман осветил фонарем медведя — я разобрал на дуле очертания мушки. Зверь взревел, сделал огромный прыжок, еще подпрыгнул и, облепленный собаками, покатился по откосу вниз...

И здоровые и больные пили горячую медвежью кровь. Я горячо расхваливал эту жидкость, не подавая вида, что она мне противна, так как знал, что кровь — лучшее средство от

цинги. Ею спасаются все промышленники на побережье Ледовитого океана.

Большинство вняло моим увещаниям. К сожалению, два более слабых «ревматика» — Зандер и Коршунов — отказались наотрез. Седов попробовал, но не мог пить. Его стошнило.

Бедняге Коноплеву хуже. Ноги его под коленями распухли, он не может ходить».

Новый, 1914 год встретили, как и прошлый, празднеством и пушечной стрельбой. Все, оставшиеся здоровыми, старались организовать праздничное веселье. Казалось временами, что удалось отогнать тяжелые мысли больных. Но веселья не было.

Кушаков разразился одой, которая кончалась так:

И после ряда испытаний
Ты без особенных страданий
Войдешь в широкую Неву.
Увидишь Питер наяву
И у Николаевского моста,
На видном месте у погоста,
Ты перестанешь быть «Фокой».
Увидишь близких там людей,
Своих врагов, своих друзей
И, ярким пламенем горя,
Узришь и батюшку-царя.

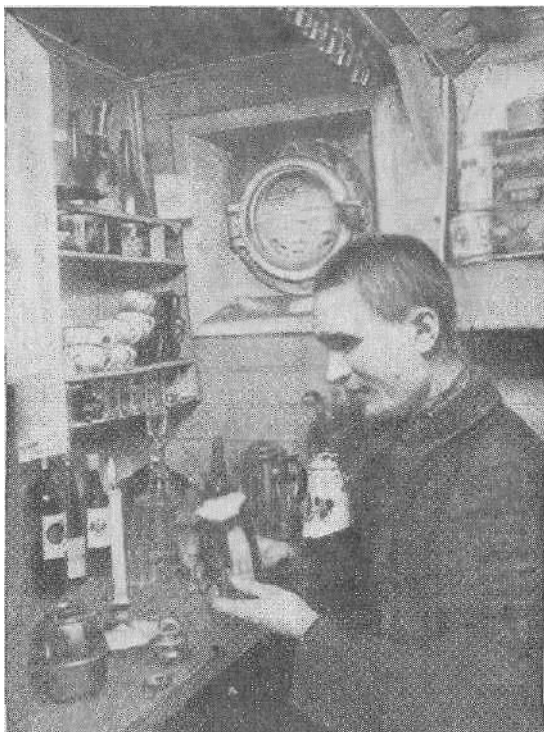
Седов произнес речь. В ней были призыв соединиться в тесную семью и слова ободрения больным. Голос его звучал слабо.

Больше всех в ободрении и поддержке нуждался сам Георгий Яковлевич. Но он, конечно, не мог высказать своего уныния, как ни тяжело было ему.

Вожак! Начальник! Образец смелости, бодрости, уверенности — разве мог он показать свои колебания и сомнения? Но он не мог не чувствовать, что планы его уже пошатнулись. Болезнь, она безжалостно их разбивала.

Весь январь стояли холода до 38°Ц с резкими ветрами. 13 января в дневнике художника отмечено:

«Гулял свои два часа при ветре шестнадцать метров в секунду с температурой — 38°. Даже малицу пронизывает ветер. Ходим с обмороженными щеками и подбородками. Моя каюта во льду. Оледенение дошло до самого пола. Поверх льда на стенах и на потолке по утрам вижу слой инея, — это влага моего дыхания за ночь. Могучий «ледник» на койке достиг

И. Кизино в буфете на «Св. Фоке».

вышины полуметра при толщине около двадцати сантиметров. По ночам я не особенно зябну, хотя покрываюсь теми же одеялами, что и дома. Приходится, впрочем, на ночь надевать лишнюю фуфайку, а ноги закрывать листом резины. Кроме меня, раздевается на ночь только Визе, остальные, по выражению Павлова, «давно опустились на дно». Температура в каютах по ночам опускается до -6° , бывает и ниже. Днем в кают-компани от одного до девяти градусов выше нуля. В каютах холоднее.

Когда в каютах от нуля до пяти градусов, мы мерзнем, хочется надеть меховую куртку. Я удерживаюсь — тренируюсь на холод, к тому же и куртка одна. Слабое место всех — ноги: они вечно мерзнут. Обувь износилась, а хорошую пару берегут про запас. В коридоре же на полу постоянная влажность, ноги у всех мокры. Чтобы согреть их, необходимо высушить валенки в то время, как топится чугунная печка.

19 Н. Пинегин. Георгий Седов

Как только затопится печь в коридоре, — а это отрадное событие случается два-три раза в день, — вокруг источника тепла собирается все население «Фоки». Тридцать или сорок минут, пока горит огонь, печи не видно: она закрыта обувью. За первым слоем — второй: ее держат в руках люди, толпящиеся вокруг. Стоят на одной ноге, подобно аистам, другая — босая — протянута к печке. Случаются легкие ссоры из-за мест».

Художник так описывает день на «Фоке»:

«Я уже с шести часов не сплю и слышу все звуки нашего обиталища. Первый — покашливание штурмана в его каюте; по старой морской привычке он просыпается раньше всех. Потом слышу на кухне возню — встал Лебедев; теперь он боцман.

В семь часов Лебедев идет по матросским каютам, доносится его иронически вежливый голос:

— Господа, доброе утро! Каково почивали? Извините, что побеспокоил. Милостивые государи, позвольте попросить вас встать.

Люди начинают шевелиться, ляская зубами и поругиваясь, вылезают из-под одеял. Одеваться не нужно — все спят одетыми. Вставшие идут на кухню за кипятком.

День начался. Рассказывают сны. Рядом в буфете Кизино стучит посудой, потом затапливает в кают-компании печь. Спустя полчаса температура поднимается, тепло через открытую дверь доходит до меня, размаривает. В восемь часов Кизино обходит каюты членов экспедиции, неизменно повторяя изо дня в день все одни и те же слова: «Пожалуйста кофе пить». Доходит очередь до меня. Я совсем не расположен вставать: уловка Кизино давно известна, кофе не готов и будет подан не раньше девяти. Я вылезая из-под одеяла в начале десятого и сажусь за кофе с черным хлебом. У лампы в коридоре уже сидит Инютин за шитьем сапог из нерпичьей шкуры, бегаёт в машинное отделение Кузнецов, вспарывает консервные жестянки Пищухин. Из-за клубов пара, распространившегося от кухни по всему коридору, доносится голос Линника,— он чинит шлейки и разъясняет Пустошному нечто из мудрого опыта, как управлять собаками.

Уываюсь, убираю свое ложе. В кают-компании — Павлов, иногда Максимыч. Павлову скучно до тоски. Он берется за ту, за другую книгу — все перечитано. Ставит микроскоп — все шлифы заучены. Седов лежит в своей каюте. В помещениях больших горят лампы, там теплее — около десяти градусов.

Перед обедом затапливается печь кают-компании. Возле нее места не найти. Пообедав, команда ложится спать.

В шесть часов подается ужин — остатки обеда, а обед — суп из сушеной трески или мясных консервов, изредка заменяемый бульоном из сушеного мяса; на второе — макароны или каша. Однообразные блюда надоели всем до отвращения. Есть не хочется. Пересиливаешь себя. Через три часа волчий голод. Организм протестует, получая мало азотистых веществ, особенно нужных ему в суровых условиях.

До ужина каждый продолжает свою работу. В вахтенном журнале отмечается: «Команда занималась приготовлениями к полюсному путешествию». В девять часов некоторые матросы сразу забираются на койки, другие играют в карты; в кают-компаниях несколько человек просиживает за картами часов до двенадцати. А потом дружный храп или ворочанье с боку на бок.

Действительно, нелегко уснуть в этом чертовском холоде. С потолка падают капли на лицо, замерзают высунувшиеся конечности или нос до такой степени, что приходится отогревать рукой или дыханием. Сон всех беспокоен...

20 я н в а р я . С Нового года усиленно готовится снаряжение, для путешествия к полюсу. Уйдет ли Седов, хватит ли сил? Здоровье его как будто лучше. Сегодня он вышел из каюты, но, просидев около часа, сильно устал и снова лег в постель. Мясное питание помогло. Мясо медведя, убитого недавно, тратилось, как лекарство. Мы, здоровые, попробовали его только на Рождество и Новый год. Штурман, Кизино и Кушаков поправились совсем. Инютин и Пищухин — на ногах. 29 я н в а р я . За ходом болезни Седова следят, как за болезнью ближайшего родственника. Судьба экспедиции будет иметь разные исходы в зависимости от того, поправится ли больной к началу февраля. Сегодня лица веселей: Седов целый день на ногах.

31 я н в а р я . В тишине ночи под темным небом, когда слышен один скрип под ногами, разговоры двух ушедших на прогулку становятся особенно значительными. На корабле каждое слово взвешивается: оно — достояние всех и не должно задеть никого. Сегодня продолжительный разговор с Седовым.

Он просил меня отправиться на мыс Флора, где необходимо оставить записки на южном берегу на случай, если какой-нибудь корабль придет раньше, чем вскрыется бухта Тихая. Мы подробно обсудили план путешествия. Придется идти с двумя матросами, без собак. Разговор перешел на полюсное путешествие. Георгий Яковлевич подробно развил план. Возьмет всех (двадцать восемь) собак, провизии для собак на два с половиной месяца, а для людей — на пять месяцев. Он считает возможным сохранить часть собак до самого полюса

в том случае, если ему удастся пополнить запасы из склада Абруццкого в Теплиц-бай на Земле Рудольфа. Седов просил меня проводить полюсную партию до этого места. Если склад окажется попорченным или использованным, Седов будет иметь возможность пополнить израсходованное из провианта, оставшегося мне на обратную дорогу. Я ответил согласием на оба предложения. В самом деле, провизия нужна мне только до половины марта,— после этого срока возможно пропитаться одними птицами.

При уходе Седов предполагает возложить на Визе руководство научной работой, оставив Кушакова по-прежнему заведовать хозяйством и передав ему же власть начальника экспедиции: «Он старше всех по возрасту и имеет способность командовать». Когда я попросил Седова не торопиться с путешествием: «Поправившись и окрепнув, вам будет легче делать большие переходы», он ответил: «Болезнь моя — пустяки. Кушаков определил легкий бронхит и острый ревматизм. Разве такое недомогание оправдало бы задержку?». Когда я намекнул, что «ошибки в распознавании болезней свойственны даже профессорам», Седов перебил меня: «Цинга? Тем более она страшна при неподвижности зимовки, при упадке духа. Нет, нет, мне нужно не поддаваться болезни, бороться с ней».

4 февраля. Уход Седова назначен на 15 февраля. Продолжаются сильные холода, вот уже около месяца температура не выше —33°С. Климат Земли Франца-Иосифа резко отличен от новоземельского. Нет столь резких колебаний. Свирепы бури, но ураганов, подобных прошлогодним, не наблюдалось. Но здесь обыкновенны морозы при сильном ветре. Ветры чаще всего северных румбов. Жизнь в палатке при таком климате должна быть особенно тягостна. Представляется, какой невыносимо тяжелой должна была она казаться путешественникам к полюсу, не имевшим до того долгой полярной тренировки. Мы достаточно закалены и вооружены мелочами палаточного обихода, делающими жизнь на льду терпимой. Но тем яснее понимаем, что грозит путешественнику, не соразмерившему сил с условиями. Здоровье Седова по-прежнему плохо. Почти неделю он был на ногах, эти сутки провел опять в каюте.

9 февраля. Между десятью и двумя часами светло. Седов ездил проминать собак. Собаки в прекрасном состоянии, — начиная с лета, они питались мясом. Шерсть их густа и пушиста. Совершился естественный отбор, — остались крепыши. С такими собаками можно на полюс.

Продолжаются сборы. Мы все принимаем участие. Каяки будут поставлены на сани, вся провизия — внутри каяков. На случай, если бы сани провалились и вода попала и в каяки,

все предметы, боящиеся сырости, упакованы в непроницаемые мешки из тонкой резины. Выдающиеся места каяков, которым грозит опасность порчи острыми краями льдин, защищены оленьим мехом. Мехом обшиты даже веревки в местах касаний с каяками. Спальный мешок один на троих во всю ширину палатки. Окончательно выяснено, что Седова сопровождают Пустошный и Линник.

Попытка Седова безумна. Пройти в пять с половиной месяцев почти две тысячи километров без промежуточных складов с провиантом, рассчитанным на пять месяцев для людей и на два с половиной для собак!

Однако будь Седов здоров, как в прошлом году, с такими молодцами, как Линник и Пустошный, на испытанных собаках он мог бы достичь большой широты. Седов — фанатик достижений, настойчив беспримерно. Мы не беспокоились бы особенно за участь его, будь он вполне здоров. Планы его всегда рассчитаны на подвиг. Для подвига нужны силы. Теперь же сам Седов не знает точной меры их. До похода пять дней, а Седов то встает, то опять в постели. Все участвуют в последних сборах, но большинство не может не видеть, какого исхода можно ожидать. Предстоит борьба не с малым — с беспощадной природой. Она ломала не такие организмы. И Нансен и Каны повернули с восемьдесят шестого градуса, а отправились они от точек, лежащих к полюсу ближе, чем наша зимовка. Но в решение Седова никто не может вмешаться. Существует нечто, организовавшее наше предприятие. Это нечто — воля Седова. Противопоставить ей можно только восстание.

Но для того, чтоб не пустить Седова в гибельное путешествие, нужно, прежде всего, единодушие хотя бы в одном — во мнении о сущности его болезни. Такого единодушия нет. Кушаков, исправляющий обязанности официального врача экспедиции, утверждает, что Седов здоров».

В судовом журнале «Фоки» вахтенные начальники Визе, Павлов и Пинегин почти изо дня в день в кратких словах констатируют болезнь Седова. Но в те дни, когда вахтенным начальником бывает Кушаков, в судовом журнале непременно появляется запись об улучшении здоровья Седова и даже о том, что он совершенно поправился.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПУТЕВОГО ЖУРНАЛА «СВЯТОГО ФОКИ»

1913 год, 19 декабря. «У начальника экспедиции внезапно в резкой форме обнаружены признаки сильного ревматизма в ногах». (Вахтенный начальник Визе.)

20 декабря. «У заболевшего накануне начальника экспедиции слегка повышенная температура, замечается простуда и ревматические боли в обеих ногах, наряду с сильным упадком сил». (Вахтенный начальник Павлов.)

21 декабря. «У начальника экспедиции боли уменьшились». (Вахтенный начальник Кушаков.)

23 декабря. «Начальник экспедиции чувствует себя удовлетворительно». (Вахтенный начальник Пинегин.)

25 декабря. «Начальник экспедиции чувствует недомогание, но находится да ногах». (Вахтенный начальник Павлов.)

26 декабря. «Начальник экспедиции чувствует себя гораздо лучше». (Вахтенный начальник Кушаков.)

28 декабря. «Начальник экспедиции провел день в каюте в прежнем положении». (Пинегин.)

29 декабря. «Начальник экспедиции не вставал с постели». (Визе.)

30 декабря. «Начальник экспедиции — без перемен». (Павлов.)

31 декабря. «Начальник экспедиции с каждым днем поправляется. Его бронхит идет к разрешению». (Кушаков.)

1914 год, 2 января. «Начальник экспедиции чувствует себя довольно хорошо, если исключить кашель, одышку и слабость. Из каюты не выходил». (Пинегин.)

3 января. «Положение начальника экспедиции без перемен», (Визе.)

4 января. «Начальник экспедиции из своей каюты не выходил». (Павлов.)

5 января. «Начальник экспедиции заметно поправляется, и кашель у него почти прекратился. На днях он сможет выходить из своей каюты в общие помещения». (Кушаков.)

7 января. «Начальник экспедиции выходил на некоторое время из своей каюты». (Пинегин.)

8 января. «Начальник экспедиции не выходил из своей каюты». (Визе.)

10 января. «Начальник экспедиции совершенно оправился и завтра начнет выходить из своей каюты». (Кушаков.)

13 января. «После вчерашней прогулки начальник экспедиции почувствовал боль в ногах, вследствие чего пролежал день в постели». (Павлов.)

15 января. «Начальник экспедиции совершенно поправился». (Кушаков.)

17 января. «Начальник экспедиции выходил до обеда из своей каюты». (Пинегин.)

18 января. «Начальник экспедиции чувствует себя совсем здоровым и весь день провел на ногах». (Визе.)

19 я н в а р я. «Начальник экспедиции чувствует себя утомленным предыдущим днем и не выходил из каюты». (Павлов.)

20 я н в а р я. «В шесть с половиной часов (вечера) вышел из своей каюты начальник экспедиции: он совершенно здоров». (Кушаков.)

23 я н в а р я. «Начальник экспедиции утром выходил на прогулку, кроме того, выходил из каюты к обеду». (Визе.)

25 я н в а р я. «Начальник экспедиции совершенно оправился и ежедневно выходит из каюты». (Кушаков.)

27 я н в а р я. «В десять часов отправился на собаках, с целью промять их, начальник экспедиции». (Пинегин.)

30 я н в а р я. «В двенадцать часов начальник производил астрономические наблюдения для поправки хронометров». (Кушаков.)

1 февраля. «Начальник экспедиции не выходил из каюты, чувствуя себя нездоровым, у него распухли ноги» (Пинегин.)

ИЗ ДНЕВНИКА ХУДОЖНИКА

«Всем, кто видел больных цингой, ясно, что Седов болен этой болезнью. Но никто из нас, профанов в медицине, не имеет достаточного авторитета для противопоставления истины документальным записям честолюбивого ветеринара, которому нужно отправить Седова подальше к полюсу, а самому стать во главе экспедиции. Седов — оптимист. Он в мечтах уже на полюсе. Он верит сладким нашептываниям Кушакова и не поверит никому, кто будет говорить о горькой истине — о невозможности для больного человека длительного путешествия к полюсу. К сожалению, на «Фоке» имеются всего три-четыре человека, которые понимают, что перед нашими глазами происходит сложная и преступная игра. Эта игра на жизнь Седова. Вмешательство в эту игру ни к чему не приведет — мы не имеем настоящего врача, который сказал бы четыре веских слова: «Больному на полюс нельзя».

Сегодня во время прогулки к Рубини-Рок я несколько раз начинал разговор о предстоящем походе и о возможности отложить его на две, на три недели. Седов каждый раз менял направление разговора, как будто бы он ему неприятен. Под конец прогулки мы подошли к теме плотную. Седов слушал мои доводы, не перебивая. Потом долго думал и произнес:

— Все это так, но я верю в свою звезду.

12 ф е в р а л я. Ясный день, цветистая заря.

Вспомогательная партия не может выйти — нет здоровых людей. Со мной должны были идти Шестаков и Пищухин.

Пищухин все время прихварывал, а в эти дни еле ходит на опухших ногах,— такой спутник для путешествия не помощь, а помеха. Шестаков слег. Из оставшихся матросов здоров вполне один Кизино. Все складывается враждебно походу.

13 февраля. Весь вчерашний день — последние спешные сборы. Сегодня у борта три нарты цугом с разложенными шлейками. Остается только запрячь собак. Двадцать пять градусов мороза, жестокая буря с юго-востока. Сила ветра до сорока метров в секунду. Седов целый день в каюте. Вчера его ноги опять распухли. Кушаков успокаивает Седова, находя, что болезненное состояние не что иное, как обострение ревматизма. Некоторые думают об ухудшении здоровья проще, припоминая, что несколько дней назад, по распоряжению Кушакова, была сварена солонина, и Седов опять поел ее. Бесполезно спорить — усиление цинги или ревматизма свалило с ног Седова: не одинаково ли погибельно начинать двухтысячекилометровое путешествие — с цингой или ревматизмом?

Но отъезд не откладывается. Под вечер шторм утихает. Седов просил меня фотографировать его. Встал с постели и оделся».

ГЛАВА XVI

ВЫХОД К ПОЛЮСУ

Седов решил отправиться к полюсу на трех нартах, запряженных двадцатью четырьмя собаками. Трех собак он оставлял на «Фоке». Продовольствие было погружено на нарты еще накануне выхода.

Мясо сушеное (бульон).....64килограмма	Соль.....3,2 килограмма
Сухари.....58 „	Мука Нестле... ..4 „
Печенье мясное.....22 „	Зелень сушеная....93,6 „
Галеты.....32 „	Фрукты сушеные...4 „
Сало	Молоко сушеное...2 „
малороссийское...40 „	Экстракт
Шоколад мясной.....22 „	клюквенный....1,4 „
обыкновенный....10 „	Монпансье0,8 „
Какао.....5,4 „	Ром.....3 бутылки
	Коньяк.....3 „

В общем, продовольствия у Седова было на четыре — четыре с половиной месяца, а корма для собак (260 килограммов галет) никак не больше чем на месяц.

15 февраля рассвет был очень пасмурен. Буря окончательно стихла, от нее остался слабый ветерок. Мороз невелик — двадцать градусов.

Георгий Яковлевич ранним утром ушел на разведку. Вернулся к половине одиннадцатого. Дорога оказалась тяжелой. Буря намела большие сугробы, снег еще не успел затвердеть. Усталый, тяжело дыша, Седов поднялся на корабль.

В коридоре его встретил художник, дал ему в руки свое письмо.

Не найдя случая еще раз переговорить с Седовым и убедить его отказаться от рискованного путешествия, художник написал письмо. Предостерегая Седова от доверия диагнозу ветеринара Кушакова и от легкого отношения к своей болезни, художник рекомендовал отложить путешествие до выздоровления.

Георгий Яковлевич сказал, что дорога плоха, пожаловался на боль в ногах и одышку.

Неистошимый рассказчик, выдумщик анекдотов и смешных историй, кумир команды, бесстрашный охотник, всегда бодрый, даже к работе приступавший не иначе, как с шуткой, Седов теперь выглядел другим.

Взяв из рук художника письмо, Георгий Яковлевич прошел в свою каюту. Он пробыл там около получаса. Прежде всего, написал коротенькое письмо жене — прощание. Письмо заканчивалось словами: «Мои вещи, дневник и твой портрет передадут тебе Кизино или Кушаков... Но нет, нет — я вернусь!» Затем Георгий Яковлевич написал последние приказы и вышел с ними в кают-компанию, где собрался весь личный состав экспедиции, за исключением тяжелобольных. Вахтенный начальник Визе прочел приказ.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ СЕДОВА

«2 февраля, бухта Тихая.

Волею Божией мы прибыли на Землю Франца-Иосифа и волею же Божией идем, наконец, на полюс. «Человек предполагает, а бог располагает», — так говорит русская пословица. В Петербурге мы предполагали попасть в первый же год на Землю Франца-Иосифа и на следующий год идти к полюсу, причем идти на пяти-шести нартах с пятьюдесятью — шестьюдесятью собаками, с сильным снаряжением, большими запасами свежих сил людей, а попали лишь на второй год, и то с большим опозданием. Идти на полюс принуждены мы не на шести нартах, а лишь на трех неполных при двадцати четырех уцелевших собаках и, следовательно, в силу необходимости при сокращенном количестве людей, в которых, к большому общему горю, нельзя не заметить некоторого упадка сил как

нравственных, так и физических, вызванного двумя суровыми зимовками.

В полюсную партию входят: офицер (лично я) и два матроса — Григорий Линник и Александр Пустошный. Клади всего «дет около пятидесяти пудов, в том числе запас провизии для людей на четыре месяца и корма для собак на полтора месяца.

Географ экспедиции Визе, который должен был бы, по первоначальной программе, принять участие в походе к полюсу, теперь оставляется мною при судне экспедиции. Эта перемена вызвана главным образом недостатком собак полюсной партии и частью соображениями по производству некоторых научных работ на Земле Франца-Иосифа, где он является надежным моим заместителем. Конечно, это обстоятельство, я знаю, не может особенно порадовать В. Ю. Визе, который хотел разделить мою участь в полюсной партии, а также не может доставить и мне большого удовольствия, ибо я лишен в дороге культурного спутника и преданного делу работника. Ну, что же делать, на все воля Божия. Разделим наши труды пополам, и каждый на своем месте честно исполнит свой долг... Итак, в сегодняшний день мы выступаем к полюсу. Это — событие для нас и для нашей родины.

Об этом деле мечтали уже давно великие русские люди — Ломоносов, Менделеев и другие. На долю же нас, маленьких людей, выпала большая честь осуществить их мечту и сделать посильные научные и идейные завоевания в полярных исследованиях на пользу и гордость нашего дорогого отечества.

Мне не хочется сказать вам, дорогие спутники, «прощайте», мне хочется сказать вам «до свидания», чтобы снова обнять вас и вместе порадоваться на наш общий успех и вместе же вернуться на родину.

Особенно было бы приятно застать вас здесь среди общего благополучия, в полном мире и согласии.

Пусть же этот приказ, пусть, быть может, мое последнее слово послужит вам памятником взаимной дружбы и любви. До свидания, дорогие друзья!

Старший лейтенант Седов»

В другом приказе Седов передавал власть начальника Кушакову, руководство научными работами — Визе, командование кораблем — Сахарову.

В этом же приказе Седов писал:

«Полюсную партию ждите в бухте Тихой до 1 августа, после чего постройте здесь каменную землянку, оставьте в ней небольшой запас провизии, ружье, патроны и вообще все необходимое для приюта трех человек, а сами идите в Россию...

Г. Я. Седов в своей каюте на «Св. Фоке».

По приходе в Россию не беспокойтесь ходатайствовать о посылке за нами судна, так как это будет лишняя трата средств, ибо если суждено будет уцелеть, то мы и самостоятельно доберемся домой».

После прочтения приказа не расходились. Не уходил в каюту и Седов. Он несколько минут, стоял с закрытыми глазами, как бы собираясь с мыслями, чтобы сказать последнее слово. Но вместо слов вырвался едва заметный стон, в углах сомкнутых глаз сверкнули слезы. Георгий Яковлевич с усилием овладел собою, посмотрел на всех и начал говорить, сначала отрывочно, потом спокойнее, главнее, — голос стал тверже:

— Я получил сегодня дружеское письмо. Один из товарищей предупреждает меня относительно моего здоровья. Это правда: я выступаю в путь не таким крепким, как нужно и каким хотелось бы быть в этот важнейший момент. Пришло время, и мы начнем первую попытку русских достичь Северного полюса. Труды русских в историю исследования Севера вписаны важнейшие страницы, Россия может гордиться ими. Теперь на нас лежит ответственность оказаться достойными преемниками наших исследователей Севера. Но я

прошу: не беспокойтесь о нашей участи. Если я слаб — спутники мои крепки. Даром полярной природе мы не дадимся. Седов помолчал.

— Совсем не состояние здоровья беспокоит меня больше всего, а другое: выступление без тех средств, на какие я рассчитывал. Сегодня для нас и для России великий день. Разве с таким снаряжением нужно идти к полюсу? Разве с таким, снаряжением рассчитывал я достичь его? Вместо шестидесяти собак у нас только двадцать четыре, одежда изнасилась, провиант истощен работами на Новой Земле, и сами мы не так крепки здоровьем, как нужно. Все это, конечно, не помешает исполнить свой долг. Долг мы исполним. Наша цель — достижение полюса; все возможное для осуществления ее будет сделано.

В заключение Седов старался ободрить больных:

— Жизнь теперь тяжела, стоит еще самая суровая пора, но время идет. С восходом солнца исчезнут все ваши болезни. Полюсная партия вернется благополучно, и мы тесной семьей, счастливые сознанием исполненного долга, вернемся на родину. Мне хочется сказать вам не «прощайте», а «до свидания»!

Все стояли в глубоком молчании. У многих наворачивались слезы. Пожелали счастливого пути. Как-то особенно просто и задушевно сказал несколько слов Лебедев.

После завтрака Седов встал первый:

— Нужно идти!

Через несколько минут все были на воздухе. Еще небольшая задержка у фотоаппарата, и все, способные двигаться под лай и завывание рвущихся собак, пошли на север. В мгlistом: воздухе глухо гремела пушка, чуть развевались флаги. Крики «ура» тонули в белых проливах. У северного мыса острова Гукера, километрах в семи от зимовки, провожавшие остановились, пожали руки уходящим, расцеловались.

— Так до свиданья, а не прощайте!

Несколько торопливых фраз, и кучка людей отделилась и двинулась вперед. Провожавшие долго стояли на торосе, вглядываясь в темноту.

ГЛАВА XVII

НА ОСИРОТЕЛОМ «ФОКЕ»

24 февраля по вычислениям, в бухте Тихой должно было показаться солнце. Пинегин и Павлов увидели его с высокой горы около полудня. Оно показалось, приподнятое рефракцией, над самым краем ледяного покрова на острове

Г. Я. Седов (в центре) перед отправлением к полюсу.

Гукера, озарило розовыми лучами верхушку горы и сейчас же зашло. Приятели спустились с горы по ступенькам, выбитым в твердом, как лед, снегу, и, погладив медвежат, пошли в жилое помещение. Неуютно, холодно и запущенно было в кают-компании. От сырости краска местами отстала, обнажая посиневшее промозглое дерево, и висела лохмотьями. Лед скопился во всех углах, пазы между планками запорошены инеем, на полу сырость ото льда, растаявшего, когда топилась железная печка. В углу, поживаясь и потирая руки, сидел за шитьем запасного паруса Максимыч.

Суровое время наступило на «Фоке». Температура не поднималась, свирепствовали штормы. О событиях того времени рассказано в дневнике художника:

«3 марта. Готовлюсь к экскурсии на мыс Флора; предполагаю идти вдвоем с Инютиным. Приходится снаряжаться легко. Весьма вероятно, что мне придется идти одному с примусом, спальным мешком и записками: Инютин слаб и ненадежен. Пищухин еле бродит с распухшими коленками. Из матросов вполне здоровых только двое — Кузнецов и Кизино.

9 марта. Стоит ясная погода. С 4-го полная тишина, ясные, солнечные дни с ровной температурой —30—45° Ц.

Сегодня поднялись с Павловым на вершину острова Гукера. День на редкость ясен,— казалось, что и воздух застыл. Южные острова четки во всех подробностях, а Британский канал с горы — как перед летящей птицей.

Даже прекрасные дни не доставляют удовольствия,— гнетут мысли об ушедших и забота о больных. Прекрасны безгранично широкие просторы. Но мозг, отказываясь воспринимать всю красоту замерзших земель, упорно возвращается к жизни — к жизненным мыслям о том, что на пространстве в полтора километра ни трещинки во льду. Такое состояние льдов напоминает, что медведей нет поблизости, нет спасения больным. Зандер, когда-то крепкий мужчина, теперь похудел и совсем ослаб.

Одна надежда на птиц, которые прилетают к этим берегам почти с восходом солнца.

10 марта. Как упорны и злы морозы! Ртуть почти не оттаивает. Мы жмемся друг к другу, как холодом застигнутые птицы. Все каюты, за исключением одного лазарета, покинуты. Больные из другого лазарета переведены в каюту Седова. И я, устав бороться со льдом, переселился в кают-компанию.

Сегодня Иван, переставляя ящики, нашел в трюме гнездо крыс. Туда, очевидно, собралось все крысиное население «Фоки». Крысы натаскали в щель обшивки всякого хлама:

обрывков бумаги, соломы, пеньки, нагрызенных канатов, и, зарывшись, лежали друг на друге тесным комком более пятидесяти, но в живых осталось две-три, и те не шевелились, не испугались света фонаря.

Зандер совсем плох. Сегодня, войдя в каюту навестить его, я сразу заметил, что больной сильно осунулся, обозначились скулы, запали глаза. Он не предложил, как обыкновенно, «несколько градусов своей температуры для тепла», а, прерывисто дыша, сказал мне тихо:

— Видно, мне от своих градусов не избавиться! Одна просьба: найдите несколько досок на гроб.

Я ответил шуткой. Она успеха не имела. Больной ответил голосом слабым и серьезным:

— Плохо мне.

13 марта. Прилетели птицы. Утром стайка маленьких люриков покружились над обрывом, словно осматривала местность, и села где-то на камнях; После обеда я взял ружье, — не удастся ли добыть несколько птиц для больных. Едва я вышел на палубу, меня догнал Кушаков и сказал:

— Иван Андреевич кончается.

Я вернулся и открыл дверь в его каюту. Зандер был еще жив. Когда дверь скрипнула, он пошевелился и испустил хрип, — это был последний вздох. Бледный, неподвижный лежал Зандер на левом боку, закрыв глаза и подложив под щеку руку. Казалось, он спал. Бедный, сколько страданий за эти последние месяцы! Узкая койка в тесной каюте, слабый свет полярного дня, еле светящегося через обледенелый иллюминатор, серые, закопченные стены — вот обстановка последних дней жизни и смерти без утешения и помощи родных и близких.

Все здоровые — а их было шесть человек — отправились копать могилу вблизи астрономического пункта. Работали до полной темноты. Почва смерзлась так, что даже ломami невозможно выкопать глубокую яму. Могила выкопана глубиной всего в аршин.

14 марта. Похоронили Ивана Андреевича. Зашив тело в мешок из брезента (на «Фоке» не нашлось шести досок, годных для гроба), мы вынесли его на палубу и на нарте довели до могилы. Была вьюга. Ветер трепал одежды людей, впрягшихся в сани, шуршал по камням. Тело спустили в могилу и устроили нечто подобное склепу, — свод его заменила дверь каюты. Засыпали слоем земли в десяток сантиметров, а сверху наложили большую грудку камней. Вот она, полярная могила, первая на этом острове!

Мы потеряли мужественного и нужного человека. Всю жизнь Иван Андреевич провел в море, изъездил все океаны.

В самые опасные минуты плавания «Фоки» он был бодр и спокоен. Морская жизнь учит бесстрашию. Четыре темных месяца на койке, одиночество, ужаснейшая болезнь,— можно было упасть духом, но Зандер терпел, никто не слышал жалоб от него иначе, как в шуточной форме. И даже умереть умел терпеливо, незаметно. Крепким духом — славная смерть.

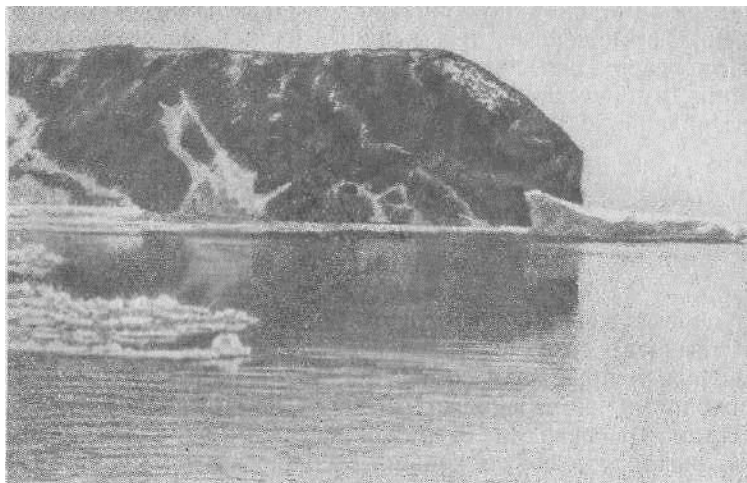
16 марта. Вчера я писал о смерти, она была тут перед глазами, заслоняла собой все. Злобный ветер с севера пел торжествующую песнь. А сегодня — лишь успел я распахнуть выходную дверь — блеснуло в глаза нестерпимо яркое солнце и откуда-то сверху, как будто с самого голубого неба, понеслись веселые, задорно звенящие крики, бодрящий гомон беззаботной жизни. Птицы прилетели!

Гуще всего крики были со стороны Рубини-Рок. Я убил всего девять люриков. После каждого выстрела со скал срывались тучи белых, быстро мелькающих крылышек — трепетные, живые тучи. Возвращаясь, я встретил Павлова, всего обвешанного птицами, — он набрел на полынью, чуть не сплошь усеянную люриками.

18 марта. Прилетают все новые стаи люриков. Миллионы резвых крылышек прорезают воздух тонким свистом. Не нужно ходить к Рубини-Рок, птицы поселились везде, где земля свободна ото льда. У самого «Фоки» летают стайки, срываются одна за другой с заснеженных камней, садятся поблизости, перепархивают и опять куда-то уносятся. Веселые, жизнерадостные птички совсем не боятся людей. Когда подходишь к стайке, важно рассеившейся по камням, немного замолкают; если не делать резких движений, подпускают к себе на несколько шагов. Сядь и сиди неподвижно: настороженные головки скоро придут в обычное положение, затем главный болтун раздует зоб и выпустит беззаботную песнь: кга, га-га-га-кга...

В погоне за мелкими рачками на полынье они собираются — себе на погибель — густыми стаями. Вчера и сегодня охота всерьез; нужно запастись мясом, пока представляется удобный случай. Один я убил сто девятнадцать люриков и шестнадцать чистиков. Всего за три дня добыто триста двадцать птиц. Охотимся расчетливо, дожидаясь, когда птицы сплывутся густо, — воды не видать. Бывает — после выстрела на месте остается до двадцати штук; вся стая подымается, кружится недолго, потом опять садится, часто ближе, чем до выстрела.

Вчера штурман убил нерпу. Зверь не потонул: жирный, плавал по воде, как пробка. Мы привезли лодочку и достали добычу. За три дня все заметно поправились — обедаются птицами больные и здоровые; все чувствуют себя помолодевшими.

Скала Рубини-Рок.

Мы дождалась лучших дней. Как тяжелы ушедшие— напоминает горка камней на могиле Зандера».

18 марта после утреннего кофе Пинегин, штурман и Павлов собрались, как во все последние дни, стрелять люриков на польнье, но, заспорив о чем-то, немного задержались. Штурман, махнув рукой на спорщиков, закинул за спину винтовку и вышел. Минут через пять он вбежал с искаженным лицом:

— Да что же это такое? Георгий Яковлевич возвращается!.. Нарта с севера идет.

Все выбежали. У пригорка метеорологической станции остановились. Из-за мыса показалась нарта, миновала мыс. Только одна нарта, и около нее только два человека. Возвращавшиеся не могли уже не видеть людей на берегу, но шли без обычных радостных криков приветия, молча.

Беда!

Несколько мгновений спустя, когда глаза привыкли к свету, Пинегин разобрал, кто идет: впереди собак — Линник, а сзади, поддерживая нарту с каяком, — Пустошный.

Седова нет.

Через минуту весь экипаж «Фоки» окружил вернувшихся.

— Где начальник?

— Скончался от болезни, не доходя до Теплиц-бай.

Похоронили на том же острове.

Стояли в молчании.

Потом Линник и Пустошный, с черными, обмороженными лицами, изможденные, исхудавшие, начали рассказывать.

Под вечер Визе записал со слов матросов всю недолгую историю путешествия к полюсу. Тогда же прочитали для сопоставления с рассказами путевой дневник Седова.

ГЛАВА XVIII ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

В первый день Седов отошел недалеко. К четырем часам темнота совсем сгустилась. Пришлось остановиться. Распрягли и привязали собак, поставили палатку. Устроились по-походному, но довольно уютно. Спали хорошо.

Утром 16 февраля свернули лагерь, двинулись дальше. Путь оказался очень тяжелым. Больше всего мешала темнота. Караван то и дело попадал на плохую дорогу. В раздражающем неясном полумраке не было возможности рассмотреть, где лучший путь. Особенно больших нагромождений льда не встречалось, но небольшие гряды торосов были повсюду. Во время рассвета, около полудня, Седов легко находил между ними проходы. Но в сумерках торосы приводили в отчаяние.

Сани то и дело опрокидывались и застревали среди хаоса льдин, поставленных на ребро. Из них, казалось, не было выхода. И досаднее всего — после часа или двух мучительной дороги оказывалось, что рядом с торосами совсем ровный лед, по которому можно бы, не останавливаясь, обойти взломанный участок.

Седов шел впереди, прокладывая путь по сухому, глубокому снегу. Вслед тянулись три нарты: «Передовая» — Линника, за ней средняя — «Льдинка», без проводника, и последняя — «Ручеек», которой управлял Пустошный.

Погода установилась жестокая. Не переставая, зло и упорно дул встречный ветер северных румбов при морозе в тридцать-сорок градусов. Этот ужасный ветер в первые же дни сжег открытые части лица. У Седова и у обоих спутников кожа на носу и скулах почернела. Собаки шли, склонив мордочки к снегу, прятали их от жгучего потока воздуха. Стоило нарте остановиться хотя бы на минуту — животные сейчас же начинали быстро-быстро рыть ямки в снегу, прятались в них и закрывали морду пушистым хвостом. Но ямки спасали не всех. Короткошерстые собаки с Оби не спали по ночам, они жалобно взвизгивали или начинали тоскливо завывать. Наиболее страдавших от холода — Мальчика, Пана,

Пирата, Разбойника и Куцего — Седов звал «мерзлячки». Их приходилось брать на ночь в палатку.

Тяжел был путь, ужасна погода. Полярники знают, как трудно переносить жестокую погоду и при коротких переходах, ночуя в теплых помещениях, когда организм может возобновить запас тепла. Здесь же негде было отогреться по-настоящему. Но Седов, находясь первые три-четыре дня в приподнятом настроении, шел бодро. Ему казалось в эти дни, что и болезнь его проходит. Опухоль на ногах явно уменьшилась, и синие пятна почти исчезли.

Двигались не быстро: в сутки проходили в среднем около пятнадцати верст. Мешали отсутствие света, торосы, рыхлый снег и третья нарта, без провожатого. Собаки, запряженные в нее, часто останавливались перед каждым пустячным препятствием.

Но миновали первые дни. В жутких условиях пути ослаб душевный подъем — Седов стал чувствовать себя значительно хуже. К тому же он застудил себе грудь, появилась сильная одышка, по вечерам трясло от озноба.

Однако Георгий Яковлевич не терял надежды на выздоровление. Он говорил матросам, что чувствует себя сносно, пожалуй, даже лучше, чем на «Фоке».

22 февраля, на седьмой день пути, Седов остановился среди торосов, запорошенных глубоким и рыхлым снегом. Передовая нарта догнала его. Линник думал, что Седов поджидает, чтобы отдать приказание идти в обход. Подбежал, взглянул на начальника — и испугался. Сквозь черно-лиловые пятна морозных ожогов на лице Седова выступила мертвенная бледность. Выражение мучительной боли и растерянности поразило Линника. Чтобы сказать что-нибудь, он спросил:

— Куда пойдем, Георгий Яковлевич?

— Устал я что-то сегодня ужасно. Этот проклятый снег кого угодно измотает! Ты, Григорий, иди пока вперед, вот по этому курсу. Видишь мысок, так на него держи. А я сяду на нарту. Нужно мне отдохнуть.

Караван медленно, обходя торосы, двинулся дальше.

На ночлег остановились у острова Джексона, невдалеке от зимовья Нансена. Как всегда, первым делом поставили палатку. Седов остался в ней разжигать примус, растапливать в чайнике снег и готовить обед. Линник и Пустошный, привязав на ночь собак, задавали им корм. В это время из палатки послышался после припадка сильного кашля стон, которого спутники никогда от Седова не слышали. Линник тревожно выпрямился и замер, держа в руке галету, за которой тщетно рвалась привязанная собака. Прислушался еще. Из палатки доносился только ровный шум примуса...

Покормив собак, забрались в палатку. Седов писал дневник. Линник, сев на спальный мешок, погрел руки у примуса, повесил сушить на стантовую веревку у верхнего сгиба палатки рукавицы, опять присел к примусу. Он сосредоточенно думал, как бы намекнуть начальнику, что лучше бы вернуться на судно. Как будто первый раз заметив, что спальный мешок начинает сильно леденеть, он обернул его к огню примуса и преувеличенно внимательно начал рассматривать, стараясь обратить внимание Седова.

— Неважные дела у нас с мешком-то получаются, — начал он свой намек, — если так и дальше пойдет. Леденеет мешок-то! Плохо вам, нездоровому, спать в таком мешке, Георгий Яковлевич. Главное, вылезает мы ночью из него, беспокоим. Оттого и леденеет. Ошибку мы сделали. По-настоящему нам надо бы два мешка сшить.

Седов рассеянно слушал Линника. Он в эту минуту записывал в дневник события дня. Подняв голову, он равнодушно сказал:

— Теперь, Григорий, об этом поздно думать. Плохо ли, хорошо, а теперь не переделаешь. — И продолжал записывать.

Но Линник не унимался:

— Вот я про то и говорю, что здесь не переделаешь. А до полюса еще далеко. Такой мешок для здоровья явный вред. Может быть, вернуться домой на судно, там мигом переделаем. Ушли недалеко, по проложенной дороге быстро дойдем. Пока мы мешок переделаем, вы поправитесь. И свету больше будет.

Захлопнулся дневник. Седов взглянул на Линника, потом на Пустошного. Линник, упрямо сдвинув брови, смотрел Седову в глаза. Шура отвернулся, но видно было по его настороженной позе, что и он жадно ждал.

— Нет, Линник, этого не будет! О судне не заговаривай, забудь и думать о нем. Нет его позади. Раз мы пошли, то должны сделать свое дело. Оглядываться нельзя. Понимаешь, нельзя!

Линник опустил глаза. И в то же мгновение Шура поднял свои на Седова. Такое же восторженное выражение, как на квартире у лоцмандира, сияло в чистых, похожих на девичьи, глазах славного мальчика. Георгий Яковлевич заметил этот свет и хорошо улыбнулся.

— Ты, Григорий, обо мне не беспокойся! Я человек крепкий, испытал в жизни всего. Не было случая, чтоб я хворал по-настоящему, все болезни на ногах переносил. Вот придем в Теплиц-бай, там займемся всеми неполадками. Может, и мешок переделаем. Я отдохну там, подправлюсь как следует, и пошли. Подумай, что ты говоришь! Ведь Теплиц-бай к полюсу

Спутники Г. Я. Седова: Г. Линник (слева), А. Пустошный (справа).

на целых полтора градуса ближе, чем бухта Тихая. В два конца — три градуса. Раскинь-ка мозгами! Будем беречь собак, беречь свои силы. Наше дело великое! Мы теперь себе не принадлежим. На родине гордятся нами. Будем думать о ней.

Линник молчал.

На следующее утро, в девятом часу, происходила обычная процедура свертывания лагеря. Убрали палатку, сложили, завязали расходную нарту. Выстроили гуськом все три нарты, запрягли собак. Седов, прислонившись к передней, держал, перед глазами карту, определяя наиболее выгодное направление пути, и сравнивал избранный курс с показанием компаса. Свернув карту, он бодрым шагом направился вперед, но, не отойдя и десятка шагов — только успел поравняться с передовыми собаками, — остановился, зашатался и медленно осел на снег. Линник подбежал к нему. Седов, видимо, не сознавал, что происходит: глаза были закрыты, лицо бледно, как вчера. Передовой Седова, любимец Разбойник, ласкаясь, лизал его в лицо.

— Что с вами, Георгий Яковлевич?

Седов открыл глаза.

— Ничего! Прошло. Слабость. Это бывает после болезни.

Не беспокойся! Видно, придется еще денек на нарте посидеть. Лучше побережь себя. Давай-ка трогай! Иди вперед, как вчера, а я опять присяду.

Он с трудом поднялся. Линник обнял его и усадил на нарту.

День был ужасный. Дорога скверная, много молодого тонкого льда, полыньи с плавающими айсбергами и трещины. Одетый для пути пешком легко, Седов не хотел остановить сани, чтоб достать меховой «полюсный» костюм, сшитый наподобие эскимосских анораков. В результате сильно продрог, и к вечеру усилилась лихорадка. Ночевали у мыса Климентса (Маркама).

В эту ночь все спали плохо. На тонком льду вокруг было много продушин, сделанных моржами и нерпами. Иногда в продушинах показывалась голова; тогда собаки на привязи поднимали ужасный лай, «мерзлячки» в палатке тоже начинали беситься.

Не отдохнувшие собаки везли на следующий день очень плохо, только под вечер разошлись.

За десять дней не успели отойти далеко, но стали сказываться тяжелые условия похода. Температура не поднималась выше тридцати градусов, дули жестокие встречные ветры. Спальный мешок, пропитанный потом, стал леденеть все сильнее. Верхняя одежда тоже не успевала просыхать, не держала тепла. Керосин выходил значительно скорее положенного. Ужасный холод отзывался губительно на людях и собаках. У Пустошного и Линника шла носом кровь. Собаки, когда их вытаскивали запрягать из снежных ямок или палатки, дрожали, скулили и с трудом втягивались в работу. И все-таки — с трудом, медленно, надсадно и мучительно — партия подвигалась к северу.

26 февраля стало немного легче. Температура с сорока сразу упала до шестнадцати градусов. В море королевы Виктории всюду было видно темное «водяное» небо. Показались тюлени, лежащие на льду. Надо бы их промыслить! Но Георгий Яковлевич боялся потери времени. Скорей бы добраться до Теплиц-бай, подправиться там!

В пять часов остановились на ночлег. Седову казалось — у острова Рудольфа. Если верить карте Абруццкого, лагерь был раскинут у самого острова. Но очертания земли не походят на изображенные на карте. Впрочем, расхождения с картой отмечались и раньше.

Только успели разбить палатку, подошел огромный медведь. Собаки окружили его, но медведь пробился сквозь их кольцо. Ушел он, впрочем, недалеко — версты две. Здесь псы снова догнали его, заставили спрятаться в лунке.

— Пойдем, Григорий, добывать мяса,— сказал Георгий Яковлевич и достал из чехла винтовку.— Ты, Шура, подожди нас. Скоро вернемся. Будем жарить бифштексы. Медведю из лунки не уйти.

Задыхаясь и по временам останавливаясь, чтобы перевести дыхание, Георгий Яковлевич подошел к пробитой моржом большой лунке, где спрятался медведь. Он широко открывал пасть, норовя укусить наседавших со всех сторон собак. Георгий Яковлевич остановился недалеко от лунки. Ноги и руки дрожали от усталости. Постояв минуты две и чувствуя, что дрожь не проходит, он подошел к медведю вплотную, чтоб непослушные руки не подвели, не направили бы пулю мимо. С аршинного расстояния он прицелился в голову зверя, нажал спуск. Выстрела не последовало. Переменил патрон — снова осечка, потом ещё и ещё. Вся обойма валялась на снегу, а выстрела не было. Этот Кушаков со своей услужливостью! Конечно, чистив винтовку, смазал ее маслом. А ведь давно все знали, что в морозы нужно смазывать затвор не маслом, а керосином.

Георгий Яковлевич, взбешенный, быстро пошел к палатке захватить свой финский нож, чтобы им заколоть медведя. Но, не пройдя и сотни шагов, опять почувствовал слабость, подогнулись ноги, и он с изумлением увидел себя сидящим в снегу.

— Плохо дело! Не стало силы. Уйдет ведь медведь, уйдет! А собачек надо покормить. Григорий,— поднял Георгий Яковлевич лицо к подбежавшему Линнику,— беги скорей к палатке, отогрей у примуса затвор, да ножи не забудь захватить. А я не могу что-то идти, устал сегодня, совсем ослабел. Постерегу здесь, чтоб медведь не ушел, буду собак подбадривать. Да привези нарту; мне, пожалуй, трудно будет идти до палатки.

Было совсем темно. В серо-голубой мгле быстро скрылся Линник. Георгий Яковлевич полулежал, обернувшись в сторону, откуда доносилось непрерывное тьяканье собак, окруживших лунку с медведем. Их почти не было видно. Георгий Яковлевич приподнялся, сел, подобрал ноги и попытался, опершись на руки, встать, но качнулся и упал. Передохнув немного, он все же поднялся. Хотел перейти поближе. Собаки, не видя людей, стали тьякать не дружно, одна побежала куда-то в сторону. Не ушел бы медведь! Сделав шагов около полсотни, Георгий Яковлевич стал различать медведя и окруживших его собак. Хотел подойти еще ближе, но споткнулся, упал и от толчка почти потерял сознание. Его пробудил взрыв собачьего лая. Он приподнялся. Медведь выбирался из полыньи. Затем зверь встал во весь рост, резко повернулся, чтобы

схватить собаку, упал в воду и, тотчас же выскочив на лед, понесся полным ходом в сторону открытого моря. Лай собак замер.

— Ушел, проклятый! — со стоном вырвалось у Седова.

Часа через два с нартой пришел Линник. Не находя начальника во тьме, он дважды выстрелил. После второго выстрела Седов отозвался слабым криком. На выстрел прибежали собаки. Линник запряг их и отвез Георгия Яковлевича к лагерю.

С этой стоянки началась страшная борьба больного с беспощадной полярной природой. Вплоть до того времени, когда карандаш выпал из ослабевшей руки, дневник Седова повествует, как ежедневно проходило то или другое количество километров — все к северу, к северу. Но в записях не найти чего-нибудь похожего на страх перед будущим или мыслей о необходимости отказаться от своих задач.

Между тем матросы уже понимали, чем может кончиться поход. Они пробовали сначала намекать Седову, потом стали просить открыто: нужно вернуться на судно.

Разве можно поколебать Седова!

— Улыбнется, — рассказывал Линник, — махнет рукой. «Нет, оставь это, — скажет, — брось и думать о судне! Я в Теплиц-бай за пять дней поправлюсь». А сам иногда в последние дни говорил в забытьи: «Все пропало! Все пропало!»

Последние переходы Седова были страшны. Дорога по тонкому, молодому льду сменялась непроходимыми торосами. Режущий ветер сжег дочерна лица. Матросы еле справлялись с тремя нартами. Седов лежал на средней одетый в эскимосский костюм, в спальном мешке, крепко привязанный к качающейся нарте. Часто впадал в забытьи; беспомощно склонялась голова. Очнувшись, Седов первым долгом сверял курс с компасом и не выпускал его во все время сознания. Матросы замечали, что больной подолгу осматривался, словно старался опознать острова, лежащие на пути. Спутникам иногда казалось, что Седова мучила мысль, как бы они самовольно или обманом не повернули, не увезли его на судно, не сменили бы северного курса. Однажды спальный мешок с больным упал с саней. Когда Линник подбежал, Георгий Яковлевич очнулся, в удивлении посмотрел по сторонам и спросил:

— Почему мы стоим?

Морозы не сдавали, не прекращались встречные ветры. 28 февраля нарта провалилась на молодом льду. Ее вытащили. Но двигаться дальше было невозможно. Решили подождать, пока лед окрепнет. К тому же разразилась буря. Разбили лагерь. В этом лагере Седов и умер.

Три последних дня Седов лежал в спальном мешке в палатке. По временам он жаловался на нестерпимый холод. В один из припадков озноба он приказал обложить палатку снегом доверху и держать примус зажженным на обе горелки.

— Только зажечь примус, — рассказывал Линник, — кидает его в жар. «Туши примус!» Проходит четверть часа — так задрожит, что иней с палатки сыплется. «Зажег примус? — спрашивает. Нет, не нужно, надо беречь керосин. Впрочем, все равно»

Так, то ложась рядом в мешок, чтобы согреть его, то растирая холодные опухшие ноги, покрытые синими пятнами, провели матросы эти последние дни и ночи без сна. Седов не ел и не пил. Часто говорил:— «Я не сдамся, нужно пересилить себя и есть». Но есть не мог. Пустошный предложил как-то любимых консервов — мясной суп с горохом.

— Да, да, консервов!

Пустошный вышел из палатки отыскать жестянки на дне каяка. Ревела буря. Пустошный вдруг ослабел, закружилась голова, хлынула из горла и носа кровь. Бессонные ночи, еда кое-как, тревога сломили и цветущую молодость. Бедняга приполз к палатке без консервов. Пришлось пойти Линнику. Когда консервы были, наконец, сварены, Седов не мог проглотить ни одной ложки супа — приступ лихорадки и боль в груди отняли сознание.

Седов часто терял сознание. Придя в себя, думал о том, как бы добраться до Теплиц-бай, иногда вспоминал «Фоку».

«Вот на «Фоке» начался день. Теперь Кизино затопит в кают-компания печь, потом начнет стучать посудой сначала в каютке-буфете, потом в кают-компания. Кизино чудесный парень! Потом соберутся все в кают-компания, будут греться у печки, перекидываясь редкими фразами, станут пить кофе с черным хлебом. Вспоминают, наверно, меня. Ах, милые, милые друзья, как бы хорошо попасть к вам на минутку и посмеяться, как бывало в беззаботные дни на Новой Земле.

Ничего, ничего, терпи, Георгий! Все в жизни проходит, всему бывает конец. И на «Фоке» неважно живет. Ах, подвели нас комитетчики, не прислали ни угля, ни собачек. С углем и с хорошими собаками я в эти дни был бы далеко за восемьдесят третьим градусом...»

В темной палатке дрожал синий огонь примуса. Седов метался. Дыхание его все учащалось и становилось затрудненным. Иногда матросы держали больного в полусидячем положении — так легче было дышать.

5 марта во втором часу ночи Седов стал внезапно задыхаться: «Боже мой, боже мой!.. Линник, поддержи!..» И задрожал смертельной дрожью...

Матросы долго сидели, как скованные, не смея вымолвить слово. Наконец, один закрыл глаза покойного и покрыл лицо чистым носовым платком. Буря стихла: как будто, укротив мятежный дух, занесший сюда недвижимое теперь тело, она успокоилась.

Пустошный рассказывал — охватили отчаяние и ужас. В темноте тесной палатки трудно было двинуться, не задев спального мешка с телом покойника, — смерть не давала забыть о себе ни на минуту.

Совсем не приходили мысли о будущем, обо всем, что ждет их впереди, что делать с телом, куда идти, как спастись самим.

В сознании было только одно: они остались одинокими в страшной пустыне, уставшие и больные, лицом к лицу с враждебной природой...

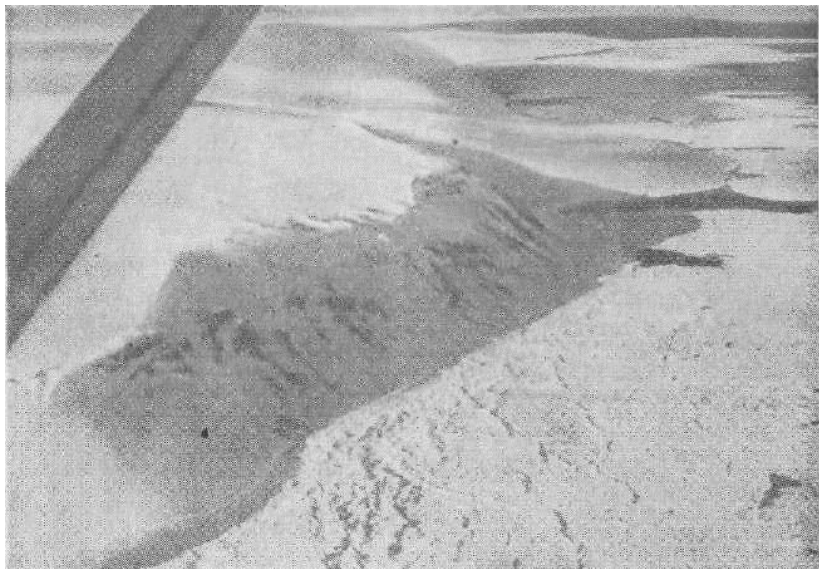
Пробудил холод. Надо что-нибудь делать. Посоветовавшись, решили дойти до Теплиц-бай, отыскать склады Абруццкого, запастись керосином (оставался один баллон менее четырех литров) и, бросив все лишнее, привезти тело Седова на «Фоку». 9 марта, оставив лагерь на произвол судьбы, пересекли пролив и, подойдя к острову Рудольфа, пошли вдоль западного берега его. Шли недолго: встретили открытую воду, море касалось самой береговой стены ледника. Выходило — Седова не довести. Решили похоронить тут же.

На клочке земли, черневшей поблизости, матросы выбрали подходящее место. Тело, завернутое в два брезентовых мешка, поместили в углубление, вырытое киркой; рядом — предназначенный для полюса флаг. Сверху наложили высокую груды камней, в нее вставили крестом связанные лыжи. Около могилы остались кирка и сани.

С обнаженными головами произнесли: «Вечная память!» Немного постояли. Когда мокрые от пота волосы смерзлись, надвинули капюшоны и, подняв с могилы по камню для себя и для жены покойного, вернулись к лагерю — собираться в обратную дорогу.

До «Фоки» матросы добрались с трудом. Шли две недели, споря у каждого острова, какой держать курс. Когда удавалось попасть на старый след, делали большие переходы. Несколько раз теряли всякое представление, куда идти.

Уже недалеко от бухты Тихой, попав в пролив Аллена Юнга, заблудились и ушли бы скитаться среди мелких островов южной части Земли Франца-Иосифа, если бы не заметили у острова Кетлица аркообразного айсберга, памятного тем, что Седов фотографировал эту «игру природы». Матросы не ели горячего четыре дня: вышел керосин. На остановках

Место гибели Г. Я. Седова. Мыс Аукана о. Рудольфа.

без горячей пищи спальный мешок не грел остывших тел. Часть собак осталась у брошенного лагеря.
Где могила Седова?

Линник и Пустошный плохо читали карту с непонятными им английскими надписями. С их слов можно было предположить — на мысе Бророк острова Рудольфа, у подножья обрывистого берега, на высоте от моря метров десять, на том месте, где кончается восточная часть ледника и начинается каменистый берег. Экспедиция на ледоколе «Седов» искала в 1930 году могилу Седова на мысе Бророк, но не могла ее обнаружить.

В 1938 году зимовщики советской полярной станции на острове Рудольфа нашли на мысе Аук, километрах в семи от Теплиц-бай, несколько предметов, несомненно из могилы Г. Я. Седова. Были найдены: флагшток и истлевший флаг, который Седов собирался водрузить на полюсе. На флагштоке надпись латинскими буквами: «Экспедиция старшего лейтенанта Седова». Тут же оказались обрывки брезента и меха и маленький топорик. Ни кирки, ни саней, ни остатков тела они не нашли.

Все найденные предметы выставлены в Музее Арктики в Ленинграде.

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА
Г. Я. СЕДОВА

Воскресенье 2 февраля (старого стиля). С утра тихо, пасмурно, температура -13° Ц. Ночью выпал глубокий снег. Несмотря на это, у нас к отходу все готово. Свету нет, жертвую кинематографом.

В десять часов отслужили обеденку. Прочли мои приказы, говорили речи: я, доктор и боцман Лебедев. Я, доктор и многие другие прослезились. В одиннадцать часов сели за стол, позавтракать. В двенадцать часов при температуре -20° , при ветре N 0/3¹ под пушечные выстрелы отвалили от судна к полюсу. Свету мало, удалось лишь снять с нас фотографии. Провожали нас верст пять вся здоровая команда и офицеры. Сначала дорога была плохая, но зато собакам помогала команда, а затем дорога улучшилась, а в конце Гукера встретили огромные ропаки, через которые пришлось переправляться, благодаря наступившей темноте, с большим препятствием. Нарты опрокидывались, и люди падали. Я с больными ногами полетел несколько раз. Пройдя около восьми верст, из-за темноты остановились ночевать в проливе за Гукером в четыре часа дня. На ночь всех собак привязали, кроме трех надежных, чтобы не ушли и чтобы не подпустили медведя. Это Разбойник, Ободрыш и Труженик. Штиль, морозу около 25° . Собак не кормили, сами же пили только чай. В палатке хорошо, тепло, только ноги мои меня беспокоят.

Понедельник, 3 февраля. В девять снялись с лагеря. Дорога скверная. Выпало много снега, и нарты врезаются в него. Собаки еле тащат. Подвигаемся тихо. Тормозом является также третья нарта, которая без человека. Холод собачий: -35° , при этом ветерок прямо в лоб. В Британском канале снял айсберг-арку. Видели свежий медвежий след, который шел с севера на юг.

В четыре часа, пройдя около двенадцати верст, остановились ночевать у Кетлиц-лэнд. Здесь бросили пару лыж, ветровые рубашки и другие ненужные вещи. Собакам дали медвежьего сала, но они отказались его есть. Некоторых собак страшно бьет холод. Мы-то боремся, а собакам беда, берем бедняг в палатку. Ноги мои поправляются, слава богу.

Вторник, 4 февраля. В девять снялись. Эту ночь Мальчика и Пирата отогревали в палатке. Перед запряжкой три собаки удрали: Пирата, Мальчика и Ободрыша, едва поймали. Сколько хлопот с этими собаками! Поутру задрали Волка;

¹ Силу ветра Седов записывал в баллах Бофорта.

если бы не выскочил Линник и не отбил, то разодрали бы. В полдень чудная, красная, желанная заря. Дорога несколько лучше — снег утрамбовало. Собаки идут хорошо, хотя третий день ничего не едят, сало медвежье есть отказались, сегодня дали по галете — съели. Прошли верст пятнадцать, остановились ночевать у N конца Кетлиц-лэнд. Сегодня было здорово холодно. Я шел в рубашке, сильно продрог. Спасаемся примусом, жжем керосину около двух фунтов в день. Это вдвое больше положенного, но я надеюсь в Теплиц-бай керосин пополнить. Ропак много. Сегодня беру в палатку на ночь четырех собак: Куцего, Мальчика, Пирата и Пана. Все время дует N ветер, буквально обжигает лицо, того и смотри обморозим щеки. Морозу 36°. Собакам в морду ветер тоже очень чувствителен; несмотря на работу, все-таки они мерзнут в пути, а на стоянке и говорить нечего.

Среда, 5 февраля. В девять снялись. Пан, конечно, отогревшись в палатке, удрал на промысел. Поймали его только в пути, за что получил хорошую дерку. Сегодня прошли тоже около пятнадцати верст и остановились ночевать у мыса Рихтгофен. По пути встретили два старых медвежьих следа. Стали попадаться трещины и полыньи, покрытые уже толстым солончаком. Море королевы Виктории темное, вероятно там вода или большие полыньи, покрытые солончаком. Держусь ближе к берегу, по крепкому льду, но зато здесь много ропак. В общем, сегодня дорога выпала отвратительная: много рыхлого снега и ропак.

К вечеру потянул ветер из пролива, было адски холодно, а я умудрился и сегодня шагать в рубашке, ибо в полушубке тяжело. Продрог снова, в особенности замерзли холка, спина и плечи. Кашляю, тяжело очень при большом морозе дышать на ходу, приходится глубоко втягивать в грудь холодный воздух; боюсь простудить легкие. Ноги мои заметно поправляются, опухоль сходит, ребята мои настроены хорошо, охотно идут вперед. Собаки пока держат все, даем им по три четверти фунта галет. Отогреваем некоторых в палатке. Волк болен. Спасаемся драгоценным примусом и (спальным) мешком. Ужасно расходует керосин: более двух фунтов в день.

Четверг, 6 февраля. В девять с половиной двинулись дальше. Дорога отвратительная: ропак и рыхлый снег, встретили сажень десять полынью, которая достаточно вымерзла, чтобы мы ее свободно перешли. У меня по-прежнему болят ноги, и усилился бронхит. Идти очень трудно, дышать еще труднее, но, тем не менее, прошли около пятнадцати верст и в четыре часа остановились на ночевку у мыса Армитэдж. Идем

тихо, но что же делать, зато идем вперед. Сегодня снилась Веруся, да спасут ее боги! Я совсем болен, но духом не падаю.

Пятница, 7 февраля. Сегодня Линник случайно поднял нас в три часа утра; так как мы перележали все бока, то охотно все выползли из мешка, согрели чай, посидели с примусом до семи с половиной утра. Когда стало сравнительно светло, запрягли собак и в восемь с половиной следовали дальше. Сегодня термометр минимальный показал -40° Ц. Дорога была ужасно мучительна: ропаки и рыхлый глубокий снег. Откуда он взялся, неизвестно, да плюс к этому -35° и ветер 0/4, как раз в правую скулу. Страшно тяжело было идти, а в особенности мне, больному. Собаки, бедняжки, не знали, куда свои морды прятать. Очень ходко на холоде идут, но стоит только стать, как сейчас же роют себе ямки и прячутся туда от холода. От двух до четырех была вьюга. Это окончательно нас убило, мы едва продвигались вперед. Я все время оттирал лицо и все-таки не усмотрел, как немного обморозил нос. В четыре часа стали лагерем у мыса Fisher, пройдя и сегодня, несмотря ни на что, около четырнадцати-пятнадцати верст. На ночь пять собак беру в палатку.

Суббота, 8 февраля. Сегодня выехали позднее обыкновенного — около девяти с половиной часов утра. Я долго возился с лечением ранок на руке, которые я получил от примуса, и на ногах в паху, которые натер брюками. Надел другие брюки, почувствовал облегчение. Ночью была вьюга. Пять собак ночевали в палатке. Мешок местами уже обледенел, спать было холодно. Простыня внутри мешка здорово холодит, потеет, замерзает и т. д.

Встречали много больших ропаков и глубокий снег, но, в общем, сегодня была дорога сносная, попадались солончаковые поля. Одно было ужасно скверно — это NNW/2 ветер в лицо при 35° мороза. Я окончательно простудил себе грудь. Бронхит меня давит, не могу отдышаться. Под вечер страшно лихорадит, едва отогрелся у примуса. Ах, дорогой, дорогой спаситель наш примус! Собак сильно бьет мороз. Кормили их досыта — по одному фунту и более галет. Прошли пятнадцать верст и остановились в четыре часа ночевать за островом Марии-Елизаветы.

Воскресенье, 9 февраля. Сегодня с утра Варнак устроил себе праздник, убежал в ропаки, а затем преспокойно конвоировал нас по курсу до обеда; после полудня его удалось поймать и запрячь. Сегодня было хотя и много градусов мороза, но ветра было мало и двигаться было сравнительно тепло. Снялись по обыкновению в девять утра и, пройдя около пятнадцати верст, в три с половиной часа стали ночевать у зимовья

Нансена. Робаков было мало, но рыхлого снега уйма, так что, в общем, дорога была тяжелая. Я до того заболел бронхитом, что не мог идти. Шел впереди Линник, а я сидел на нарте, в которую подпрягли двух лишних собак. Этой же нартой я с трудом управлял. Мне дышать совсем трудно на морозе за работой. Боже, неужели я не поправлюсь до Теплиц-бай? Не то скандал. Сегодня вечером чай с ромом. Примус меня очень спасает. Было четыре чистилки, а осталась только одна — три сломали. Уж очень они плохие, а без них худо; оставшуюся берегу, как свой глаз. Собаки сильно работают. Кормим их досыта — по фунту и более галет. Ночью мерзлячек беру в палатку.

Понедельник, 10 февраля. В девять двинулись дальше. Я до того оказался слаб, благодаря бронхиту, что не мог десяти шагов пройти вперед. Сидел опять на нарте. Адски промерз, так как был одет для ходу. Кажется, еще больше усилил простуду, ибо стала болеть грудь и все ниже в правой стороне, страшно лихорадит. Дорога была скверная, а я все-таки был вынужден управлять своей нартой; был настоящим мучеником. Едва дотянул до четырех часов, когда остановились ночевать у мыса Климентса (Маркама). Сейчас в палатке при огне очень дурно себя чувствую. Ужасно боюсь, чтобы не получить воспаления легких. Здесь встретили немного воды и айсберги плавающие, тюленьи продушины стали попадаться по тонкому льду. Одна сейчас в пяти саженьях от палатки Тюлени сопят и страшно волнуют собак, вероятно, всю ночь, бедняги не будут спать. У Пустошного шла кровь ртом и носом. У Линника сильно ноги мерзли. Сегодня был особенно холодный день.

Вторник, 11 февраля. Сегодня снялись из-за моей болезни в десять часов утра. Я оделся в пимы и полюсный костюм и ехал на нарте, как баба; дорога была вся в робаках, и только под вечер встретился солончак. Собаки с утра все сильно дрожали и везли плохо и только под вечер разошлись. Встретили песцовый след. У Линника шла носом кровь, и у Пустошного до того ноги замерзли, что он по дороге вынужден был надеть пимы и в них идти.

В четыре часа стали на ночевку, пройдя около пятнадцати верст, у Земли Александра. Сегодня была такая зоря, что в ней казалось почти солнце. Виден уж Теплиц-бай. Я чувствую себя лучше, ибо был тепло одет и все время сидел на нарте спокойно.

Среда, 12 февраля. Сегодня снялись в восемь три четверти утра. Холод стоял адский: при -35° ветер 3 балла и метет снег. Это самый холодный день. Пока я еду больным в полюсном костюме, как чучело, и все-таки прозяб. Дорога

отвратительная: масса ропаков, приходится проводить по одной нарте, целое мученье, собаки очень мерзнут и плохо везут. Встретили свежий медвежий след и много следов песцовых; слева — кажется, недалеко — вода, за туманом ее не видно. Отогревали Арестанта. Линник подморозил на ногах большие пальцы. Прошли около пятнадцати верст и остановились в четыре часа ночевать у Земли Рудольфа. Сегодня был минимум —42°. Сейчас дует балла на четыре Ost. Палатку изрядно треплет, мы же, как цыгане, сидим вокруг примуса.

Четверг, 13 февраля. 13-е число неудачное, как вообще. Снялись в девять и пошли в тумане (идет снег). Дорога тяжелая, собаки еле везут, ничего не видно. Забрели в какой-то пролив между островами, но только не в Теплиц-бай, хотя он уже чувствуется близко. После двух разъяснено, сделался чудный теплый день, но дорога тяжелая: снег и ропаки, тащимся дальше по курсу. В океане, видно, воды много, ибо видать черное небо. Встретили зайца у лунки, не подпустил на выстрел, сполз. В пять часов остановились ночевать, кажется, у Земли Рудольфа,— трудно с уверенностью судить, так как в этом месте карта страшно неверна. Посмотрим, что покажет завтрашний день. Вечером пришел медведь к палатке, огромный, собаки его погнажи. Я, несмотря на болезнь, пошел с Линником на собачий лай. Пройдя кое-как около двух верст, мы нашли медведя сидящим в лунке, окруженного собаками. Я несколько раз стрелял в него с аршинного расстояния, но ружье так замерзло, что не дало ни одного выстрела. Когда пошли мы, разочарованные, назад, то я уже двигаться не мог, так плохо себя чувствовал. Пришлось остаться с собаками сторожить медведя, а Линник пошел за нартой. Вскоре медведь выскочил из лунки и побежал на SW, собаки за ним. Часа через два меня нашла нарта и привезла как труп в палатку. Здоровье свое ухудшил, а тут еще нужно залезать в замерзший мешок.

Пятница, 14 февраля. Сегодня в девять часов потащились дальше. Снег, туман, ничего не видать, собаки не везут — караул. Протащились около трех-четырёх верст и стали лагерем у группы маленьких островков между Землями Рудольфа и Александры (у самого N). К W и N вода, дальше ничего не видно. Буду здесь стоять лагерем, пока не дождусь ясной погоды. Здоровье мое очень скверно, вчерашний медведь ухудшил его. Кончился пуд керосину, начали другой.

Суббота, 15 февраля. В десять часов утра ясно, морозу 30°. Пошли через пролив к Земле Рудольфа, которая ясно была видна. Пройдя около одной-полтора верст, наткнулись на сплошной тонкий (1 вершок) солончак. Взошли первой

нартой на него («Льдинкой»), а она провалилась, вместе, с ней и собаки. Люди держались свободно. С большим трудом вытащили нарту назад, ничего не помочив, так как каяк великолепно плавал. Остановились здесь же ночевать и ждать, пока достаточно замерзнет пролив. Сегодня у воды видели тысячные стада птиц: люмсы¹ и кайры.

Я ужасно разбит болезнью: сильнейший бронхит, болит горло и распухли ноги. Лежу все время в мешке, настоящий мученик.

Воскресенье, 16 февраля. Сегодняшний день сидели у пролива и ждали, пока он замерзнет. А он не замерзает — и только; видно, здесь большое течение. Люди ходили версты три-четыре к середине пролива и встретили там открытую широкую воду. Птиц и зверя много. Завтра думаю тащиться на восток, может быть там обойду воду. Болен я адски и никуда не гоюсь. Сегодня опять мне будут растирать спиртом ноги. Питаюсь только одним компотом и водой, другого ничего душа не принимает. Конечно, съел бы яичко, сметанки, жареного цыпленка и даже чашку кислой капусты. Но где все это?!

Увидели выше гор впервые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети нашим близким на родине, как мы ютимся в палатке, как больные, удрученные под 82° северной широты...

Понедельник, 17 февраля...

На этой записи дневник Г. Я. Седова обрывается.

ГЛАВА XX «ФОКА» ПОКИДАЕТ БУХТУ ТИХУЮ

Судьба экспедиции после смерти ее инициатора и начальника показала, насколько Седов сумел воспитать весь коллектив. На обратном пути седовцы проявили большую настойчивость и способность с малыми средствами добиваться своего, как умел это делать сам Седов.

После известия о смерти Седова на «Фоке» было решено, исследовав до лета ближайšie острова, готовиться к возвращению на родину. Все научные работы решили продолжать в полном объеме. К чести нового начальника по научной части В. Ю. Визе, экспедиция действительно сделала все, что могла при тяжелом положении, в каком она находилась. К больным, имевшимся на борту, прибавились Пустошный и

¹Люрики.

Линник, страдавшие кашлем и одышкой. Пустошный долго харкал кровью.

Пинегин отправился 25 марта с Инютиным к мысу Флора. Пришли туда вечером 27 марта. Приведя в жилой вид бамбуковую хижину и прикрепив на видном месте записку, отправились 31 марта на запад, к острову Белл. Посетили дом «Эйры», построенный Ли-Смитом сорок лет назад. Дом отыскать не легко: помещен он в ложине низкого берега, снизу виден один флагшток. Постройка прекрасно сохранилась, доски имели еще желтоватый цвет,— казалось, дом выстроен два-три года назад. Одно окно без рамы. Внутри пусто. В углу небольшая кучка консервов в жестянках, в другом — остатки угля. На стенах несколько записок Ли-Смита, Джексона, Уэлмана и других, ценные документы.

Переночевав в этом доме и поместив рядом с запиской Ли-Смита свою — о положении экспедиции,— Пинегин с Инютиным покинули дом. Со 2 по 5 апреля они пробыли на мысе. Флора, отыскивая в окрестностях плавник, чиня хижину и пережидая налетевший шторм. Во время поисков Пинегину попала в руки стопка бумаги — дневник одного из матросов экспедиции Циглера-Фиала, злободневное стихотворение и история той же экспедиции в ряде карикатур. В дневнике он прочитал подробности о крушении «Америки» в Теплиц-бай, описание тяжелой зимовки на Земле Рудольфа и переселения американцев к югу в спасительные избышки Джексона.

6 апреля вернулись на «Фоку». На «Фоке» за это время произошли перемены к лучшему: в постели оставались только Коршунов и Коноплев, остальные поправились. Появлялись медведи, но поживиться ими не удалось.

С конца апреля до половины мая Визе делал подробную съемку острова Гукера и островов к востоку от него. Он нашел много неправильностей на карте, — расхождение тем более удивительное, что экспедиция Болдуина-Циглера, описавшая острова, зимовала поблизости. Визе нашел на острове Альджерсе становище. Все три дощатых дома сохранились вполне хорошо. Географ не мог проникнуть внутрь построек, так как они были наполнены снегом почти доверху.

Резко оборвавшиеся холода больше не возвращались. С удивлением замечали седовцы, что климат ранней весны Земли Франца-Иосифа мягче новоземельского. Раньше началось таяние снегов. По льду проливов Новой Земли они беззаботно ходили до половины августа; здесь же лед, разъеденный сильными течениями, рано ослабел. Вытаивали камни. Медленно, очень медленно, но обнажались склоны гор, и в оттаивших местах уже вязла нога. Ветры умили свое дыхание, между горами и «Фокой» повис тонкий пар. Стал часто

набегать туман. Когда показывалось солнце, слегка пригревало.

На «Фоке» жили дружно. Общая мечта об освобождении корабля и о возвращении на родину объединяла людей. Кроме того, полтора года совместной жизни сгладили все острые углы характеров. Все научились уважать друг друга. Присмирел и Кушаков. После нескольких столкновений с новым капитаном «Фоки» Максимычем, при попытках делать указания в морском деле, и с другими участниками, оберегавшими уклад жизни, установленный еще Седовым, он понял, что для сохранения собственного престижа следует предоставить заботу об экспедиции всему маленькому коллективу. Павел Григорьевич оказался в стороне. Никакого участия в работах по подготовке путешествия не принимал и занялся охотой.

К половине июля было сделано все, чтобы «Фока» мог выйти из бухты под парами. Максимыч целыми днями работал с командой, подбирая топливо. Может «Фока» обойтись без фальшборта? Может. Вырезать часть его — и в топку. Остатки кубрика — туда же! Разобрали с командой весь такелажный хлам в трюме. Поломанные блоки, обрывки канатов и парусины, бочки из-под керосина, истертые кисти, остатки полужасохшей краски, — ничего, все пойдет в дело, когда понадобится подымать пары.

Максимыч разложил все паруса и, просмотрев один комплект нижних парусов, привел его в полный порядок. Мало ли что, может быть, пригодится! Сняли и распилили на дрова утлегарь и высокую стенгу бизань-мачты. А фок-стенгу решили пока не трогать. На ней наблюдательная бочка. Можно снять, когда кромка льда будет недалеко. Потом начали пилить лед. Без зова вставали рано утром, надевали высокие сапоги, шли пилить канал от судна к полынье. Людям было мало — Максимыч обходился силами команды, — работа шла медленно, но непрерывно. Освободить «Фоку» надо во что бы то ни стало!

На случай, если бы корабль не смог дойти своими силами до мыса Флора, где можно набрать еще немного топлива, и дальнейший путь пришлось бы держать в баркасе, приготовили и его к далекому плаванию. Все научные работы экспедиции запаляли в цинковые ящики.

«Фока» стоял недалеко от большой полыньи, огибавшей остров Гукера. Стали появляться моржи. Открытая вода была недалеко.

С половины июля прекратились почти все научные работы, за исключением метеорологических наблюдений. Распределили

должности по кораблю. Капитаном, естественно, остался Сахаров; помощниками он выбрал Визе и Пинегина.

После смерти Зандера «Фока» остался без механика; из машинной команды осталось два кокегара — Коршунов и Кузнецов. Скромный Коршунов оказался хорошим механиком-практиком. Три недели он стучал молотком, сверлил, чистил, завинчивал гайки «до места», поднимал на таях тяжелые части, потом потребовал людей, помочь повернуть вал и сказал: «Машина готова! Пока будет топливо, со стороны ее задержки не ждите».

Наконец, лед в бухте разределся. 30 июля в десять часов утра подняли якорь. Проходя мимо могилы Зандера, пропустили флаг и отдали траурный салют — последнее прощание с погибшими.

«Фока» плыл вдоль знакомых берегов. Через несколько часов он обогнул мыс Маркама и уперся в не ломаный лед. Повернули обратно, чтобы пробиться каналом Миерса. Недалеко от места зимовки, когда «Фока» огибал остров Скотт-Кельти, случилось несчастье: сели на мель у самого берега. В это же время ледяное поле, в поперечнике больше километра, двинулось на «Фоку». Давление длилось недолго, но корабль был выкинут на мель всем днищем.

Похоже было, что старый «Фока» пришел к своей последней стоянке...

В решающие моменты особенно важна находчивость. Седовцы сообразили, что не нужно убирать ледяные якоря, занесенные ранее на ледяное поле. Надеялись, подтянувшись к нему, сняться с мели: поле должно пойти прочь, когда сменится приливное течение. Постарались облегчить судно, как могли, — в цистернах «Фоки» было налито вместо балласта около сорока пяти тонн пресной воды, — выкачали ее, без сожаления выкинули один якорь тонны в две весом со всей его цепью. Поздней ночью поле двинулось от берега и действительно стащило корабль на свободную воду...

Спустился туман. Всю ночь «Фока» шел по каналам между крупными ледяными полями. Один такой канал повел сначала на юг, потом, предательски и незаметно уклоняясь, направил на северо-восток. Под вечер 31-го туман слегка рассеялся. Вблизи южного берега острова Гукера оказался проход. Немедленно воспользовались им. На следующий день корабль подходил к мысу Флора.

Топливо, собранное с таким трудом, быстро растаяло. Стали ломать каюты.

Перед открывшимся проходом некогда задумываться. На мостике напряженно глядят, не закрылся бы канал. В это же

Члены экспедиции Г. Я. Седова (слева направо): Н. Сахаров, В. Лебедев, Гр. Липник, П. Кушаков, И. Пищухин, М. Шестаков, И. Клязюк, Н. Пинегин, А. Инюгин, М. Павлов. Лето 1914 г.

самое время в машинном отделении маленький Коршунов со скрюченными ногами прыгает, опираясь руками о помост, от цилиндров к топкам и обратно, кричит в рупор: «Топлива, топлива! Давление падает — только сорок пять фунтов!», звонит телеграфом и шлет на мостик гонца за гонцом. А в юте треск и крики. Ломают дерево, сдирают обшивку кают, рубят койки, превращают в щепы умывальники, шкафчики, полки. Из соседних кают спешная эвакуация. Лают нервные собаки.

— Морж! Морж на льдине! Ура!

Выстрел. «Фока» ударяется носом о льдину. Скачет за борт человек, заносит на голову моржа строп (двойная петля) — и на лебедку! Ход вперед! Через десять минут первые куски сала убитого моржа уже под котлом.

Проходит час. Снова вопли из машинного капа: «Топлива, топлива! Давление только сорок фунтов! Сейчас машина станет!» Ломается другая каюта, высматривают нового моржа. От толчка выпал старый фальшбимс,— в топку его! Хватит часа на полтора. В топку табуреты, в топку растрепавшиеся книги... «Вперед, вперед! Не спускать паров. Поднять их нечем. Топлива, топлива!»

До мыса Флора три ленивых моржа и два странно доверчивых тюленя сгорели в топках.

К полудню, огибая скопление льдов у восточной части острова Нордбрук, «Фока» стал приближаться к берегу.

ГЛАВА XXI

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Подходя к мысу Флора, команда «Фоки» заметила на берегу человека. Он что-то делал у камней. Минуту спустя как отдан был якорь, неизвестный столкнул на воду каяк, ловко сел и поплыл к «Фоке», широко размахивая веслом.

Каяк подошел к борту. Сидевший в нем заговорил на русском языке. Слабо донеслось:

— ...Я штурман парохода «Святая Анна»... Я пришел с восемьдесят третьего градуса северной широты. Со мной один человек, четверо на мысе Гранта. Мы шли по плавучему льду...

Быстро был спущен с борта штормтрап. Человек поднялся по нему. Он был среднего роста, плотен. Бледное, усталое и слегка одутловатое лицо сильно заросло русой бородой. Одет в изрядно поношенный и выцветший морской китель.

— Альбанов, штурман парохода «Святая Анна», экспедиции Брусилова,— назвал он себя.— Я прошу у вас помощи — у меня остались четыре человека на мысе Гранта...

Седовцы знали об экспедиции Брусилова, которая вышла с промысловыми целями в одно время с ними; они слышали, что Брусилов намерен пройти морским путем вдоль Сибири во Владивосток.

Как же «Анна» попала на восемьдесят третий градус?

Состояние льдов осенью 1912 года было неблагоприятно для плавания не только в Баренцевом море, но и в Карском. «Анна» была затерта льдом у полуострова Ямал под 71°45' северной широты. С осени казалось, что случилась досадная задержка по пути во Владивосток — не более. Вскоре после наступления темноты начались жестокие штормы с южной стороны, отмеченные и станцией «Фоки». Во время одного — совершенно незаметно для находившихся на «Анне» — весь лед Карского моря двинулся на север. Движение «Анны» продолжалось непрерывно в 1912 и 1913 годах по направлению прямо к полюсу.

Летом 1913 года, когда «Анна» находилась в широтах пролива между Новой Землей и Землей Франца-Иосифа, движение ненадолго изменилось на западное. Лед кругом был в это время поломан, слаб, виднелось много каналов и полыней, но большое поле, двигавшее «Анну», было очень прочно. Альбанов говорил: «Будь на «Анне» некоторое количество сильных взрывчатых веществ, она пробилась бы к ближайшему каналу и, без сомнения, вышла бы в Баренцево море». Но на «Анне» динамита не было, мины же черного пороха оказались слишком слабыми. Осенью движение на север возобновилось. На восемьдесят втором градусе лед, обогнув Землю Франца-Иосифа, круто повернул на запад. 23 апреля 1914 года «Анна» находилась уже на широте 82°55', на долготе 64°4'.

Брусилов снарядил свою экспедицию для промыслов в Беринговом море. Провианта взял только на полтора года, в расчете, что по пути к Берингову проливу более одного раза зимовать не придется. В первую зимовку вся команда и сам Брусилов переболели цингой. В числе участников экспедиции находилась женщина — сестра милосердия Жданко. Она ухаживала за больными заботливо и самоотверженно. К лету, благодаря ее заботам и усиленному питанию медвежьим мясом (за два года убили сорок два медведя), больные поправились. Во вторую зимовку стали ощущаться недостатки: провизия подходила к концу. Не было сахара и мало приправ.

В середине второй зимы Альбанов, помощник Брусилова, предложил уйти с половиной команды на Землю Франца-Иосифа; на «Анне» знали, что на мысе Флора есть дом и склад провианта. Оставшимся хватило бы остатков провизии

еще на год. Брусилов разрешил Альбанову покинуть судно со всеми желающими.

Не было ни каяков, ни саней. Под руководством Альбанова сделали девять каяков, несколько саней, паруса и все нужное для путешествия. 23 апреля 1914 года Альбанов и тринадцать матросов вышли, держа курс на остров Рудольфа. Началось трудное путешествие без собак, без спальных мешков — их заменяли совики; провизия — сухари, чай, клюквенный экстракт, малое количество сухого бульона. В партии — ни одного имевшего опыт санных путешествий. Двигались крайне медленно, не более семи-восьми километров в сутки. Первые три дня партия не теряла связи с судном. Три человека решили вернуться на «Анну». С Альбановым осталось десять человек.

Группа Альбанова думала, что через месяц они выйдут на остров Рудольфа. Но проходили многие недели, земли не было видно. Альбанов знал о существовании западного течения в Ледовитом океане и принимал необходимые поправки в курсе. Как хороший штурман, он старался возможно чаще проверять направление при помощи астрономических определений. Но было одно обстоятельство, лишавшее уверенности: на «Анне» было всего два хронометра, не имевших поправки два года. Определяя долготы, полагаться на хронометры, идущие два года без поправки, конечно, не приходится. Альбанов не знал, с какой долготы он отправился, а не находя земли, совсем потерял веру в правильность своего счисления.

Прошло два месяца. Одиннадцать человек медленно двигались к югу. Люди, не видя никакой земли, плелись наугад и заблудились в ледяных просторах океана. Один из матросов — Баев, — уйдя на разведку, потерялся во время метели.

В конце июня, когда все надежды были уже потеряны, когда сани и все каяки, за исключением двух, были сожжены и почти не оставалось сухарей, покинувшие «Анну» увидели на востоке какую-то землю. Вышли на нее обессиленные, без крошки провианта и топлива. На земле убили много гаг. Съедая их иногда сырыми, иногда поджаривая на сухом мху, несчастные немного оправились, — все они были больны цингой.

Альбанов не знал, к какой земле он привел товарищей. На низком и длинном мысе стоял гурий¹. В верхней части его Альбанов нашел бутылку с запиской Джексона. Из записки поняли, что вышли на Землю Франца-Иосифа, а низкий мыс — мыс Мэри Хармсворт, западная оконечность Земли.

¹ Гурий — конус из камней.

После пройденного расстояния, казалось, до мыса Флора рукой подать. Достичь его удалось только двоим. У южного берега, начиная от бухты Грей-бэй, плескалось море, каяков же оставалось только два. До Грей-бэя шли вместе, дальше пришлось разделиться. По жребию, пять человек сели в каяки, остальные пошли берегом. Было условлено соединиться на выдающихся мысах. На третьей остановке — на мысе Гранта — плывшие в каяках сухопутной партии не нашли. Ждали два дня. Потом было решено плыть к мысу Флора, чтобы застать там провиантом, вернуться и взять идущих берегом. Во время остановки на острове Белл умер матрос Нильсен. Похоронив его, поплыли к мысу Флора. Когда каяки были уже посреди пролива, поднялся шторм. На глазах у Альбанова каяк с матросами Луняевым и Шпаковским был унесен в открытое море. Сам Альбанов с матросом Конрадом успели добраться до большого айсберга и на нем переждали бурю. Стихло. Второго каяка не было видно нигде. 22 июля Альбанов с Конрадом приплыли к мысу Флора. 30 июля Конрад ездил к мысу Гранта на каяке, но не нашел там никого. Четыре матроса пропали. «Фока» подошел к мысу Флора в разгар приготвлений Альбанова и Конрада к новой зимовке. Живя в отремонтированной Пинегиным бамбуковой хижине, они приводили дом Джексона в пригодный для зимовки вид.

Альбанов сохранил на груди толстый пакет с копиями всех наблюдений над состоянием льда и воздуха за все время плавания «Анны»¹.

На мысе Флора был расцвет полярного лета. Зеленели склоны гор. Стаивали остатки снегов; бурно шумя, неслись по откосам водопады. Выше слоя тумана — яркое солнце. Скоро оно прогнало туман совсем. С горы тогда открылась радостная картина: на юге простор моря неизмерим — ни льдинки на всем далеком горизонте.

Седовцы предполагали разобрать на мысе Флора на топливо один амбар. После встречи с остатками экспедиции Брусилова пришлось подумать о большем. Необходимо было сделать попытку отыскать потерявшихся людей Альбанова, хотя ради этого пришлось бы сломать и дом. Живые люди дороже полярных памятников.

8 августа закончили погрузку бревен. Оставив в бамбуковой хижине склад провианта и ружье с патронами, поздним солнечным вечером «Фока» вышел на поиски людей. Сначала он обошел острова Белл и Мабель. Тихо подвигаясь вдоль

¹«Святая Анна» со всеми людьми пропала без вести. До сих пор не найдено ее следов.

самого берега — насколько позволяла глубина, — часто давали свистки и изредка стреляли из пушки. Ни на берегу, ни в доме «Эйры» нельзя было заметить следов пребывания человека. Даже расположение досок в заколоченном Пинегиным окне дома «Эйры» оставалось таким же, как при его уходе. Постояв несколько минут в гавани «Эйры», дав еще несколько свистков и выстрелов, направились к мысу Гранта. К самому мысу подойти было нельзя, так как у берегов стоял припай из нагроможденных торосов; нужно отправлять сухопутную партию. На берегу же, насколько можно было рассмотреть в сильные бинокли и подзорную трубу, одни мертвые камни. Пушечные выстрелы и гудки будили только стада моржей. Очевидно, искать людей на мысе Гранта было бесполезно. Тщательный осмотр всех берегов занял бы не меньше трех дней — «Фока» не мог стоять так долго под парами. Было решено поиски прекратить.

Спрятались за горизонтом острова. «Фока» шел почти сутки, не встречая льдов. Всем приходила мысль, не выдался ли редкий год, когда ледяной пояс вокруг Земли Франца-Иосифа разрывается с южной стороны, — такие случаи наблюдались. Радоваться пришлось недолго. Под вечер следующего дня температура морской воды резко понизилась. Полярники хорошо знали, что это значит. Появились первые вестники льдов — нежно-зеленые айсберги. Ночью «Фока» снова вступил в рыхлый и разрозненный лед.

Ход судна сильно замедлился. Топливо пришло к концу к исходу вторых суток. В это же самое время лед сильно сгустился; по временам приходилось даже разбивать перемычки между двумя полыньями. «Фока» продолжал двигаться под парусами. Парусные маневры даются во льдах нелегко. Один раз — при перемене галса — «Фока» врезался в кашу битого льда и долго не мог освободиться.

Только после девяти дней стояния среди ледяных полей «Фока» освободился от них. Граница свободного моря была уже недалеко. Во время последней схватки со льдами пришлось поломать все каюты и сжечь их в топках вместе с мебелью и запасными частями такелажа. После этого над палубой остались только капитанский мостик и наружные стенки юта. Спать всем приходилось на голой палубе. Люди перекатывались во время качки, подобно незакрепленному грузу, «Фока» стал течь, как решето. Его корпус за два года был расштан. Паровые помпы бездействовали. Ежедневно приходилось в течение семи-восьми часов работать ручными насосами, чтоб сохранить плавучесть судна. Шли совсем без балласта — его пришлось, выкинуть, когда внезапный напор льда почти выбросил «Фоку» на берег.

На все это почти не обращали внимания. Вперед! Только вперед!

Наконец, открылось чистое море. Путь к югу свободен.

Для седовцев наступили счастливые дни, полные надежд. Еще неделя-другая плавания под парусами — и придет долгожданная встреча с родными и друзьями. Станет известным, что делалось на свете в продолжение двух лет. Экспедицию, наверно, встретят хорошо. Она сделала все, что могла, мужественно перенесла все трудности. Имеет немалые научные заслуги...

ГЛАВА XXII

НА РОДИНЕ

После двух недель медленного и однообразного плавания при помощи оставшихся парусов показалась на южном горизонте неясная полоса земли. Берег родины. Что там?..

Встретила война...

Маяки потушены. Первый встречный пароход спрятался под берег и погасил огни, приняв свет синего фальшфейера на борту еле плывшего «Фоки» за свет прожектора с неприятельского крейсера, а гул салютной пушки седовцев — за открытие враждебных действий.

На следующий день «Фока» вошел в маленькую гавань Рынды — небольшого промыслового становища на Мурмане. Его обитатели — простые поморы-рыбаки — отнеслись к седовцам с исключительной сердечностью.

Когда «Фока» подходил к Рынде, Кушаков стоял на мостике как командир. Был он в белом кителе с золотыми морскими пуговицами и в морской фуражке. Китель был не по росту: в плечах широк, а в животе тесен. Все знали — китель был Седова. Знали также, что у Кушакова есть что надеть, даже форменный сюртук... Кушаков смотрел героем.

Сойдя на берег, он сейчас же отправился в телеграфную контору.

Главную телеграмму — царю — составил очень ловко. Упомянул о смерти Седова, но о причине ее умолчал. Честь благополучного возвращения «Фоки», конечно, приписал себе.

День в Рынде был лучшим днем. Потом посыпались удары. В один из ближайших дней четверо седовцев, пересев на почтовый пароход, прибыли в Архангельск. В таможене на них накинута банда чиновников. Перерыли багаж, грубо обращались с приборами, пытались вскрыть коробки со снятой кинолентой и вторично стали требовать пошлину за эти ленты.

Все вернулись оборванные, грязные, засаленные. Ни у кого

не было денег. Когда в Рынде пришлось платить за первые телеграммы о возвращении, после долгих поисков собрали на корабле несколько десятков рублей. Заняли денег, послали телеграмму комитету снаряжения экспедиции: «Благополучно вернулись, вышлите денег на дорогу, одежду и расплатиться в Архангельске»

В ответ пришла депеша: «Денег нет, обойдетесь своими средствами. Напоминаем: ваше жалование, согласно условию, за всю экспедицию выплачено полностью в первый же год. Входя в положение, на второй год комитет выдал семейным пособия. Не производите расходов за счет комитета».

Все отравляло радость возвращения. Вместо счастливого свидания с родными и друзьями — хлопоты, споры, переговоры с властями.

Весть о возвращении седовской экспедиции затерялась в газетах среди донесений с фронта империалистической войны и ура-патриотических статей. Никому не было до нее дела. Появились лишь две-три телеграммы с кратким изложением трагедии, случившейся на Севере. Только и всего. Седов был забыт.

Только морской министр Григорович «пожалел», говорят, Седова:

— Жаль, что не вернулся этот прохвост,— я бы отдал его под суд за просроченный отпуск.

А совсем недавно, перед началом войны, имя Седова не сходило с газетных полос, хотя тон всех высказываний был отнюдь не благожелательным.

Правительство отпустило морскому министерству деньги на организацию поисковой экспедиции, во главе которой был поставлен капитан первого ранга Ислямов. При отплытии этой экспедиции летом 1914 года носились упорные слухи, что Ислямов везет с собой приказ министра вернуть Седова в Россию, а в случае неповиновения — арестовать. Газета «Архангельск», подтверждавшая эти слухи, писала:

«В высших морских сферах весьма отрицательно относятся к седовской экспедиции. Это отрицательное отношение проявилось после того, как выяснилась вся несерьезность экспедиции. Передают, что морской министр на докладе о необходимости розысков Седова заявил: «Найти этого м....., арестовать, заковать в кандалы и привезти обратно». Может быть, слова министра выдумала досужая молва, но они, во всяком случае, довольно точно характеризуют отношение морских сфер к экспедиции».

Опровержения заметка не вызвала.

Седов послал с Новой Земли копии научных работ экспедиции. Ими, казалось, должны были заинтересоваться научные

учреждения. Этого не случилось. И в официально-исследовательских кругах отношение к нему не изменилось. Ничем другим нельзя объяснить постановление, вынесенное Академией наук об образовании постоянной полярной комиссии: ее главной задачей было, по мысли организаторов, не допускать таких «легкомысленных» экспедиций, как Седова, Брусилова и Русанова. Соответствующий пожеланиям Академии законопроект готовился и в недрах морского министерства. Газета «Голос Руси» писала:

«Морской министр высказывает тот совершенно справедливый взгляд, что России не нужен Северный полюс.

Если же являются люди, желающие разыгрывать из себя героев Жюль Верна, то это их частное дело. Но достойно внимания, что они тянут с собой и целую команду, которая может погибнуть по их вине.

Взгляд правильный. Мы горячо надеемся, что он найдет отклик в нашей Государственной думе. Кредиты морского министерства созданы для возрождения морской мощи страны, а вовсе не для покровительства «гаттерасовских» авантюр».

Таково было отношение к Седову, когда, наконец, были посланы суда на помощь экспедиции. Все три судна, посланные за Седовым, — «Андромеда», «Печора» и «Герта» — опоздали. Два первых — с самолетом — выяснили, что «Фока» с Новой Земли ушел. Когда Ислямов на третьем судне — «Герте» — прибыл к мысу Флора, он нашел там только записку седовцев. «Фока» в это время выбирался из льдов своими силами.

На «спасение» седовцев были отпущены сотни тысяч рублей. Но те же самые седовцы, прибыв в Архангельск, оказались без денег, без крова и без одежды. И некому было им помочь. Более состоятельные участники экспедиции выбрались из Архангельска на собственные средства. Но матросы больше месяца прожили на полуразрушенном, затонувшем у берега «Фоке» на положении нищих. Кушаков и секретарь седовского комитета Белавенец приезжали в Архангельск забрать с судна наиболее ценные предметы и шкуры «для подарка царю». Но денег для расплаты с командой не привезли.

Выведенные из терпения, матросы послали следующую телеграмму царю:

«Ваше Императорское Величество, Всемилостивый Государь!

Два года тому назад под командой старшего лейтенанта Седова мы отправились в экспедицию к Северному полюсу. Нам было обещано, что о семьях наших позаботятся, и мы смело шли за начальником. Много лишений и много невзгод нам пришлось перенести вследствие недостаточного оборудования экспедиции. Чаша

наших испытаний переполнилась, когда наш дорогой начальник, настойчиво преследуя заветную свою мечту водрузить флаг на Северном полюсе, погиб смертью идейного мученика. Мы возвращались домой изнуренные, жаждущие отдыха. На Земле Франца-Иосифа, кроме Седова, погиб Зандер. Мы, остальные, были почти сплошь больные. Двое лежат в больнице. Вместо отдыха на родине, нас ждали горькие разочарования. Нас бросили на произвол судьбы на полуразрушенном экспедиционном судне. Весь офицерский состав получил полностью следуемое жалование и немедленно же уехал, нам же не заплатили заслуженного. Повергая к стопам вашего императорского величества верноподданническое чувство, мы слезно просим обратить монаршую милость на наше горестное положение.

Матросы — участники экспедиции: Гр. Линиик, Александр Пустошный, И. Кизино, А. Инютин, Мих. Шестаков, П. Коноплев, Н. Коршунов, И. Пищухин, Н. Кузнецов, В. Лебедев, вдова механика Зандер».

Только после этого прошения и ряда скандальных газетных заметок о бедствиях матросов морское министерство получило приказ расплатиться с командой «Фоки».

Имущество и промысловая добыча «Святого Фоки» были проданы с аукциона за гроши, чтоб покрыть иск одного из поставщиков экспедиции.

ГЛАВА XXIII АУКЦИОН

После всех неприятностей, свалившихся на Николая Петровича Захарова после возвращения с Панкратьевского полуострова, казалось, что жить в Архангельске будет тяжело. Захаров собирался даже переехать в Одессу. Но приятель из управления порта отговорил, и Николай Петрович остался, поступил на береговое спокойное место. «Фоку» встречать не пошел, когда вернулись остатки седовской экспедиции. Избегал встречаться с штурманом Сахаровым; особенно после того, как узнал, что Максимыч, подучившись у Седова астрономии и навигации, сдал экзамен на штурмана дальнего плавания и теперь ходит в знатных капитанах. Недавно он принял большой пароход.

В середине октября Николай Петрович прочитал в «Архангельских губернских ведомостях» объявление:

«Судебный пристав г. Архангельска сим объявляет, что сего 18 октября 1914 года на набережной реки С. Двины в помещении

пакгаузов Мурманского срочного пароходства, что на Соборной пристали, будет производиться продажа с публичных торгов имущества экспедиции ст. лейтенанта Седова в возмещение долга купцу второй гильдии Мартынову в сумме 2067 р. 31 к., в какую сумму и оценено означенное имущество. Торги с предложенной цены.

Судебный пристав С. С. Н а х р а п о в».

На этот аукцион Николай Петрович явился одним из первых.

В просторном пакгаузе собралась небольшая группа людей. Из досок, положенных на бочки, были сделаны скамейки. Стояли два столика — для аукциониста и его помощника. На бочках же, накрытых одним из парусов «Фоки», выставлено было имущество полярной экспедиции. Тут лежали мореходные инструменты, компасы, граммофон. Длинный ряд медвежьих шкур висел на канате; кучку моржовых свалили на пол. Торговцы с толкучки осматривали груды старой одежды, перебрасывая старые куртки, блузы, брюки, изношенные малицы, совики и пимы. Здоровенный рыжий мясник рылся в груды старых брезентов, выбирая материал на фартуки потоньше и поплотней. Два подвыпивших помора с прибаутками перебирали снасти и паруса...

Торг открылся продажей медвежьих шкур. Аукционист объявил:

— Продажа медвежьих шкур с предложенной цены! Заявок на цельную партию нет?.. Еще кто?.. Тогда приступим к продаже поодиночке. Шкура первая, засоленная, съемка нечистая. Порез на правой лапе. Предлагайте вашу цену!

— Рубль,— раздался голос сзади.

— Один рубль. Кто больше? Рубль раз...

— Два рубля, — сказал скорняк с толкучки.

Торг начался.

— Тридцать семь рублей пятьдесят копеек, цена налево. Кто больше?.. Тридцать восемь рублей, цена направо. Кто больше?.. Тридцать восемь рублей, два... Тридцать восемь рублей... три.

Ударил молоток. Николай Петрович подошел к столу, солидно распахнул свою шубу, достал бумажник и расплатился. Огромная шкура была отложена в сторону. У Николая Петровича повело улыбкой ус. «Эх вы, фокинские охотнички? Умели медведя высматривать, а здесь прозевали... Сражались с медведями, морозили руки, снимая шкуру... А шкурка-то у меня. И какая!»

Торг шкурами шел довольно долго. Набавляли по полтинникам, по четвертакам. Все шкуры, за исключением двух, скупил фон-Вышомирский.

Во время этого торга пришел Николай Максимович с двумя приятелями-штурманами, все сильно «на взводе». Проходя мимо Захарова, Максимыч преувеличенно вежливо приподнял свою капитанскую фуражку:

— Николаю Петровичу низжайшее! Пришли взглянуть, как воронье слетелось на труп героя. «Делиша одежды моя и меташа жребий».

Николай Петрович приложил руку к фуражке и брезгливо отвернулся, шепнув соседу — акцизному:

— Пьянчужка! Неприятная личность. Не понимаю, как такому пароход могли дать! У меня был шелковый, а теперь совсем распустился. Аукционист объявил:

— Карабин манлихер-шенауэр — один, автомат винчестер калибра девять миллиметров — один, карабин маузер семь миллиметров — два, ремингтонов норвежских — девять. Принимать участие в торге могут только лица, имеющие разрешение на приобретение нарезного оружия. Идет винтовка номер один, маузер, семь миллиметров. Предлагайте ваши цены!

— Два рубля!— сказал толстый пристав в первом ряду.

— Пять рублей!— крикнул Максимыч.

Пристав оглянулся, повел головой в сторону аукциониста.

— Кто предложил пять рублей?— спросил аукционист.— Разрешение имеете?

— Завтра достану вам. Не беспокойтесь! Мои пять рублей, — твердо сказал Максимыч.

— Верю, господин капитан. Но не имею права допустить вас к торгу. Лица, не имеющие разрешения, в торге не участвуют. Два рубля прямо, кто больше?

— Ничего не значит! Я из этой винтовки без всяких разрешений стрелял. Винтовка Георгия Яковлевича! Хочу купить на память. И патронов мне не надобно. Повешу ее на стенку. Георгий Яковлевич ее перед самой смертью в руках держал. Пять рублей!

Аукционист беспомощно развел руками и вопросительно уставился на пристава. Пристав сделал слабое движение указательным пальцем. Тотчас же рядом вырос околоточный. Придерживая шашку рукой, он почтительно выслушал какое-то приказание, быстро на цыпочках подошел к Максимычу и что-то шепнул. Максимыч с сердцем махнул рукой и отступился.

Торг продолжался. Карабины купили пристав, жандармский ротмистр и какой-то прапорщик в потертой солдатской шинели.

Аукцион шел очень оживленно, но набавляли по мелочам. Долго торговались из-за пианино. Николай Петрович первый

предложил двадцать рублей. Набавлял упорно и систематично, сначала по рублю, потом по полтиннику. Максимыч, при явной поддержке приятелей, отпускал довольно громко замечания по адресу главного покупателя.

— Соловецкий морячок! Наплавался! Береговую обстановочку заводит. Небось, с тех пор, как ребят в цингу вгонял, на пианино нацелился. Набавляй, набавляй! Ребята-то в могиле, а денежки в кармане!

Соседи фыркали. Николай Петрович строго косился на компанию весельчаков и отчетливо произносил: «Пятьдесят копеек здесь!»

Дороговато, ох, дорого досталось пианино! Зато на пианолу и на ноты для нее — на все эти симфонии, концерты и рапсодии не нашлось ни одного охотника. Захаров выжидал первой цены. Никто не назначал. Тогда он сказал: «Ну, дам рублей пятнадцать». И сразу повеселел. Почти новое пианино и механическая пианола с большим набором нот для нее, стоимостью около тысячи, достались всего за сорок рублей. За дешевку удалось отторговать и граммофон со всеми пластинками. Больше ничего не желал удачливый капитан «Фоки». Расплатившись, он попросил вежливо с ним раскланявшегося помощника аукциониста присмотреть за вещами, пока не придет за ними человека. С мягкой и светлой улыбкой на своем «интеллигентном» лице вышел Николай Петрович из пыльного пакгауза.

Он был доволен сегодняшним днем.

Теперь можно пригласить людей из хорошего общества для приятного препровождения времени!

Аукцион шел своим чередом. Несмотря на низкие до смешного цены, оставалось совсем немного до полного покрытия долга купцу. Неожиданно большая сумма была внесена за купленные на вылом медные части с «Фоки» — литые иллюминаторы, поручни, оковка люков, трапов и гудок. Два спекулянта, оба поставщики на военные мастерские, чуть не подрались из-за медяшки, загнали цену на большую высоту. Когда покончили с такелажем и навигационными приборами, осталась мелочь: заношенная одежда, палатки, всякая посуда и разное тряпье.

Максимыч следил, как уносили имущество «Фоки» по частям, по кусочкам. Пошло с торгов все добро! Берег его два года — и для кого? Сжимались кулаки. «Ох, окаянные!» твердил он вполголоса, но кто эти «окаянные» — не оформлялось ясно в его опьяненном мозгу.

Вот понесли ящики с любимыми приборами — с хронометром и секстаном. На нем, на этом самом секстане, обучался у Георгия Яковлевича! Как хорошо он умел объяснять. Все

сразу становилось понятным. Сколько ночей стояли с ним на морозе, выжидая звезду. Мерзли руки и жгло окуляром глазницы, кожа прилипла к винтам. А все-таки стоять бы сто таких ночей подряд, чем сейчас здесь один час смотреть на эту жадную ораву! «Налетели! Вороны вы, стервятники проклятые!»

Максимиыч пробовал торговаться, чтобы получить хоть что-нибудь на память. Но денег с собой было всего пять с полтиной. Да у приятеля что-то около трешни. «Эх, дурак, дурак, пропил столько вчера!» ругал он себя, когда какой-то военный моряк унес седовский секстан.

Приятели звали: «Пойдем домой! Хватит, посмотрели».

Наконец, встал и Максимиыч. Продавали остатки консервов, посуду и всякую мелочь. Молоток аукциониста стучал почти непрерывно.

— Рубль пятнадцать раз... два... три.

И сейчас же, оглядываясь на очередную вещь, продавец торопливо провозглашал:

— Палатка старая из шелка-сырца, рваная, с прожженной дырой. Предлагайте вашу цену!

Максимиыч в это время проходил как раз около стола. Эта палатка лежала на дороге. Помощник аукциониста, нагнувшись, приподнял край полотнища и, растянув на руках, показывал покупателям.

— Пятьдесят копеек,— крикнув, сказал рыжий мясник.

— Рубль,— хрипло ответил тряпичник.

— Рубль пятьдесят...

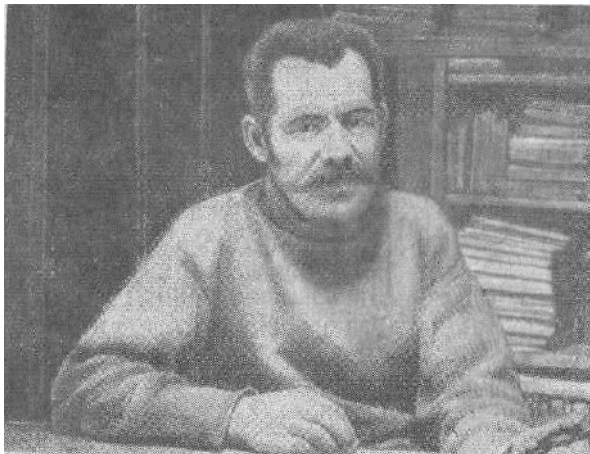
— Стой, стой! — закричал бешеным голосом Максимиыч. Все замерло. Аукционист обернулся с поднятым молотком. На задних скамьях все приподнялись. Максимиыч вдруг снял и бросил под ноги фуражку. Слепившиеся волосы упали на лоб. Кровь кинулась в лицо. Он узнал эту палатку.

— Стой — продолжал он кричать аукционисту, с силой проталкивая голос сквозь спазму в горле. — Запрещаю! Палатку эту продавать нельзя! Нельзя ее продавать, понимаешь или нет!

Секунда молчания. Аукционист положил на стол молоток, бессильно опустил руки, вздохнул.

— Капитан, что это вы опять? Шли бы домой. Ну что ж это, право! Нельзя же так! Рассудите сами! Хорошо было бы, если пришел бы кто-нибудь к вам на пароход, стал мешать вашему делу да кричать: запрещаю! Не маленький ведь, понимать должны.

— Я-то понимаю, а ты ничего, кроме своего молотка, не способен понять! Знаешь ли ты, голова, какая это палатка? «Старая, рваная, цена рубль пятьдесят»... А этой палатке

Штурман Н. М. Сахаров.

место — не знают где! Это полюсная палатка! В ней, в этой самой, умер наш русский герой Георгий Яковлевич Седов, вечная ему память! Понимаете ли вы, что это был за человек? Я об отце родном так не плакал, как о своем начальнике!.. Вот, смотри, — Максимыч всхлипнул, — вот в этом самом месте, у этой полы, которую он держит, лежал Седов, когда испускал последнее дыхание... За что он помирал? Чтобы вы саваном его торговали? Нет, за то он отдал жизнь свою молодую, чтоб полюс завоевать, научить нас, дураков, не бояться Дальнего Севера! Что, ему самому нужен был полюс, — такую муку принимать?.. Эх, вы, торговцы, копеечные души, все отдадите за рубль пятьдесят! Человек шагу назад не ступил, чтоб честь России не замарать, а вы: «Палатка старая, рваная, с прожженной дырой...» Да эту палатку целовать бы должны, если понимаете!

Максимыч быстро нагнулся, поднял и поцеловал грязное полотнище. Крупные слезы стояли в его глазах.

Это неожиданное выступление могло надолго задержать аукцион. Пристав уже ушел, а за ним и околоточный понес два ружья. Кто-то сзади кричал: «Да бросьте вы эту палатку! Стоит того, чтоб разговаривать. Давай дальше!» Другие, чужая интереснейший скандал, повставали с мест, окружили Максимыча и аукциониста, ждали, чем кончится дело. Кто-то неуверенно промолвил:

— Нет, правда, может, в самом деле лучше не продавать такую палатку?

Спор решил главный покупатель — мясник. Он сначала тупо смотрел на Максимыча — видимо, не понимал, чего он хочет, и отчего случилась задержка. После выкрика сзади: «Бросьте палатку!» он побагровел, вскочил с места и, крепко зажав в кулачище станковую веревку, зычно вскричал:

— Эй ты, капитан калашный? Чего разоряешься? Чего тебе надобно? Ты кто такой командовать? Кто тебя звал к столу?.. А ну, убери прочь руки! Руки убери от товара тебе говорят! Перестань куралесить!.. Полюс, полюс... На кой нам хрен твой полюс! Не полюс здесь, а торг. Садись-ка лучше на свое место и говори свою цену, коли нравится этот материал. Перебьешь — слова не скажу! А то — на тебе, полюс... Давай сюда!

Он сильно дернул за полотнище. Послышался треск материи. Максимыч выпустил палатку из рук. Аукционист поспешно занес руку с молотком, ударил.

— В продаже палатка старая, рубль пятьдесят, цена на право.

— Два рубля! — весело вскрикнул мясник.

— Два двадцать! — поспешно ответил тряпичник.

— Три рубля! — напирал возбужденный мясник.

Друзья подняли фуражку, напялили Максимычу на голову. Он было крикнул:

— Три с половиной!

Его цену сейчас же покрыли. Постоял. Когда мясник вскричал: «Пять пятьдесят!», он безнадежно махнул рукой и, качнувшись, направился к выходу. Хмель снова разобрал его сильнее прежнего. Жалкий, в съехавшей набок фуражке, с повисшими усами, он покорно отдался в руки приятелей. Повели его к дому. Дорогой он продолжал изливать свою душу и пьяно бормотал:

— Эх вы, говорите, что понимаете? А что вы понимаете, — сами знаете? С такого корабля медяшку на вылом!.. Палатку героя на тряпки, на фартук мяснику!.. Эх, чёртово племя! Люди вы называетесь! Что вы понимаете? Ничего вы не можете понять!

Приятели довели Максимыча до дому.

ГЛАВА XXIV

В КОМИТЕТЕ

Где же был комитет седовской экспедиции, и чем он занимался?

Вскоре после отправления экспедиции комитет фактически распался. В нем оставалось из нескольких десятков членов

только пять-шесть человек. Всеми делами распоряжались Суворин и секретарь комитета, довольно темная личность, капитан второго ранга Белавенец. Суворин интересовался деятельностью комитета только со стороны получения денег, данных комитету взаймы. Белавенец, если судить по его отчетам, наибольшие старания прилагал к тому, чтобы запутать отчетность и скрыть действительную сумму денег, пожертвованных на экспедицию. Не довольствуясь суммами, полученными от всероссийской подписки, Белавенец занялся под флагом комитета аферами, не имевшими ничего общего с экспедиционными делами. Он продавал, например, альбомы с портретами царской семьи якобы в пользу раненых.

Вот как описывает художник экспедиции свое первое и последнее посещение комитета.

«В Петербурге, на второй день после приезда, произошла у меня интересная встреча с Белавенцем, секретарем комитета по снабжению седовской экспедиции. Фактически Белавенец был бесконтрольным распорядителем всех дел комитета. Накануне я сговорился с ним по телефону: мы должны были побеседовать о том, что делать с материалом, собранным экспедицией.

Я явился точно в назначенное время одетым в сюртук, как полагалось при официальном визите. Дверь открыла горничная. Помогла раздеться.

— Подождите здесь.

Прекрасно обставленная передняя. В полуоткрытую дверь видна роскошная гостиная, ковры, вазы, картины. Минут через пять вышел в переднюю налитой жиром, краснолицый, подверженный одышке, но подвижной человек. Он в халате. Не зовет в гостиную. Последующий разговор происходил в передней.

— Сколько мне с вашей экспедицией неприятностей, представить не можете. Ну, хорошо, что приехали. А то я не знал, как быть с долгами. Наказание! Со всех сторон грозят. Команде не заплачено. Теперь мы, может быть, расплатимся. Что вы привезли?

Я перечислил результаты наших трудов. Двухлетние метеорологические наблюдения по самой подробной программе, магнитные и астрономические. Карты Новой Земли и Земли Франца-Иосифа. Глациологические наблюдения. Множество фотографий, шесть тысяч метров киноленты, вахтенные журналы, дневники, рисунки северных сияний, геологические, ботанические и биологические коллекции...

— Ну, это неважно,— перебил меня Белавенец. — В них толку нет. А вы вот что. Завтра же тащите все, что есть у вас: фотографии, киноленты, дневники... пожалуй, и ваши

разные там, как их, наблюдения. Мы их тоже пристроим куда-нибудь, может за границей что-нибудь за них дадут. И ваши картинки обязательно тащите. Мы выставочку отдельную с рекламой устроим — «Картины Северного полюса». И для вас реклама и нам денежки. Я остолбенел. Переспросил:

— Все? Что же вы будете делать с нашими материалами?

— Как что? Реализовать. Что же, вы думаете, Михаил Алексеевич Суворин ради ваших прекрасных глаз согласился дать не хватавшие на экспедицию деньги? Он, конечно, попался, доходов от вас больших не получил. Дай бог свое вернуть. Но о чем говорить? Вы подписались под приказом Седова, там ясно сказано, что все результаты составляют собственность экспедиции.

— Да, экспедиции, но не комитета.

— Как не комитета! Экспедиция — часть широкого предприятия, организованного комитетом. Все принадлежит ему. Мы тут много дел затеваем: лекции, выставки, издание альбомов и открыток Севера. Сдавайте завтра же все, какие могут быть разговоры!

К моему горлу начал подкатывать комок, закипали гнев и отвращение. Как, результаты двух лет работы, неопишуемую тяжесть которой никто, кроме нас, представить не может, мы должны вручить коммерческому предприятию! И эти работы должны послужить не науке, а только сугубой выгоде миллионера Суворина и этого жирного типа, погревшего уже, по-видимому, руки около денег, собранных на экспедицию. Как все просто!

Я сдержался, задал собеседнику еще вопрос:

— Мне непонятно, каким образом комитет может, как вы выражаетесь, «реализовать» материалы экспедиции. Они должны сначала подвергнуться обработке: обработать по-настоящему можем только мы, собиравшие этот материал, иначе он утратит свою научную и объективную ценность. Это всякий понимает. На обработку нужны деньги; об этом главным образом я и пришел поговорить с вами.

— Ерунда! Никаких денег мы не дадим. Кому нужна ваша наука! Разные там наблюдения мы передадим, как они есть, за границу. Нансен говорил, что там интересуются. Ну и пусть берут, если интересно. Только не даром! Из всех дневников мы поручим какому-нибудь писаке книжку сделать, да с таким названием, чтоб в нос шибало, вроде «Гибель у полюса» или «Ужасные приключения в краю смерти». Вы этого не сумеете. Кино пустим по всему свету, на рекламу не пожалеем. Сенсация! «Первые снимки на полюсе!», «Ужасная трагедия в шести частях!» Публика с ума сойдет.

Ну, да что там говорить! Тащите завтра же все, что у вас имеется, сюда, ко мне! За извозчика я заплачу.

— Вам не придется платить за извозчика,— сказал я, дрожа от негодования. — Не знаю, как товарищи,— я же не склонен отдавать результаты работы в чужие руки. Покойный Георгий Яковлевич рассчитывал, что у комитета найдется достаточно денег для обработки материалов. Седов обещал полную самостоятельность в обработке трудов каждого члена экспедиции.

Белавенец раздраженным тоном перебил меня:

— Какие глупости! Как мог Седов что-либо обещать? Он, так же как и вы, получал от комитета жалование. Седов мог распоряжаться в экспедиции, но не здесь. Здесь распоряжаемся мы. Он понимал это. Хоть и не хотелось ему отдавать приказ номер три о принадлежности материалов, но мы не выпускали экспедицию, пока не был отдан приказ. Так или иначе — приказ существует. Вы подписались. Это документ. Согласно ему вы обязаны немедленно сдать все, что имеется у вас. Понятно? Итак, завтра в двенадцать вы привезете все. Имейте в виду — все! Все до мелочей!

Белавенец последние слова выкрикивал визгливым начальническим тоном, усвоенным, видно, еще во флоте. Взглянув на мое лицо и прочтя, вероятно, там опасное для себя выражение, Белавенец осекся, быстро повернулся и, бросив «честь имею», в один момент исчез за дверью.

В то время как я надевал пальто, из-за двери снова показалась его голова:

— Так не забудьте — завтра! В противном случае мы вытребуем от вас через полицию. Вы будете иметь большие, очень большие неприятности, предупреждаю.

Мы воздержались от сдачи материалов в такой «комитет». Но обрабатывать труды экспедиции без денег было почти невозможно.

Несколько недель спустя В. Ю. Визе, начальник научной части седовской экспедиции, отправился в Главное гидрографическое управление переговорить об обработке ее научных материалов. Его принял гидрограф и астроном — военный моряк. Он поверхностно осмотрел груды принесенных бумаг, книжек и карт. Тут были тщательнейшие метеорологические наблюдения за два года на Новой Земле и на Земле Франца-Иосифа — материал исключительной ценности. Магнитные наблюдения. Наблюдения над приливами, еще ни разу не производившиеся в этих далеких местностях. Подробные карты севера Новой Земли, изменявшие ее привычные очертания, и карты морских глубин.

Гидрограф, просмотрев все материалы, сказал:

Нам это не нужно.

— А новые карты Новой Земли и Земли Франца-Иосифа — сказал удивленный Визе,— разве и они вас не интересуют? Ведь здесь всюду нанесены глубины, отмечены опасные для мореплавания места...

— Нет, — перебил гидрограф. — Эти местности нас не интересуют. Туда суда не плавают.

Так закончились попытки седовцев получить помощь для обработки научных материалов.

Пришлось все делать понемногу своими средствами.

ГЛАВА XXV

НА КРИВОЙ КОСЕ

На Кривой Косе узнали о смерти Георгия Яковлевича из газет. Горе стариков было велико. Особенно убивалась о любимом сыне мать — Наталья Степановна. Она и Яков лишились сыновней поддержки. Впереди одинокая, в нищете старость. Яков прихварывал, не мог, как прежде, уходить на заработки.

Услышав от кого-то, что родители офицера, умершего на действительной службе, имеют право на пенсию, Яков попросил добрых людей написать прошение. Послал его в столицу. На Кривой Косе не знали по-настоящему, куда следует обратиться, не знали даже, как называется учреждение, где служил их сын. Адресовали прошение так:

«В Петроградскую морскую экспедицию.

В 1912 году мой сын, лейтенант Георгий Яковлевич Седов, бывший в морской экспедиции по открытию Северного полюса, благодаря каким-то причинам, известно только единому Богу, погиб.

Я человек старый, а равно и моя жена, не способны к физическому труду для приобретения себе насущного хлеба, а он, то есть мой сын Георгий, был нам единственным кормильцем. Не смея раньше беспокоить морскую экспедицию, я обратился с просьбой к все милостивейшему монарху государю императору Николаю Александровичу и был осчастливлен единовременной поддержкой в сумме 100 рублей, хотя и этому был рад, но когда последует смерть для нас — неизвестно, а жить приходится и нужно чем-то существовать. Думаю, что в морской экспедиции найдутся средства, дабы помочь отцу, сын которого погиб на пользу науки, родины.

На основании вышеизложенного прошу администрацию морской экспедиции не отказать мне в воспомоществовании, дабы дожить, не имея крайней нужды в одежде только и хлебе.

Проситель Яков Седов. Неграмотный, а за него расписался Никанор Зарубин».

Это прошение долго оставалось без ответа. Только через год после второго прошения, где Яков указывал, что «жизнь вздорожала, жить нечем», пришли к Якову станичные власти обследовать, как он живет. И опять никакого ответа. Наконец, Якова вызвали в станицу к самому атаману.

Атаман приказал больше не беспокоить начальство своими просьбами, взял в том расписку. На ней Яков дрожащей рукой поставил крест. Тогда же атаман прочитал вслух бумажку из столицы, в которой было написано:

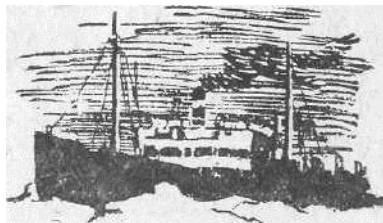
«Главное гидрографическое управление атаману станицы Новониколаевской.

Главное гидрографическое управление по приказанию его высокопревосходительства начальника Управления просит вас объявить проживающему на хуторе Кривая Коса Якову Евтееву Седову, что морское министерство не имело и не имеет никакого отношения к полярной экспедиции, снаряженной особым комитетом под председательством М. А. Суворина (Эртелев переулок, д. № 6), к которому и направлено прошение Седова от 25 июля с.г. о назначении ему пенсии за погибшего сына лейтенанта Седова.

Расписку Якова Седова об объявлении вышеизложенного просит прислать ей.

Заведующий канцелярией коллежский асессор
Около-Кулак»

...Родители Седова умерли в крайней нищете.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наступила Великая Октябрьская революция. Настала эпоха строительства социализма, свободного развития богатейших производительных сил нашей страны, великого расцвета разносторонних талантов нашего народа.

Работы по изучению Севера, считавшиеся царским правительством излишними, в советскую эпоху получили гигантский размах и стали основой для экономического развития северных окраин нашей великой Родины. Научные результаты и опыт седовской экспедиции, к которым так пренебрежительно отнеслись тупые и бездушные царские чиновники, были широко использованы еще в первое десятилетие Советской власти. Все труды седовской экспедиции были опубликованы. Первые советские экспедиции в Арктику проходили при участии седовцев. Участник экспедиции Г. Я. Седова — профессор В. Ю. Визе, награжденный двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, лауреат Сталинской премии, один из крупнейших знатоков Арктики, был постоянным консультантом всех важнейших советских предприятий на Крайнем Севере.

Насколько Седов был чужд эпохе царизма, настолько же в эпоху социализма он стал близок народным массам своей преданностью идее, своим мужеством в преодолении трудностей и препятствий, своим упорством в достижении поставленной цели. Имя Седова глубоко чтят в Советской стране. Оно присвоено многим местностям в Арктике. Кривая Коса переименована в поселок Седова. Это же имя носит один из самых активных ледокольных пароходов, награжденный орденом Ленина. В 1929 году силами команды ледокола «Седов» выстроена первая высокоширотная полярная станция. Место для станции выбрано в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа,

вблизи мыса Седова, где зимовал «Святой Фока» и откуда Георгий Яковлевич Седов отправился в свой последний героический путь к Северному полюсу. В настоящее время эта станция превратилась в постоянно действующую полярную обсерваторию, самую северную в мире.

В 1930 году «Седов» первым из ледоколов отправился в моря и местности, еще не посещенные человеком. Он вез на борту группу отважных людей, чтобы высадить их на неизученной и по существу еще не обозначенной на картах Северной Земле. После двух лет работы экспедиции, возглавляемой Г. А. Ушаковым, на картах мира появились четыре новых больших острова: Октябрьской Революции, Большевик, Комсомолец и Пионер, а также много мелких. Острова и проливы получили имена Сталина, Молотова, Ворошилова.

В 1937 году ледокол «Седов», участвуя в гидрографической экспедиции в море Лаптевых, был окружен льдами, и начал дрейф по направлению к Гренландскому морю. Когда выяснилось, что корабль пленен льдами надолго, на нем была организована научно-исследовательская станция, проделавшая огромную научную работу. Ледокол «Седов» пронес красный стяг через весь Ледовитый океан и в январе 1940 года освободился из льдов в районе Шпицбергена.

С глубоким восхищением относятся к Седову все советские полярники. Жизнь Георгия Яковлевича служит примером беззаветного, героического служения своему народу и науке.

То, о чем мог только смутно мечтать одиночка-исследователь Арктики Георгий Седов, ныне, в стране победившего социализма, превзойдено действительностью. Города и порты, выросшие далеко за полярным кругом, Северный морской путь, проходимый судами за одну навигацию, полярные станции по всему побережью Ледовитого океана, полеты через Северный полюс в Америку, достижение и научное исследование Северного полюса и Центральной Арктики, превращение отсталых народностей в активных и культурных борцов за социализм — вот настоящее Арктики.

Под руководством коммунистической партии и советского правительства, направляемые гениальным вождем народов товарищем Сталиным, окруженные его вниманием и заботой, советские люди завоевывают Арктику и трансарктические пути, совершают то, что оказывалось невозможным для мужественных одиночек-исследователей, понимавших ясным умом все значение Севера для России и погибавших без поддержки в неравной борьбе.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Глава I.</i> Кривая Коса	9
<i>Глава II.</i> О капитанах и морях	16
<i>Глава III.</i> Школьные годы	23
<i>Глава IV.</i> У прилавка	25
<i>Глава V.</i> Беглец.....	33
<i>Глава VI.</i> Корень ученья.....	35
<i>Глава VII.</i> Город у третьего моря	41
<i>Глава VIII.</i> Моряк «на декокте»	47
<i>Глава IX.</i> Поручик по адмиралтейству.	51
<i>Глава X.</i> Американец.....	57
<i>Глава XI.</i> Военный шквал.....	64
<i>Глава XII.</i> Завидное назначение	67
<i>Глава XIII.</i> В якутской пустыне.....	74
<i>Глава XIV.</i> На Колыме.....	82
<i>Глава XV.</i> Бухта Амбарчик	85
<i>Глава XVI.</i> Как делается промер.....	89
<i>Глава XVII.</i> Прямое восхождение.....	93
<i>Глава XVIII.</i> Трудный доклад.....	98
<i>Глава XIX.</i> В родном гнезде	103
<i>Глава XX.</i> Что же такое Север.....	107
<i>Глава XXI.</i> На Новой Земле.....	114
<i>Глава XXII.</i> Табель о рангах	123
<i>Глава XXIII.</i> Разговор, начатый в гостиной...127	
<i>Глава XXIV.</i> Первые шаги	136
<i>Глава XXV.</i> Клуб националистов	140
<i>Глава XXVI.</i> Два визита.....	143
<i>Глава XXVII.</i> Жилец гостиницы	147
<i>Глава XXVIII.</i> «Высокая политика».....	152
<i>Глава XXIX.</i> Прыжок.....	157
<i>Глава XXX.</i> Павел Григорьевич действует....161	
<i>Глава XXXI.</i> Перед лицом судилища	165
<i>Глава XXXII.</i> В майские дни	174
<i>Глава XXXIII.</i> Тернии на заветном пути.....	183
<i>Глава XXXIV.</i> Вопрос решен.....	186

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>Глава I.</i> В Архангельске	193
<i>Глава II.</i> В широком море	199
<i>Глава III.</i> Как сложились обстоятельства	207
<i>Глава IV.</i> Первые дни в бухте «Фоки».....	213
<i>Глава V.</i> Семнадцать людей и семьдесят восемь собак.....	218
<i>Глава VI.</i> Павел Григорьевич пытается взять вожжи.....	225
<i>Глава VII.</i> Секстан вверх лимбом.....	232
<i>Глава VIII.</i> Ночной поход	240
<i>Глава IX.</i> Наступил день.....	244
<i>Глава X.</i> Капитан Захаров.....	253
<i>Глава XI.</i> В ожидании.....	258
<i>Глава XII.</i> «Подвиг» капитана Захарова.....	263
<i>Глава XIII.</i> К новым берегам.....	268
<i>Глава XIV.</i> Вторая полярная ночь.....	279
<i>Глава XV.</i> Новый год.....	285
<i>Глава XVI.</i> Выход к полюсу.....	296
<i>Глава XVII.</i> На осиротелом «Фоке».....	300
<i>Глава XVIII.</i> Встречный ветер.....	306
<i>Глава XIX.</i> Последние страницы дневника Г. Я. Седова	316
<i>Глава XX.</i> «Фока» покидает бухту Тихую.....	321
<i>Глава XXI.</i> Неожиданная встреча.....	326
<i>Глава XXII.</i> На родине.....	331
<i>Глава XXIII.</i> Аукцион	334
<i>Глава XXIV.</i> В комитете.....	340
<i>Глава XXV.</i> На Кривой Косе.....	344
Послесловие.....	346

Оформление художника *Л. Д. Короткина*
Редактор *Г. Д. Селявина*
Технический редактор *Н. И. Москвичева*

Подписано к печати 31/ХII-1952 г. Т-10611. Бум. л. 11;
печ. л. 22; уч.-изд. л. 21,43. Формат бум. 60X92¹/₂
д. л.; в 1 печ. л. 37291зн. Тираж 45000.
Цена 6 руб. 45 коп. переплет 1 руб. 50 коп. Зак. 662

Отпечатано во 2-й типографии Издательства
Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д.10.